
**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2015
1 (23)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2015
1 (23)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»
Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911
Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Маховиков Денис Викторович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Свинчукова Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Виноградов Виктор Алексеевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом африканских языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Караулов Юрий Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Научного центра русского языка Московского государственного лингвистического университета, Москва, (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных коммуникаций, заместитель руководителя научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций Высшей школы экономики, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, ректор Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Шкатова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор Челябинского государственного университета, Челябинск (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2015

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2015

© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2015

© Авторы, 2015

Подписано в печать 27.02.2015. Формат 70х100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Зак. № 0222. Усл. печ. л. 20,4. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

---

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INSTITUTE OF LINGUISTICS
Registration number № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Denis V. Makhovikov, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Elena G. Svinchukova, Candidate of Philology, Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Anna A. Stepanova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Viktor A. Vinogradov, Doctor of Philology, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of African Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Valentin Ye. Goldin, Doctor of Philology, Professor, Professor of Language Theory, History and Applied Linguistics Department, Saratov State University, Saratov (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Yury N. Karaulov, Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Scientific Russian Language Centre of Moscow State Linguistic University, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Perm State National Research University, Perm (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Professor of Integrated Communications Department, Deputy Head of the Laboratory of Business Communications, Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Rector of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovskiy, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Ludmila A. Shkatova, Doctor of Philology, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied researches.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights are reserved.

The materials can be reprinted only with the agreement of the editorial office.

Moscow 2015

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2015

© Moscow institute of linguistics, 2015

© Authors, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Христо Кучуков (<i>Берлин, Германия</i>)	
Подходы к теории сознания	10
С.В. Мыскин (<i>Москва, Россия</i>)	
Проблема «образа автора» в профессиональных текстах	20
А.А. Нистратов (<i>Москва, Россия</i>)	
Образ России в представлении иностранцев	33
А.А. Яковлев, С.В. Телешева (<i>Красноярск, Россия</i>)	
Особенности языковой картины мира преподавателя вуза: данные ассоциативного эксперимента	44
Н.Л. Зелянская (<i>Пермь, Россия</i>)	
Образ мира политика: доминирующие когнитивные стратегии и концепты	56
И.А. Медведева (<i>Москва, Россия</i>)	
Вербальная самоподача в условиях дискредитирующего общения: речевые формулы защиты идентичности	69
Е.М. Масленникова (<i>Тверь, Россия</i>)	
Элиминирование текстового пространства в ситуации коммуникативной (не) равноценности	81
Р.И. Зарипов (<i>Москва, Россия</i>)	
Метафорическое манипулятивное воздействие как элемент информационной войны	95
А.В. Жучкова (<i>Москва, Россия</i>)	
Язык поэзии как способ подсознательной коммуникации	107
Е.А. Козлова (<i>Киров, Россия</i>)	
Анализ публичного профессионального делового дискурса (на примере презентации)	115
Цзинь Тао (<i>Москва, Россия</i>)	
Метафорическая объективизация процесса «потенциал → результат» в русском и китайском языковом сознании	123
Л.Б. Кацюба (<i>Москва, Россия</i>), Ван Лимин (<i>Харбин, Китай</i>)	
Ассоциативное поле русских и китайских паремий в языковом сознании носителей китайской культуры	132
С.М. Магомедова (<i>Махачкала, Россия</i>)	
Психолингвистическое исследование концепта «удивление» в английской и аварской концептосферах в свете теории лакун	139
Е.С. Богданова (<i>Рязань, Россия</i>)	
Проблемы интерпретационной деятельности старших школьников	148
Н.В. Дмитрюк, Д.Н. Байгутова, Е.С. Мезенцева (<i>Шымкент, Казахстан</i>)	
Отражение нравственных ценностей казахского этноса в зеркале свободного ассоциативного эксперимента	159

ДИСКУССИИ

Л.П. Лобанова (*Москва, Россия*)

Из истории нормализации английского языка: проекты XVI-XVII вв. 172

Трибуна молодых ученых

А.А. Осипова (*Владивосток, Россия*)

Манипулирование в детской речи: постановка проблемы 185

А.В. Красник (*Минск, Беларусь*)

Ассоциативные связи в структуре метеополья английского языка по данным
свободного ассоциативного эксперимента 191

И.И. Коровченко (*Воронеж, Россия*)

К вопросу о построении электронного ассоциативного словаря проприальной
лексики (на материале медианоминации) 199

О.Е. Виноградова (*Воронеж, Россия*)

Применение принципа денотативной дифференциации при обобщении
лексикографических значений 212

А.В. Бондарькова (*Москва, Россия*)

Конструирование собственной идентичности современными подростками при
Интернет-коммуникации: тематический и лексико-семантический аспекты 221

Чжу Жуйшуан (*Москва – Харбин, КНР*)

Особенности китайской картины мира 233

Хуан Тяньдэ (*Москва – Харбин, КНР*)

Экспериментальное сопоставительное исследование образа «敌人/враг» в
языковом сознании китайских и русских студентов 239

Психолингвистика в лицах

Ю.А. Баранова (*Новосибирск, Россия*)

Как стать французско-русским билингом, или языковая биография
М. Дебрэнн 247

РЕЦЕНЗИЯ

От стимула к реакции

Рецензия на первый казахский ассоциативный словарь: Н.В. Дмитриук,
Д.А. Молдалиева, В.Д. Нарожная, Ж.И. Молданова, Е.С. Мезенцева,
Н.А. Сандыбаева, Г.И. Абрамова. Қазақша ассоциациялық сөздік. Казахский
ассоциативный словарь. – Алматы-Москва: Медиа-ЛогоС, 2014. – 330 с.

ISBN 978-9965-20-506-4 (*У.М. Бахтикиреева, В.П. Синячкин*) 254

CONTENTS

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

Hristo Kyuchukov (<i>Berlin, Germany</i>)	
Approaches to Theory of Mind	10
Sergey V. Myskin (<i>Moscow, Russia</i>)	
The “Image of the Author” in Professional Texts	20
Alexander A. Nistratov (<i>Moscow, Russia</i>)	
The Image of Russia in Foreign Consciousness	33
Andrey A. Yakovlev, Sofia V. Telesheva (<i>Krasnoyarsk, Russia</i>)	
Aspects of Worldview of University Teachers: Associative Experiment	44
Natalya L. Zelyanskaya (<i>Perm, Russia</i>)	
Politician’s Image of the World: Dominant Cognitive Strategies and Concepts	56
Irina A. Medvedeva (<i>Moscow, Russia</i>)	
Verbal Self-presentation in a Defamatory Communication: Verbal Formulas to Protect Identity	69
Evgeniya M. Maslennikova (<i>Tver, Russia</i>)	
Elimination of Textual Space and Worlds in Situation of Communicative Disparities	81
Ruslan I. Zaripov (<i>Moscow, Russia</i>)	
Manipulation Impact through Metaphors as an Element of Information Warfare	95
Anna V. Zhuchkova (<i>Moscow, Russia</i>)	
Poetry as Way of Subconscious Communication	107
Elena A. Kozlova (<i>Kirov, Russia</i>)	
Analysis of Professional Business Discourse (Based on Presentations)	115
Jin Tao (<i>Moscow, Russia</i>)	
Metaphorical Representation of the Process “Potential → Result” in Russian and Chinese Language Consciousness	123
Larisa B. Katsyuba (<i>Moscow, Russia</i>), Van Limin (<i>Harbin, China</i>)	
The Associative Field of Russian and Chinese Proverbs in the Language Consciousness of the Representatives of Chinese Culture	132
Saidat M. Magomedova (<i>Makhachkala, Russia</i>)	
A Psycholinguistic Investigation of the Concept “Surprise” in English and Avar Conceptospheres in Light of the Lacuna Theory	139
Elena S. Bogdanova (<i>Ryazan, Russia</i>)	
Senior Schoolchildren Problems in Interpretative Activity	148
Natalya V. Dmitryuk, Dinara N. Baigutova, Elena S. Mezentseva (<i>Shymkent, Kazakhstan</i>)	
Moral Values of the Kazakhs in Free Associative Experiment	159

DISCUSSIONS

Lidia P. Lobanova (<i>Moscow, Russia</i>)	
From the History of Standardization of the English Language: the Projects of the 16 th and the 17 th Centuries	172

YOUNG SCHOLARS' STUDIES

Anastasia A. Osipova (<i>Vladivostok, Russia</i>)	
Manipulation in Child Speech: Problem Setting	185
Anna V. Krasnik (<i>Minsk, Belarus</i>)	
Associative Relations in the Structure of the English Meteorological Field from an Experimental Perspective	191
Irina I. Korovchenko (<i>Voronezh, Russia</i>)	
On Compiling the Electronic Associative Dictionary of Media Names	199
Olga Ye. Vinogradova (<i>Voronezh, Russia</i>)	
Application of Denotative Differentiation Approach to Lexicographic Meaning Generalization	212
Anastasiya V. Bondarkova (<i>Moscow, Russia</i>)	
Online Identity of Teenagers: Thematic, Lexical and Semantic Features	221
Zhu Ruishuang (<i>Harbin – Moscow, China</i>)	
Peculiarities of the Chinese Worldview	233
Huang Tiande (<i>Harbin – Moscow, China</i>)	
Experimental Comparative Study of the Concept “Enemy” in Chinese and Russian Students’ Language Consciousness	239

PSYCHOLINGUISTICS AND ITS PERSONALITIES

Yulia A. Baranova (<i>Novosibirsk, Russia</i>)	
How to Become a Franco-Russian Bilingual, or Language Biography of Michelle Debrenne	247

REVIEW

From Stimulus to Response	
Review of the First Kazakh Associative Dictionary: Kazakh Associative Dictionary. – Almaty-Moscow: Media-Logos, 2014. – 330 p. ISBN 978-9965-20-506-4 (<i>Uldanay M. Bahtikireeva, Vladimir P. Sinyachkin</i>)	254

Hristo Kyuchukov

УДК 81'23

APPROACHES TO THEORY OF MIND

The paper presents overview of different approaches to the study of Theory of Mind with children. Publications in support of three major theories of child development: the theory of Piaget, the theory of Vygotsky and the core knowledge theory are analyzed and discussed. At the same time very detailed information about the establishment and development of the research on Theory of Mind is presented.

Keywords: theory of mind, cognitive development, theories

1. Background

The children start to understand the social life from very early age. What they know and how they know what they know are some of the questions, which the researchers try to answer for last several decades. Actually there are three major theories of child development: theory of J. Piaget, theory of L. S. Vygotsky and the core knowledge theory, which are discussed in the literature and provide the ground for the development of Theory of Mind (TOM).

J. Piaget was the first European researcher who proved that children during the preoperational stage develop their egocentrism and cannot understand the other peoples view, thinking and knowledge. Piaget did not think that the language had a power on the cognitive development, but rather the sensorimotor activities developed children's experiences, which they later labeled with words. The children's speech Piaget calls "egocentric speech" because young children have difficulties to take the perspective of others. Their talk is considered to be a talk for "their self". The social contacts with age mates make the children to see and understand the viewpoint of others.

Lev Vygotsky was another main XX century psychologist that did work on child cognitive development. In his opinion the language plays an important role in the development of children because it helps children to think about mental activities and behavior. According to Vygotsky the children speak to themselves for self-guidance objecting Piaget's view on "egocentric speech". Lately the researchers called the self-directed speech "private speech". Vygotsky did believe that the children's learning takes place within the "zone of proximal development", where the adult play a role of supporter of children's skills. The parents and the older siblings are scaffolding the child's learning processes and performance. When the child does not know how to proceed than the adult directs the child's actions or breaks the task to small manageable units suggesting strategies how to implement/perform the task. Adults' cognitive support when a child performs a task predicts child's mature thinking and help the child to reach the intersubjectivity-the shared understanding between two participants during a communication process, play or other activities.

The third major theory of child development is the "core knowledge" theory introduced by American psychologists (E. Spelke and collaborators). According to the theorists of "core knowledge" the children are born with core domains of thought. The theorists of core knowledge are more supportive of the theory of J. Piaget and in a way

they develop it further. The core knowledge theorists support the idea that the children are born with physical and numerical knowledge. The newborn child being in contact with objects starts to understand how the objects affect each other and they can add and subtract small quantities. In preschool years children develop also their linguistic and psychological knowledge, and this is the period when the children start to understand the mental state of others, i.e. emotions, desires and beliefs. The theorists of core knowledge believe that children develop each core domain independently. The child development is seen rather as a domain-specific process and the children are viewed as naïve theorists who develop their everyday realities on their physical, psychological and biological core knowledge. According to the Theory theory (theory of children as theorists) children can explain an event after observing it or after developing an internal concept about it. One of the most investigated naïve theory is the children's theory of mind-when preschoolers develop social knowledge and understanding of their own and others beliefs.

D. Premack and G. Woodruff (1978:515) are the first researchers (doing studies with chimpanzees) who give a definition of the theory of mind: "In saying that an individual has a theory of mind, we mean that the individual imputes mental states to himself and to others (either to conspecifics or to other species as well). A system of inferences of this kind is properly viewed as a theory, first, because such states are not directly observable, and second, because the system can be used to make predictions, specifically about the behavior of other organisms". The two philosophers in experiments with apes came to conclusions that organisms have an understanding of other organisms' desires or knowledge.

Commenting on the article of Premack and Woodruff, J. Bennett (1978) suggests that the future experiments should be designed in such a way that keep belief about motivation and belief about cognition. D. Dennett (1978), also commenting on the article of Premack and Woodruff suggests few important things. First of all he suggest that the children should be asked "why questions", and nonverbal tests also could be experimented. Dennett suggests the "minimally complex pattern" should have the following format (p.569)

C believes that E believes that p;

C believes that E desires that q;

C infers from his beliefs in (1) and (2) that E will therefore do x and so, anticipating E's doing x.

Based on the Premack and Woodruff's (1978) paper and the comments of Bennett (1978) and Dennett (1978), H. Wimmer and J. Perner (1983) developed the first test for testing the comprehension of child subject's wrong belief. They constructed a test containing a miss displacement task, where one character puts something in one place and a second character changes the place of it in the absence of the first character. Than the question, which the subjects are asked is where the first character will look for that object. And this procedure test the subjects' understanding of others wrong beliefs. Later other false belief task was developed – "the wrong expectation content" unexpected contents task and this is a task when a subject is asked what is a content of a familiar container when it is shown to him and then the subject discover that the content is something different. The subject is asked what another subject would think if the box is shown to him. (J. Perner, S. Leekam and H. Wimmer, 1987).

2. Theories of Theory of Mind

There are several different theories how the Theory of Mind develops in young children. Each of these theories is somehow related to some of the 3 classical theories in the field of child development. The child's understanding of the theory of mind is called not only on one type of account and in this part I am going to analyze the main ideas of the contemporary theories of the theory of mind.

One of the most important Theory is the one developed in early 1990-s by A. Gopnik and H. Wellman (1992). The authors contrast two main views: one is the view that the child understanding of mind is an implicit theory analogous to scientific theory and changes in the understanding may be understood as theory changes. The second is the view that the child "not really understand the mind, in the sense of having some set beliefs about it. She bypasses conceptual understanding by operating a working model of the mind and reading its output" (p.145). The child's model is her own mind.

Gopnik and Wellman believe that the child's understanding of mind is construed as a theory and the changes in understanding may be interpreted as theory changes. Further the authors make characteristics of the theories and two main features of theories are identified: their abstractness and their coherence. Another characteristics of theories, which Gopnik and Wellman describe is the predictions which theories make based on empirical observations. The authors summarize that "all these characteristics of theories ought also to apply to children's understanding of mind if such understandings are theories of mind" (p.148).

Gopnik and Wellman propose that between age of two and half and four and half there is a change from mentalistic psychological theory to another psychological theory. The change involves transition from one view of the mind to another. At the age of 2 years the child is clearly mentalist and not a behaviorist. It seems that the mentalism is the starting state of psychological knowledge. It seems even at two years psychological knowledge seems to be structured largely in terms of two types of internal states: desires and perceptions but this knowledge excludes any understanding of representation.

"Desire and perception can be, and at first are, understood in nonrepresentational terms. Desires at first are conceived simply as drives towards objects. Perceptions are at first understood simply as awareness of objects. In neither case need the child conceive of a complex prepositional or representational relationship between these mental states and the world. Instead, these very young children seem to treat desire and perception as fairly simple causal links between the mind and the world."(p.150)

In early years like the age of two it seems the children use only terms for desire and perception but more cognitive mental terms (think, know, remember, belief) begin to emerge around the third birthday. At the beginning the 3 year olds' understanding of belief is like their earlier understanding of perception. Belief, like desire and perception, involves direct causal links between objects and believers. By age of 4 and 5 the children develop different view of the mind- one which is called "representational model of the mind". Desires, perceptions, beliefs involve the same fundamental structure. These mental states all involve representations of reality.

There are few characteristics of the child's theory as a theory and they are: explanations, predictions, interpretations and transitional phenomena. Children's explanations of actions show a characteristic theory-like pattern. In open-ended

explanation task children are simply presented an action of reaction and asked to explain it. The 3- and 4-year-old children's answers to such open-ended question are organized around beliefs and desires just as adults. Two-year-olds' explanations almost always mention desires, but not beliefs. The three years old invoke beliefs and desires and 4 and 5-year-olds refer to the representational character of these states, explaining failure in terms of falsity.

The children are able from very early age to make predictions about actions and perceptions- their own and others. The children are able to predict that desires may differ and that desires may be fulfilled and may not be fulfilled. The fulfilling of a desire leads to happiness and not fulfilling of a desire leads to a sadness. Children with desire perception theory should be able to predict the perceptions of others, including those in which the perceptions are different from their own. By age of two and half a child can reliably predict when an agent will or will not see an object. They also can predict how seeing an object will lead to later action (Level-1 understanding). However they cannot predict about representational aspect of perception (Level-2 understanding). They cannot predict that an object which is clearly seen by both parties can look one way to one viewer and another way to another. The most known examples of incorrect prediction is the false belief error in 3 year olds. The ability to perform correctly on a false belief task is taken as evidence that the child has a representational theory of mind.

From the point of view of the theory theory these incorrect belief predictions are mirrored in 3 years olds' performance on a wide range of other tasks. Gopnik and Wellman present an inventory of these type of tasks: 1) appearance-reality task; 2) questions about the sources of belief; 3) understanding of pictorial representational systems. In some of these tasks the desire-perception theory makes incorrect predictions and children consistently give the same wrong answer.

Children seem to first understand both belief and representation as small extensions of the original non-representational desire-perception theory. This stage appears to be an intermediate one between a fully non-representational and a fully representational theory of mental states. Transforming from two and half to five years have all features being a theory change. "While initially the theory protects itself from counter-evidence, the force of such a counter-evidence eventually begins to push the theory in the direction of change. The first signs of the theory shift may emerge when the counter evidence is made particularly silent. Moreover the theory initially deals with such counter-evidence by making the relatively small adjustments to concepts that are already well-entrenched, such as desire and perception. Finally by 4 or 5 the new theory has more completely taken over from the old. The predictions are widely and readily applicable to a range of cases." (p.158)

According to Gopnik and Wellman (1992) in the theory theory to predict someone's behavior there should be recourse to theoretical constructs such as beliefs and desires. Explaining someone's behavior involves more than empirical generalization. It involves appeal to constructs at a very different level of vocabulary- X wants Y and beliefs Z. A distinction between phenomenal description and a theoretical explanation is crucial. Gopnik and Wellman point that "on the simulation theory the child's understanding of mind is more closely linked to the phenomenal than to the theoretical. Understanding the states of mind involves empirically discovering the states or results of a model." (p.159)

In solving a false belief task according to simulation theory the child does not need to have a theoretical construct of belief (or desire) to solve the task. The child has access to his own first-hand mental system and uses that. When asked what the character “thinks”, the child does not need to understand the beliefs as something like representational construct. The child simply simulates the experience and reports his own specific resulting state. The failures to solve this task, on this view, reflects a failure of simulation, rather than a failure of knowledge. It is not that the young child do not understand beliefs as states of misrepresentation, it is just the younger child makes egocentric simulation, projecting her own current mental states onto the others.

For both theories (Theory Theory [TT] and Simulation Theory [ST]), Gopnik and Wellman, predict that there will be development: children should be first good in predicting/explaining “easy” states and then the “hard” ones. The notion of easy and hard should differ between these two theories. For Simulation Theory the critical difference should be between states that are difficult or easy to simulate. The metric for easy and difficulty must be intimately related to the similarity of the states to the child’s own states. In this sense the simulation theory is in another tradition- the tradition of “perspective-taking” views in development. Young children’s errors are “egocentric” – the child’s early error consists of not correctly adjusting their simulation to other person’s condition. In contrast for the Theory Theory the critical metric concerns states that are easy or difficult to conceive of. It is important a difference between an early non- representational and a later more representational understanding. Early on children have a relatively adequate understanding of non-representational desire-perception states. Later they develop an understanding of the representational state of belief, specially, and a representational understanding of mind more generally (including, a representational understanding of certain aspects of perception and desires).

Summarizing Gopnik and Wellman (1992) conclude that the children find some sorts of mental state attributions to be difficult and some to be easy. The difference between the easy and hard attributions is not clearly related to the distinction between the self and others, which is expected from ST. The distinction is related to the ability to conceive of and interpret some types of mental states and not others, for self and for other. From a theory point of view this makes sense. A second difficulty concerns whether children are at first generally egocentric about the mind and then overcome this by learning they must adjust their simulations for others. A third empirical problem is that the simulation theory has difficulty explaining the structure of the explanations that the children offer. It is commonplace to say that the child’s theory is not of course an explicit theory but rather an implicit one, which may have to be inferred from behavior rather than being openly stated. A fourth difficulty involves the predictive scope of the simulation theory versus the theory theory. The simulation theory provides a good account of one particular type and deficit, perspective taking difficulties, when they occur (although as mentioned earlier ST seems to mischaracterize the nature and the developmental progression of egocentric errors).

The two theories (TT and ST), which are discussed, by Gopnik and Wellman (1992) show evidences in support to J. Piaget’s theory of egocentrism. The emphases which the two authors put on the child’s understanding of the world through the desire-perception point of view tie their understanding for developing theory of mind with the theory of Piaget about the child development in general.

K. Nelson and her collaborators (2003) present another view to the theory of mind of young children. The authors introduce the term “entering a community of minds” and contrasting it with the “acquiring of a “theory of mind”. The authors say “Acquiring implies taking possession of something, and in this case the “thing” is the theory about an abstraction- a mind with universal properties and mechanisms. In contrast, entering involves coming into new place from where one was previously; here, the place is a community, that is, a space occupied by people who are related by common purposes and understandings. The community that one enters includes minds that communicate (thus the community). Minds differ- this is the point of communicating. These contrasts, we believe, tell two essentially and critically different stories about vital developments in the early childhood years” (p.25).

The aim of Nelson and her collaborators (2003) is to explore the implications of the experiential approach to the important social cognitive understandings achieved in the early childhood and later years. The authors do not limit their work only to the theory of mind tasks, which in their view require an explicit socio-cultural-linguistic based theoretical account. Rather the experiential approach which they propose show ways in which the young children increasingly enter into “new relationships of self and other understanding within the family, the peers and with other group members outside the family, that is the community”. Nelson and collaborators think that the relationship is established through activities, symbols and language. The language plays an important role because through the language the children understand the cultural world and the interpretation of relationships.

Nelson and collaborators doing standard experiments on theory of mind aim to uncover the sense-making strategies that child bring from their experimental pass to the TOM experimental situations. In series of experiments with different variations of unexpected contents authors design to establish a discourse framework for children. However, the authors were not interested in children’s explanations if they were correct or how they related to performance of false belief task, but rather they were interested in what children’s responses are to “why” questions, because it might suggest about their thinking about the task situations and its relation to their previous experience.

Nelson and collaborators found that some children focus their explanations on likes and desires, primarily when explaining other children’s beliefs. In these terms the authors claim that the children have earlier understanding of false belief in terms of desire, rather than belief or young children may be encouraged in home context to choose terms of desires. Another thing what the study was interested in was if the children understand what it means to “think” something true or false, which is a requirement of the unexpected content task. The result in this study show that young children do not associate seeing with thinking. According to authors the “young child thinking is not equivalent with either saying or seeing. Rather, children may consider these processes as mutually exclusive.”(p.35)

Most of the studies in past showed that TOM research is an accomplishment of the preschools years. Nelson and collaborators show that language is an important tool for cognitive and social competence. Conversation helps the child not only to understand and represent the word meaning but also for their development. Discourse with unfamiliar people and situations, discussions with others about knowledge and different experiences

and articulating their own experiences, are helping children to compare their own view, based on their own experience, with another's contrasting view, as present in language.

Another author who also supports the Vygotskian theory of children's development is P. Harris (1989, 2012), trying to answer the question how the children learn from what the other people tell them.

There are authors like J. Perner (1991) and B. School and A. Leslie (1999) who have more "core knowledge" theory approach to the development of children's Theory of Mind. J. Perner (1991) in his early 1990-s writings tests belief and desires, because they are treated sometimes "as a equivalent components in theories of action or like symmetrical mirror images among the different mental states" (p. 139). Perner looks on how the two mental states- belief and desire represent the child's cognitive situation using the word *think* and he separates *thinking that something is the case* (belief) from *thinking of something* (pure thought). In his work Perner also aims to explain why children understand easily some stories with the verb *think*, and other children with difficulties.

In order to explain the representation Perner says that there is a need of two different things, which take different states. The first he calls "representational medium" and the second the "world". It is clear that between the two states there should be a correspondence in order to operate together and he calls it causality. For example the content of a desire represents the desire state of the world. But the casual relationship is opposite than what is required - the desire state represents the desire. This is important but you need to make it clearer. And anything that is causally influenced by something else, according to Perner, it could be count as a representation of it.

Further in his paper Perner discusses the interpretive system. Something is interpreted in one or in another way up to the interpreter and his experiences. As the representation occurs only in biological systems "whose organs and processes are replicated or repeated because they serve an important function. The function of representation is to correspond to aspects of the world. The importance of this function lies in the fact that the organism can use the representation to *stand in for* the real world." (p. 144)

Based on discussions in the literature and his own observations Perner proposes that the representation should contain two elements: "1) that there must be a correspondence between states of the representational medium and states of the represented world, and 2) and the correspondence must be exploited by an interpretive system so that the representation is used as a stand-in for the represented". However the author claims that the stand-in function is the one, which determines the asymmetry between representational medium and represented world, and not the casual relationship and the causality is the one, which plays an important role in establishing reliable correspondence. In Perner's opinion representations include epistemic mental states like perceptions, beliefs and knowledge and the distinction between thoughts and beliefs is brought with the use of the particle "THAT". The author gives examples with the use of the sentences containing *think of* and *think that* and in the second example there are two interpretations of the sentence: a) *sense* of a belief and b) *referent* of a belief. Further Perner pays attention to the meaning of the verbs *want* and *think that* as asymmetry in function between belief and desire, and uses that for explanation why children are more proficient in understanding and reasoning about wants than about beliefs (thinking that).

According to Perner by the age of 2 children have “some kind of “theory of mind”, but at the same time they fail to understand some other basic aspects of the mind. In the age around 4 they understand that the people have false beliefs and distinguish between appearance and reality. However Perner thinks that the children before age of 4 interpret the mental states as relations to situations directly. Later the children can relate them as representations of the situations and can understand that the mental attitudes towards situations have different implications. A person who has an attitude “want” towards a non-existing situation then that person will do something to bring about that situation, while if a person just thinks of a situation he/she will not act. Perner says that the “without a conception of mental states as representations the child cannot understand *thinking that*. The child has a theory of thinking but can only, at best, assimilate *thinking that* to *thinking of*. This inability to understand *thinking that* provides the basis for understanding why children find wants do much easier to understand than beliefs. Understanding most relevant behavior and emotional implications of desire does not need the understanding of *that*. For belief, this understanding is essential.”(p.149).

Further analyzing earlier experiments Perner comes to the conclusion that the tasks involving “*thinking*” can be easy or difficult. It depends from the interpretation of the verb think- as a mental representation (belief, *thinking that* which requires a content-referent distinction) or simply as a relationship to a situation (*thinking of*). Tasks involving “*want*” do not appear to require a representational interpretation. It seems that children understand the intentionality when a person’s goal is explicitly specified. The difficulty comes “when the children have to understand the causal relationship between events in the world, desires, and action. Because the causal relationship between desire and action is constitutive of concept of intention.”(p.153)

The 3 year old children understand that there are desire situations and that people do everything to get their desires fulfilled. This kind of understanding allows for the causal reasoning, because someone does something because he/she wanted it. To understand the intentional causation is more required. The child has to understand that the action of someone towards the desired situation has to be caused by mental representation. In conclusion Perner is trying to summarize the answer of the question “why do children find problems involving a person’s wants easier than problems involving thinking”. The analyses of *thinking of* and *thinking that* showed that the children’s easy or difficult understanding of something depends on different distinction between the mental states involved as a mental representation or understand them as a relationship to a situation.

B. Scholl and A. Leslie (1999) examine an idea that the theory of mind arises from an innate, which they call a cognitive architecture-*module*. The authors try to answer two questions: What kind of cognitive module would be required in order to explain the TOM? What kind of development would such a module need to undergo in order to account for relevant data? The debates are between the supporters of TOM and the cognitive modules, where the TOM is taken as a developmental and the cognitive modules are taken “anti-development”. Scholl and Leslie take a different approach and they argue that the modularity and development can be intimately related. Leslie and colleagues believe that the child has an early competence with concept of belief, but there are performance limitations.

It has been proposed that the TOM is a specific architectural module and the reason for this are that it operates in a specific domain and the bases for it may be innate. Theory of Mind requires the owner to have acquired the *concept of belief*. Even though the children do not see, hear or feel internal states they become competent at reasoning about them.

According to Scholl and Leslie "Modules are domain –specific: they only operate on certain kinds of inputs-“specialized systems for specialized tasks”. Modules process in mandatory way, such that their operation is not entirely under voluntary control.

Modules are typically fast, perhaps due in part to the fact that they are encapsulated (needing to consult only circumscribed data base) and mandatory (not needing to waste time determining whether or not to process incoming input).

Modules offer highly constrained “shallow” outputs, which themselves often undergo further processing down the line.

Modules may often (though need not) be implemented in fixed specialized portions on neutral architectures.

Modules, and the abilities they support, may be selectively impaired by neurobiological damage” (p.133)

Scholl and Leslie claim that the TOM has a specific innate basis in that the TOM is given as a part of the genetic endowment. This is in contrast to “theory-theories” which say that TOM is learned exactly in the same way as scientific theories are learned. In their view the normal acquisition of the TOM is at least in part due to the operation of a TOM specific architectural module.

One of the predictions which the modular theory makes is that the end state of the development should be the same across individuals. The environmental interaction may affect the precise time when the modular capacity shows itself but the end state should be the same. In keeping with this prediction the acquisition of TOM is largely uniform across individuals and cultures. A person develops the Theory of Mind and it does not depend on the character of their environment. It seem that all human beings have the same basic TOM. Citing Harris (1990) Scholl and Leslie agree that the entire TOM emerges universally in the young children with approximately the same timetable. The emphasis has been that the development of the TOM is identical across-cultures and very few authors argue that there are cross-cultural differences in TOM. However the universality of Theory of Mind is also predicted by “theory-theory” as well as by a modularity theory. Given the similarity of human relationships and children’s experiences of people the evidence for building a Theory of Mind could also be argued to be universally available.

Scholl and Leslie argue that the facts about development cross-culturally are relevant to the modularity hypothesis, because there is striking uniformity in the theories that develop. Although the environment in which the child is raised may affect when different capacities emerge –for example children with multiple siblings seems to learn TOM faster - the basic concepts are similar across cultures. People in different cultures do not develop different concepts of intention or desire.

The authors stress one further points which have to be underlined. The point is that the TOM discussed in the contexts of the modularity theory refers only the origin of the basic TOM capacities. They acknowledge that higher order TOM activities may not be uniform across individuals or cultures. In conclusion Scholl and Leslie say that

the modular capacity may be acquired in four different ways (p. 149): 1) the essence of the modular capacity is that inner modular capacity is fixed; 2) the character of the innate modular capacity may be determined by the environment in a number of highly constrained ways. The modular capacity may reach a number of particular end-states; 3) the modular capacity may have an innate basis but there is internal development given the constrained impute; 4) some of the properties and contents of the capacity or skill may not have an innate basis at all, but develop rather as an expertise that comes to have the properties of the module. The authors conclude that modularity and development can be quite intimately connected, when account is taken of the distinction between competence and performance, and the distinction of the mature TOM as a complex aggregate of capacities and the early TOM out of which the mature competence develops.

Conclusion

The understanding of the social life from the surrounding world by young children is not happening only in one way. There are different ways how the children gain knowledge and there are different factors which help the children to understand the relations between the people, their desires and wishes, their thinking and beliefs. The psychologist and linguists for last decades already tried to find out what are the main factors and how particularly the language help the children to understand the other people's behavior. Nowadays more new research is initiated in this area and the interest of the scientist is also towards bilingual children and children with Autism and how they understand the social relations in their communities and what determinants help them to get from very early age the Theory of Mind. Still a lot to be done in these directions.

Acknowledgments: I would like to thank Jill de Villiers for inspiring to write this article and for her grate work reading and reviewing an early version of the article.

References

Bennett, J. (1978) Some remarks about concepts. *The behavioral and Brain Sciences*, 1, 557-560.

Dennett, D. (1978) Beliefs about beliefs. *The behavioral and Brain Sciences*, 1, 568-570.

Gopnik, A., Wellman, H. (1992) Why the child's Theory of Mind really is a Theory. *Mind & Language*, 7, 145-171.

Harris, P. (2012) *Trusting what you're told. How children learn from others.* Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.

Harris, P. (1989) *Children and emotion.* Oxford: Blackwell.

Wimmer, H., Perner, J. (1983) Beliefs about beliefs: Representation and constraining function of wrong beliefs in young children's understanding of deception. *Cognition*, 13, 103-128.

Perner, J. (1991) On representing That: The asymmetry Between Belief and Desire in Children's Theory of Mind. In: *Douglas Frye and Chris Moore (eds.) Children's Theories of Mind: Mental States and Social Understanding.* Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers.

Premack, D., Woodruff, G. (1978) Does the chimpanzee have a theory of mind. *The behavioral and Brain Sciences*, 1, 515-526.

Scholl, B., Leslie, A. (1999) Modularity, Development and "Theory of Mind". *Mind and Language*, 14, 131-153.

С.В. Мыскин

УДК 81'23

ПРОБЛЕМА «ОБРАЗА АВТОРА» В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ

В статье раскрываются особенности восприятия профессиональных текстов. Основное внимание автор акцентирует на анализе проблемы «образа автора» в профессиональных речевых произведениях как основе профессионализации языковой личности. Описываются стиливые приемы создания «образа автора», обеспечивающие субкодовое переключение в профессиональном общении разнопрофильных специалистов.

Ключевые слова: профессиональный текст, «образ автора», восприятие текста, профессиональный язык, совместная деятельность, групповой субъект, субкодовое переключение, профессиональный стиль.

Sergey V. Myskin

THE «IMAGE OF THE AUTHOR» IN PROFESSIONAL TEXTS

The article reveals the peculiarities of professional texts perception. The main attention focuses on the analysis of the «image of the author» in professional voice works as the basis for the professionalization of linguistic identity. The author describes stylistic techniques of creating «the image of the author» providing sub-code switching in professional communication specialists.

Keywords: professional text; «the image of the author»; text comprehension; professional language; joint activities; group subject; sub-code switch; professional style.

В управлении повседневной профессиональной деятельностью сотрудников различных организаций в последнее время все большее значение приобретают специфика профессионального языка, а также особенности письменной и устной профессиональной речи. Язык и речь пронизывают всю организационную реальность, выступая системообразующими звеньями таких структур, как миссия, ценности, культура, система коммуникации, власть, лидерство и др. Суть языка и речи в том, что они «одновременно и создают, и отражают организационные реалии» [Титц и др. 2008: 27].

Общее повышение роли профессиональных речевых произведений в регламентации профессиональной деятельности обусловлено трансформацией социально-трудовой сферы современной России, при которой трудовые отношения выходят на качественно новый уровень развития. Факторами отмеченных изменений выступают такие, как: снижение роли неформальных договоренностей при регулировании трудовых отношений и внедрение различных форм эффективного контракта; развитие института права в области труда и занятости и создание действенных нормативных актов социальной, пенсионной защиты работника; борьба государства с «теневыми» денежными потоками и развитие информационных технологий по финансовому контролю и многие другие.

Отметим, что данные экстралингвистические факторы создают предпосылки для формирования нового языкового профессионального сознания современного российского труженика. При этом новизна сознания проявляется не столько в отражении информационного насыщения содержания профессиональной деятельности и профессионального общения, сколько в особенностях организации речевой деятельности специалиста. Так, внедрение новых профильных видов деятельности и общения ставит специалиста перед необходимостью ориентировки в их содержании, структуризации и последующей реализации в совместной деятельности. В этом процессе основным средством выступают профессиональные речевые произведения – профессиональные тексты, особенности функционирования которых обуславливают и специфическое профессиональное общение, и коллективный труд разнопрофильных специалистов. В связи с этим, актуальным становится исследование функциональных особенностей профессиональных речевых произведений, или профессиональных текстов.

В начале нашего исследовательского анализа следует прояснить существование функциональной стороны профессионального языка, которая со времен Пражского лингвистического кружка изучается в функциональной стилистике [Кожина 2014].

Современная наука руководствуется исследовательским принципом, введенным в свое время Аристотелем, который гласит, что всякий объект необходимо изучать с двух сторон: со стороны его структуры и с точки зрения его функционирования. В. фон Гумбольдт, наряду с введением «*ergon*» – системно-структурного понимания языка, т.е. продукта или совокупности языковых единиц, также раскрыл «*energeia*», или функциональную, динамическую сторону языка [Гумбольдт 1984]. Здесь «*energeia*» понимается как язык в действии, что открывает для исследования его коммуникативно-функциональные аспекты, такие, как речь и тексты. Также профессиональный язык является коммуникативной подсистемой подчиненного уровня, включенной в литературный язык, а это значит, что все свойства высшей системы распространяются и на низшую. Следовательно, профессиональный язык также содержит функциональные аспекты. В подтверждение существования функциональной стороны профессионального языка приведем слова А.А. Леонтьева, который трактует его как «...орудие активной познавательной деятельности... как одну из форм взаимодействия субъекта и объекта человеческой деятельности...» [Леонтьев 1999: 79]. Такой подход к пониманию функционирования профессионального языка вскрывает не только его отражательную способность, но и деятельностную природу.

Функциональность языка рассматривается в тесной связи с его коммуникативными свойствами. М.М. Бахтин указывает, что деятельностный характер языка отражается в его диалогичности, его коммуникативности [Бахтин 1986]. Здесь одной лишь отдельной языковой единицы не достаточно для реализации языка, а необходимо поместить ее в структуру речевого общения. Как справедливо по этому поводу пишет Н.Д. Арутюнова, «...у отдельной единицы языковой системы коммуникативная функция существует потенциально и обнаруживается именно при функционировании языка в речи, в процессе реального общения» [Арутюнова 1990: 414]. Значит, функциональные характеристики профессионального языка

проявляются в речи профессионалов. Исходя из этого, верно утверждение о том, что раскрыть коммуникативную природу профессионального языка возможно, если рассматривать его как единство системы и ее функционирования.

Следующим шагом нашего анализа будет раскрытие сущностных характеристик функционирования профессионального языка.

М.Н. Кожина определяет функционирование как использование языка в целом в процессе общения, под воздействием ряда внешних факторов для реализации целей и задач общения [Кожина 2014: 15]. Причем использование языка, по мнению аналитика, непременно связано с процессом творчества, который пронизывает всю деятельность, в том числе и речевую. Л.В. Щерба пишет по этому поводу: «Хотя в процессах говорения мы часто просто повторяем нами ранее говорившееся (или слышанное) ... однако... несомненно, что при говорении мы часто употребляем формы, которые не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями... не только употребляем слышанные сочетания, но постоянно делаем новые» [Щерба 1974: 24]. Следовательно, творчество в языке связывается с проявлением особой выразительности, некоей эффективности высказывания, которые можно определить как стилистические явления. Применительно к профессиональному языку мы также отмечаем существование творческих процессов [Мыскин 2014]. Так, в мире труда существуют профессиональные деятельности, реализация которых представлена разным соотношением одинаковости («общезначимого») и уникальности («индивидуально значимого»). Для профессий, в которых превалирует одинаковость (например, пилот самолета или оператор атомной станции), соответствующий им профильный язык полностью воспроизводит профессиональные действия, вплоть до их операционального состава. В такой профессиональной речи творчество если и присутствует, то лишь в коммуникативных ситуациях, выходящих за рамки повседневной работы. Виды же профессий, где доминирует уникальность, профильный язык описывает лишь общие принципы работы, схемы, поведенческие рамки, опираясь на которые специалист строит свою профессиональную деятельность. Например, художник или артист. В этом случае речь специалиста может различаться в зависимости от актуальной профессионально-коммуникативной ситуации. Таким образом, профессиональному языку также свойственны опора на творческие процессы, которые могут быть обозначены как стилистические.

Напомним, что системные аспекты языка лишь содержат творческие потенции, а творчество, как человеческое явление связано с функциональной стороной языка [Кожина 2014: 18]. Другими словами, характер профессиональной деятельности и прочие экстралингвистические факторы обуславливают творческие потенции профессионального языка, функционирующие в профессиональной речи. Как видно из приведенных выше примеров, именно внеязыковая деятельность побуждает говорящих либо к строго нормативной профильной речи, либо к поиску новых комбинаций средств и способов выражения, которые, в итоге, детерминируют особенности употребления профессионального языка. Таким образом, особенности функционирования профессионального языка, т.е. его употребление в зависимости от характера профессиональной деятельности, в совокупности создают стилевые особенности профессиональной речи.

Исходя из того, что профессиональной речи присущ свой стиль, нам следует обратиться к анализу специальных речевых продуктов, а именно, речевым профессиональным произведениям, или профессиональным текстам.

Под профессиональным текстом понимается выраженная в речи взаимосвязанная совокупность общественно выработанных способов, действий с предметами труда и общения, познавательная и эмоциональная значимость, а также интенсивность и широта использования которой обусловлены целями совместной профессиональной деятельности [Мыскин 2014]. Профессиональные тексты являются речевым овнешнением культурно-профессионального опыта, включающего общественно выработанные способы и операции специалиста с предметами труда, а также приемы общения с партнерами по совместной деятельности.

По сравнению с художественным произведением, особенностью профессионального текста, является то, что после восприятия, его необходимо воспроизвести в профессиональном общении, а также перенести в профессиональную деятельность. Так, прочитав художественное произведение (роман, повесть и т. п.) мы извлекаем для себя смысл, который имеет, в основном, в эмоционально-экспрессивное выражение. В свою очередь, профессиональные текст предназначен не только для чтения, но и последующей передачи его содержания в языке (например, прочитав приказ руководителя, начальник отдела доводит его до своих подчиненных), а также реализации в предметной деятельности (освоив во время обучения теорию личности З. Фрейда, психолог проводит консультирование, в ходе которого применяет приемы, описанные в литературе по психоанализу). Для формирования целостного представления о данной взаимосвязи рассмотрим более подробно процессы восприятия текста и его воспроизводства.

Итак, при восприятии профессионального текста в сознании субъекта формируется образ его содержания (образ текста), квинтэссенцией которого выступают представления об общественно выработанных способах и операциях взаимодействия с объектами профессионального труда, а также общения с партнерами по совместной деятельности. Далее, опираясь на образ текста, субъект может воспринимать актуальные профессиональные речевые произведения, возникающие в его повседневной трудовой деятельности и профессиональном общении. Данное утверждение основывается на современных психолингвистических представлениях, где автор текста в речевом продукте отражает только некоторые фрагменты своего сознания [Тарасов 1992]. В свою очередь, реципиент, воспринимая только форму этого речевого сообщения, опирается на значения языковых знаков, хранящиеся в его памяти, и, ориентируясь на грамматические показатели языковых единиц, конструирует собственное содержание воспринятого речевого сообщения. Следовательно, при восприятии профессионального текста у специалиста формируется собственное, потенциально прецедентное, содержание, что и будет, в дальнейшем, определять его профессиональный речевой стиль.

Суть процесса воспроизводства профессиональных текстов может быть охарактеризована следующим образом. Любое описание профессиональной деятельности всегда подразумевает трех участников: общественного (исходного) «автора профессиональной деятельности»; специалиста, воспринимающего

профессиональный текст; а также потребителя продукта этой профессиональной деятельности. То есть профессиональные тексты могут быть представлены триадой «Автор-Реципиент-Потребитель». Если при восприятии субъектом обыденного художественного текста (будь, то рассказ, эссе, стихи и пр.) конструируется «смысл для меня», то при перцепции профессионального текста возникает и «мой смысл для другого». Отметим, что необходимость передачи текста, описывающего продукт, либо самого этого продукта третьему лицу, требует от специалиста максимального сближения (идентичности) первичного и вторичного текстов в его сознании. Данное обстоятельство указывает на существование особых интеротношений [Бахтин 1986] профессиональных текстов, которые характеризуются способностью обеспечивать взаимопереходы смыслов между автором, специалистом и потребителем.

Вышесказанное позволяет нам утверждать, что профессиональные тексты направлены на создание у воспринимающего «образа профессионала», посредством описания его взаимодействия с другими партнерами. Причем идеальным результатом перцепции в данном случае является формирование у субъекта восприятия образа «Я-профессионал». Такое понимание перцепции профессиональных текстов подводит нас к необходимости раскрытия «образа автора» в профессиональных речевых произведениях. Для этого мы обратимся к теории художественной речи В.В. Виноградова [2005], в которой исследователем подробно рассмотрена проблема «образа автора» в художественной литературе.

В.В. Виноградов отмечает, что при изучении языка художественной литературы выделяют следующие ключевые проблемы: язык (стиль) художественного произведения и язык (стиль) писателя. Обе они обусловлены понятием индивидуальный стиль, которое представляет собой единую систему средств и форм словесного творческого выражения. Более глубокий языковедческий анализ дополняет эту дефиницию тем, что в стиле художественного произведения и образе его автора отражено «отношение писателя к литературному языку своей эпохи, к способам его понимания, преобразования и поэтического использования» [Виноградов 2005: 126-127]. Такой подход позволяет представить индивидуальный стиль как особое литературно-художественное единство элементов стиля, принципов эстетического отбора и сочетаний форм литературной речи, обусловленных общими тенденциями художественной литературы конкретной эпохи. Применительно к профессиональной литературе это значит, что *профессиональный речевой стиль представляет собой единство принципов отбора и сочетаний элементов профессиональной речи, обусловленных целями и задачами профессионального общения и профессиональной деятельности.* При этом, как замечает В.В. Виноградов, язык художественной литературы находится в динамических отношениях с литературным и разговорным языками, а также с диалектами, которые изменяются вместе с историческим развитием культуры литературной личности [*там же*: 128]. Из этого мы можем извлечь следующее: принципы отбора и сочетаний элементов профессиональной речи специалиста обусловлены совокупностью профильных языков, включенных в профессиональное общение и совместную деятельность. Таким образом, становится ясной необходимость изучения «образа автора» (Я-профессионал) и «образов героев» (Они-профессионалы) в их тесной связи с изменяющимися

принципами отбора и синтеза профессиональных речевых средств в разных профильных сферах.

Далее, В.В. Виноградов выделяет факторы, влияющие на своеобразие стиля. Первым фактором является характер отношений общелитературного языка и различных субкодов, используемых в художественном произведении. Сочетание в основном речевом материале как общелитературного языка, так и на его внелитературных форм – диалектов, жаргонов, разговорно-бытовой речи и т.п., определяется спецификой построения речевых образов персонажей из разной социальной и культурной среды. Здесь идет речь о вертикальных кодовых отношениях. Другим фактором выступает соотношение словесно-художественных жанров и стилей литературы и стилей литературного языка. Так, в одних литературных школах стиль языка прочно сочетается с литературно-художественным жанром, а в других исторических условиях, в литературно-художественные жанры включаются социально-речевые средства, разнообразные по своему стилистическому характеру, что качественно меняет соотношение художественного жанра и стиля языка. В этом случае мы обращаем внимание на горизонтальные кодовые связи. В качестве примера В.В. Виноградов описывает речевую структуру образа автора в «Евгении Онегине»: «...о ритме октав в его тонких мелодических вариациях, острое применение стихотворных терминов и образов, причудливое каламбурное введение грамматической и поэтической техники в военный строй, примесь картежного диалекта – вся эта острая словесная игра до IX октавы создает яркое своеобразие образа затейливого и остроумного автора» [там же: 133].

Опираясь на вышесказанное, можно отметить, что на стиль профессиональной речи также оказывают влияние вертикальные и горизонтальные кодовые отношения. Вертикальные связи в профессиональном общении возникают при взаимодействии разнопрофильных специалистов, где наряду с предметно-профессиональным языком выделяют организационно-деятельностный язык или язык совместной деятельности [Мыскин 2013]. Здесь организационно-деятельностный язык является общим по отношению к остальным предметно-профессиональным языкам, и обеспечивает взаимопроникновение межпрофессиональной лексики. Горизонтальные кодовые отношения представлены сочетанием типов профильных подстилей, существование которых обусловлено как типами профессиональной личности, так и характером совместной деятельности.

Образ автора в художественной литературе создается различными стилистическими приемами [Виноградов 2005]. Ниже приведем краткую характеристику основных из них.

Прием «субъективизации» понимаемый как оценка степени и широты охвата частей повествования экспрессией или личной точкой зрения рассказчика, персонажа и т.п. Субъективизация в эпическом произведении проявляется в трех основных подходах: 1) произведения, где рассказчик повествует в форме 1-го лица и является одновременно протагонистом; 2) произведения, где главное место отводится самопроявлению и самоанализу рассказчика; 3) произведения, в которых присутствует частое включение личных точек зрения отдельных персонажей прямо в повествование анонимного рассказчика.

Еще одним стилистическим приемом является введение в художественное произведение образа повествователя-рассказчика. При этом «образ автора» является системообразующим звеном всех речевых структур персонажей, в том числе и рассказчика, что позволяет концентрированно воплощать идейную суть художественного произведения. Рассказчик – это речевое порождение автора. Особенно явно это видно в формах сказа, где рассказчик выступает своеобразным посредником между автором и миром литературной действительности [Виноградов 2005: 140].

Особым стилистическим приемом выступает совмещение разных диалектных сфер разговорно-бытовой речи с жанрами и видами письменной речи. Такие особые стилистические конструкции сказового повествования создают у читателя представление о речи не письменной, но произносимой. Представление писателем литературной речи как звучащей позволяет читателю мысленно перенестись в обстановку говорения и воспроизвести ее детали. «Звучащее» воспроизведение, находящееся в отдельных фразах, ассоциативно направляет читателя в новое социально-художественное русло, перемещает его из одной ситуации в другую, создавая иллюзию скольжения по словесной ткани произведения.

Следующий прием характеризуется выходом речи за рамки общей литературной нормы. При этом понимание словесных форм обусловлено взаимодействием двух или нескольких плоскостей языкового толкования. Например, речи Рудого Панька у Гоголя субъективно настроены на восприятие их представителями узкой социальной группы, но с объективной целью – для широкого круга посторонних читателей. Именно на несовпадении двух плоскостей словесного понимания и построены острые комические эффекты. Здесь важно отметить, что поскольку стилевые переплетения сказа все же направлены на общее понимание читателем книжного и разговорного языка, следовательно, любые диалектные формы в повествовании всегда двусмысленны, двуплановы. Они осмысляются как в плоскости рассказчика, в его «внелитературном» языковом сознании, так и в литературно-языковом и словесно-эстетическом сознании писателя. При этом следует отметить, что обособленный социально-групповой диалект, не имеющий устойчивых стилистических форм письменного построения, воспринимается как художественный текст, созданный из чужеродного речевого материала и обращен к «чужому» адресату. В этом случае словесные сочетания оцениваются в связи с их предметной значимостью, как характеристика постороннего художественного образа.

Конечно же, здесь представлены далеко не все стилистические приемы, но и перечисленные позволяют выявить их общую направленность на создание горизонтальных и вертикальных кодовых связей.

Теперь необходимо проанализировать, какие из вышеописанных стилистических приемов используются в профессиональной речи. Для этого мы исследуем примеры описания профессиональной деятельности специалиста, приведенные в книге Эриха Кирхлера, Кати Майер-Пести и Евы Хофманн «Психологические теории организации. Психология труда и организационная психология 5» [2005].

Прежде чем перейти к анализу текстов, напомним, что профессиональное общение – это процесс оперативного субкодового переключения, осуществляемого

участниками общения в соответствии с постоянно чередующимися разнопрофильными ситуациями их профессионального взаимодействия, и обусловленного уровнем развития коммуникативных, перцептивных и интерактивных компетенций языковой профессиональной личности [Мыскин 2013: 205]. Причем динамика данного процесса проявляется в особенностях субкодового переключения, где субкодом выступает профильный язык специалиста. Следовательно, фокус нашего исследовательского внимания будет сконцентрирован на поиске и фиксации приемов, обеспечивающих субкодовое переключение в общении разнопрофильных специалистов.

Итак, Э. Кирхлер и коллеги описывают профессиональную деятельность специалиста исходя из существующих концепций организаций. При этом авторы выделяют следующие профессиональные типы «человека трудящегося»: «человек экономический», «человек социальный», «человек самоактуализирующийся» и «человек комплексный» [Кирхлер и др. 2005: 12]. Для нашего исследования данные примеры оптимальны, т.к. включают описания совместной деятельности специалистов различных профилей при схожей организационной цели.

В примере организации деятельности человеком экономическим [*там же*: 56-59] в описании проявляется тенденция к объективации и максимальной определенности рабочей ситуации. Так, в повествовании подробно и последовательно описываются действия, соответствующие мотивы, а также результаты этих действий (**Вы узнаете, что пекарь на ручное изготовление булочки тратит в три раза больше времени, чем машина. Поэтому Вы делаете выбор в пользу «машины для булочек»**). Также здесь отсутствуют самоанализ «главного героя» и личные точки зрения других персонажей. Повествователь-рассказчик представлен в тексте таким образом, как будто сам читатель выступает в роли протагониста, что с легкостью позволяет ему совершать описываемые профессиональные действия совместно с главным «героем-профессионалом» (*Ваша фирма предполагает..., Вы начинаете посещение..., Вы обнаруживаете... и т.п.*). Совмещение разговорно-бытовой и литературной речи в описании отсутствует. Вместе с тем, в повествование введены другие персонажи-профессионалы. Их состав определен видами деятельности, необходимыми, с точки зрения «человека экономического», для достижения организационной цели (*пекарь, мастер-хлебопек, человек для закупок, контролер, работник, продавец*). При описании персонажей, их качественных характеристик, а также их деятельности используется общепотребительная лексика (*...специалисты с большими руками...; ...работник, который не обязательно должен хорошо разбираться в пекарне...; ...нанять людей, которые плохо говорят по-немецки... и т.д.*). Следует отметить, что в тексте нивелирована профессиональная терминология, а совместная деятельность «главного героя» с другими персонажами-профессионалами описана разговорно-бытовой речью (*...наблюдаете за специалистами и измеряете ловкость рук; ... Вы устанавливаете, что специалисты мало потеют...*), что в целом затрудняет восприятие на семантическом уровне специфики профессиональной деятельности. Профессиональные диалекты, профессиональные жаргонизмы в данном произведении не используются. Мини-сцены, отражающие рабочий процесс, представлены простыми лексическими конструкциями (*...приходила клиентка,*

которая хотела заказать ореховый торт; ...упало яйцо, и никто, ни работники, ни контролеры, не смогли отреагировать на изменившуюся ситуацию; контакты с клиентами иногда получаются невежливыми... и пр.)

Таким образом, мы можем резюмировать: в приведенном профессиональном тексте «образ автора» представлен в роли протагониста, что обеспечивает взаимопереходы фокуса языкового сознания от «главного героя» произведения к читателю; образы персонажей не имеют яркой выраженности, поскольку в тексте отсутствует описание совместной деятельности с «главным героем»; семантика текста выражена предельно объективно посредством подробного описания мотивов, последовательности действий и результатов; «главный герой» и персонажи не используют специализированную терминологию, что не позволяет воспринимать субкодовое переключение и в дальнейшем реализовывать в общении разнопрофильных специалистов.

Следующий профессиональный текст создает представление о работе «человека социального» [Кирхлер и др. 2005: 93-96]. Как и в предыдущем примере, текст организован так, чтобы читатель имел возможность мысленно становиться «главным героем», осуществляющим профессиональную деятельность (*Вы планируете...; Вы осуществляете...; Вы определяете... и пр.*). Кроме того, в повествование вводятся другие персонажи, состав которых обусловлен характером профессиональной деятельности «главного героя» (*руководитель предприятия, руководители отделов производства и продаж, бухгалтер, персонал и стажеры, мастер-хлебопек, подмастерье-хлебопек, ученик кондитера, продавец*). По сравнению с «человеком экономическим», в данном примере состав персонажей значительно отличается как выразительностью описания, так и семантическим раскрытием их профессиональных качеств (*...мастер-хлебопек, имеющий дополнительное образование в области кондитерских изделий; ...трех обученных подмастерьев; ...обученного розничного торговца и т.д.*). Далее отметим, что в текст включены особые персонажи – групповые субъекты (*...производственная команда; ...сотрудники; ...рабочая команда по продажам; ...проектная группа; ...неформальные групповые структуры и т.д.*). Причем «главный герой» выстраивает совместную деятельность именно с группами, которые в его сознании представлены как единичный персонаж (*Прежде чем открыть магазин, вы ставите перед своими сотрудниками задачу...; ...Вы передаете рабочей команде по продажам; ...Вы предлагаете руководителям отдела обращаться к Вам; ...Обед проходит в общем кругу и т.д.*). В тексте описывается совместная деятельность «главного героя» с персонажами. Но, поскольку в качестве персонажа – партнера по совместной деятельности выступает коллективный субъект, то специализированная лексика встречается редко. Вместе с тем, невыраженность профильных специалистов компенсируется множественностью производственных ролей самого «главного героя» (*Вы как руководитель предприятия; ...вы ведете бухгалтерию; ...Вы как руководитель магазина; ...Вы как коммерческий директор*). Такое межролевое скольжение главного героя сопровождается вкраплением специфической профильной лексики (*...руководитель предприятия <...> объемы производства; ... коммерческий директор <...> стратегическое планирование*). Наряду с прямыми указаниями ролей «главного героя», существуют имплицитные роли с контекстовым

описанием. Так, в тексте «главный герой» выступает в роли психолога (*...Вы предлагаете руководителям отдела обращаться к Вам, если возникнут проблемы по отделу или личные трудности; ...один раз в месяц запланирована загородная экскурсия для сотрудников, при которой проводятся занятия по групповой динамике... и т. п.*). Профессиональные диалекты или профессиональные жаргоны в повествовании не используются.

Резюме данного примера будет таким: в приведенном профессиональном тексте «образ автора» представлен в роли протагониста, что обеспечивает взаимопереходы фокуса языкового сознания от «главного героя» произведения к читателю; в повествование введены различные образы персонажей, выразительность которых обеспечена описанием их качественных характеристик; в тексте описаны особые персонажи – групповые субъекты, с которыми «главный герой» выстраивает совместную деятельность; взаимодействие разнопрофильных специалистов представлено посредством введения множественности ролей «главного героя» и его межролевыми переходами; межролевые переходы главного героя сопровождаются введением специализированной лексики, что в целом создает предпосылки для восприятия субкодового переключения и дальнейшей его реализации в общении разнопрофильных специалистов.

В описание организации профессиональной деятельности «человеком самоактуализирующимся» [Кирхлер и др. 2005: 169-173] также введен повествователь-рассказчик, он же «главный герой». Подробное описание действий, мотивов и результатов позволяет читателю переходить в «образ героя» и на абстрактном уровне совершать воспринимаемую профессиональную деятельность (*В первую очередь Вы определяете ассортимент хлебобулочных изделий...; Затем Вы проводите анализ видов деятельности...; Вы приходите к выводу...; Вы изучаете предложения рынка... и т. д.*). В повествование включены другие персонажи, качественный состав и количество которых определены характером организации деятельности «человеком самоактуализирующимся» (*мастер-хлебопек, подмастерье, специалист по розничной продаже, ученик, человек для закупки сырья, уборщица*). Отметим, что в тексте отсутствует описание качественных характеристик профильных специалистов, а совместная деятельность «главного героя» представлена его взаимодействием либо с «обобщенным сотрудником», либо с коллективным субъектом (*...Ваш персонал в составе семи человек; ...Вы подробно беседуете с каждым сотрудником; ...Вы пытаетесь привлечь интерес сотрудников; ...Вы также сообщаете сотрудникам...; ...Вы обсуждаете с сотрудниками вопрос продления рабочего дня; ...заключаете договор на техническое обслуживание машин с фирмой-производителем... и т. п.*). В повествовании иногда встречается специализированная терминология, однако лишь в коммуникативных ситуациях с участием «главного героя» и коллективного субъекта (*...Вы предлагаете своим сотрудникам финансовое участие в общем обороте магазина; ...доля участия сотрудников; ...принимая финансовое участие в обороте (про сотрудников – С.М.); ...согласно Вашему бизнес-плану их (машин – С.М.) срок амортизации составляет (здесь отсылка к фирме-производителю – С.М.) ... и пр.*). Также в тексте используется номинация (булочка «Wellness»). Как и в предыдущих примерах, в данном описании не используются профессионализмы и жаргонизмы.

Поводя резюме результатов анализа данного примера, можно сказать: в описании деятельности «человека самоактуализирующегося» «образ автора» также представлен протагонистом, что обеспечивает взаимопереходы фокуса языкового сознания от «главного героя» произведения к читателю и обратно; в повествование введены персонажи других работников, качественные характеристики которых не выражены; в тексте описаны групповые субъекты (коллектив сотрудников, обобщенный образ работника, сторонняя организация), с которыми «главный герой» выстраивает совместную деятельность; взаимодействие разнопрофильных специалистов представлено посредством общения «главного героя» с групповым субъектом, которое сопровождается введением специализированной профильной лексики, что выступает основой для восприятия субкодового переключения и дальнейшего его использования в общении разнопрофильных специалистов.

Еще один пример организации профессиональной деятельности представлен в описании «человека комплексного» [Кирхлер и др. 2005: 196-200]. Описание «главного героя» профессионального текста включает действия, мотивы и результаты деятельности. В повествование введено прямое обращение автора к читателю (*Вы знаете...; ...Вы сможете...; ...Вы оцениваете...; ...Вы избегаете...* и т. п.), что обеспечивает взаимопереходы фокуса языкового сознания от «главного героя» к читателю. Состав персонажей обусловлен особенностями организации профессиональной деятельности «главным героем» (*хлебопек, кондитер, продавец*). Также в тексте имплицитно обозначены роли высококвалифицированных работников (*менеджер, бухгалтер, маркетолог, информационный аналитик*), которые использует «главный герой» при реализации соответствующей профильной деятельности. Переход «героя-профессионала» из одной роли в другую сопровождается введением профильной лексики (*...разрабатываете базу данных...; ...установить фиксированный оклад...; ...сравнить предложение и спрос...; ...учет товарооборота...* и т. п.). В повествовании используются особые персонажи – коллективные субъекты, характеристики которых, а также взаимодействие с ними «главного героя» описываются общеупотребительной лексикой (*...постоянные и случайные клиенты...; ...другие булочные-пекарни...; ...приглашать специалистов из других организаций...; ...Ваши магазин...* и т. п.). Как и в предыдущем примере, в тексте используется номинация (*булочка «Wellness»*). В данном профессиональном тексте описаны различные коммуникативные ситуации, однако, в них в основном используется общеупотребительная лексика. Кроме того, впервые в тексте применяется способ субъективизации, который выражен обращением «главного героя» к самому себе (*Какой персонал Вам необходим, чтобы решать задачи, стоящие перед организацией? Вы склоняетесь к тому, чтобы...*). В тексте не используется лексика профессиональных диалектов или профессиональных жаргонов. Вместе с тем, в повествование включены метафоры (*Самого себя Вы считаете «узлом, куда стекается вся информация»*).

Результаты проведенного анализа данного профессионального текста могут быть резюмированы следующим образом: «образ автора» представлен протагонистом, что обеспечивает взаимопереходы фокуса языкового сознания от «главного героя» произведения к читателю; образы других «героев-профессионалов» слабо выражены, т.к. отсутствует описание их совместной с «главным героем»

деятельности; особые персонажи – групповые субъекты, также описаны общеупотребительной лексикой; взаимодействие разнопрофильных специалистов представлено посредством введения профильных ролей «главного героя»; введение в текст приема субъективизации, а также метафор усиливает движение языкового сознания, и может способствовать идентификации читателя с «главным героем»; межролевые переходы «главного героя» сопровождаются введением специализированной лексики, что в целом является основой для восприятия субкодового переключения и его реализации в общении разнопрофильных специалистов.

Как видно, в профессиональных текстах так же, как и в художественных произведениях присутствует «образ автора», который создается различными стилистическими приемами как в вертикальных взаимосвязях автора и героя, так и в системе горизонтальных отношений «главного героя» с разнопрофильными специалистами. К таким приемам можно отнести: а) организация текста, при которой «образ автора» представлен в роли протагониста; б) включение в повествование персонажей разнопрофильных специалистов; в) введение множественности профильных ролей самого «главного героя»; г) введение особых персонажей – групповых субъектов; д) описание совместной деятельности и общения «главного героя» с персонажами и др.; е) субъективизация профессионального текста и использование метафор. Основной целью данного стилистического построения профессионального речевого произведения является достижения взаимопереходов фокуса языкового сознания читателя между различными ролями и персонажами. Причем ведущим механизмом, обеспечивающим такие переходы, выступает субкодовое переключение.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сформулировать следующие выводы:

- 1) Профессиональный язык находится в динамических отношениях не только с литературным и разговорно-бытовым языками, но также с другими профессиональными языками, которые и составляют целостную ситуацию профессионального общения специалиста.
- 2) В профессиональных текстах «образ автора» формируется при восприятии читателем субкодового переключения, реализуемого в системе коммуникаций «главного героя» различными субъектами профильной профессиональной деятельности.
- 3) Изучение «образа автора» возможно лишь с учетом совокупности образов «героев-профессионалов», представленных в профессиональном тексте, а также в их тесной связи с принципами отбора и синтеза речевых средств в разных профессиональных ситуациях.
- 4) Описание особенностей деятельности и общения героя с учетом комплекса его организационных отношений, его взаимодействия с другими специалистами выступает основным стилистическим приемом, используемым в профессиональных текстах.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Речь // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 414-416.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
- Виноградов В.В.* О теории художественной речи: учебн. пособие / Академик В. В. Виноградов. – 2-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 2005. – 287 с.
- Гумбольдт В. фон* Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. яз. под ред. и предисловием Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
- Кирхлер Э., Майер-Пести К., Хофманн Е.* Психологические теории организации. – Харьков: Издательство Гуманитарный Центр, 2005. – 308 с.
- Кожина М.Н.* Стилистика русского языка: учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – 4-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 464 с.
- Леонтьев А.А.* Психология общения. – 3-е изд. – М: Смысл, 1999. - 365 с.
- Мыскин С.В.* Психолингвистическое обоснование выделения организационно-деятельностного языка в профессиональном общении // Научный вестник воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – Воронеж: ВГАСУ, 2013. № 2(20). С. 101-111. ISSN 1991-9700
- Мыскин С.В.* Психолингвистические аспекты профессионального общения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – Волгоград: ВолГУ, 2013. № 2 (18). – С. 199-206.
- Мыскин С. В.* Особенности восприятия профессиональных прецедентных текстов разнопрофильными специалистами / С.В. Мыскин // «Язык и культура»: сборник м-лов XI Межд. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2014. – С. 115-120
- Тарасов Е. Ф.* Проблемы теории речевого общения. Автореферат дисс. ...доктора филол. наук в форме научного доклада / Е.Ф. Тарасов. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1992. – 55 с.
- Титц С., Коэн Л., Массон Д.* Язык организаций. Интерпретация событий и создание значений. – Харьков: Гуманитарный центр, 2008. – 322 с.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – Л.: , 1974. – 428 с.

А.А. Нистратов

УДК 81'23

ОБРАЗ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ИНОСТРАНЦЕВ

Темой настоящей статьи является исследование образа России в обыденном сознании иностранцев. Результаты исследования основываются на материале экспериментальных данных, полученных в ходе проведения опроса иностранных граждан. Опрос проводился в форме психосемантического эксперимента. Использовалась модифицированная методика семантического дифференциала Ч. Осгуда. Результатом исследования является анализ взаимного восприятия национальными общностями друг друга.

Ключевые слова: семантический дифференциал, категоризация, семантическое пространство, государственное управление, социальная устойчивость, перспективы развития, образ России.

Alexander A. Nistratov

THE IMAGE OF RUSSIA IN FOREIGN CONSCIOUSNESS

The article investigates the image of Russia in foreign popular consciousness. The research is based on data obtained from the psychosemantic experiment, a modified version of Ch. Osgood's semantic differential. The objective of the research is to analyze the way the countries perceive each other.

Keywords: semantic differential, categorization, semantic space, government, social stability, prospects for future development, image of Russia

В современном мире ни один из народов не существует вне контактов с другими народами. Эти контакты и представления о других народах и странах оказываются составляющим элементом собственного национального самосознания: «мы» – русские – обнаруживаем свое бытие, прежде всего, в отношении к «ним», к «другим». В свою очередь, то, как «нас» воспринимают «другие», оказывается одним из важных моментов для нашего собственного мироощущения. В соответствии с данным подходом предметом исследования является взаимное восприятие национальными общностями друг друга. Исследование, описанное в данной статье, входит в цикл исследований, общей задачей которых является выявление образа России в автохтонном и неавтохтонном сознании. Одним из способов исследования смысловых образований обыденного сознания стала техника семантического дифференциала, разработанная в 1952 году группой американских психологов во главе с Ч. Осгудом в ходе исследования механизмов синестезии и получившая широкое применение в исследованиях, связанных с поведением человека и его восприятием различных социальных явлений, с анализом социальных установок и личностных смыслов. На основе этой техники возможна разработка целого ряда методик и тестов, направленных на выявление установок в сфере культуры, восприятия массовой информации, произведений искусства и т.д.

Процедура психосемантического исследования заключается в следующем. Респондентам предлагается оценить определенный набор объектов по заданным качествам по градуированной шкале. Полученные таким образом протоколы собираются в общегрупповую матрицу данных, которая затем обрабатывается методом факторного или кластерного анализа. Построение СД на базе оценок отдельных понятийных классов – частных семантических пространств – продемонстрировало возможность трансформации классического семантического пространства, появление новых факторов, специфичных именно для этих классов понятий. Математический аппарат, применяемый в методе СД, выявляет отношение человека, группы людей (при усреднении оценок внутри них) к тем или иным процессам и явлениям. Здесь осуществляется возможность сочетать качественные характеристики и количественные оценки. Частные СД характеризуются различной размерностью (числом независимых, некоррелирующих факторов), разным содержанием выделенных факторов, но в то же время сохраняют некоторую преемственность с универсальным СД. Так, многие факторы частных семантических пространств являются конкретизацией базисных факторов в условиях определенного узкого семантического класса и сохраняют с ними корреляционные связи. Это объясняется тем, что если при конструировании шкал можно столкнуться с проблемой неопределенности антонимов, то в частном СД используемые прилагательные и объекты более контекстуальны, и ассоциация становится более направленной.

Предметом нашего исследования является взаимное восприятие немцами, англичанами, американцами, французами, китайцами друг друга и выявление образа России в их сознании. Одним из способов исследования обыденного сознания стала техника семантического дифференциала. Использование метафорических шкал в СД освобождает субъективную оценку респондента от ограниченности реальными свойствами оцениваемого объекта, исследователь может сам задавать широту оценки объектов и в зависимости от наполнения шкал ориентировать метод как на выделение оценочных (коннотативных) признаков, так и более предметных (денотативных). Пяти- или семибалльные шкалы дают возможность индексировать не только качество, но и интенсивность значения, метод СД дает квантифицированную информацию о слабоструктурированных аспектах индивидуального сознания. Использование психосемантического метода исследования позволит выявить не только ситуативные, но и устойчивые представления иностранцев о России. Эти представления формируются на основе устоявшихся стереотипов, мифов, трудно поддающихся быстрому изменению. Переход от признаков, заданных шкалами, к факторам фактически является построением семантического пространства. Фактор можно рассматривать как смысловой инвариант содержания входящих в него шкал, и в этом смысле факторы являются формой обобщения прилагательных-антонимов, на базе которых строится СД, а его факторная структура отражает структуру антонимии в лексике. Группировка шкал в факторы позволяет перейти от описания объектов с помощью признаков, заданных шкалами, к более емкому описанию с помощью меньшего набора категорий-факторов, представив содержание объекта в виде совокупности факторов (многочлен) с различными коэффициентами веса. Семантическое пространство является своеобразным метаязыком описания

значений, позволяющим путем разложения их содержания в фиксированном алфавите категорий-факторов проводить семантический анализ этих значений, выносить суждения об их сходстве и различии путем вычисления расстояний между соответствующими значениям координатными точками в пространстве.

Опишем исследование базовых представлений (психосемантическое исследование), позволяющее на незначительной выборке иностранных респондентов выявить исторически сложившиеся характерные для массового сознания стереотипы России и русского человека. Количество респондентов, необходимое для получения достоверных данных, может варьироваться от 25 до 35 человек в каждой группе. Проверка репрезентативности результатов данного исследования осуществлялась методом test-retest (в случайном порядке, по полу и по возрасту респондентов). Результаты проверок показали, что данные, полученные в ходе психосемантического исследования восприятия образа России, являются достаточно репрезентативными для каждой национальной группы. Возраст респондентов – 20-55 лет. Все респонденты на момент опроса находились в Москве. При этом они имели различные цели пребывания в России: стажировка, учеба, работа (научная и бизнес), туризм.

Цель исследования

Выявление глубинных критериев и особенностей восприятия образа России у иностранных граждан – представителей Великобритании, Франции, Германии, США и Китая.

Задачи исследования

1. Выявление ключевых аспектов менталитета при восприятии иностранными респондентами различных стран и их представителей.
2. Выявление специфики отношения иностранных граждан к России и русским.

Выборка

Размер выборки исследования зависит от исследовательских задач. Учитывая, что данным методом изучаются не респонденты, а оценки объекта, выставляемые по большому количеству шкал, в результате получается довольно большая матрица данных. Поэтому, как правило, достаточно ограничиться выборкой в 40-50 респондентов. В исследовании приняли участие респонденты: британцы, французы, немцы, американцы, китайцы. Выборка котирировалась только по национальной принадлежности респондентов. Всего было опрошено 57 представителей Великобритании, 58 представителей Германии, 49 представителей Франции, 74 представителя США и 76 представителей Китая. Опрос проводился в Москве на родном языке респондентов.

Процедура исследования

Настоящая методика исследования представляет собой модифицированный семантический дифференциал (СД). Этот метод позволит выявить неосознаваемые самими людьми критерии восприятия ими образов стран и их представителей. Респонденты должны по заданному набору качеств оценивать страны и представителей этих стран по шкале от 0 до 5 (0 означает отсутствие качества, 5 – его максимальную выраженность). Использование однополюсных шкал дает дополнительную «степень свободы» в проекции когнитивных структур испытуемых

на экспериментальный материал, так как позволяет выделить субъективную «синонимию» и «антонимию» признаков описания, не обязательно совпадающую с нормативно языковой. Показателем такой субъективной синонимии и антонимии является попадание шкал-признаков описания в один фактор и на один полюс фактора для синонимов и на противоположный полюс (если он наличествует) для антонимов.

Специфика национального менталитета при восприятии различных стран

В результате исследования были выделены 3 основных критерия, по которым представители различных стран оценивают государства:

1. устойчивость и компетентность государственного управления;
2. политические перспективы государства;
3. позиция государства по отношению к другим странам.

Первый критерий оценки иностранцами различных стран связан с **категорией устойчивости и компетентности управления государством** (социальная справедливость, стабильность, соблюдение прав человека, справедливость выборов представителей власти, компетентность властей, качество жизни, независимость СМИ и т.д.).

У представителей Великобритании и Франции данная категория определяет устойчивость демократических механизмов управления и, как следствие, внутреннюю стабильность и международный авторитет государства.

У представителей Германии и США данная категория задает следующую оппозицию: устойчивость механизмов демократического управления страной и, как следствие, внутренняя стабильность государства vs некомпетентность и отсутствие демократических принципов управления и, как следствие, отсталость, коррумпированность, непредсказуемость государства.

Специфика содержания данного критерия оценки стран у британцев и французов, с одной стороны, и немцев и американцев, с другой стороны, обусловлена различными геополитическими приоритетами этих государств.

Результаты исследования показали, что для представителей Франции и Великобритании не различаются такие составляющие государственного устройства, как внутренняя стабильность и международный авторитет, т.е. в понимании граждан этих стран одно не может изолированно существовать без другого. При этом для французов международный авторитет более связан с высокоразвитой культурой, а для британцев с преемственностью политических традиций. Анализ данных исследования позволил выявить, что у представителей США и Германии устойчивость государственного устройства как гарантия стабильности государства является самостоятельным критерием оценки стран вне зависимости от ее международного статуса. По всей видимости, это обусловлено спецификой статуса США в мировом сообществе и Германии в Европейском сообществе, характеризующимися значительным влиянием и высоким уровнем притязаний.

Как показали результаты исследования, в менталитете китайцев в отличие от европейцев и американцев отсутствует категория устойчивости и компетентности государственного управления как целостная структура. В сознании китайцев существуют два автономных критерия оценки государственного устройства:

1. социальная устойчивость государства (стабильность, социальная справедливость, соблюдение прав человека);

2. политическое устройство (справедливость выборов, компетентность властей).

Самостоятельность существования в сознании китайцев этих двух категорий отражает дистанцию между пониманием ими механизмов образования властных структур и социальной справедливостью. По сути дела для Китая с его трехтысячелетней императорской историей и ее продолжением в коммунистическом варианте понятие «выборов власти» является унижительным для самой власти. Традиционному китайцу и в голову не могло прийти, что сакральность государства или монарха может стать объектом для критического анализа. Для Китая характерна доктрина государства как непосредственного продолжения упорядоченного космоса, как сферы господства основных законов природы, гарантией исправного действия которых является глава государства.

Категория политических перспектив государства

Результаты исследования показали, что у представителей Франции и Великобритании данный критерий оценки определяет перспективы развития государства. Он задает оппозицию: наличие перспектив развития страны vs неопределенность перспектив развития страны.

Согласно данным исследования, у представителей Германии данный критерий оценки определяет связь перспектив развития государства и статуса в мировом (или европейском) сообществе. При этом путь повышения статуса влияния среди других государств немцы видят в достижении экономической и политической независимости.

Представители США так же, как и немцы, оценивают различные страны с позиции связи перспектив развития и статуса государства в мировом сообществе. Однако средствами повышения статуса влияния у них выступают рычаги экономического и военного давления на другие страны.

У китайцев этот критерий является самым важным при восприятии стран. При этом его понимание является совершенно иным, чем у представителей «западного мира». Понимание китайцами перспектив развития страны обусловлено двумя основными факторами:

1. влиянием идеологии конфуцианства, согласно которым, в частности, перспектива развития предполагает пошаговое восхождение к успеху с низов к вершине, постоянное совершенствование;

2. многочисленными примерами истории страны, когда наместники самых развитых провинций «от хорошей жизни» устраивали перевороты, направленные против династии, всегда заканчивающиеся поражением наместника и разорением провинции.

В результате понимание перспектив развития страны у китайцев связывается с наличием негативных факторов в ее нынешнем положении, которые должны быть преодолены. Иными словами, именно коррумпированность, бюрократизм, отсталость страны, которые необходимо преодолеть, и задают ей перспективы развития.

В то же время страны с высоким уровнем качества жизни «бесятся с жиру» – идут войной на других. По мнению китайцев, эти страны обречены на поражение – перспектив развития у них нет.

Категория отношения государства к другим странам

Данный критерий оценки в целом определяет оппозицию толерантного (терпимого) или агрессивного отношения одного государства к другим. Однако эта оппозиция имеет разное содержание у представителей различных стран. Как показали результаты исследования, у представителей Франции и Великобритании понятие агрессивности связывается в сознании с влиянием государства на другие страны через военное давление на них. Соответственно в оппозиции предполагается цивилизованный путь повышения влияния, в основе которого лежит историко-культурный опыт и устойчивость традиций.

У представителей Германии и США понимание агрессивности лишено политического компонента, здесь военное давление на другие страны не преследует в чистом виде цели достижения влияния и господства, как это представлено в менталитете французов и англичан. У немцев агрессивность скорее связывается с непредсказуемостью, а у американцев – с могуществом государства.

У китайцев, напротив, понимание влияния государства на другие страны лишено компонента агрессивности. В их сознании международный статус страны определяется уровнем исключительно политического влияния и не предполагает военную экспансию.

Специфика восприятия иностранцами образа России в ряду других стран

В результате исследования было выяснено, что по основному критерию оценки стран французские и английские респонденты воспринимают Россию как страну с неэффективной системой управления и отсутствием демократических традиций и реальных институтов демократии (рис. 1). Именно по этому вектору Россия противопоставляется и странам Европы, и США, но отождествляется с Китаем и Израилем.

В то же время, как видно из рис. 1, в восприятии респондентов из Великобритании и Франции Россия, так же как и западноевропейские страны, по специфике достижения влияния на другие страны не использует средств военного давления на другие страны. Взгляды французов и британцев на США по этому критерию также совпадают. Эта страна оценивается респондентами как максимально использующая рычаги военного давления для удовлетворения своих политических амбиций.

Однако восприятие Израиля и Китая по этому критерию не совпадает у английских и французских респондентов. Британцы оценивают Китай как страну, несущую потенциальную угрозу, тогда как французы традиционно воспринимают Китай положительно, поскольку оценивают его скорее в контексте уважения к старым культурным традициям.

Другой оценочный критерий – категория перспектив развития государства – является дифференцирующим представлением англичан и французов о России (рис. 2).

Респонденты-британцы весьма скептически оценивают перспективы развития России, считая их даже в большей степени неопределенными, чем перспективы Китая. В то же время потенциал развития Израиля английские респонденты считают более высоким, чем потенциал развития стран Европы и США.

Французские респонденты, напротив, достаточно положительно оценивают политические перспективы развития России, а потенциал развития Китая считают более высоким, чем у стран Европы и США. В то же время перспективы развития Израиля оцениваются представителями Франции как тупиковые.

Немецкие и американские респонденты так же, как и представители Франции и Великобритании оценивают Россию как страну с неэффективной и некомпетентной системой управления, отсутствием реальной демократии (рис. 3). Именно по этому критерию Россия противопоставляется странам Европы, США и Израилю, но отождествляется с Китаем. Однако по остальным критериям оценки восприятие образа России у американцев и немцев существенно различается. Так, немцы в образ России, так же, как в образы США и Израиля, включают компонент «агрессивность». Можно предложить два варианта объяснений данного факта.

Прагматичность немцев может обуславливать отражение в сознании реального положения вещей: Россия воевала с Чечней, США постоянно ввязываются в различные локальные войны (Ирак, Сомали, Югославия, Афганистан), а Израиль находится в состоянии длительного арабо-израильского конфликта. Россия может восприниматься немцами как агрессивная страна вследствие влияния исторического опыта двух мировых войн, в которых Германия и Россия являлись главными враждующими сторонами. Оценка немецкими респондентами перспектив развития России, связанных с ростом экономической и политической

независимости является скептической. Иными словами, представители Германии не верят в будущее сильной России (рис. 4).

По сути дела, американские респонденты также не считают, что Россия сможет увеличить свое влияние на другие страны (рис. 5), хотя причины этого американцы видят иначе, чем представители Германии. Они не связывают возможности повышения статуса страны в мире с ростом политической и экономической независимости. Для представителей США путь к доминированию в мире лежит через потенциал военного давления на другие страны. И именно отсутствие такого потенциала видят американцы в современной России. Кроме того, в восприятии представителей США Россия не только не владеет подобным потенциалом, но и не обладает необходимым уровнем политических амбиций (см. рис. 3), который бы позволил преодолеть дефицит экономической и военной мощи.

У китайцев отмечается совершенно особое видение России – отличное от «западного» не только по качественному своеобразие, но и по сути – в соответствии с присущей им иной, чем у всех, спецификой менталитета. По мнению китайцев, в России отсутствует социальная справедливость. В меньшей степени это касается и других европейских стран. С точки зрения китайцев, в США и Великобритании

социальная справедливость существует. Однако, в наиболее полной мере она присутствует в самом Китае.

В соответствии с пониманием китайцами критерия политического устройства государства Россия и США объединяются в связи с существующей в этих странах публичностью выборов представителей власти. Сам Китай, соответственно, оценивается как страна, в которой проведение выборов просто не нужно и невозможно. Интересно отметить, что для Великобритании, по мнению китайцев, также не характерны «справедливые выборы». Это связано с тем, что китайцы скорее рассматривают Великобританию не как страну со старыми демократическими традициями, а как страну со старинными традициями монархии и соответственно оценивают ее роль в жизни британцев. Реальное политическое влияние в мире, по мнению китайцев, имеет только США, так как одним из факторов влияния является государственное могущество. Великобритания и Россия представляют собой страны, которые сегодня имеют довольно слабый ресурс влияния в мире. Сам Китай, а также страны Европы на влияние в мире, по мнению китайцев, сегодня и не претендуют. Наиболее интересным представляется оценка китайцами России в контексте их понимания перспектив развития страны. Так, по мнению китайских респондентов, Китай и Россия на сегодняшний день являются самыми «несовершенными» странами – коррумпированными, бюрократичными, с отсталой экономикой. И именно это несовершенство определяет в представлениях китайцев неизбежность для этих стран поступательного неторопливого движения к расцвету. Для европейских стран и Великобритании и особенно для США, напротив, предрешен регресс, упадок. Агрессия и экспансия стран НАТО, в которых лидером являются США, определяет предрешенность краха, поражения ее участников.

Резюме

Оценочное поле восприятия различных стран обусловлено глубинными категориями сознания, такими как опасность, ее степень и интенсивность. В процессе культурно-исторического развития эти категории трансформировались в социально-политические критерии, несущие в себе как общие, так и национально-специфические черты. В результате исследования были выявлены значимые отличия черт менталитета у представителей Франции и Великобритании, с одной стороны, и США и Германии – с другой. Менталитет китайцев вообще представляет собой совершенно другое видение мира, только условно сопоставимое с «западным».

Практически одинаковые черты менталитета у представителей Великобритании и Франции заключаются в следующем:

1. Внутренняя стабильность государства (устойчивость демократических институтов) и его внешняя стабильность (международный авторитет) являются неотъемлемыми составляющими процветающего государства.
2. Перспективы развития государства не связываются с повышением статуса влияния в мировом сообществе.
3. Страны, завоевывающие влияние на другие государства средствами военного давления, противопоставляются государствам, использующим «цивилизованные» средства достижения влияния.

Близость менталитетов британцев и французов можно объяснить длительной общей европейской историей; сходным опытом колонизации других стран; похожими демократическими традициями и институтами; совместным участием в политических коалициях (АНТАНТА, Антигитлеровская коалиция); сходными уровнями притязаний на роль в мировой политике.

Схожие черты менталитета у представителей Германии и США заключаются в следующем:

1. Внутренняя стабильность государства отделяется от его внешней стабильности (международного авторитета).
2. Перспективы развития страны связываются с завоеванием (или повышением) международного авторитета (влияния в мире).
3. Агрессивность государства не связывается напрямую с его политическими амбициями.

Подобие менталитета немцев и американцев можно объяснить высоким уровнем притязаний и реальным влиянием США (в мире) и Германии (в Европе) и спецификой устройства политической власти в Германии и США.

Спецификой немецкого менталитета является то, что повышение международного авторитета государства связывается напрямую с достижением им экономической и политической независимости.

Спецификой американского менталитета является то, что повышение международного авторитета государства связывается напрямую с использованием рычагов экономического и военного давления на другие страны.

Своеобразие китайского менталитета заключается в том, что практически те же самые, что и у европейцев, критерии оценки стран у китайцев обладают совершенно иным содержанием.

Такое понятие как «справедливость выборов представителей власти» для китайцев недопустимо, поскольку оно унижительно для самой власти – император (даже в коммунистическом варианте) избираться не может. Понятие перспектив развития страны понимается в соответствии с положениями конфуцианства и историей Китая и представляет собой пошаговое преодоление трудностей и проблем к достижению совершенства. Отсутствие серьезных проблем в стране и неспособность овладеть «западным миром» понятием совершенства, по представлениям китайцев, ведет к агрессии и захватнической политике, что неизбежно заканчивается крахом и поражением агрессора.

В результате исследования была выявлена следующая специфика восприятия образа России. Вне зависимости от национальной принадлежности иностранцы воспринимают Россию как страну с неэффективной системой управления, отсутствием демократических традиций и реальных институтов демократии.

Британцы, немцы и американцы скептически оценивают перспективы развития России и повышение ее роли на международной арене. При этом немцы воспринимают Россию как страну, которая в перспективе не может рассчитывать на экономическую и политическую независимость. Американцы оценивают военный потенциал России как недостаточный для реализации пути жесткого завоевания авторитета в мире. Кроме того, они считают, что Россия не обладает для этого соответствующими амбициями. Французы оказались единственной

«западной» национальной группой, оценивающей позитивно политические перспективы России. Французы и британцы полагают, что Россия не использует средств военного давления на другие страны. Китайцы, как и французы, позитивно оценивают перспективы развития России, однако совсем по другим основаниям. Россия считается обладающей и необходимыми трудностями, которые нужно преодолевать, и нужным потенциалом, который позволит это сделать.

Литература

Лакофф Дж. «Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. № 23. – М., 1988.

Леви-Стросс К. Культура как система // Семиотика и искусствометрия. – М., 1972.

Нистратов А.А., Петренко В.Ф., Романова Н.В. Рефлективные структуры обыденного сознания // Вопросы языкознания (на материале семантического анализа фразеологизмов). – 1989. – № 2. – С. 26-35.

Нистратов А.А., Петренко В.Ф. Исследование форм репрезентации обыденного сознания // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. «Языковое сознание». – М., 1988. – С. 136.

Нистратов А.А., Петренко В.Ф. Построение вербального семантического дифференциала на базе русской лексики // Исследование проблем речевого общения. – М., 1979. – С. 139-156.

Толковый словарь русского языка Ушакова / под ред. Д.Н. Ушакова, изд. 1935-40 г.г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov>.

Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. № 1. – М., 1960.

Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. № 1. – М., 1960.

Bentler P.M., La Voie A.L. An extension of semantic space // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. – 1972. – Vol. 11. – Pp. 491-496.

Carroll J.D. A review of “The measurement of meaning”. – Language, 1959. – № 35. – Pp. 58-77.

Carroll J.D., Wish M. Models and methods for three-way multidimensional scaling // Contemporary development in mathematical psychology. – San Francisco, 1974.

Osgood Ch. Studies on generality of affective meaning system // Amer. Psychol. – 1962. – Vol. 17. – Pp. 10-28.

Osgood Ch., Suci G.J., Tannenbaultn P.H. The measurement of meaning. – Urbana, 1957. – 342 p.

Osgood C.E. Semantic space revisited // Word. – 1959. – № 15. – Pp. 195-200.

Osgood C.E. Psycholinguistics, Cross-Cultural Universals, and Prospects for Mankind. – Praeger Publishers, 1988.

А.А. Яковлев, С.В. Телешева

УДК 81'23

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА: ДАННЫЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

С целью изучения особенностей языковой картины мира преподавателя вуза и его отношения к окружающей действительности был проведен свободный ассоциативный эксперимент среди преподавателей Сибирского Федерального университета (г. Красноярск). Данные, полученные в ходе эксперимента, были проанализированы и разделены на группы по разным признакам. В результате анализа были сделаны выводы об особенностях языковой картины мира преподавателя вуза.

Ключевые слова: языковая картина мира, свободный ассоциативный эксперимент, личностный смысл, профессиональная среда.

Andrey A. Yakovlev, Sofia V. Telesheva

ASPECTS OF WORLDVIEW OF UNIVERSITY TEACHERS: ASSOCIATIVE EXPERIMENT

The paper discusses the language worldview of the university teacher and his/her attitude to the professional work environment though the method of free association. 35 teachers of Siberian Federal University participated in the experiment; their gender and age were not considered. We analyzed, classified and divided the received data into different groups. As a result, we made conclusions of language world view of university teachers.

Keywords: language worldview, free associative experiment, personal sense, professional environment.

1. Вводные замечания

Понятие *картина мира* относится к числу очень широких понятий, активно функционирующих во многих областях науки, в лингвистике часто используется термин «языковая картина мира» (в отличие от таких, например, как физическая картина мира, этическая картина мира и т.п.). Поэтому следует помнить, что понятие *языковая картина мира* не тождественно понятию *образ мира*, часто используемому в психолингвистике [Леонтьев А.А. 2003: 125–126]. Одной из составляющих сознания и образа мира является предметное значение [Леонтьев А.Н. 2001: 100], и понятие языковой картины мира включает в себя тот аспект образа мира, который выражается языковыми значениями и закрепляется, кристаллизуется в последних.

Одни авторы понимают языковую картину мира (далее – ЯКМ) как социальное явление, связанное с культурными ценностями [Вайсгербер 1993; Маслова 2001], другие же рассматривают ЯКМ с позиций индивидуального сознания, в котором ЯКМ является отраженным в языке и реализуемым через язык образом реального мира [Ладо 1989; Яковлева 1994]. Стоит в этой связи отметить, что так как ЯКМ

закреплена в языковых значениях, присвоенных индивидом и используемых им для целей общения, и сами значения не изобретаются всякий раз самим индивидом, а являются продуктом общественного взаимодействия людей, то это и обуславливает, во-первых, что значения не « витают в воздухе », а существуют только в сознании индивида и по законам психики, и, во-вторых, что они социальны по своей природе и используются « под контролем » выработанных в обществе норм. Значения (в том числе и значения слов), по выражению А.Н. Леонтьева, ведут « двойную жизнь », являясь и продуктом общественных отношений людей, и частью индивидуального сознания отдельного человека [Леонтьев А.Н. 2001: 100–103]. Между этими двумя аспектами значения слова сложная диалектика, которая связана еще с тем, что человек не « работает » с отдельными значениями отдельных предметов, а действует в предметном мире, и с тем, что восприятие мира всегда культурно, эмоционально и лично окрашено, значение слова всегда пристрастно [Там же: 103]. « Двойная жизнь » значений позволяет индивиду использовать их как часть собственной психики при ориентации во внешнем мире, при осуществлении взаимодействий с другими людьми.

Изучение ЯКМ как части индивидуального сознания и образа мира ставит исследователя перед необходимостью рассматривать язык не как абстрактную систему знаков, но как достояние индивида, то есть психолингвистически – как динамическую систему опор и ориентиров, помогающую человеку осуществлять ту или иную деятельность в мире. Значение слова « живет » в сознании человека как продукт и одновременно средство переработки речевого опыта и вообще опыта познания мира и общения, обеспечивая « выход » на некоторый фрагмент образа мира, что с необходимостью подразумевает эмоционально-оценочное переживание значения слова [Залевская 2011: 187]. Психолингвистический подход к значению слова и его роли в сознании позволяет выявить не только связи значения конкретного слова со значениями других слов, но и то место, которое значение занимает в образе мира индивида, включая эмоционально-оценочные переживания, вызванные этим словом и оказывающие влияние на восприятие действительности и осуществление деятельности.

С целью изучения языковой картины мира преподавателя вуза и его отношения к окружающей действительности (рабочей среде, коллегам, студентам) был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором были задействованы 35 преподавателей Сибирского федерального университета (г. Красноярск), их возрастной состав и гендерная принадлежность не учитывались. Эксперимент можно разделить на две части, первая из которых относится к образу студента в ЯКМ преподавателя, вторая – к образу его рабочей среды. Задания обеих частей давались каждому испытуемому сразу. Испытуемый мог записать до пяти слов любой части речи или словосочетаний, в результате была получена 1041 реакция, а также 3 отказа выполнять задание; все реакции были проанализированы и разделены на семантические (или, можно сказать, тематические) группы; цифра в скобках рядом с реакцией соответствует количеству таких же ответов среди всех испытуемых, отсутствие цифры означает, что подобный ответ встречается лишь однажды.

2. Образ студента в ЯКМ преподавателя

Начнем с первой части эксперимента. Испытуемым (далее – Ии.) было предложено дать ассоциации на стимулы «Ваши студенты», «Идеальный студент», «Ваша роль, функция по отношению к Вашим студентам», «Роль, функция идеального преподавателя».

Анализ 156 реакций на стимул «Ваши студенты» показывает, что ответы Ии. можно разделить на положительные и отрицательные. Наиболее частотными положительными реакциями стали: *активные* (6), *умные* (5), *сообразительные* (4), *способные* (3), *общительные* (3), *хорошие* (2), *трудолюбивые* (2), *талантливые* (2), *ответственные* (2), *интересные* (2), *добрые* (2), *веселые* (2) и др. В то же время отрицательные характеристики типичного студента отражаются следующими реакциями: *ленивые* (8), *апатичные* (3), *наглые* (3), *безалаберные* (2), *безразличные*, *безразличные*, *беспечность*, *недобрые*, *не интересующиеся*, *нелюбознательные*, *неответственные*, *низко развитые* и др. Можно также выделить следующие подгруппы: реакции, относящиеся к умственным способностям, и реакции, относящиеся к другим личностным характеристикам и чертам характера. К реакциям, характеризующим умственные способности студентов, относятся: *умные* (5), *сообразительные* (4), *способные* (3), *талантливые* (2), *безграмотные*, *знающие*, *эрудированные*, *начитанные*, *низко развитые*, *ограниченные*, *нелюбознательные* и др. Другие особенности характера студентов представлены такими реакциями, как *активные* (6), *общительные* (3), *хорошие* (2), *трудолюбивые* (2), *ответственные* (2), *интересные* (2), *добрые* (2), *веселые* (2), *ленивые* (8), *апатичные* (3), *наглые* (3), *безалаберные* (2), *шумные* (2), *амбициозные* (2), *безразличные*, *беспечность*, *активность на занятиях*, *дисциплинированные*, *добросовестные*, *дружные*, *жизнерадостные*, *замкнутые*, *злые*, *изобретательные*, *инициативность*, *интересующиеся*, *инфантильные*, *исполнительные*, *лоботрясы*, *самоуверенные*, *собранные*, *целеустремленные*, *энергичные* и др. Интересно, что во вторую подгруппу реакций входят преимущественно черты характера, связанные с поведением личности в коллективе и обществе, жизненной позицией, к тому же такие реакции более разнообразны.

Обозначенные тенденции могут говорить о том, что преподаватель видит в студенте, прежде всего, человека, личность, обладающую только ей присущими чертами. С другой стороны, однако, приведенные результаты указывают на стремление преподавателя генерализировать – переносить свое мнение о студенте на его личность в целом, а также переносить собственное мнение о конкретных студентах на всех студентов вообще. Примечательно также, что, несмотря на индекс 6 такой реакции, как *активные*, частотные реакции с негативной коннотацией по сути своей представляют студента ленивого и безынициативного, а частота реакции *ленивые* достигает восьми, что довольно масштабно в рамках сравнительно небольшого исследования. Это говорит, видимо, о том, что преподавателям чаще свойственна генерализация отрицательных характеристик поведения студентов, нежели положительных.

Затруднительно отнести в какую-либо тематическую группу такие реакции, как *амбициозные* (2), *шумные* (2) и подобные, так как не вполне ясно, оценивает ли преподаватель эти черты как отрицательные или как положительные. Такие

реакции, как *нормальные* (2) и *обычные* (2) говорят, вероятно, о стремлении Ии. не выделять особенных черт в студенте, представляя его «типичным», «таким, как все», сам студент как индивид при этом теряется в коллективе (*чумные кабаны*). Тем не менее, некоторые реакции могут говорить о том, что преподаватель затрудняется подводить всех студентов под одну характеристику, рассматривая каждого из них как уникальную личность (*разные* (2), *своеобразные*). Уже одно это позволяет говорить о неоднозначности отношения к студентам даже для самих преподавателей.

Преподаватели рассматривают каждого студента одновременно и как личность, и как часть коллектива, проявляя при этом и со своей стороны большую долю субъективизма и эмоциональности. Среди подобных парадоксальных реакций преимущественно встречаются описание умственных способностей либо особенностей поведения в коллективе и дисциплинированности. Для Ии. студент довольно умен (*умные* (6)), но не находит в себе мотивации к обучению (*ленивые* (8), *безалаберные* (2)), проявляя себя как часть коллектива, вместе с которым учится (*общительные* (3)).

На стимул «идеальный студент» было получено 144 реакции. В данном случае мы, естественно, не можем выделить положительные и отрицательные реакции, но представляется возможным разделить их на семантические группы, определяющие качества, приписываемые идеальному студенту. В результате анализа реакций было выделено четыре такие группы: «отношение к труду», «обладание знаниями», «научная деятельность», «дисциплина» (мы приведем их в сравнении с реакциями предыдущего задания).

Итак, отношение к труду: *активный* (5), *исполнительный* (5), *креативный* (3), *трудолюбие* (3), *целеустремленный* (3), *обязательный* (2), *планирующий свою деятельность*, *работает в коллективе*, *работоспособность* и др. Идеальный студент, таким образом, не только способен на активную творческую работу, но также способен мотивировать себя и эффективно организовывать свою деятельность. В описании своих реальных студентов преподаватели также рассматривали такие характеристики, как *активный* (6), *трудолюбивые* (2), *способные* (3), но отсутствовали реакции, связанные с креативностью и эффективностью работоспособности. Возможно, этого недостает студентам, по мнению Ии., а реакции типа *апатичные* (3), *нелюбознательные* предыдущего задания только подтверждают это предположение.

Обладание знаниями: *умный* (5), *заинтересованный* (3), *интересующийся* (2), *любопытный* (2), *пытливый* (2), *любопытный*, *интерес*, *интересуется*, *ревущий к знаниям*, *стремящийся к знанию*, *стремящийся к знаниям*, *стремление к познанию*, *жадный на знания* и др. В данной группе обращает на себя внимание не само упоминание знаний, а интерес и тяга студента к получению новых знаний. Как и в предыдущей группе ответов, это может быть завуалированным указанием на то, чего преподавателям не хватает в своих реальных студентах.

Научная деятельность: *научноориентированный*, *способен на самостоятельное исследование под руководством*, *способность логически мыслить*, *предлагающий идеи!*, *способный думать и выразить мысль*, *увлеченный* и др. Интересен тот факт, что в своих реальных студентах ориентации на науку преподаватели не видят

(подобные реакции в предыдущем задании полностью отсутствуют), т.е. студент, стремящийся заниматься наукой, – это лишь идеальный образ, а не реальность.

Дисциплина: *ответственный (5), аккуратный (2), внимательный (2), пунктуальный (2), не опаздывает, внимательность, дисциплинирован, дисциплинированность, ответственен, ответственные, прилежность, прилежный* и др. Идеальный студент в отличие от реального никогда не опаздывает, ответственен и прилежен. В описании же реального студента реакции типа *ленивый (8), безалаберный (2)* имеют большую частотность, чем, например, *трудолюбивые (2)* и *дисциплинированные*. С другой стороны, среди качеств реального студента не было отмечено таких характеристик, как *не уважающий других* или *недоброжелательный*.

Примечательно, что и в идеальном студенте Ии. видят не только качества, связанные с учебой и получением знаний, о чем говорят реакции типа *порядочность (3), доброжелательный (2)* и др.

Стоит детальнее сравнить образ идеального студента с образом студента типичного в понимании преподавателей (что может быть и задачей дальнейшего исследования). Разница в сравнении обучаемых студентов и студентов, которых преподаватели хотели бы обучать, наиболее заметна в таких группах реакций, как «труд» и «дисциплина». Одна из наиболее частотных реакций группы «труд» *активный (5)*, конечно, соотносится с самой частотной реакцией на стимул «Ваши студенты», – *ленивые (8)*. Тем не менее, одной из положительных черт своих студентов многие Ии. также считают, активность: *активные (6)*. С другой же стороны, преподаватели считают своих студентов *наглыми (3)* и *безалаберными (2)*, в то время как хотят видеть их *порядочными, ответственными и доброжелательными*. Таким образом, можно сказать, что студент далек от идеала по личностным характеристикам, а не только «деловым» качествам, непосредственно необходимым для успешной учебы.

Другой целью нашего исследования было выявление реакций, отражающих восприятие преподавателями их взаимодействия со студентами, то есть роль и функции преподавателя по отношению к его студентам и роль и функции, которые должен выполнять по отношению к обучаемым идеальный преподаватель.

Общее число реакций на стимул «Ваша роль, функция по отношению к Вашим студентам» составляет 134. Полученные реакции можно разделить на две ярко выраженные смысловые группы: «личностные» и профессиональные функции преподавателей. Под «личностными» функциями, можно полагать, связаны следующие реакции: *наставник (12), воспитание (4), вдохновляющая (2), воспитательная (2), забота (2), заинтересовать (2), старший товарищ (2), старший коллега, поддержать* и т.д. В то же время профессиональные функции преподавателей, по мнению наших Ии., заключаются в следующем: *обучающая (3), помощник (3), обучение (2), учитель (2), научить (2), учить, училка на I курсе, научить быть хорошим специалистом, товарищем и другом, научить различать нужное и ненужное, обучать, объяснение, объяснить, педагог, передача знаний, познавательная, просветитель, просветительская, просветительство, просвещение, помощь, помощь в учебе, помогающая, и даже учитель и не более сейчас, раньше было по-другому* и т.д. Соотношение количества реакций двух типов

показывает, что преподаватель видит себя не столько источником информации и знаний, сколько заботливым наставником, цель которого воспитать поколение полноценных социальных личностей.

Также были определены различия в реакциях этого задания по их эмоциональной окраске: некоторые лишь констатируют функции («личностные» или профессиональные), другие же выявляют отношение испытуемых к ним. Такие реакции, как *наставник* (12), *воспитание* (4), *обучающая* (3), *мотивация* (2), *учитель* (2), *передача знаний*, *объяснить*, *просветитель* и др., несомненно, относятся к первой группе. В то же время, реакции *научить быть хорошим специалистом*, *товарищем и другом*, *открытие нового*, *советчик даже по личным вопросам*, *учитель и не более сейчас*, *раньше было по-другому*, *формирующая мышление*, *работу с коллективом и самостоятельность*, *врач по инфекциям в мозг* и др. отражают отношение преподавателя к своей деятельности, и это отношение не всегда положительное. Несмотря на наличие довольно необычных эмоциональных реакций, превалируют нейтральные ответы, а эмоциональные обычно связаны с отрицательным отношением преподавателя к своей деятельности, что может говорить о том, что Ии. старались рассматривать свою роль с нейтральной точки зрения и находить в ней хорошую сторону, однако при привлечении эмоций появлялись отрицательные характеристики своей деятельности. Но это может означать и поверхностное, формальное отношение к своей функции (например, *образовательная*, *экзаменатор*, *информирующая*).

В ходе анализа полученной 121 реакции на стимул «роль и функции идеального преподавателя» были определены две главные группы, которые отражают, как мы полагаем, функцию «наставника» и функцию «учителя». Первая группа включает в себя такие реакции, как *наставник* (4), *помощник* (4), *воспитательная* (3), *вдохновитель* (2), *советчик* (2), *мотивация* (2), *направлять* (2), *направить*, *наставительная*, *наставлять*, *наставника*, *наставническая*, и др. Группа, описывающая функцию «учителя», т.е. преподавателя как источника информации, представлена следующими реакциями: *образец* (3), *обучение* (3), *информатор* (2), *научить* (2), *помогать в приобретении знаний*, *образование*, *образовательная*, *обучать*, *обучающая*, *научать*, *научение* и др.

При сравнения реакций на стимул «Ваша функция» и «идеальная функция преподавателя» можно сделать вывод, что преподаватель выполняет функции, которые считает обязательными, сопоставимыми с идеалом. Это может говорить, как думается, о двух вещах: либо преподаватель стремится к идеалу, либо он уже считает свои функции близкими к этому идеалу.

Реакции этого задания позволяют также предположить, что, несмотря на то, как преподаватель мыслит взаимодействие между ним и студентом, он неосознанно ориентируется в этом на идеального студента, а реальные его действия могут с этим не совпадать. Таким образом, преподаватель переносит идеальную ситуацию на себя, однако в реальности может действовать совсем иначе.

Анализ и сопоставление реакций на «реальное» и «идеальное» в студенте и преподавателе выявляет следующие особенности. Неоднократной реакцией на оба стимула о функции преподавателя стали такие слова, как *наставник* или *образец*, однако даже идеальный студент, ввиду отсутствия соответствующих реакций,

не должен учиться и следовать за преподавателем. К тому же, сам идеальный студент рассматривается преподавателями не как «ученик», «последователь», а как сформировавшаяся личность, способная самостоятельно добывать знания; он должен уметь не слушать, учиться, стараться, а «исполнять», «стремиться к знаниям», быть «ответственным». Реальный обучаемый студент, в свою очередь, больше похож на «ученика», но не по роли, которую он выполняет в университете, а по поведению, которое Ии. оценивается как удовлетворительное или, наоборот, неудовлетворительное и требующее постоянного руководства и опеки. Преподаватели считают студентов достаточно умными и способными, но недостаточно организованными, что подтверждается реакциями не только на первое задание, но и на второе. Личность студента в некотором смысле неполноценна и требует корректировки в отношении либо трудолюбия, либо дисциплины, либо знаний, а такая корректировка и есть задача преподавателя. Можно также сделать вывод, что сами преподаватели, уделяющие столько внимания личностным характеристикам студента, не видят необходимости сконцентрироваться на соответствующей организации их учебной деятельности, на развитие именно этих, интересующих самих преподавателей личностных качеств студентов.

Другой интересной особенностью стали реакции на стимул «идеальный студент», где студент должен «ориентироваться на науку». Тем не менее, преподаватель не считает своей функцией заинтересовать студента научной деятельностью (на стимул «Ваша функция» подобными реакциями можно считать только две – *исследователь, ученый*). То есть в себе преподаватели видят не ученых, передающих научные знания, вводящих студентов в научный мир, а «училок на 1 курсе», которые должны преподнести студенту в готовом виде предписанный объем информации, хотя также и обучать его дисциплине, мотивировать, «наставлять».

Итак, отношение преподавателя вуза к студентам и самому себе неоднородно и в некоторой степени противоречиво. Как видно из анализа результатов эксперимента, по мнению Ии., реальному студенту не хватает мотивированности и трудолюбия, однако то, что это входит в задачи преподавателя, часто упускается из внимания, о чем говорит почти полное отсутствие подобных реакций на стимул «Ваша роль» (ср. малое число реакций типа *заинтересовать* (2), *мотивация* (2), *иногда образец, личный пример*).

Существенным представляется и то, что для Ии. студенты – это не просто индивиды, по отношению к которым выполняются формально предписанные функции, это коллектив личностей с их характерами и отношением друг к другу и учебной среде. Взаимодействие со студентами воспринимается преподавателями не только как официальная коммуникация, в ней также присутствует и личное эмоциональное отношение к студенту как индивиду. Однако же в языковой картине мира профессионального преподавателя образ идеального студента мало соотносится с обучаемым им студентом, а, скорее, с несуществующим идеалом. В то же время свою функцию, полагает преподаватель, он выполняет на должном уровне и функция эта зачастую не является лишь формальностью, а основана на межличностных отношениях преподавателя и студента. Наблюдается и существенная генерализация – стремление всех студентов ставить на одну планку.

3. Образ рабочей среды в ЯКМ преподавателя

Задания второй части эксперимента были направлены на выявление реакций, отражающих в языковой картине мира преподавателя его отношения к профессиональной среде и его месту в ней. Здесь Ии. предлагалось записать реакции на стимулы «Ваша профессиональная среда», «идеальная профессиональная среда», «роль, функция идеального преподавателя», «место и функция идеального преподавателя в идеальной профессиональной среде». К анализу результатов этой части эксперимента мы сейчас и переходим.

Количество реакций на стимул «Ваша профессиональная среда», составило 140. Среди 35 опрошенных, реакции 9 Ии. были связаны только с коллегами, 18 Ии. описывали лишь среду, а реакции 8 Ии. относились и к среде, и к коллегам. Характеризуя свою профессиональную среду, Ии., в первую очередь, отмечают профессиональность коллег, приводя такие реакции, как *профессионализм (2), профессионалы (2) и профессиональные сотрудники, интеллигентность, знания, инициативная, интеллигентный, официальные, трудолюбивая, трудолюбивые, активные, ответственность, начитанный, вдумчивый, внимательный* и др. Также отмечается дружелюбие (*дружба, дружелюбие, дружелюбные, дружеская, душевная, чувство юмора*), доброжелательность (*добрая, доброжелательная (2), доброжелательность по отношению к коллегам, порядочность*) и положительная настроенность (*положительные (2), здорово*) работников университета. Это свидетельствует о своего рода персонификации: профессиональная среда описывается через ее участников; преподаватели имеют дело не непосредственно с профессиональной средой, а с ее конкретными представителями.

Реакции этого задания могут быть разделены также на положительные и отрицательные. Собственно профессиональную среду описывают следующие положительные реакции: *академическая, активная, благоприятная среда, вечная молодость, гибкость, дающий возможности, динамизм, динамичный, дисциплинированная, известная, привычная, инновационная, интерес, интересная, комфорт, комфортная, креативный, мечта, многообещающий, молодость, мышление, наука, научная*. Количество негативных реакций, касающихся описания именно среды, примерно равно положительным: *безатмосферная, беспокойная, бюрократичная, грязный, давление, запарка, изолированное, интеллектуальное насилие, не всегда адекватные административные требования и решения, поступающие свыше, недемократичный в реальности, неоднородная, нестабильность, нетворческое, рутинное, самоуправство, серость, скучное, статичная, стресс, уставшая, утопичная*. Интересно разнообразие и малая повторяемость реакций, что, как думается, является либо погрешностью нашего эксперимента, либо заделом для дальнейших исследований.

Таким образом, положительное восприятие преподавательского окружения происходит за счет хорошего отношения к коллегам, коллективу, который также встречается в качестве реакции (*коллектив (3)*). Несомненно, встречается и отрицательное описание коллег, например, реакции, относящиеся к дружелюбию и доброжелательности в коллективе: *недоброжелательность, недружелюбная, равнодушие*. Эти реакции отражают не саму среду, а то, какое отношение с ее стороны чувствует к себе испытуемый. Однако невозможно как-то однозначно

охарактеризовать отношение Ии. к профессиональной среде, такое отношение, по всей видимости, носит сугубо индивидуальный характер и зависит от требований к среде со стороны Ии., его ожиданий и от его собственных достижений в ней.

На стимул «идеал профессиональной среды» было дано 123 реакции, которые были разделены на семантические группы «профессиональный рост», «свобода творчества», «коллектив».

В семантическую группу «профессиональный рост» входит наиболее частотная реакция *профессионализм* (5), а также схожие реакции: *профессионалы* (2), *профессионал*, *профессиональная помощь*, *профессиональный рост*, *новые профессиональные*, *карьерные возможности*, *самореализующая* и др. В эту же группу были определены такие реакции, как *компетенен*, *компетентность*, *компетентный* и подобные им. Следовательно, Ии. считают, что профессиональная среда должна давать возможности роста в преподавательской и научной деятельности, и вместе с тем требовать от преподавателя компетентности, высокого профессионализма. Профессиональная среда оценивается и по воздействию, которое она оказывает на работников.

Кроме профессионального роста преподавателями также осознается важность творчества, мотивации и предоставления свободы на рабочем месте. Данная семантическая группа была условно названа «свобода творчества», и в нее вошли такие реакции, как *творчество* (2), *идейность*, *интерес к работе*, *свобода*, *свободная*, *энтузиазм*, *мотивирующая*, *творческая атмосфера* и др. Можно полагать, что преподаватели видят свою профессию не только научной, наставнической, но и творческой, а рабочая среда должна предоставлять возможность заниматься творчеством и быть свободным в его выражении.

Была также выделена группа «коллектив», в которой преподаватели признают важность поддержки и помощи в коллективе. Реакциями стали *взаимовыручка* (2), *взаимопомощь* (4), *поддержка* (2), а также *коллектив* (2), *коллективизм*, *слаженный коллектив*, *содружество*, *команда*, *занятая благородной целью* и др. Таким образом, осознается необходимость сплочения коллектива, объединения с другими сотрудниками с целью достижения дружелюбной атмосферы. Однако отмечается и необходимость конкуренции: *здоровая конкуренция*, *конкурентная*, *признание уникальности каждой личности* и др. Иными словами, преподаватель хочет от среды активности, которая позволила бы ему самому развиваться.

Как видно, требование свободы творчества проявляется не только непосредственно в этой тематической группе реакций, но и в других двух группах.

С предыдущим заданием связано следующее, которое направлено на прояснение отношения преподавателя к той роли, которую он в профессиональной среде исполняет. В числе 109 реакций на стимул «Ваша функция, место в профессиональной среде», как и в предыдущем задании, преобладают положительно окрашенные или нейтральные реакции: *коллега* (4), *образовательная* (3), *обучение* (2), *занимательный* (2), *помощь* (2), *просвещение* (2), *пунктуальность* (2), *сотоварищ* (2), *помощь коллективу*, *просветительская*, и др. Количество отрицательных реакций минимально, и мы можем привести здесь их все: *исполнитель*, *маленький винтик в большом механизме*, *получать з/п*, *работающий «за идею»*, *работник*, *рабочий класс*, *серая скотинка*. Все это можно

охарактеризовать как положительную оценку тех функций, которые преподавателю приходится исполнять ежедневно.

Среди реакций прослеживается тенденция относиться к данному стимулу либо нейтрально, либо очень эмоционально. Эмоциональная окраска присутствует в следующих реакциях: *маленький винтик в большом механизме, работающий «за идею», лучшая, отзывчивый, получение ученой степени для достижения социальной стабильности, преподаватель, к которому любой студент подходит с любым вопросом, не боясь, самореализация, смелость, скромность, удовольствие от работы* и др. Здесь вновь видна персонификация, личностное отношение и выражение этого отношения в реакциях на стимул. Нейтральными представляются реакции типа *коллега (4), образовательная (3), обучение (2), помощь (2), преподавание (2), просвещение (2), пунктуальность (2), аспирант, teamwork, дедлайн, делающий, исследователь, начинающий ученый, обучение в аспирантуре, ориентирующая, получать з/п*, и др. Это может говорить либо о формальном отношении к своим функциям, либо о нежелании с достаточной степенью личностного отношения отвечать на этот вопрос.

Отношение преподавателей к их функции и месте в профессиональной среде неоднозначное, хотя большая часть полученных реакций положительная. Это отражает особенность языковой картины мира испытуемых: их высказывания относительно некоторого «объективного» места в среде не нейтральны, весьма часто преподаватели проявляют личностное отношение к профессиональной среде и своей роли в ней.

Стимул «место и функция идеального преподавателя в идеальной профессиональной среде» вызвал 105 реакций, описывающих обобщенное представление об идеальном преподавателе и его функциях и месте в идеальной профессиональной среде. При анализе реакций были выделены две семантические группы: объектная и субъектная. Первая отражает отношение Ии. к среде, его влияние на среду, то есть реакции, направленные на какой-то другой объект. Вторая отражает реакции, направленные на сам субъект, влияние среды на него.

Реакции, которые были отнесены к объектной группе, представлены такими: *обучение (3), профессионал (2), коллега (2), исследовать (2), создавать хороших людей, способных сделать мир лучше, в какой-то степени менеджментская (предпринимательская), вдохновляющий, ведущий, генератор идей, делающий, идущий, источник заботы о студентах и коллегах, источник знаний, источник поддержки, не ограничивать лекциями, обучать, руководитель, создающий вокруг себя благоприятную среду для всеобщего процветания и мир во всем мире!, тяга, учить, функционально соответствовать занимаемому месту, знать свой предмет, уметь его преподавать* и др. Можно сделать вывод, что преподаватель воспринимает свою идеальную функцию как дающую, а реальную – как берущую, что подтверждается такими реакциями на стимул «Ваша функция»: *учеба, получение ученой степени для достижения социальной стабильности, самореализация, удовольствие от работы, аспирант, обучение в аспирантуре, получать з/п, начинающий ученый.*

Субъектная семантическая группа представлена следующими реакциями: *творчество (2), авторитет (2), мотивация (2), анализ полученного опыта,*

good environment, возможность, возможности, границы поощрения не нужно ограничивать, зарплата, исследовательская, каждому воздается по его делам, карьера, конкурентность, креативная (творческая), материальная, научная карьера, научные исследования, новая система работы со студентами, оплата, отпуск, перспектива, премия, престиж в обществе, профессиональный рост, развивающая, развивающегося профессионально, развитие, регуляция, рост, самореализация, учебная работа и др. Неоднократно упоминающиеся реакции, связанные с возможностями творчества и научной деятельности, вновь противоречат идеальной функции, исполняемой преподавателем. От среды также требуется предоставление социального пакета, что может говорить о неудовлетворенности условиями труда, и, как следствие, невыполнением всех желаемых функций.

Были получены также такие реакции, как *не знаю, что тут написать, не существует, сложно даже представить*. Первая говорит о том, что И. трудно представляет себе, чего в среде нет, но он хотел бы, чтобы было. Две последние явно неоднозначны, они могут выражать суждение «хуже быть не может» или, наоборот, «лучше не бывает».

Следует сравнить описание идеальной среды с функциям Ии. как преподавателей и как профессионалов в этой среде. Большинство Ии. приводили реакции, связанные с их ролью преподавателя как учителя и наставника, однако их научная и творческая деятельность почти не упоминалась в реакциях. Представляет определенный интерес тот факт, что Ии. требует от профессиональной среды мотивации, поддержки, свободы, возможности творить, то есть возможности заниматься тем, чему они сами времени не уделяют, и к чему не особо стремятся. Более того, согласно полученным реакциям на стимул «функция идеального преподавателя», Ии. и не должны заниматься подобной деятельностью.

4. Выводы

Проведенный ассоциативный эксперимент был направлен на выявление самых общих особенностей ЯКМ преподавателя, более детальное ее изучение должно, несомненно, совмещать в себе комплекс различных экспериментальных процедур и базовых теорий. Но уже сейчас можно сделать кое-какие обобщающие выводы.

Идеальное и реальное в языковой картине мира преподавателей не всегда совпадает: образ идеального студента и идеальной профессиональной среды представлены во многом разными реакциями, зачастую Ии. не видят в реальности того, что хотели бы видеть и что является частью идеального образа. И от студентов, и от рабочей среды преподаватели далеко не всегда получают то, что хотели бы получить, но, в свою очередь, они отдают студентам и работе только то, что считают нужным, а не всегда именно то, что от них объективно требуется. Кроме того, отношение к профессиональной среде не лишено противоречий, выражающихся в разном отношении к идеальному образу и реальной ситуации: часто то, чего преподаватель требует от студента и от рабочей среды, не предъявляется им как требование к самому себе.

Профессиональной среде и профессиональному общению преподавателем приписываются характеристики участников (коллектива), она воспринимается через участников. Через отношение к профессиональной среде преподаватель

выражает отношение к собственным достижениям и неудачам, связанным либо с самореализацией, либо с коллективом и условиями работы. Стремление к персонификации и генерализации, а также эмоциональность подобных реакций проявляются в ходе всего эксперимента. В целом образ студента представляется более конкретным и устойчивым, а образ среды – более размытым, меняющимся и абстрактным. Об этом говорит количество повторяющихся реакций – большее в первом случае и меньшее во втором.

Часть языковой картины мира, относящаяся к работе и профессиональной среде, тесно связана с образом мира в целом и подвергается всегда преломлению через личность, эмоции и переживания индивида. Количество и, так сказать, качество ответов Ии. говорит о том, что для преподавателя вуз – не просто «профессиональная среда», а «*моя* профессиональная среда», она не оставляет преподавателя равнодушным и отстраненным. Несмотря на официальность обстановки на работе, она переживается и оценивается – у кого-то менее, а у кого-то более эмоционально. Характер и возможные причины несоответствия реального и идеального, отношения преподавателей к студентам, самим себе, коллегам и рабочей среде, а равно и студентов к преподавателям – все это является задачей для дальнейших исследований, могущих пролить свет на глубинные проблемы не только взаимоотношения преподавателей и студентов, но и вообще образования.

Проведенный эксперимент носил предварительный, так сказать, вводный характер, потому нами не учитывалось то, какая реакция дана первой, какая второй и т.д., но это без сомнения важно и требует более детального изучения с расширением контингента испытуемых.

Также в эксперименте нами не учитывались гендерная принадлежность и возраст испытуемых, что может представлять определенный интерес для дальнейшего исследования в этой области. Перспективным представляется и привлечение преподавателей различных направлений (технических, социальных, гуманитарных и т.д.) в их сравнении, а также выявление «сезонных» изменений (в начале и в конце учебного года) в профессиональной ЯКМ преподавателей.

Литература

Вайсгербер Й.Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2. – С. 114-124.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – 240 с.

Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. – М.: 1989. – С. 32–62.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. – Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. – С. 123–130.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2001. – 511 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология: уч. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.

Н.Л. Зелянская

УДК 81'23

**ОБРАЗ МИРА ПОЛИТИКА:
ДОМИНИРУЮЩИЕ КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И КОНЦЕПТЫ¹**

Целью исследования является реконструкция образа мира политической личности В. Путина на материале текстов его публичных выступлений в прямом эфире за 2010-2012 гг. (2854 контекста). Реконструкция осуществлялась с помощью информационной системы «Семограф» (semograph.com). Образ мира политической личности В. Путина подчеркнута рационалистичен, тем не менее, его важным элементом становится оценочность – создание общего положительного эмоционального фона. Центральным принципом образа мира является «отрицание», свидетельствующее об «апофатической» когнитивной стратегии, предпочитаемой политиком, что говорит об имплицитно присутствующем контексте борьбы.

Ключевые слова: образ мира политической личности, политический дискурс, частотный анализ текста, графосемантическое моделирование.

Natalya L. Zelyanskaya

**POLITICIAN'S IMAGE OF THE WORLD:
DOMINANT COGNITIVE STRATEGIES AND CONCEPTS**

Research objective is reconstruction of the image of the world of the political identity of V. Putin on material of texts of his public speeches on the air in 2010-2012 (2854 contexts). Reconstruction was carried out by means of information system Semograph (semograph.com). The image of the world of the political identity of V. Putin is rational. Nevertheless, estimation becomes its important element, it is creation of the general positive emotional background. The central principle of the image of the world of V. Putin is the «denial», which testifies the «apophatic» cognitive strategy preferred by the politician that speaks about implicit context of fight.

Keywords: image of the world of the political identity, political discourse, frequency analysis of the text, graphic-semantic modeling.

Введение

Образ мира в современной науке рассматривается в разных исследовательских парадигмах. Являясь психологической по происхождению, проблема образа мира вышла за рамки психологического дискурса, обрстая нюансами, связанными с предметными областями других наук, и одновременно увеличивая объяснительный потенциал понятия.

---

¹ Исследование выполнялось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-04-12015).

Методологические предпосылки описания особенностей «построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности» [Леонтьев 1979: с. 6] оказалось возможным экстраполировать на закономерности интерпретации действительности национальными, культурными, профессиональными сообществами [Гусев, Дубчук 2013; Найдорф 2011; Гачев 1998; Ханина 2009; и др.]. Тщательная проработка структурных, функциональных, содержательных компонентов понятия образ мира в исследованиях Е.Ю. Артемьевой, В.Ф. Петренко, В.В. Петухова, С.Д. Смирнова, В.П. Серкина и др. позволила посредством реконструкции образа мира изучать языковое сознание в разных его проявлениях [Уфимцева, Тарасов 2009], психологические и психофизиологические аспекты мыслительной деятельности [Горобец 2009; Серкин 2009], культурологические и повседневно-бытовые категории [Найдорф 2011; Сайко 2009; Серкин 2009] и т.д.

Действительно, образ мира оказался тем конструктом, который способен репрезентировать смысловые связи, являющиеся дорефлективной предпосылкой деятельности личности и / или коллектива как совокупности индивидуальностей, объединенных культурным, социальным – и любой другой семантически значимой общностью. Образ мира одновременно обусловлен глубинными психологическими процессами и выработанными общественной практикой эталонами, потому индивидуальная и социальная составляющие образа мира существуют неотделимо друг от друга – как принцип, организующий человекообразный мир, принцип, влияющий на процессы интериоризации и поведение человека в этом мире.

В рамках филологических исследований проблема образа мира стала одной из перспективных, особенно в последнее время, т.к. в условиях усиливающегося влияния Интернета человеческая деятельность максимально текстуализировалась. Действительно, тесная связь индивидуального образа мира с деятельностным контекстом [Леонтьев 1983: 254; Серкин 2009: 110], с процессами социальной самоидентификации и реализации [Тарасов 2008: 10] указывает на то, что естественной средой формирования и проявлений образа мира является коммуникативное пространство. А тот факт, что феномен образа мира функционально коррелирует с понятием картины мира (может быть рассмотрен в качестве интериоризированной картины мира [Артемьева 1999: 21]), дает основания считать материалы вербальной / текстовой деятельности наиболее адекватными для изучения образа мира.

Мы понимаем образ мира как систему принципов, организующих актуальные для человека смыслы, представления, категории, мировоззренческие установки – все, составляющее содержательное наполнение картины мира человека [Белусов, Зелянская 2012].

Метод

В данной статье реконструируется образ мира политической личности В. Путина на материале его публичных выступлений в прямом эфире за 2010-2012 гг. (2854 ответа на вопросы, т.е. контекста). В этот период политик сначала занимал пост председателя Правительства (до мая 2012 г.), а затем президента Российской Федерации. Коммуникация полностью соответствовала всем признакам современного медиа-общения: формально дистанционное опосредованное общение

преобразовывалось в непосредственное общение с обратной связью – мгновенной (отклики присутствующей на пресс-конференциях аудитории) или отсроченной во времени вплоть до сегодняшнего дня (комментарии на форумах).

Реконструкция образа мира осуществлялась нами с помощью метода графосемантического моделирования, предложенного К.И. Белоусовым и Н.Л. Зелянской, и частотного анализа, объединенных в рамках информационной системы «Семограф» (<http://semograph.com>) [Баранов, Белоусов и др. 2011] в единую исследовательскую программу.

Частотный анализ и моделирование проводятся в несколько этапов.

На первом этапе генерируется список слов с показателями встречаемости их в корпусе. В «слова» объединяются знаки, имеющие одну форму (означающее), которая может соотноситься с разными означаемыми.

Проведение частотного анализа текстов и текстовых корпусов должно осуществляться не столько на основе подсчета встречаемости отдельных слов, сколько их значений, реализованных в конкретных контекстах. В ИС «Семограф» отличия в реализованных значениях передаются на уровне лексем. Лексема понимается как словесный знак, рассматриваемый в совокупности своих форм (словоформ), имеющих одно значение (лексико-семантический вариант), т.е. каждое использование слова в одном значении в совокупности всех грамматических форм при таком подходе будет оформляться в отдельную лексему.

На втором этапе после генерации частотного списка слов в ИС «Семограф» создаются лексемы из отдельных реализованных в контекстах значений.

На третьем этапе осуществляется группировка созданных лексем в семантические общности лексем, объединенные интегральным семантическим признаком – семантические поля.

Четвертый этап состоит из генерации семантических карты и графа (С-карты и С-графа). С-карта – это матрица $N \times N$, строки и столбцы которой образуют сформированные на третьем этапе семантические поля, а в ячейках на пересечении строки и столбца размещается показатель совместного употребления двух полей в контекстах всего корпуса текстов. Границы контекстов в тексте устанавливаются вручную и контекст (фрагмент текста между двумя границами сегментации) соответствует одному ответу на вопрос в анализируемых интервью.

Полагается, что если два слова (и созданные на их основе лексемы) присутствуют в одном контексте, то они становятся связанными между собой через отнесение их к одному контексту. Поскольку каждая лексема относится к какому-то полю, постольку полагается наличие структурных связей между полями, в которые входят указанные лексемы и непосредственно репрезентирующие их в контекстах слова. Таким образом, для каждого контекста автоматически подсчитываются все комбинации слов; а далее через лексемы, в которые входят слова, устанавливается связь между семантическими полями. Затем полученные по каждому контексту данные суммируются и результатом становится С-карта всего корпуса текстов.

Следует отметить, что значения, отражаемые в С-карте, могут быть представлены как в абсолютных величинах, так и в относительных. Относительные показатели рассчитываются как отношение абсолютных показателей к общему ко-

рались те, которые по модулю превышали значение 0,4. Кроме того, мы ориентировались на показатель плотности графа, не превышающий 0,35: опытным путем мы обнаружили, что в этих пределах плотности интерпретируемость графа бывает оптимальной.

В таблице 1 представлены семантические поля, обладающие частотностью выше 0,2, они также образуют значимые семантические связи, превышающие 0,4. Данные поля отражают основные актуальные для В. Путина смыслы.

Таблица 1. Значимые семантические поля образа мира политической личности В. Путина

Поле	Частотность
Отрицание	0,34
Я	0,32
Предмет интеллектуальной деятельности	0,30
Положительные характеристики	0,29
Интеллектуальная деятельность	0,28
Речевая деятельность	0,26
Количество	0,26
Вы	0,24
Отношения	0,24
Временные периоды	0,22
Прошедшее время	0,22
Обобщенное название пространства	0,22
Процесс	0,22
Конструктивные действия	0,22
Социально-демографические роли	0,21
Настоящее время	0,20

Результаты

Графосемантическая модель позволяет реконструировать иерархию отношений между семантическими полями, т.е. принципы организации смысловых тенденций, функционирующих в текстах выступлений В. Путина и отражающих способы политика встраиваться в современный политический дискурс. Данная модель является репрезентантом образа мира политика.

Реконструированная модель обладает ярко выраженной структурной целостностью: связи между доминирующими полями распределены равномерно, постепенное уменьшение значимости (частотности) поля сопровождается таким

же постепенным снижением его валентности (количества образуемых связей). Все поля в полученной модели создают, как видится, бесконфликтное единство, нет тенденций к формированию автономных структур со своим, альтернативным, центром. Таким образом, в модели не представлены разнообразие и борьба когнитивных сценариев, вариантов категоризации мира, отражающие актуальную для политика вариативность деятельностных стратегий. На этом основании мы можем предположить целостность и единство репрезентируемого образа мира политической личности В. Путина и/или тщательную продуманность и самоконтроль речевого поведения политика даже в ситуации прямого эфира, предполагающей минимальную подготовленность публичного выступления.

Смысловое пространство образа мира выстраивается на основании взаимодействия двух концептов: «Отрицание» и «Я». Репрезентирующие их поля обладают максимальной частотностью; кроме того, «Отрицание» связано со всеми остальными полями модели, а «Я» не связано только с полями «Настоящее время» и «Государственное устройство», имеющими всего по одной связи достаточной силы с – «Отрицанием».

Доминирование смысловых тенденций, базирующихся на отрицании, отчасти согласуется с выводами психолингвистов об основных понятиях, характеризующих языковое сознание современных россиян: «Центральными для языкового сознания русских (начиная, по крайней мере, с 60-х годов XX века) являются такие понятия, как человек, дом, жизнь, хорошо, друг, *нет* (выделено нами. – Н. З.), большой» [Уфимцева, Тарасов 2009: 27].

Однако для образа мира важны не только составляющие элементы, концепты, совершенно естественно совпадающие с общенациональным опытом группы, в которую входит конкретная языковая личность. Прежде всего, имеет значение системность образа мира, способы организации смыслов, их сочетаемость. Образ мира политической личности В. Путина, явно определяясь одной из основных доминант русской языковой личности (хотя в общероссийском контексте негативы занимают шестое по частотности место, у политика – первое, что является отличительной чертой), свою индивидуальную, профессиональную специфику обнаруживает именно в организации основных смысловых тенденций.

Структурные связи поля «Отрицание» в реконструированном образе мира свидетельствуют о специфической «апофатической» когнитивной стратегии, предпочитаемой политиком. Любое значимое утверждение, определение основных принципов миропонимания и мировидения, мотивировок деятельности и решений происходит через необходимый предварительный процесс развенчания, опровержения противоречащих позиций. Утверждение личностного выбора и речевая самопрезентация В. Путина также происходит через отрицание, «апофатически»: поля «Я» и «Отрицание» объединены самой сильной связью (см. выделенные лексеммы в примере 1).

Пример 1. Что касается вчерашнего решения, я свою позицию уже определил. Я с Вами не согласен категорически. Во-первых, еще раз повторяю, речь идет не о конкретных людях, а об отношении американских властей к проблемам в случае возникновения неординарных ситуаций, связанных с нарушением прав ре-

бенка и совершением уголовных преступлений. Они хорошо известны, хорошо известна и реакция американских властей.

Я еще раз говорю, они просто **не допускают** российских представителей к этим проблемам, даже в суд **не пускают** в качестве наблюдателей. Я считаю, что это **неприемлемо**. Вы считаете, это нормально? Что же здесь нормального, если вас унижают? Вам это нравится? Вы садомазохист, что ли? Страну **не надо унижать** [Пресс-конференция... 2012].

«Отрицание» как основной миростроительный принцип выводит на первый план контекст борьбы, противостояния. Но одновременно, если продолжать аналогию с апофатикой, отрицание помогает исключить из процесса рассуждения ложные установки, даже если они являются общепринятыми утверждениями, так называемыми, «общими местами». Так, доминирующей интенцией реконструированного на материале публичных выступлений образа мира политической личности В. Путина является стремление противостоять сложившимся убеждениям, представлениям об основных объектах обсуждения – России, российской внешней и внутренней политике. Остальные концепты мирообраза конкретизируют и детализируют данную интенцию.

Важное место в модели образа мира политика занимают поля «Предмет интеллектуальной деятельности», «Положительные характеристики», «Интеллектуальная деятельность» (упомянуты в порядке уменьшения частотности и количества образованных связей).

Речевая демонстрация результатов интеллектуально-мыслительной работы, акцент на процессе продумывания, планирования, решения стратегических и тактических задач указывает на главные приоритеты деятельности В. Путина и на предпочитаемые способы реализации этой деятельности.

*Пример 2. Во всем этом нужно **разобраться**. И если Вы хотите меня спросить, вот что нужно конкретно сейчас написать, я еще **подумаю*** [Пресс-конференция... 2012].

Кроме того, доминирование интеллектуальной составляющей отражает базовый принцип организации репрезентированного образа мира, подчиненного по преимуществу рациональным составляющим психики.

В данном контексте сильная позиция поля «Положительные характеристики» может отражать продуманное конструирование положительно окрашенного эмоционально-аксиологического фона, который призван подкрепить интеллектуальные выкладки и доказательства политика. Заметим, что поле «Отрицательные характеристики» отсутствует на модели совсем (оно имело незначительные статистические показатели). Продуманные аргументы и позитивный оценочный фон как бы дополняют собой «апофатическую» основу образа мира политической личности В. Путина, приходя на смену отрицаемым постулатам.

*Пример 3. Дело **не в конкретных людях**, американских граждан, которые усыновляют наших детей. Там и трагедии случаются, и мы об этом знаем, но подавляющее большинство людей, которые усыновляют наших детей, ведут себя очень адекватно, **это добрые порядочные люди**. Реакция депутатов Государственной Думы не на эту деятельность, а на позицию американских властей* [Пресс-конференция... 2012].

Цельную семантическую структуру образа мира политической личности В. Путина продуктивно интерпретировать с функционально-тематической точки зрения, т.е. рассмотреть поля и образуемые ими связи в соответствии с несколькими тематическими группами, в которые логично объединяются построенные нами семантические поля.

Прежде всего, интерес представляют поля, передающие семантику субъектных отношений: «Я», «Вы», «Социально-демографические роли», «Отношения». Субъектное пространство включает в себя субъектов коммуникации: «Я», репрезентирующее коммуникативное «Я»-политика, и «Вы»-собеседника. Непосредственный адресат высказывания занимает в образе мира политической личности В. Путина условную позицию (связь между соответствующими полями достаточно слаба), реальный собеседник предстает только в качестве одного из объектов воздействия. Еще меньшей значимостью в модели обладает поле «Социально-демографические роли», в которое вошли лексемы, обозначающие людей – российских граждан – по профессиональным, возрастным, гендерным и т.п. характеристикам. Это поле существует только в связи с «Я»-позицией самого политика, в контексте положительного оценочного фона и общей «апофатической» направленности реконструированных представлений о мире. Появление данного относительно «слабого» поля среди других важных смысловых групп можно объяснить продуманной коммуникативной необходимостью, т.к. лексемы, вошедшие в него, контекстуально обозначали граждан России, принадлежащих к разным слоям общества. И непосредственный коммуникант, и россияне, упоминаемые политиком в своей речи как носители социальных черт, не только имеют меньшую значимость, нежели порождаемое высказывание, размышления, планируемые активные действия (высокий пост, возможно, требует мышления стратегическими категориями), они не являются основными адресатами, на которых ориентирована деятельность политика. Знаменательно, что «Вы» и «Социально-демографические роли» структурно не связаны с полем «Отношения», вобравшим в себя возможный спектр важных для В. Путина отношений между людьми. Вокруг данного поля в модели объединились все важные для политика концепты (уже упомянутые частотные), соотносящиеся со сферой межсубъектных отношений. Но среди них нет описанных выше субъектов, за исключением «Я». Остальные субъекты, очевидно, в речах политика выполняют функцию декларативно и риторически важных элементов, выпускать которые нельзя, но которые не имеют достаточного потенциала значимости, чтобы занять самостоятельную позицию в пространстве межсубъектных отношений, представляющих ценность для В. Путина.

*Пример 4. Во-первых, я хочу Вас поздравить и с приближающимися праздниками, и с результатами работы хочу поздравить горняков. Должен сказать, что объемы добычи и реализации внутри страны и на экспорт угля постоянно растут, в этом году по сравнению с прошлым годом **горняки** вышли на новые рубежи. У нас и добыча увеличилась, и поставки на экспорт тоже увеличились, это отличный показатель. Работа горняков сложная и очень опасная, конечно, она требует постоянного внимания со стороны государства. **А те люди, которые оказались в трущобах, по сути, – в ветхом жилье, конечно, нуждаются в под-***

держке страны в целом и федерального Правительства [Пресс-конференция... 2012].

Обращение к реальному собеседнику происходит для демонстрации достижений горнодобывающей отрасли, рассуждения о «горняках» – конкретных людях, представителях профессионального сообщества – являются переходом для освещения большой государственной программы.

Так, важные смысловые интенции образа мира политической личности В. Путина, относящиеся к сфере межсубъектной коммуникации связаны с имплицитным субъектом, непосредственно не принимающим участие в разговоре, находящимся вне ситуации общения. В качестве коммуникативного посыла этот принцип позволяет предположить присутствие важного имплицитного адресата в каждой ситуации публичной политической коммуникации, в которой участвует политик. Именно фигура этого адресата обуславливает динамику развития реконструированного коммуникативного пространства, внешне целостного и бесконфликтного. Коммуникативный вектор направлен на «апофатическое» опережение предполагаемых возражений, негативных реакций имплицитного собеседника, «надстоящего» над разворачивающейся коммуникативной ситуацией. (Мы позволим себе провести аналогию между указанным имплицитным субъектом и категорией Супер-эго, являющейся своеобразным альтер-эго коммуникативного Я политика в данном случае).

В следующую группу мы объединили поля, репрезентирующие виды действий и их характеристики. В частности, мы включили сюда поля «Интеллектуальная деятельность», «Речевая деятельность», «Конструктивные действия», «Процесс».

Самую влиятельную позицию ожидаемо занимают действия, связанные с интеллектуальной деятельностью и с речью. Они отражают основной способ декларируемого операционального взаимодействия политика с миром – решения, планирование, размышления и речевое выражение результатов этой деятельности. Именно данные формы деятельности представлены в модели образа мира в процессуально-временном контексте: соотносятся с полем «Процесс» (см. *пример 2*, в котором подчеркнута процессуальность).

Прямой способ взаимодействия с миром через непосредственный акт его изменения, разрушения, преобразования занимает подчиненную позицию. Причем в выступлениях политика представлен только положительный полюс деятельности подобного рода – конструктивные действия (см. *пример 4*). Отсутствие деструктивного полюса является дополнительным подтверждением акцентирования позитивных интенций в реконструированном образе мира. Кроме того, данный факт уточняет природу доминирующего концепта «Отрицание», негативная семантика которого мотивирована стремлением доказать принципы, противоречащие принятым, но соответствующие убеждениям политика.

В следующую группу вошли поля, связанные с оценочной сферой: «Положительные характеристики», «Количество». Оценочные компоненты образа мира политической личности В. Путина немногочисленны и, очевидно, строго выверены. В текстах выступлений кроме регулярно воспроизводимого позитивного оце-

ночного фона, о котором мы уже упоминали неоднократно, значимостью обладают только количественные характеристики, которые необходимо должны присутствовать в речи политика, особенно занимающего высокий пост: они свидетельствуют о степени осведомленности в государственных, экономических, социальных, политических и др. вопросах, а также о точности и достоверности транслируемой информации. Остальные оценочные суждения не обладают достаточной значимостью, потому другие возможные оценки и характеристики отсутствуют в мирообразе политика (либо исключены вследствие неответствия выстроенной В. Путиным стратегии речевой самопрезентации).

Последний значимый тематический блок, сформированный нами из семантических полей, отражает специфику пространства и времени, актуальных для политика. В эту группу вошли поля «Временные периоды», «Процесс», «Прошедшее время», «Настоящее время», «Обобщенное название пространства». Для анализируемого образа мира более актуальна категория времени: она воплощается как в виде лексем, обозначающих конкретные временные отрезки разной продолжительности, времена года, этапы, так и в качестве неотъемлемого компонента любого процесса. Временные параметры сориентированы на поддержание и подтверждение апофатической направленности: служит целям развенчания устоявшихся взглядов общества, политического сообщества. Аргументы сориентированы во времени, приурочены к какому-либо периоду или этапу деятельности.

*Пример 5. Вы знаете, ведь в результате всех событий вокруг Химкинского леса строительство дороги было перенесено на **полтора года**. В какой-то **момент** сложилась ситуация, когда иностранные партнеры сказали: если вы не в состоянии решить внутренних проблем, мы ждем еще несколько **дней** или несколько **недель** и из проекта выходим* [Пресс-конференция... 2012].

Кроме того, важным в структуре образа мира политика является акцентирование процессуальности. Эта тенденция, на наш взгляд, представляет собой следствие фиксации любой деятельности во времени. Но, как уже было отмечено выше, в большей степени процессуальность подчеркивается, когда речь идет о предметах интеллектуальной деятельности: все решения, планы, задачи и пр. предстают в мирообразе политической личности В. Путина в качестве развивающихся, изменяющихся феноменов.

Если рассматривать время в его принадлежности к настоящему, прошедшему и будущему, можно отметить доминирующую активность прошедшего времени. В прошлом располагает политик основные концепты, определяющие главные интенции его образа мира – (апофатического) отрицания, утверждения положительного оценочного фона и интеллектуализма. Прошлое является предметом рефлексии и поиска аргументационной базы для обоснования собственной правоты и источником позитивных эмоций и суждений.

*Пример 6. Вы знаете, у нас же хорошо известно, что в **Российской империи** не было деления на национально-территориальные образования, были просто губернии* [Пресс-конференция... 2012].

Настоящее время для политика в большей степени является источником отрицания, образцом неудовлетворительного положения вещей, требующего кор-

рекции в соответствии с иными, более правильными, нормами. Будущее время в модели не представлено, т.е. оно гораздо менее значимо для выбранных при публичных самопрезентациях целей. Очевидно, прямые проекции в будущее, четкие обещания и раскрытие планов рассматриваются как противоречащие утверждаемым положениям, акценты сделаны не на демонстрацию будущих достижений, а на процесс самой деятельности.

Пример 7. Если бы мы начали на полтора года раньше, то это не значит, что сегодня не было бы той ситуации на этой трассе в связи с выпадением снега, потому что на этом участке, я думаю, она не была бы еще закончена, строительство. А может быть, была бы, я просто графики эти не знаю. Но то, что она бы строилась гораздо быстрее, это очевидный факт [Пресс-конференция... 2012].

Интересно в данной связи, что коммуникативное Я политика в большей степени разворачивается во времени. Значимое пространство передается лексемами, образовавшими семантическое поле «Обобщенное название пространства», т.е. максимально отстранено от реальной предметно-географической локализации. Так, в основном образ мира политической личности В. Путина сориентирован на абстрактно-универсальное пространство, рассматриваемое как предмет интеллектуальной деятельности или даже как ментальный топос, в котором эта деятельность и осуществляется. Время для системы координат, в которой доминирует мыслительный процесс, логично становится более значимым фактором.

Выводы

Политический дискурс составляют ситуации, наиболее явно демонстрирующие успешность / неуспешность коммуникативной стратегии агенса политической реальности. В свою очередь, образы мира популярных политиков репрезентируют предпочитаемые обществом стратегии коммуникации. Коммуникативное пространство, создаваемое политиками, занимающими важные государственные посты, может дать представление о государственных установках на взаимодействии внутри страны и за ее пределами.

В. Путин – политик, репрезентативный для России. Обобщая, можно сказать, что образ мира политической личности В. Путина, прежде всего, строится на подчеркнутом рационализме, что предполагает аналитический подход ко всем обсуждаемым вопросам. Тем не менее, важным элементом становится оценочность – создание общего положительного эмоционального фона.

Основным принципом образа мира является отрицание, которое вместе с подчеркнутой Я-центричностью свидетельствует о важности контекста борьбы, противостояния, воспринимаемых в личностном ключе. Борьба воспринимается здесь в качестве конструктивного принципа, – развенчивающего сложившиеся представления о России, российской внешней и внутренней политике и утверждающего новые истины.

Рациональная сконструированность мира политической личности В. Путина способствует тому, что образ коммуникативного Другого лишается черт реального адресата, на которого ориентируется сообщение, приобретает лишь функциональную природу. Значимый адресат просматривается в желании опередить

предполагаемые возражения, возможные негативные реакции, т.е. «смыкается» с Сверх-Я политика.

Литература

Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. – М.: Наука: Смысл, 1999. – 350 с.

Баранов Д.А., Белоусов К.И., Влацкая И.В., Зелянская Н.Л. Система графо-семантического моделирования [электр. издание] /. – М.: Свидетельство о государственной регистрации в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам. Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ № 20111617192 от 15.09.2011.

Белоусов К.И., Зелянская Н.Л. Образ мира политика (по данным частотного анализа лексики) // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2. – С. 60-65.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. – М.: Академия, – 1998.

Горобец Т.Н. Образ мира. Психофизиологический и социальный аспекты // Мир психологии. – 2009. – № 4. – С. 57-67.

Гусев А.Н., Дубчук А.С. Связь различных слоев образа мира с профессиональным опытом личности // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Педагогика и психология. – 2013. – Вып. 1. – С. 11-26.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2. – 392 с.

Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Московского университета. – Сер. 14. Психология. – 1979. – №. 2. – С. 3-13.

Найдорф М.И. Парные категории культурологии. Статья первая // Вопросы культурологии. – 2011. – № 1. – С. 4-11.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.

Петухов В.В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник Московского университета. – Сер.14 Психология. – 1984. – №4.

Пресс-конференция Владимира Путина 20 декабря 2012 года, 16:40. Москва. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17173> (дата обращения: 30.09.2014).

Сайко Э.В. Образ мира как условие бытия и действия человека // Мир психологии. – 2009. – № 4. – С. 3-10.

Серкин В.П. Взаимосвязь образа мира и образа жизни // Мир психологии. – 2009. – №4. – С. 109-119.

Система графосемантического моделирования / Д.А. Баранов, К. И. Белоусов, И. В. Влацкая, Н. Л. Зелянская: свидетельство о гос. регистрации в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам. Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ № 20111617192 от 15.09.2011.

Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира как парадигма психологического мышления / С.Д. Смирнов // Мир психологии. – 2003. – №4.

Тарасов Е.Ф. Образ мира // Вопросы психолингвистики. – 2008. – №8. – С. 6–10.

Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 10. – С. 22-29.

Ханина И.Б. Образ мира и профессиональный мир // Мир психологии. – 2009. – № 4. – С. 179-187.

И.А. Медведева

УДК 81'23

**ВЕРБАЛЬНАЯ САМОПОДАЧА В УСЛОВИЯХ ДИСКРЕДИТИРУЮЩЕГО
ОБЩЕНИЯ:
РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ ЗАЩИТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Статья посвящена исследованию вербального опыта самоидентификации в ситуации конфликтного, провокационного общения на примере дискурса телевизионного шоу. Автор выделяет набор речевых моделей защитной самоподачи, фиксируя их интенциональные установки и лингвистические маркеры.

Ключевые слова: вербальная самоподача, защита идентичности, речевая формула, интенция, лингвистические маркеры.

Irina A. Medvedeva

**VERBAL SELF-PRESENTATION IN A DEFAMATORY
COMMUNICATION:
VERBAL FORMULAS TO PROTECT IDENTITY**

The article investigates the verbal experience of identification in a defamatory communication in television show discourse. The author finds a set of verbal models of protective self-presentation and describes intentional settings and linguistic markers of the formulas.

Keywords: verbal self-presentation, identity protection, verbal formula, intention, linguistic markers.

В наш век стремительных трансформаций в общественных отношениях человеку становится всё сложнее поддерживать внутреннюю согласованность и устойчивость своего «Я». Наблюдается кризис идентичности на уровне самосознания как отдельной личности, так и в рамках поколений [Патырбаева, Козлов, Мазур, Конобеев и др. 2012]. Особенно остро эта тенденция ощущается в культурах коллективистского типа, предполагающих такие ценностные ориентации, как значимость мнения другого, установка на близость, отказ от эгоцентризма и личной выгоды.

В этой ситуации выступает на первый план проблема поддержания идентичности личности, которая может быть решена на двух уровнях: на внутреннем – через формирование личностной автономии, критериев оценки с учетом индивидуально-психологических особенностей и т.д.; и на внешнем – через активацию защитных механизмов, среди которых в том числе можно назвать повышение уровня коммуникативной компетентности отдельной личности.

Э. Эриксон, основатель базового подхода к изучению проблемы идентичности, считал, что обладать идентичностью значит иметь личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильности владения личностью собственным «Я» независимо от внешних и внутренних изменений, способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития.

Социально-психологическая природа термина «идентичность» определила круг основных его интерпретаций: идентичность понимается как один из элементов структуры психики человека (или «Я-концепция»), как результат идентификации человека или группы людей с социальной общностью, как ощущение и переживание субъектом аутентичности или принадлежности к другому, как форма описания структуры, некая схема, когнитивно-аффективный элемент или объяснительный принцип, механизм, интерпретирующий и объясняющий различные социальные особенности поведения индивида в обществе и т.д.

Опираясь на анализ литературных источников, можно определить идентичность как особое психическое состояние, переживание индивидом своего «Я», которое не является статичным (представление человека о себе меняется с течением жизни и при этом сохраняет свою основу; процесс поиска идентичности никогда не прекращается [Смирнова, Киселев 2002: 60]) и монолитным (система внутренних идентичностей представляет собой устойчивые сгустки опыта личности [Козлов 2007: 176]).

Исследования идентичности имеют богатую историю в различных гуманитарных науках: философии, социологии, психологии, антропологии, культурологии (В.С. Агеев и А.К. Толмасова, Р. Бернс, И. Гоффман, М.В. Заковоротная, Н.Л. Иванова, В.В. Козлов, И.С. Кон, Э. Эриксон, В.А. Ядов и др.). Что касается работ по изучению идентичности в рамках психолингвистической парадигмы, то, к сожалению, пока они довольно малочисленны (Е.И. Горошко, М.С. Школова, Б.Б. Ярмахов, Е.П. Матузкова).

Цель данного исследования – с помощью дискурс-анализа определить и проанализировать речевые модели вербализации самоидентификационного опыта в ситуации конфликтного, провокационного общения.

Эмпирической базой послужили видеозаписи ток-шоу «Школа злословия» Татьяны Толстой (далее – «ТТ») и Авдотьи Смирновой (далее – «АС»), выпуски за 2014 г. Объем исследуемого материала суммарно составил 798 минут, то есть более 13 часов эфирного времени.

Выбор программы «Школа злословия» объясняется рядом причин: во-первых, возрастающей ролью дискурса телевизионного шоу в формировании современных речевых стереотипов: участники шоу транслируют актуальные речеповеденческие модели и способы межличностной коммуникации, формируя тем самым коммуникативную компетенцию массовой аудитории; во-вторых, в центре внимания передачи оказывается успешная личность (поэт, ученый, актер, шоумен и т.д.), что дает богатый материал для анализа техник самоподачи, включающих в себя не только самопрезентацию, но и самораскрытие личности; в-третьих, ориентированность программы на конфликт, агрессию и разоблачение имиджа создает удачный контекст для поиска моделей защитной самоподачи, а диалоговая форма общения ведущих и гостей программы позволяет проследить перлокутивные эффекты вербальных техник противостояния.

Стоит заметить, что до настоящего времени в поле внимания лингвистов чаще попадали техники дискредитации личности, в том числе рассматриваемые на примере коммуникативных стратегий ведущих «Школы злословия» [Шаповалова

2006]. В данном исследовании впервые предпринята попытка определить речевые модели защитной самоподачи и поддержания идентичности.

Любая коммуникативная ситуация самопредъявления может быть репрезентирована набором типичных речевых формул, которые являются показателями, с одной стороны, качеств субъекта речи, с другой – конкретной ситуации общения. Речевая формула представляет собой систему стереотипных семантико-грамматических элементов, характерных для целой группы высказываний, принадлежащих определенному контексту и имеющих похожую интенциональную установку.

Вербальная самоподача предполагает рассказ о себе либо с целью произвести положительное впечатление, когда максимально учитываются параметры ситуации (контекст общения, характеристики слушающего, обратная связь и т.д.), либо с целью самораскрытия и создания близости с партнером (в этом случае происходит более спонтанная, незапланированная самоподача, предполагающая раскрытие чувств и переживаний). И самопрезентация, и самораскрытие личности могут инициироваться говорящим самостоятельно, а могут быть представлены в качестве ответа на вопрос, например, в момент интервью.

*АС: Татьяна, **Вы филолог?** Я видела Вашу книжку о Державине, но я не знаю сферу Ваших научных интересов...*

*Татьяна Смолярова: **Безусловно, я филолог. И XVIII век находится в центре моих научных интересов.***

В приведенном высказывании Татьяна Смолярова не столько представляет, сколько подтверждает характеристики свой личности (род занятий, сферу интересов). Как видно из примера: стиль общения ведущего нейтральный, нет попыток задеть, разоблачить гостя, что приводит к положительной ответной реакции и свободной трансляции статуса говорящего (*безусловно, я филолог*). В большинстве случаев героям программы «Школа злословия» приходится защищать свое «Я» от провокационных номинаций, ярлыков и негативных оценок, что позволило выделить следующий перечень речевых формул защитной самоподачи.

1.Р/Ф. Личный бренд. «Я Иван Иванов...»

Речевая формула применяется для нейтрализации социального ярлыка, появление которого связано обычно с профессией человека (чиновник, предприниматель, поэт и т.д.). Говорящий переводит акцент с рода деятельности на свою личность, расширяя таким образом возможности восприятия себя другими людьми. Лексико-грамматическими маркерами формулы выступают личное местоимение «Я» в роли подлежащего и имя собственное (личное имя, отчество, фамилия) в роли предиката. Формула может сопровождаться пояснением, в котором раскрываются представления говорящего о своей профессиональной роли.

АС: Вы сами как себя ощущаете? Вы чиновник? Или Вы предприниматель?

*Андрей Шаронов: Я **Андрей Шаронов**. И в данный момент я себя ощущаю руководителем крупнейшей бизнес-школы, самой замечательной, с очень серьезной социальной повесткой.*

Говорящий для усиления своей позиции прибегает к самопрезентационной технике «отражение чужой славы» [Чалдини 2002] (*руководитель крупнейшей бизнес-школы, самой замечательной, с очень серьезной социальной повесткой*).

2.Р/Ф. Ощущение себя. «Я себя ощущаю / чувствую (кем?)...»

В основе формулы лексика с семантикой чувственного восприятия: «ощущаю», «чувствую», «вижу» и т.д. Несмотря на то, что глаголы употребляются в переносном значении (ощущать – т.е. воспринимать сознанием, понимать, осознавать [Современный толковый словарь русского языка Ефремовой 2000]), их присутствие сообщает высказыванию дополнительное значение: говорящий делится личностным опытом, который сложно оспорить. Для сравнения: «Я учитель» и «Я чувствую себя учителем». Самоподача говорящего в этом случае, скорее, содержит в себе элементы самораскрытия, а не самопрезентации, что способствует установлению доверия между коммуникантами и снижает риск возникновения коммуникативных нападков.

Юлия Идлис: У меня ощущение себя как поэта включалось и выключалось. Я помню, что лет в 16, я себя ощущала поэтом каждый день. У меня была очень близкая подруга, с которой мы учились в школе (она тоже поэт). Мы созванивались по вечерам и спрашивали друг друга, кто сколько написал текстов. Один, два, три... Потом читали. Понятно, что это не является ситуацией, в которой ты поэт. А дальше я ощущала себя поэтом в тот момент, когда понимала, что я написала что-то помимо меня. Я написала что-то, чего я не могу воспроизвести при всем желании, я не понимаю, как это сделано, но это мне нравится, у меня от прочтения мурашки идут по коже...

Юлия Идлис, употребляя данную формулу, представляет ситуацию в динамике (лет в 16, дальше), по ходу повествования дает свои комментарии, апеллируя к разуму (понятно, что это не является ситуацией, в которой ты поэт), делится эмоциональным опытом (мне нравится, мурашки идут по коже) – всё это способствует глубокому самораскрытию индивида и создает условия для безопасной трансляции своей идентичности, представлений о себе.

Отрицательная реализация формулы «не чувствую себя», «не ощущаю себя» часто содержит в себе негативную оценку транслируемой личностной характеристики, которая также может восприниматься говорящим неоднозначно.

Мария Голованивская: Я не чувствую себя университетским профессором, я не чувствую себя писателем. Сказать «Я писатель» как-то стыдно должно быть. Я не знаю, почему. Вот эта связь образа и человека сейчас совершенно разрушена. Просто потому, что вещи перестали означать то, что они означали раньше.

Автор уходит от самораскрытия (искреннего рассказа о себе) и обращается к защитной самопрезентационной тактике, перемещаясь в когнитивное поле социальных норм и тенденций (должно быть стыдно, вещи перестали означать то, что они означали раньше).

3.Р/Ф. Образ себя. «Я такой /метафора/...»

Индикатор данной формулы – метафора, яркий образ-ощущение себя говорящим, что сближает данную формулу и по содержанию (трансляция ощущений) и по коммуникативной задаче (апелляция к личностному опыту) с предыдущей.

Татьяна Мей: Я такой книжный червь... А хочется же кому-то рассказать, с кем-то поделиться. Обычно страдают мои друзья, на которых я просто начинаю вываливать информацию...

В высказывании ироничная метафора (*книжный червь*), актуализируя значение чрезмерной увлеченности говорящего чтением, поиском информации, а также обращение к негативным последствиям такой увлеченности (*страдают мои друзья*) обнаруживают установку, свойственную национальному менталитету русских, говорить о себе подчеркнуто занижено [Харченко 2010: 91].

Одна из самых распространенных техник поддержания идентичности в защитной самоподаче – отрицание, которое в большинстве случаев является ответом на стигматизацию: говорящий эксплицитно демонстрирует несогласие с тем статусом, ролью, характеристикой, которые ему присваиваются. Для решения этой задачи могут использоваться: Р/Ф «Прямое отрицание», Р/Ф «Самостоятельное позиционирование», Р/Ф «Уход от идентификации».

4.Р/Ф. Прямое отрицание ярлыка. «Я не (какой?), а (какой?) / потому что...»

Формула может быть развернута в логике аргументации, предъявления альтернативы или синтезировать в себе оба упомянутых варианта.

АС: Сегодня у нас в гостях поэт Юлия Идлис. Мы правильно Вас представили? Вы сами как представляетесь? Вы представляетесь как поэт?

Юлия Идлис: Я, нет, не представляюсь как поэт, потому что это странно, зайти в помещение и сказать: «Здравствуйте, я поэт». Это вещь, мне кажется, не предназначенная для самопредставления. Люди тебя либо воспринимают поэтом, либо нет.

АС: А как вы тогда представляетесь?

Юлия Идлис: Я говорю: «Здравствуйте, меня зовут Юлия».

Юлия Идлис, оставаясь в рамках самопрезентационного дискурса, обращает внимание на перлокутивный эффект своей самоподачи, используя его в качестве защитной тактики (*это странно, вещь, не предназначенная для самопредставления, люди тебя воспринимают*). Также в высказывании можно заметить обращение к Р/Ф «Личный бренд»: говорящий уходит от номинации «поэт» и переводит акцент на свою личность.

5.Р/Ф. Самостоятельное позиционирование. «Я не отношу себя к (кому?) / не ассоциирую себя с (кем?) / ни с кем себя не сравниваю...»

Идентичность, как свойство личности, проявляется в том числе и в отождествлении себя с той или иной социальной общностью. При этом самостоятельное (внегрупповое) позиционирование как способ отстоять свою профессиональную и личностную идентичность встречался в ответах героев передачи довольно часто. С помощью семантической категории «свой круг» [Иссерс 2008: 202] говорящий исключал себя из той или иной профессиональной общности. Лингвистический маркер формулы: отрицательные частицы; глаголы «отношу», «ассоциирую», «причисляю», «сравниваю»; существительное со значением общности (*школа, поколение* и т.д.).

АС: Михаил, Вы себя относите к какому-то поколению поэтов?

Михаил Кукин: ...У меня нет чувства, что я встроен в какую-то школу, или течение, или направление. Все-таки я себя воспринимаю достаточно самостоятельно.

В высказывании обращает на себя внимание причастие «встроен», употребленное в переносном значении – аллюзия на известную метафору «винтик

в системе» передает отрицательное отношение автора к возможности его отнесения к одной из существующих в настоящее время поэтических школ.

6.Р/Ф. Уход от идентификации. «Я не знаю, кто я..., потому что...»

Когнитивной предпосылкой формулы является представление о проблемах самоопределения и самоидентификации человека в условиях постоянно меняющегося мира, где отсутствует единая устоявшаяся система ценностей.

АС: А Вы сами себя ощущаете как писатель?

Мария Головановская: Нет, я вообще не знаю, честно говоря, кто я. Потому что я, например, работаю профессором в МГУ. Я испытываю массу неловкости из-за того ритуала, который эта моя странная приставка обозначает: ужимки, прыжки, «проходите», «садитесь». Что происходит?!

Коммуникативная задача говорящего – сохранение личных границ, противостояние ярлыку, борьба с неверной интерпретацией своего статуса. В основе формулы лежит лексико-грамматическая модель «не знаю, кто я», формула чаще всего усиливается придаточным предложением со значением причины, в котором дается пояснение позиции говорящего, почему ему сложно конкретизировать себя или свой род деятельности тем или иным определением.

7.Р/Ф. Абсурдное согласие с ярлыком. «Это то же, что и сказать...»

Формула направлена на защиту идентичности, но не содержит в себе прямого отрицания. Говорящий реализует стратегию когнитивного плана, цель которой через создание абсурдной ассоциации (сравнения) обличить и нивелировать социальный ярлык.

АС: То есть фактически Вы занимаетесь бизнес-тренингами?

Андрей Шаронов: Если совсем грубо... Ну, это как прийти в консерваторию и сказать: «Вы здесь палочками машите? Да? Да, мы палочками машем». Мы тоже занимаемся бизнес-тренингами.

Эффект достигается за счет перенесения внимания слушателя из одной когнитивной области в другую (бизнес-образование и консерватория). Сравнение тренингов и дирижерских палочек помогает автору выразить отношение к своей работе. Для него тренинги – это инструмент, способ решения задач, сопоставимых по важности с задачами искусства. Метафорическая модель актуализирует значение «важное – не важное». Посредством данной формулы говорящий также обличает дискредитирующий, по его мнению, ярлык «бизнес-тренер»: профессия бизнес-тренера получила на сегодняшний день достаточно широкое распространение, при этом большинство представителей инфо-бизнеса не являются профессионалами своего дела, что привело к возникновению у лексем «тренер», «тренинги» шлейфа негативных ассоциаций.

Периодически говорящий сталкивается с проблемой развенчания своих притязаний на ту или иную социальную роль, когда его оппонент реализует стратегию с коммуникативным посылом «знай свое место». В этом случае противостояние и самозащита может сводиться к двум, казалось бы, противоположным стратегиям: повышение значимости одного из проявлений «Я», либо снятие его актуальности.

8.Р/Ф. Усиление значимости персоны. «Я горжусь тем, что я...»

В этом случае задача говорящего – защитить две социальные позиции: ту, на

которую ему указывают, и ту, на которую он претендует. Чаще в отношении первой (а она обычно оппонентом и слушателем воспринимается как менее привлекательная) используются речевые стратегии усиления значимости. Их лингвистические маркеры: лексика с оценочной семантикой (хорошо, добро, важно...), обращение к авторитету. В отношении второй – говорящий демонстрирует свою пассивность в обретении новой роли, апеллируя к стечению обстоятельств.

АС: Мне казалось, вот по-настоящему умный человек, который, находясь в поле коммерческой фотографии, говорит: «Я нахожусь в поле коммерческой фотографии. Я не искусством тут занимаюсь, а своей профессией, делаю то-то и то-то». Дальше в этой же логике человек снимает для РЖД проект, и тут, я смотрю, тон интервью поменялся, и уже Антон Ланге разговаривает с позиции художника, который крупно высказывается о стране? Шо это было?

*Антон Ланге: Да! Шо это было? Да это все очень просто было, я совершенно согласен со всем, что вы сказали, **очень горжусь своим коммерческим прошлым и никогда не считал его зазорным. И, следуя своему гуру Хельмуту Ньютону**, как и он, никогда не брезговал копейку заработать или рубль самого такого банального толка – девушка в купальнике для мужского журнала. Другое дело, что я коммерческой фотографией не занимаюсь в этом смысле **уже лет 10** как. И со всем согласен, что Вы сказали за одним но. Дело в том, что этот проект с РЖД, история про Россию, некоммерческий. Он в другую сферу меня вывел, и я охотно туда переместился.*

Антон Ланге пытается реабилитировать себя в двух позициях: коммерческий фотограф и художник. Защита первой позиции проявляется в обращении к авторитету (*Хельмут Ньютон*), личной системе ценностей (*никогда не брезговал копейку заработать или рубль самого такого банального толка – девушка в купальнике*). Усиление позиции в рамках роли «художник» происходит за счет лексики с семантикой времени (*уже лет 10*) и пассивного залога (*меня вывела*).

9.Р/Ф. Снятие актуальности, значимости персоны. «Это незначительный эпизод в моей биографии...»

Защита идентичности не всегда предполагает реабилитацию или усиление той или иной социальной позиции. Очень часто говорящий стремится, напротив, снизить значимость или актуальность одного из проявлений своего «Я». Речевые маркеры формулы: темпоральная лексика со значением низкой частоты (*никогда, один раз, короткий эпизод*) и лексика со значением низкой ценности (*незначительный, зря, несерьезно и т.д.*).

ТТ: То, что Вы прибегли к псевдониму от Ходасевича, это тоже ведь откуда-то, не просто же так. Что-то у Вас там в подсознании случилось?

*Михаил Кукин: Вы знаете, несколько объяснений, наверное, можно дать. На самом деле это не так интересно всё, потому что для меня это был **незначительный короткий эпизод**, и это было **всего один раз**, и после этого я **никогда** под псевдонимом не печатался. И честно говоря, и тогда сделал это, **наверное, зря...** Это была самая первая моя публикация... Я как-то прикрылся. Подумал, как остроумно, и интересно, и сложно я прикрываюсь, потому что «Василий Травников» – это простое русское имя, ни к чему не отсылающее. И в то же время – для знающих – это сочиненный Ходасевичем (а он тогда был моим*

любимым поэтом) неведомый поэт, который на самом деле пишет прекрасные стихи, но он никому не известен... Это, конечно, я, ребята, читайте намек. Одним словом, это была игра. На самом деле нет у меня никакого второго «Я», нет у меня потребности в псевдонимах...

Снижение актуальности приписываемого говорящему ярлыка «Альтер эго» достигается обращением к концепту «игра».

Человеку часто трудно вписать себя в рамки одной социальной роли. Как правило, у каждого индивида присутствует целый комплекс интересов, значимых задач, ситуаций, которые определяют его личность. Людям свойственно искать баланс между различными проявлениями своего «Я» и в случае коммуникативного нападения отстаивать каждое из них, используя для этого приемы анализа и синтеза, в связи с этим можно выделить несколько речевых формул самоподачи: Р/Ф «Тождество проявлений «Я», Р/Ф «Динамика проявлений «Я», Р/Ф «Синтез проявлений «Я», Р/Ф «Я» как этап развития личности».

10. Р/Ф. Тождество проявлений «Я». «На самом деле «Я1» равно «Я2»

Формула предполагает поиск общего основания для двух, на первый взгляд, ничем не связанных между собой характеристик личности (чаще речь идет о профессиональной реализации). На содержательном уровне может проявляться через единство подходов, приемов и способов действия, инструментов работы, приоритетов, ценностей и т.д. Соответственно, лингвистическим маркером формулы выступает лексика с вышеперечисленной семантикой, а также семантико-грамматическая модель «профессия / роль 1 – это профессия / роль 2».

АС: Вы своей профессией называете фотографию? А еще недавно Вы говорили: «Да нет, скорее, я биолог».

*Антон Ланге: Когда меня спрашивают: «А как вы сменили профессию?» Я говорю: «Во-первых, я **ничего не менял**, потому что **биологи**, особенно биологи классических направлений (у нас называется полевых специальностей), **так или иначе все фотографы. Фотоаппарат – один из инструментов познания мира**, и все биологи более или менее прилично фотографируют – это часть профессии, часть взгляда на вещи. Второй момент – я такой классический морфолог, **меня всегда очень увлекали, восхищали и восхищают биологические формы**». Поэтому, когда говорят: «Как вы перешли от фотографий животных к фотографиям обнаженных женщин?» Я говорю: «**Перемены-то нет никакой**, просто я раньше снимал много видов животного царства, а потом у меня остался один вид, даже один пол этого одного вида».*

В высказывании через единство инструмента (*фотоаппарат*), объекта воздействия (*вид животного царства*), ценностей субъекта действия (*восхищали и восхищают биологические формы*) отрицается наличие смены профессии и всячески подчеркивается сходство работы биолога и фотографа.

Р/Ф 11. Динамика проявлений «Я». «Я обеими ногами то в ..., то в ...»

С помощью этой формулы могут быть отражены нападки против мнимого раздвоения личности. При этом говорящий демонстрирует и защищает оба направления своей самореализации, подчеркивая динамику переключения между ними.

АС: Вы же про поэзию?

Ирина Сурат: В основном. Хотя иногда раз – и про прозу.

Говорящий оставляет за собой право и время выбора рода деятельности, а также допускает стихийность такого переключения (*раз – и...*).

АС: ...Я никак не могу разобраться, потому что Вы одной ногой в чиновничестве, а другой в предпринимательстве. А я не понимаю, как это возможно, потому что это совершенно разные виды деятельности. Когда с Вами случилось это раздвоение?

*Андрей Шаронов: На самом деле я не считаю, что это раздвоение. Я считаю, наоборот, что это ценный опыт. Я бы по-другому представил ситуацию: **я обеими ногами то в чиновничестве, то обеими ногами в предпринимательстве.***

АС: Вы прыгаете так?

*Андрей Шаронов: **Я двигаюсь**, я не прыгаю. В мире есть несколько моделей госслужбы (если уходить в теорию). Есть немецкая модель, которая предполагает пожизненную государственную службу, люди там стимулируются очень большой пенсией... А есть американская модель, где люди попадут немного, напишут стихи... Мне идеологически такая модель ближе. Я долгое время работал в министерстве экономического развития и торговли, не имея опыта работы в бизнесе. Я не чувствовал там до конца того эффекта, который я, как чиновник, там создавал...*

Андрей Шаронов выбрал рациональное объяснение позиции (*я обеими ногами то в чиновничестве, то обеими ногами в предпринимательстве*), транслируя свои идеологические предпочтения с опорой на авторитет (*американская модель госслужбы*). В качестве лингвистического маркера формулы можно назвать повторяющийся союз «то».

Обращает на себя внимание интерпретация говорящим своей двойственной позиции: акцент с негативной характеристики (*прыгаете, раздвоение*) переносится на ценности личности (*ценный опыт*).

11. Р/Ф. Синтез проявлений «Я». «Сначала я..., потом я..., в итоге я понял...»

Данная формула предполагает раскрытие процесса синтеза различных проявлений «Я», который часто сопровождается ментальными исканиями личности, имеющими протяженность во времени. В основе реализации формулы лежит темпоральная лексика (сначала, много лет назад, потом, сейчас), глаголы речемыслительной деятельности (думал, понял, считал) и эмоционально-оценочного отношения (любить, интересоваться, увлекаться).

АС: Вас принято представлять как журналиста, но как называется та журналистика, которой занимаетесь Вы и Света Рейтер, потому что Вас две таких, собственно говоря.

*Вера Шенгелия: Условно говоря, это называется социальная журналистика, но вообще-то это обычная журналистика. Позвольте мне пояснить. История про то, что вы журналист, с другой стороны – Вас всего двое таких, Вы еще волонтеры... Мне **всегда хочется** это как-то **пояснить**... Это всегда выглядит каким-то подвижничеством или, действительно, волонтерством. Я просто хочу объяснить, как это всегда получается в нашей стране довольно часто... Я называю*

эту проблему «двойное дно», куда сейчас я попала. Потому что много-много лет назад я писала просто про усыновление. Я тогда сама удочерила ребенка... И мне казалось, что если и есть какое-то дно, то это сиротство. **Прошло много-много лет, я увлеклась вещами, связанными с ментальными расстройствами. Мне было интересно то, что было на стыке психиатрии и общества. И я думала, что так круто, что я буду писать сейчас такие тексты про паническую атаку, про то, как нам надо трактовать новый классификатор психических расстройств. Я была окрылена этим... Дальше, когда я поняла, что мне интересны все эти ментальные истории, я подумала, что мне нужно куда-то приткнуться, где этим занимаются много, где есть люди- профессионалы, я пошла в центр лечебной педагогики... Они были одни из первых, очень симпатичная организация с таким духом очень хорошим, с уважением к личности, ребенку... И в этот момент мне стало понятно, что есть еще одна такая сложная проблема, а именно отношение к людям с ментальными особенностями, что они изолированы, мы их не видим, кто-то их боится, кто-то показывает на них пальцем... И так я приблизительно и думала, что есть сиротство, есть люди с ментальными особенностями. А потом выяснилось, что есть «двойное дно» – это сиротские заведения для людей с ментальными особенностями – и это настоящий ад.**

В высказывании помимо маркеров описываемой формулы можно заметить использование метафоры «двойное дно», которая не только передает отношение автора к проблеме (ощущение безвыходности) но и символизирует результат его духовного поиска, указывая на синтез взглядов говорящего (есть одно дно, есть другое дно, а есть «двойное», содержащие в себе обе проблемы). Интересна логика построения высказывания: автор как в луковице, снимая один слой за другим, доходит до сердцевины – самой сути проблемы. Ввиду того, что формула раскрывает эволюцию взглядов, очень часто она применяется для трансляции миссии, как глубоко личностной установки человека на определенный вид деятельности.

12. Р/Ф. «Я» как этап развития личности. «Это был особый этап, который изменил меня...»

Формула по своей сути очень близка к предыдущей, также в качестве лингвистических маркеров содержит лексику со значением времени, но акцент в ней делается не на синтезе идентичностей, а на одном (более актуальном на данный момент) роде деятельности (роли) человека, а также на фатальности выбора этой деятельности, направления (стечение обстоятельств) и т.д.

Антон Ланге (о проекте с РЖД): Для меня это было таким новым этапом, в который я нырнул по своей воле, понимая, что это на несколько лет уберет меня из коммерческой рутинной фотографии (и убрало, чему я очень рад), что это приведет меня к какому-то долгому путешествию, которое, наверное, изменит меня, изменит мой взгляд на страну...

Говорящий транслирует свою пассивную позицию: его новый статус – это не столько его выбор, сколько стечение обстоятельств (лингвистический маркер формулы – пассивный залог).

Несмотря на то, что список выделенных вербальных моделей не претендует на полноту и может быть продолжен, анализ вербального опыта самоидентификации участников шоу «Школа злословия» позволил определить основные способы

защитной самоподачи, среди которых: прямое отрицание навязываемого статуса; усиление значимости или снятие актуальности с определенных характеристик личности; вербальные техники демонстрации самостоятельности и автономии (исключение себя из конкретной общности); техники, способствующие созданию «масштаба личности» в условиях навешивания ярлыков (обращение к личному бренду, использование метафор); самопрезентационные техники (отражение чужой славы, игра на понижение, обращение к перлокутивному эффекту самоподачи), техники самораскрытия (трансляция чувств, ощущений, вербализация рефлексивного опыта), обращение в момент самоподачи к приемам анализа и синтеза различных проявлений «Я».

Исходя из представленного речевого материала, стоит заметить, что в рамках одного высказывания каждая формула в зависимости от интенций говорящего может употребляться как самостоятельно, так и в комплексе с другими формулами.

Выделенные речевые модели могут быть использованы в вузовских курсах лингвопрагматики, теории дискурса, когнитивной лингвистики и стилистики.

Литература

Агеев В.С., Толмасова А.К. Теория социальной идентичности и ее эмпирические верификации // Психология самосознания: хрестоматия. – М., 2003.

Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М.: Прогресс, 1986.

Горошко Е.И. Коммуникативная виртуальная идентичность: гендерный анализ // Филологические заметки. – Пермь, Скопье, Любляна, Загреб. – 2009. – Вып. 7. – Ч. 2. – С. 93-105.

Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: ЖСМО-Пресс, 2000.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.

Заковоротная М.В. Идентичность человека: социально-философские аспекты. – Ростов-н/Д: Изд-во Северокавказского научного центра высшей школы, 1999.

Иванова Н.Л. Самоопределение личности в бизнесе: монография. – М., Ярославль: МАПН – «Аверс-Плюс», 2007.

Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: коллективная монография / К.В. Патырбаева, В.В. Козлов, Е.Ю. Мазур, Г.М. Конобеев, Д.В. Мазур, К. Марицас, М.И. Патырбаева. – Пермь, 2012.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: ДомКнига, 2008.

Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности. – М., 2007.

Кон И.С. Открытие Я. – М.: Политиздат, 1989.

Матушкова Е.П. Междисциплинарные научные подходы к изучению идентичности // Мова і культура (Науковий журнал). – К.: Видавничий дім Д. Бурого, 2012. – Вип. 15. – Т. I (155). – С. 79-86.

Смирнова А.Г., Киселёв И.Ю. Идентичность в меняющемся мире: учеб. пособие. – Ярославль, 2002.

Харченко В.К. Современная повседневная речь. – М.: ЛКИ, 2010.

Чалдини Р. Психология влияния. – М., 2002.

Шаповалова Н.Г. Языковая личность Татьяны Толстой (на материале программы «Школа злословия») // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. – Саратов: Изд-во Латанова В.П., 2006. – Вып. 9. – Ч. I-II. – С. 220-225.

Школовая М.С. Лингвистический и семиотические аспекты конструирования идентичности в электронной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2005.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996.

Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности // Психология самосознания: хрестоматия. – Самара, 2000.

Ярмахов Б.Б. Межкультурная коммуникация: аспект социальной идентичности // Материалы международной научно-практической конференции «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах» – «Коммуникация-2002» (“Communication Across Differences”). Ч. I. – Пятигорск, 2002. – С.183-185.

Botting N. Narrative as a tool for the assessment of linguistic and pragmatic impairments // Child Language Teaching and Therapy. – 2002. – Vol. 18. – № 1.

Leary M.R. and Kowalski R.M. Impression management: A literature review // Psychological Bulletin. – 1990. – № 107.

Nystedt L., Ljungberg A. Facets of private and public self-consciousness: construct and discriminant validity // European Journal of Personality. – 2002. – Vol. 16. – Issue 2.

Olson J.M., Stone J. The Influence of Behavior on Attitudes. In: D. Albarracin, B. T. Johnson, & M. P. Zanna (Eds.), Handbook of attitudes and attitude change. – Mahwah, NJ: Erlbaum, 2005.

Schutz A. Assertive, offensive, protective, and defensive styles of self-presentation: a taxonomy // The Journal of Psychology. – 1998. – №132 (6).

Self-Disclosure: Theory, Research, and Therapy. – N.Y., 1986.

Е.М. Масленникова

УДК 811.111'23

ЭЛИМИНИРОВАНИЕ ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА В СИТУАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ (НЕ)РАВНОЦЕННОСТИ¹

В случае двуязычной текстовой коммуникации возникающий конфликтный слой между оригиналом и переводом ставит перед переводчиком задачу, связанную с элиминированием лакунарных культурологических разрывов. Равенство (равноценность) коммуникативной значимости исходного и переводного текстов подразумевает тождественность реакций первичного и вторичного читателей, но по ряду причин (пространственно-временная дистанция, языковой барьер, культурный барьер, идеологические фильтры, возрастные параметры аудитории и т.д.) равенство коммуникативных эффектов оказывается только приблизительным. В статье обсуждаются возможные переводческие стратегии и приемы элиминирования текстового пространства.

Ключевые слова: художественный текст, Мир текста, лакуны, перевод.

Evgeniya M. Maslennikova

ELIMINATION OF TEXTUAL SPACE AND WORLDS IN SITUATION OF COMMUNICATIVE DISPARITIES

In the case of bilingual text communication an emerging conflict between the text-target and its translation puts the task how to eliminate lacunae considered as cultural gaps. Equal value (equivalence) of the communicative significance of two texts and their liability involves the identity of primary and secondary readers' reactions, but for a number of reasons (e.g. spatial and temporal distance, language barriers, cultural barriers, ideological filters, the audience age range, etc.), the equality of communication effects is only approximate. The present article discusses the possible translation strategies and methods when eliminating textual space. The author considers aspects of interpretation as (re)construction of mental models when translating fiction.

Keywords: fiction, textual spaces, lacunae, translation, interpretation.

Основные положения теории лакун были сформулированы Ю.А. Сорокиным (см. подробнее: [Сорокин 1977; Сорокин, Марковина 1985, 1989а, 1989б, 1989в и др.]). Расширяя положения данной теории, И.Ю. Марковина пишет, что «... взаимная адаптация национальных сознаний носителей культур-коммуникантов представляет собой поиск способов совмещения и согласования «чужого» со «своим», происходящий под действием социально-психологических механизмов межэтнического взаимодействия» [Марковина 2006: 185]. Различия в художественно-образном восприятии мира вызваны в большей степени культурологическими

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-00554 «Русская литература в современном мире: перевод как восприятие и восприятие перевода»).

причинами, например, разницей имеющихся культурных кодов. Художественный текст изначально ориентирован его автором на «своего» читателя, владеющего соответствующим культурным кодом и находящегося совместно с ним в едином информационно-смысловом поле. Например, из XXXV строфы первой главы романа в стихах «Евгений Онегин» (1823–31, полностью – 1833) А.С. Пушкина (1799–1837) для современного русскоязычного читателя, скорее всего, без соответствующего комментария «темными» останутся места, связанные с *vasisdасом* немца-хлебника и с *охтенкой*, спешившей куда-то с *кувшином*.

С кувшином охтенка спешит...

И хлебник, немец аккуратный,

В бумажном колпаке, не раз

Уж отворял свой васисдас.

(А.С. Пушкин. Евгений Онегин)

The Okhtenka with pitcher speeds...

The German baker looks around

His shop, a night-cap on his head,

And pauses oft to serve out bread.

(A.S. Pushkin. Eugene Onéguine.

Translated by H. Spalding, 1881)

В описании пробуждающегося города из «Евгения Онегина» показаны городские типажи того времени, среди которых купцы, извозчики, немец-булочник и *охтенка* с кувшином. Традиционно молоком в Санкт-Петербурге торговали жительницы Охты – района, населенного преимущественно финнами, или, говоря языком пушкинской эпохи, чухонки. Служивший при английском посольстве Г. Сполдинг / Henry Joseph Spalding (1840–1907), один из первых переводчиков пушкинского романа «Евгений Онегин» (1881) на английский язык, объясняет петербургскую городскую топонимику в сноске как «the milkmaid from the Okhta villages, a suburb of St. Petersburg on the right bank of the Neva chiefly inhabited by the labouring classes». Современный переводчик Р. Кларк / R. Clarke, создавший прозаический перевод пушкинского романа, просто указывает на профессию девушки-*охтенки*.

... and a dairymaid was hurrying in from the outskirts with her milkchurn... and the German baker in cotton cap, punctual as ever, had already served several customers through his hatch. (A. Pushkin. Eugene Onegin. Translated by R. Clarke, 2005)

В переводе романа «Евгений Онегин», выполненном в XXI веке английской переводчицей О. Эммет / O. Emmet совместно с доктором филологических наук С.А. Макуренковой, название района и профессия совмещаются как *Okhta milkmaid*.

To the hack-stand the swift cabs go,

While Okhta milk-maid, jug on show,

Tramples crackling early snow.

(A. Pushkin. Eugene Onegin.

Translated by O. Emmet, S. Makourenkova, 2007)

Читательские конвенции основываются на культурологических правилах предписания, запрещения и разрешения, функционирующих в конкретной лингвокультуре. Негативное отношение англичан к теме смерти, из-за чего в языке возникло большое количество эвфемизмов (*another state, cease to be, cool out, count the daisies* и т.д.) и эвфемистических выражений, возможно, объясняет значительное

сокращение эпизода похорон старой графини в переводах пушкинской повести «Пиковая дама» (1833, опубликована – 1834), выполненных миссис Сазерленд Эдвардз / Mrs. Sutherland Edwards (1892) и Г. Твитчеллом / Н. Twitchell (1901) на рубеже XIX–XX веков.

Одной из причин поливариантности понимания художественного текста является потенциально присутствующая в нем избыточность языкового кода. На похоронах старой графини из «Пиковой дамы» один из ее родственников объясняет появление неизвестного им лица у гроба тем, что Германн, вероятно, приходится ей *побочным сыном*.

... *худощавый камергер, близкий родственник покойницы, шепнул на ухо стоящему подле него англичанину, что молодой офицер ее побочный сын...* (А.С. Пушкин. Пиковая дама)

В современных словарях русского языка указывается, что значение ‘рожденный вне брака, внебрачный’ у прилагательного *побочный* устарело. Согласно английскому речевому этикету, в подобных случаях обычно предписывалось использовать соответствующие эвфемизмы, что позволяло выразить свое отношение к неловкой ситуации без нарушения языковых табу. С XVI века английское прилагательное *natural* в значении ‘illegitimate’ указывает на факт рождения ребенка вне брака, поэтому выбор *natural son* для *побочный сын* служит примером эвфемистической адаптации переводимого текста к принимающей его социокультурной среде, где действуют предписывающие и / или разрешающие правила, а также внутрисоциумные установки.

Имя самого первого переводчика повести «Пиковая дама» на английский язык, опубликованного в пятом томе «Chambers' Papers for the people» (Edinburgh: William and Robers Chambers, 1850), до сих пор остается неизвестным. Анонимный переводчик использовал редкий эвфемизм *left-handed* ‘незаконный’ для *побочный*.

... *the young officer was a left-handed son of the countess...* (А. Pushkin. The Queen of Spades. Анонимный переводчик, 1850)

Программа-поисковик «Google Books Ngram Viewer» (URL: <http://books.google.ru/books>), построенная на основе существующих в период с 1800 по 2000 годы текстов, показывает, что в общем корпусе «English» *left-handed son* не имеет вхождений, а в начале XIX века частотность употреблений словосочетания *natural son* (со сглаживанием 3) превосходило по частотности *illegitimate son* практически в девять раз. Постепенный спад частотности для *natural son* наметился в 1848 году. «Общие» точки пересечения для словосочетаний *natural son* и *illegitimate son* – это 1914, 1921 и 1930 годы, когда они сравнялись по частотности, а с 1935 года лидером остается только *illegitimate son*. Согласно данным подкорпуса «English Fiction» пик употреблений *natural son* приходится на 1810 год, потом к 1818 году произошло резкое падение частотности, а следующий пик приходится на 1835 год. Всё время правления королевы Виктории / Victoria (1819–1091), взойшедшей на трон Англии в 1837 году, бесспорным лидером оставалось словосочетание *natural son*, с 1928 года практически полностью вытесненное *illegitimate son*. По данным «Исторического корпуса американского английского языка» / COHA (URL: <http://corpus.byu.edu/coha>) пик для *natural son* – это 1860 год, а *illegitimate son* начинает лидировать с 1890-х годов.

... *the young officer was a natural son of the countess...* (A.S. Pushkin. The Queen of Spades. Translated by T. Keane, 1894); ... *the young officer was a natural son of the Countess...* (A. Pushkin. The Queen of Spades. Translated by N. Duddington, 1928); ... *the young officer was the natural son of the countess...* (A. Pushkin. The Queen of Spades. Translated by R. Edmonds, 1962)

Необходимо различать правила нахождения смысла и правила, которые отождествляют смысл с определенными единицами текста. Переводчики второй половины XX века и переводчики XXI века избегают традиционного эвфемизма и прямо называют вещи своими именами *побочный сын* – это *illegitimate son*, из-за чего специфический признак СЛОВА фактически не реализуется и/или нейтрализуется. Таким образом, обычно рекомендуемые к использованию при переводе синонимические замены не всегда будут равнозначными, особенно в тех случаях, когда параметры СЛОВА связаны с культурными кодами эпохи.

... *the young officer was the Countess illegitimate son.* (A.S. Pushkin. The Queen of Spades. Translated by Gullon R. Aitken, 1966); ... *the young officer was her illegitimate son...* (A. Pushkin. The Queen of Spades. Translated by I. and T. Litvinov, 1974); ... *the young officer was the dead woman's illegitimate son...* (A. Pushkin. The Queen of Spades. Translated by P. Debreczeny, 1983); ... *the young officer was her illegitimate son...* (A. Pushkin. The Queen of Spades. Translated by R. Chandler, 2005); ... *the young officer was the Countess's illegitimate son...* (A. Pushkin. The Queen of Spades. Translated by A. Briggs, 2012)

Наблюдается выстраивание новых смысловых полей, когда в получаемом переводе совмещаются не только инварианты авторских личностных смыслов, но и смыслы, актуализируемые переводчиком и / или приписываемые им оригиналу в силу каких-либо причин. В английском детском стишке «*Baa, baa, black sheep*» говорится, что барашек дал три мешка шерсти / *three bags full*, но переводчик С.А. Гордиенко (2010) старательно составляет список изделий из шерсти от *пальто* и *свитерка* до *фуфайки* и *платка*, добавляя заключительные морализирующие строки про уныние.

Baa, baa, black sheep,

Have you any wool?

Yes, sir, yes, sir,

Three bags full;

One for the master

And one for the dame,

And one for the little boy

Who lives down the lane.

(Nursery Rhymes)

Для хозяина мешок –

На пальто и свитерок;

Для хозяйюшки мешок –

На фуфайку и платок.

И еще мешок – малышкам,

На обновы ребятишкам –

Тем, кто радостен и весел,

А не тем, кто нос повесил.

Тем, кто песни напевает,

Никогда не унывает!

(Перевод С.А. Гордиенко)

Выбираемые переводчиком стратегии, необходимые для элиминирования лагун текстового пространства, не должны привести к возникновению эффекта, названного Ю.А. Сорокиным стилистикой дискомфорта: «это не что иное,

как неосознаваемое или вынужденное следование правилам, вытекающим из соответствующего образа жизни, воспринимаемого / оцениваемого в качестве естественного / нормального или приписываемого в силу неизбежности» [Сорокин 2003: 141]. Изменение жанровых параметров и / или стиливого регистра также может привести к состоянию стилистического дискомфорта. Попытки прочесть текст в контексте принимающей культуры не всегда оказываются успешными, равно как и немотивированное использование стратегий доместикации и форенизации оригинала. Аннотация к переводам С. Таска (2011) предупреждает читателя, что переводчик пересочинил лимерики Э. Лира / E. Lear (1812–1888). На самом деле в лимерике Э. Лира говорится, что причиной огорчения отца стал брак его дочери с вором (*a thief*):

<p><i>Дочке отец из Карелии дал красивое имя – Офелия. А она, вот кулёма, пошла за Пахома! Огорчила отца из Карелии.</i></p>	<p><i>There was an Old Man of Bohemia, Whose daughter was christened Euphenia: But one day, to his grief, She married a thief, Which grieved that Old Man of Bohemia.</i></p>
(Перевод С. Таска)	(E. Lear)

*Жил один старичок из Венеции,
Давший дочери имя Лукреция.
Но она очень скоро
Вышла замуж за вора,
Огорчив старичка из Венеции.*

(Перевод Г. Кружкова, 2011)

Результирующим эффектом нарушения функциональной направленности исходного текста оказывается устаревание перевода. Коммуникативное рассогласование между ним и «его» читателем приводит к появлению нового перевода. Наверное, следующему поколению русскоязычных читателей шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта» / «Romeo and Juliet» (1597) по версии С. Жатина (2007) потребуется обратиться к словарю. В первом акте трагедии Беневолио обещает родителям Ромео выяснить причину тоски молодого человека (*I'll know his grievance, or be much denied*), но в переводе С. Жатина обращение *cousin* фигурирует как *братан* и юный *ковбой*:

<p>Montague <i>I would thou wert so happy by thy stay, To hear true shrift. Come, madam, let's away. Exeunt Montague and Lady Montague Benevolio Good-morrow, cousin. Romeo Is the day so young?</i></p>	<p>Монтекки <i>С меня простава, если всё пучком. Поедем, мать, проведем наш дом. Монтекки и гражданка Монтекки уходят. Входит Ромео. Беневолио Братан, не спится юному ковбою? На утренник собрался?</i></p>
(W. Shakespeare. Romeo and Juliet)	(В. Шекспир. Ромео и Джульетта: Воронежские страдания. Перевод С. Жатина)

При элиминировании текстового пространства характерным приемом также является замена одного объекта на другой. Подчеркнем, что речь не идет об использовании такого переводческого приема как генерализация понятия. В Гайд-парке обычно выгуливали домашних собак модных пород сами хозяйки или их компаньонки: в переводе рассказа А. Кристи / A. Christie (1890–1976) «The Nemean Lion» из сборника «The Labours of Hercules» (1947) *Pekes* ‘пекинесы’ становятся *монсами*, а *таксы* (или как их определяет сторож парка *German sausage-dogs*) стали *овчарками*.

... is full of dogs – every kind – terriers, Pekes, German sausage-dogs – even them Borzois – all kinds we have. (A. Christie. The Nemean Lion) «... кишат собаками всех пород – терьерами, монсами, немецкими овчарками, даже борзыми. (А. Кристи. Немецкий лев. Перевод В.В. Тирдатовой); Ср.: В парке навалом собак каких угодно: и терьеры, и пекинки, немецкие таксы, даже борзые – куча собак. (А. Кристи. Немецкий лев. Перевод В. Томилова)

Особое внимание следует обращать на сложившуюся систему «своих» реалий. Так, шоферская униформа для прислуги в богатом доме включала *Russian tunic* ‘китель’, который обычно носили с *галифе*, а не с *бриджами*.

A man in a dark blue Russian tunic and shiny black puttees and flaring breeches stood in the half-open gates. (R. Chandler. Farewell, my lovely) ↔ В полуоткрытых воротах стоял человек, на нем была темно-синяя гимнастерка, бриджи и блестящие темные краги. (Р. Чандлер. Прощай, моя красавица. Переводчик не указан); Но: У полуоткрытых ворот стоял мужчина в темно-синем русском кителе, черных блестящих крагах и широченных галифе. (Р. Чандлер. Прощая, красотка. Перевод В. Бошняка)

Необходимо стремиться достичь относительной непротиворечивости двух текстовых Миров, реализуемых в оригинале и его переводе / переводах, тогда устанавливаемый переводчиком вторичный текстовый Мир (не) становится зыбким. Например, в книге Л. Кэрролла / L. Carroll (1832–1898) «Alice’s Adventures in Wonderland» (1865) Алиса, чтобы достичь нужного роста, вынуждена откусить кусочек гриба / *mushroom*, но А. Оленич-Гнененко (1940) «договаривает» за автора название этого волшебного гриба – *мухомор*. Заполнение переменных становится результатом выбора из множества реальных вероятностей относительно конкретной ситуации. Курящая кальян *the Caterpillar* (в книге Л. Кэрролла – это существо среднего рода) представлена с помощью прямого соответствия как *Гусеница*, как существо мужского пола *Червяк – гусеница какой-то бабочки* (Б. Заходер), *гусеница Шелкопряд* (А.А. Щербаков) или как существо женского пола *Сороконожка* (А. Кононенко), *Бабочкина Куколка* (Л. Яхнин). Переводческая неаккуратность в подборе необходимых языковых средств, в том числе в виде допущенных фактологических неточностей, приводит к смысловой незащищенности текста (термин Ю.А. Сорокина). Например, если Алиса встречает *червяка*, то неизбежно возникает вопрос: какими *маленькими* лапками *червяк* держал *кальян*?

... her eyes immediately met those of a large caterpillar; that was sitting on the top with its arms folded, quietly smoking a long hookah, and taking not the smallest notice of her or of anything else. (L. Carroll. Alice’s Adventures in Wonderland) «... встретила взглядом с большим червяком, который сидел на грибе и, сложив

маленькие лапки, преспокойно курил кальян... (Л. Кэрролл. Алиса в стране чудес. Перевод А.Н. Рождественской, 1908)

Градуальность интерпретации определяется выделенной степенью какого-либо признака, а функциональная эквивалентность зависит от стандартных схем, используемых переводчиком. Став существом женского рода, *the Caterpillar* приобрела соответствующие характеристики: гусеница *томно курила кальян*.

... встретила глазами с огромной синей гусеницей. Та сидела, скрестив на груди руки, и томно курила кальян. (Л. Кэрролл. Приключения Алисы в Стране Чудес. Перевод Н. Демуровой)

Снятие лакун и уменьшение лакунарных разрывов может происходить в виде сплошной или выборочной компенсации с помощью того элемента принимающего языка и / или культуры, который является тождественным или квазитожественным исходному элементу [Масленникова 2014]. При гетерогенности сфер исходного языка и переводящего языка адаптация оригинала практически неизбежна, но элиминируемое текстовое пространство не должно оказаться перекрытым, что имело место в переводах серии романов Э.Р. Берроуза / E.R. Burroughs (1875–1950), опубликованных на русском языке в 1920-е годы петроградским издательством «А.Ф. Маркс». Переводчик стремился максимально объяснить исключительное обоняние Тарзана в более привычных категориях: дыхание белого человека отдает не виски / *whisky*, а *водкой*.

We may note the garlic and whisky on the breath of a fellow strap hanger... (E.R. Burroughs. *Tarzan and the Jewels of Opar*) «*Мы чувствуем запах ... или водки в дыхании разговаривающего с нами человека...* (Э.Р. Берроуз. Тарзан и сокровища Опара); Ср.: *Вот теперь вы под мухой и этим снижаете религиозное настроение у родственников. Нуте, дыхните на меня.* (М. Зощенко. Шумел камыш)

Арабский шейх предлагает взятку капитану французской армии *золотыми червонцами*; именно данную форму денежных расчетов предпочитают герои И. Ильфа и Е. Петрова или М.А. Булгакова. К сожалению, в 1990-е годы переводы книг Э.Р. Берроуза перепечатывались без редакторской правки.

The Arab's left hand was hidden beneath his burnous. Now he withdrew it disclosing a large goatskin purse, bulging and heavy with coins. (E.R. Burroughs. *The Son of Tarzan*) «*Он вынул из-под бурнуса тяжелую сумку козлиной кожи, наполненную червонцами, развязал ее, зачерпнул оттуда горсть монет и разложил их на ладони правой руки.* (Э.Р. Берроуз. Сын Тарзана. Перевод Л. и К. Чуковских)

Лакуны культурного пространства как неопознаваемые элементы чужой ино-культуры требуют элиминирования, что происходит обычно в виде их заполнения или компенсации [Марковина, Сорокин 2010]. К указанным двум основным способам элиминирования лакун добавляется комментарий. Главная цель редакторского или переводческого комментирования состоит в обеспечении освоения вторичным читателем познавательной информации. В сноске к переводу романа А. Кристи «*The Mysterious Affair at Styles*» (1920), выполненному А.И. Ващенко, для реалии *a jack-in-the-box* дается следующее объяснение: это «игрушечная коробочка с выскакивающей из нее фигуркой», но она имеет еще одно значение «беспокойный человек».

Scotland Yard men in and out of the house like a jack-in-the-box! Never know where they won't turn up next. Screaming headlines in every paper in the country – damn all journalists, I say! (A. Christie. The Mysterious Affair at Styles) «Люди из Скотленд-Ярда появляются и исчезают, как «Джек из коробочки». Никогда не знаешь, когда и где они окажутся в следующий момент. Кричащие заголовки в каждой газете... Черт бы побрал всех журналистов!» (А. Кристи. Загадочное происшествие в Стайлз. Перевод А.И. Ващенко, 2004)

Границы интерпретирующего диапазона текста находятся в прямой зависимости от интенсивности переводческого «погружения» в него: перевод А.Д. Смолянского задает дополнительную экспрессивную оценочность (*зверское убийство мамы, полицейские, словно голодные крысы*).

И ты еще спрашиваешь? Зверское убийство мамы! Полицейские из Скотланд Ярда, которые шныряют по усадьбе, словно голодные крысы! Куда ни зайди – они тут как тут. А кричащие заголовки газет! Я бы повесил этих чертовых журналистов. (А. Кристи. Таинственное происшествие в Стайлз. Перевод А.Д. Смолянского, 1990)

Переводчики часто пытаются воссоздать «чужое» инокультурное пространство путем его преломления через «свое» пространство. Примером сбоя в опознавании инокультурной составляющей оригинала является переводческая версия ресторанного заказа Джеймса Бонда из романа Я. Флеминга / Ian Fleming (1908–1964) «Casino Royale» (1953).

While Mademoiselle is enjoying the strawberries, I will have an avocado pear with a little French dressing. (I. Fleming. Casino Royale) «И пока мадемуазель будет наслаждаться земляникой, я бы попробовал авокадо с каплей майонеза.» (Я. Флеминг. Казино «Руаяль». Перевод С.В. Козицкого)

С.В. Козицкий стал первым, кто перевел роман Я. Флеминга на русский язык. Оправданием переводчику, заменившему *French dressing*, т.е. «французскую приправу» из прованского масла с уксусом и горчицей, на обычный майонез, может служить только то, что на момент публикации перевода в 1991 году массовый читатель никогда не видел авокадо / *an avocado pear*.

В подобных случаях инокультурный элемент «преломляется» через элемент «своей» культуры или элемент, широко известный в обеих культурах. Степень адаптируемости текста относительно принимающей культурной среды, где существует переводчик-интерпретатор, определяется текущим моментом текстовой коммуникации.

She took down a jar from one of the shelves as she passed: it was labelled "ORANGE MARMELADE" but to her great disappointment it was empty... (L. Carroll. Alice's Adventures in Wonderland) «Она падала вниз так плавно, что успела мимоходом достать с одной из полок банку, на которой значилось: «Клубничное варенье». Но, к великому ее сожалению, банка оказалась пустой.» (Л. Кэрролл. Аня в Стране Чудес. Перевод В. Набокова, 1923)

Если в набоковском переводе книги Л. Кэрролла *orange marmalade* 'апельсиновый джем' становится привычным *клубничным вареньем*, то допустимыми вариантами также будут *апельсиновый джем* (А.Н. Рождественская, Ал.Ал. Щербаков) и даже экзотичное *апельсиновое варенье* (Н. Демурова, Б. Заходер).

В своем неопубликованном в традиционном книжном виде переводе книги Л. Кэрролла переводчик Н. Старилов (URL: http://lib.ru/CARROLL/alisa_star.txt) попытался сохранить форму тары – *кувшин*:

Ей удалось прихватить кувшин с одной из полок, когда она пролетала мимо. На нем была надпись «Апельсиновый мармелад»... (Л. Кэрролл. Алиса в Стране Чудес. Перевод Н. Старилова, 2000)

Характерные черты предметной деятельности англоязычной лингвокультуры потребовали переводческого комментария для простого предложения из трех слов из книги «A Bear Called Paddington» (1958), с которой начинается серия детских книг английского писателя М. Бонда / Michael Bond (р. 1926) о приключениях медвежонка Паддингтона:

Bears like marmalade. (M. Bond. Please Look after This Bear) «*Медведи очень любят мармелад.* (М. Бонд. «Позаботьтесь об этом медвежонке». Перевод А. Глебовской)

А. Глебовская в комментарии отмечает основные признаки национально-культурной специфики слова *marmalade*: «Наш мармелад медвежонку бы, наверное, тоже понравился, но английский мармелад совсем не такой: он больше похож на густое варенье из апельсинов, лимонов и грейпфрутов вперемешку, поэтому и хранят его не в коробках, а в банках, и обязательно едят на завтрак!»

Отметим, что «альтернативная стратегия межкультурного взаимодействия проявляется как первоначальное действие механизма “притяжения”, благодаря которому несходство между культурами-коммуникантами компенсируется за счет подбора в “своей” культуре квази-эквивалента, аналога неавтохтонному фрагменту вербального или невербального опыта» [Марковина 2010: 38]. Стишок «The Whitethorn-tree» советует девушкам для сохранения красоты умыться росой с боярышника / *whitethorn-tree* на рассвете первого мая, но на территории центральной России в первых числах мая цветет *черемуха*, поэтому переводчик подбирает функционально равнозначную реалию:

<i>The fair, fair maid, on the first of May,</i>	<i>Если выйдет в поле красotka молодая</i>
<i>That goes to the fields at break of day,</i>	<i>Утром на рассвете первого дня мая</i>
<i>And washes in dew by the whitethorn-</i>	<i>И с ветвей черемухи умоется росой,</i>
<i>tree,</i>	<i>Будет вечно радовать всех своей</i>
<i>Will ever blithe and bonny be.</i>	<i>красой.</i>

(Перевод Г. Варденги)

Другим случаем элиминирования лакун является полная замена исходного культурного контекста на другой культурный контекст с целью максимального приближения текста к читателю из другой культурно-языковой системы. Здесь речь может идти о диахронно-культурологической компенсации. Контекстуальные сдвиги значений, имеющие место при переводе, изменяют направленность ассоциативных связей. Слово *April* ‘апрель’, отражающее отношения «время-пространство», встречается в сонетах В. Шекспира четыре раза и связано со смыслами *молодость*, *память о молодости* и *весна как начало и расцвет жизни в природе*, определяя одновременно художественное время, пространство и состояние. Воспроизведение подобных смысловых маркеров связано с национально-культурной спецификой: в

России весна вступает в свои права в мае, о котором действительно можно сказать, что этот месяц *proud-pied* и *dress'd in all his trim*, поэтому *April* 'апрель' может оказаться в переводах *маем*.

*When proud-pied April, dress'd in all
his trim,
Hath put a spirit of youth in every
thing...*

*В своем цветном плаще апрель веселый.
Вдохнуть во все он молодость сумел...*

(Перевод С. Ильина, 1909)

*В одежде праздничной, увенчанный
цветами,
Волшебник май летел над влажными
лугами...*

(Перевод Ф. Червинского, 1885)

Переводчик может ориентироваться только на «свою» целевую аудиторию и ее специфику, в том числе возрастную. Например, английский детский стишок из «Nursery Rhymes» существует на русском языке в двух переводческих вариантах. Оригинал строится как диалог из двух реплик. На заданный в первом четверостишии вопрос о причинах покраснения носа следует ответ, что всему виной *nutmeg* 'мускатный орех', *ginger* 'имбирь', *cinnamon* 'корица' и *cloves* 'гвоздика', т.е. пряности, используемые как в приготовлении алкогольных напитков, так и в кулинарии. В одном из переводов появляются непонятные *лесная земляника* и *лепесточки роз*.

*Nose, nose,
Jolly red nose,
And what gave thee
That jolly red nose?
Nutmeg and ginger,
Cinnamon and cloves
That's what gave me
This jolly red nose.*

*Ответь нам, Расскажи-ка
Веселый красный нос,
Ты просто ради шика
Так здорово отрос?
Лесная земляника
И лепесточки роз,
Мускат, имбирь, гвоздика –
Вот для чего я рос!*

(Nursery Rhymes)

(Перевод Г. Варденги)

Естественно, предполагаемый тип аудитории меняет общий контекст ситуации: *повар печет к рождеству пирожок*. Имеет место подбор наиболее возможной ситуации, не только с точки зрения кросс-культурных связей и / или различий, но и относительно присутствующих в принимающей культуре коммуникативных норм. По данным из «Национального корпуса русского языка» (URL: <http://ruscorpora.ru>) в первую очередь словосочетание *красный нос* связывается с поэмой Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос», с образом Деда Мороза на детских новогодних праздниках, с симптомом простудного заболевания и, реже, с пристрастием к алкогольным напиткам.

– *Ах, повар, наш повар, ответь на вопрос.
Скажи, почему у тебя красный нос?
– На кухне пеку к рождеству пирожок,
Нанюхался пряностей там, мой дружок:
Корица, гвоздика, имбирь и мускат,
Готовиться к празднику очень я рад!*

(Перевод Т.И. Поповой)

Заполнение культурологических лакун относительно «своего» и «чужого» пространств зависит от объема и интенсивности контактов. Степень (не) освоенности вторичным читателем коллективного знания, сформировавшегося в инокультурном социуме, предопределяет глубину социокультурной адаптации и / или аккультурации исходного текста. Переводчик всегда должен ориентироваться на ТЕКСТ, поскольку именно на уровне текста (по Л.С. Бархударову) возможна реконструкция авторских намерений путем распремечивания представленных текстовых смыслов. Герой романа Дж.Х. Чейза (1906–1985) «Trusted like the Fox» (1948) рассказывает об ожидаемой его блестящей и выгодной в глазах света женитьбе. Стоящие после имени генерал-майора аббревиатуры указывают на то, что он кавалер ордена «Бани» 2-й степени (*K.C.B. – Knight Commander of the Order of the Bath*) и ордена «За боевые заслуги» (*D.S.O. – Distinguished Service Order*), поэтому брак с его дочерью является выгодным и обеспечит герою прочное положение в обществе.

I'm supposed to be marrying the daughter of Major-General Sir Hugh Franklin-Steward. K.C.B., D.S.O., and the rest... She's a real society beauty, cold as ice, repressed as the devil and as dull as ditch-water. (J.H. Chase. *Trusted like the Fox*)

По причине явного незнания вторичного читателя с названиями британских орденов, переводчики предпочли сократить данный эпизод, но «наградили» девушку характеристиками, не имеющими ничего общего с представленными в оригинале. Р. Мирсалиева обвиняет ее в коварстве и лени: *холодна, как лед, коварна, как дьявол, и ленива, как вода в сточной канаве*. Автор иронически показал сложившийся лингвокультурный типаж английской светской красавицы: *cold as ice, repressed as the devil and as dull as ditch-water*. Согласно заложенным в викторианскую эпоху критериям светского поведения для девушки считалось недопустимым выражать чувства и проявлять интерес к чему-либо. Данный лингвокультурный типаж предполагает наличие особого эмоционального состояния, где главное – это выдержанность, невозмутимость, отсутствие эмоций. Комбинация глагола *repress* ‘сдерживать чувства’ и усилительной формы *as the devil* ‘чрезвычайно, ужасно, чертовки’ служит для создания образа героини.

Я собираюсь жениться на дочери генерал-майора сэра Хью Франклина Стюарта... Она подлинная светская красавица, без подделок. Холодна, как лед, коварна, как дьявол, и ленива, как вода в сточной канаве. (Дж.Х. Чейз. Хитрый, как лиса. Перевод Р. Мирсалиевой)

Фразеологизмы *cold as ice* ‘холодный как лед; бесчувственный’ и *dull as ditch-water* ‘невыносимо нудный, скучный’ усиливают перцептивно-образные и оценочные признаки лингвокультурного типажа.

Я намерен вступить в брак с дочерью генерал-майора сэра Хью Франклин-Стюарда! ... Девушка светская, холодная как льдина, церемонная до предела и нудная как дождь. Д.Х. Чейз. Лиса в капкане (Перевод В. Брюггена)

В художественном тексте практически всегда присутствуют зоны непонимания, из-за которых он и его Мир как обособленное текстовое пространство адаптируются к «чужой» социокультурной среде. Временная дистанция между автором и читателем приводит к тому, что читательские (личностные) смыслы дополняют авторские смыслы. При социокультурной адаптации исходный текст может получить отдельные национально-культурные черты принимающего социума в тех случаях, когда переводчик начинает рассматривать его как возможность манипулирования с целью усиления воздействия на эмоциональную сферу читателя. Расширенные контексты и дополнительные эпизоды как метавставки служат экспликации имплицитно заданных и (не)осознаваемых новых психологических состояний. При построении текстовой проекции система авторских смыслов рассматривается с позиции «своего» времени, поэтому в новом переводе книги Л. Кэрролла, выполненном Н. Вязовой (2013) утверждается, что Алиса не любила ходить в школу.

Alice was beginning to get very tired of sitting by her sister on the bank, and of having nothing to do: once or twice she had peeped into the book her sister was reading, but it had no pictures or conversations in it, 'and what is the use of a book,' thought Alice 'without pictures or conversation?' (L. Carroll. Alice's Adventures in Wonderland) «*Как-то утром Алиса со старшей сестрой отправились в парк, где они делали домашнее задание. Алиса не любила школу и не понимала, как можно читать книжки, где нет картинок.* (Л. Кэрролл. Алиса в Стране Чудес. Перевод Н. Вязовой)

Культурологические разрывы, приводящие к возникновению лакун (см.: [Масленникова 2005]), становятся причиной появления того, что может быть названо текстовыми аномалиями. Другой причиной становится неверная идентификация слова переводчиком, который оказывается неспособным выбрать эквивалент в зависимости от представленной в тексте ситуации. Благодаря переводчику сыщик Пуаро встречает женщину с необычным *желто-серым* цветом волос и с *овощами на шляпке*. Существительное *green* во множественном числе как *greens*, имеет значения 'оттенки зеленого' и 'зеленые овощи для варки (капуста, шпинат)'.

Nearer fifty than forty. Pince-nez. Untidy yellow-grey hair – unbecoming clothes – those depressing art greens! (A. Christie. One, Two, Buckle my Shoe) «*Леди скорее пятьдесят, чем сорок. Пенсне. Неопрятные желто-серые волосы, безвкусная одежда, эти ужасные искусственные овощи на шляпке!* (А. Кристи. Раз, два – пряжку застегни. Перевод В.В. Тирдатовой)

Ситуации, когда получаемый перевод приводится в соответствие с текущей коммуникативной потребностью, что также предполагает диахронно-культурологическую компенсацию, осложняются следующими факторами:

- этнокультурная детерминированность текстовой коммуникации;
- специфические национальные и / или конкретно-исторические особенности и традиции, характерные для лингвокультурного социума;
- смена культурных контекстов со временем;
- (не)совместимость кодов;

- (не)опознавание заложенной в оригинале культурно-значимой установки;
- особенности отнесения к категории;
- способы вербализации клише сознания;
- намеренное стилистическое нивелирование;
- субъективная интерпретация представленной в оригинале ситуации;
- степень актуальности текста.

Элиминированию текстового пространства в ситуации коммуникативной (не)равноценности как уменьшение культурных барьеров способствуют:

- наличие заданного множества ролей, имеющих место в разных ситуациях;
- описание ситуаций с точки зрения их кросскультурных связей и различий;
- способность ориентироваться и самоопределиться относительно ситуационного контекста, а также идентифицировать коммуникативные нормы, существующие в «чужой» культуре;
- знание правил межъязыковой эквивалентности;
- представление и описание совокупности лакунарных концептов, а также выделение в систему ценностных национально-специфичных лингвокультурных доминант.

Этнокультурная специфика художественного текста предполагает со стороны переводчика умение найти необходимые средства и способы экспликации имплицитной информации, даже в тех случаях, когда смысловые контексты культуры требуют своего прочтения.

Литература

Исторический корпус американского английского языка» / COHA. URL: <http://corpus.byu.edu/coha> (дата обращения: 17.01.15)

Марковина И.Ю. Элиминирование лакун как действие социально-психологических механизмов межэтнического взаимодействия // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: тез. докл. XV Междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – Калуга: Эйдос, 2006. – С. 184–185.

Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст: Введение в лакунологию: учеб пособие. – М.: ГОЭТАР-Медия, 2010. – 144 с.

Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Национально-культурные аспекты речевого мышления // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М.: Наука, 1985. – С. 184–202.

Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Национально-специфическое в межкультурной коммуникации // Текст как явление культуры. – Новосибирск: Наука, 1989а. – С. 71–102.

Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Опыт систематизации лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на понимание текста // Текст как явление культуры. – Новосибирск: Наука, 1989б. – С. 103–162.

Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Способы элиминирования лакун // Текст как явление культуры. – Новосибирск: Наука, 1989в. – С. 162–184.

Масленникова Е.М. Лакунарная напряженность текстовой коммуникации // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 2. – С. 152–159.

Масленникова Е.М. Художественный перевод: новое о старом. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. – 240 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.01.15)

Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур: (Художественная литература и культура в культурологическом аспекте) // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 120–127.

Сорокин Ю.А. Стилистика дискомфорта и дискомфортная стилистика // Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М.: Гнозис, 2003. – С. 141–150.

Google Books Ngram Viewer. URL: <http://books.google.ru/books> (дата обращения: 17.01.15)

Р.И. Зарипов

УДК 81'373.612.2

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

В качестве объекта настоящего исследования выступает метафорическое манипулятивное воздействие в политическом дискурсе как один из элементов информационной войны. Политическая речь, реализуя побудительную функцию, оперирует символами в целях связать понятия, часто едва соприкасающиеся между собой. В этом процессе ассоциативного сближения одну из главных ролей играет метафора.

Необходимость создания устойчивых метафор диктуется потребностями коммуникации. В политическом дискурсе использование этого языкового средства особенно актуально, так как оно способно образовать как положительный языковой политический штамп, так и отрицательный образ. Совокупность метафор определенного концептуального поля политического дискурса входят в состав метафорической модели – универсальной эпистемологической категории, которая выражает общую семантику дискурса и формирует у адресата определенные стереотипы мышления.

Статья предназначена для студентов и аспирантов филологического направления, преподавателей языкознания и иностранных языков, научных работников и любителей лингвистики.

Ключевые слова: метафора, метафорическое моделирование, манипуляция, информационная война, информационное воздействие, политический дискурс.

Ruslan I. Zaripov

MANIPULATION IMPACT THROUGH METAPHORS AS AN ELEMENT OF INFORMATION WARFARE

This article deals with metaphorical manipulation influence in political discourse as one of information warfare elements. The *lexical-semantic* fields which serve as sources of metaphorical images of Russian political reality are revealed. Political speech implementing a motivation function uses symbols in order to tie concepts that are often considerably far from each other. Metaphor plays one of the most principal roles in this process of associative rapprochement.

The need to create stable metaphors is tied with communication necessities. It is very important to use this linguistic means in political discourse as it is able to form a positive stock phrase and a negative figure. The summation of metaphors in a definitive conceptual domain of political discourse form part of a metaphorical model that is an universal epistemological category expressing general discourse semantics and organizing special mentality stereotypes for a message recipient.

The article is designed for students and post-graduate students specialized in philology, lecturers and professors of linguistics and foreign languages, scientists and amateurs.

Keywords: metaphor, metaphorical modeling, manipulation, information warfare, information influence, political discourse.

Нынешний период развития лингвистики характеризуется повышенным вниманием к проблематике массовой коммуникации и ее воздействия на аудиторию. Это не случайно. Практически весь земной шар сегодня охвачен глобализацией и информатизацией, что влечет за собой «стирание» границ и разрушение национальных информационных систем. Неконтролируемые на первый взгляд информационные потоки оказывают дезорганизующее, деструктивное воздействие на сознание человека и, в конечном счете, на социум в целом.

Цели информационного воздействия достигаются тем, что оно сопровождается подачей значительного объема ненужных сведений. В процессе коммуникации различного рода данных, фактов, суждений оказывается так много, что рядовому реципиенту становится трудно, а иногда и невозможно их осмыслить. Чаще всего он постепенно привыкает их принимать на веру, не утруждая себя их анализом или оценкой. Добавим к сказанному, что многие сведения в потоке новостей не представляются реципиенту достойными какого-то осмысления. Таким образом, в принимаемых им сведениях собственно информация как знание, используемое, согласно логико-семантической теории информации, для самоорганизации и самоуправления, встречается крайне редко, и это обстоятельство негативно сказывается на характере его подхода к получаемым сообщениям [Гаврилов 2013: 143]. Об этом же пишет и М.Г. Делягин: «Качественное снижение эффективности индивидуальной переработки информации и, соответственно, адекватности индивидуального восприятия мира вызвано не столько ускорением увеличения объема и разнородности осваиваемой информации самим по себе, сколько прежде всего внешним... и, что самое главное, хаотичным структурированием, «сгущением» и акцентацией (включая эмоциональную окраску) осваиваемой информации» [Делягин 2008: 167-168]. А избыток неструктурированной информации влечет за собой «размывание» самой точки зрения как таковой и разрушение объективной реальности [Там же].

В условиях тотальной информационной перегруженности сознания человека средства массовой информации становятся основным и универсальным оружием в информационной сфере. В тотальную информационную войну, ведение которой против Российской Федерации уже практически ни у кого не вызывает сомнений, вкладываются огромные финансовые средства. Большую часть всей информации, транслируемой в западных СМИ, составляют материалы нескольких агентств, таких как Reuters, Associated Press и Agence France-Presse, а пять ведущих международных медиакорпораций – Time Warner, News Corporation, The Walt Disney Company, Viacom/CBS Corporation и Comcast / NBCUniversal – контролируют 90% национальных и региональных СМИ [Иванов 2012: 24]. Таким образом, обеспечивается тотальный контроль над информацией и реализуется сразу несколько функций:

- создание у населения выгодных для адресанта концептуальных установок и ложных стереотипов мышления;
- изменение системы ценностей реципиентов;
- дезинформация;
- мифотворчество.

Иначе говоря, видимые бесконтрольность и независимость средств массовой информации на деле оказываются системно спланированной деятельностью теневого правительства. Ими предлагается выгодная для них самих интерпретация текущих событий и исторической хроники, в необходимом свете поддерживается репутация объектов «информационной атаки».

В Вооруженных Силах США разработана новая концепция ведения войн, согласно которой «ключевым является информационное пространство, в котором и развертываются операции – как разведывательного, так и военного характера, а также их *медийное*, дипломатическое, экономическое и техническое обеспечение» [Кулыгина 2013: 1]. В этом информационном пространстве необходимо получить превосходство над противником, причем это превосходство должно трактоваться шире, чем традиционное: «оно включает вопросы формирования негативного образа жертвы в мировых СМИ; блокирование любой информации, несущей военные, репутационные и иные риски агрессору; возможность максимально быстро передавать актуальную информацию внутри структур, в том числе военной составляющей, задействованных в операции...» [Там же: 6].

Основной удар в ходе информационного воздействия наносится по сфере общественного сознания. А воздействие на определенную общность людей, в конечном счете, оказывает влияние на каждого конкретного человека в отдельности [См.: Волкогонов 1984]. В результате такого воздействия его сознание начинает жить в мире информационных фантомов, которые могут нести в себе деструктивное начало, дезинформацию или антиобщественные установки. Американский теоретик в области массовой информации Р. Энтман писал: «В сознании есть уязвимые точки, они находятся в области, связанной с невежеством, неосведомленностью, предрасудками. Выявлять и использовать их в пропаганде – значит управлять поведением таких людей» [Entman 1982: 71]. Иными словами, современное информационное общество подвергается манипулятивному воздействию – одному из видов психологического воздействия, «искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко 2000: 59].

С лингвистической точки зрения функция манипулятивного воздействия на адресата реализуется через применение различных языковых и речевых единиц, которые выступают инструментами языкового насилия – неаргументированного или недостаточно аргументированного вербального воздействия на реципиента, цель которого – изменение его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т. д.) [Копнина 2008: 159]. Подчеркнем, что языковое насилие есть манипулятивное речевое воздействие. Защита населения от такого воздействия – первостепенная задача государства и общества.

Языковое насилие, реализуя мелиоративную и пейоративную функции, предполагает наличие в речи социально-идеологических мифологем, различных языковых штампов, эвфемизмов и дисфемизмов, иронии, высказываний с установкой на прямое оскорбление, создание отрицательного образа, «демонизацию» и т. д. [Там же: 160-168]. Во многом такие приемы применяются с использованием красочных языковых средств, основой которых выступает метафора, так как именно она способна образовать как эвфемизм и положительный языковой политический штамп,

так и дисфемизм, отрицательный или дискредитирующий образ.

Исходим из представления, что в речевом воздействии функционируют неязыковые образы реальной действительности (так называемая объективная реальность и языковые образы) – знания, ассоциированные с телами языковых знаков. При восприятии тел языковых знаков, входящих в речевую цепочку, реципиент, опираясь на свои знания о мире, строит образы реальной действительности, то есть неязыковые образы, которые хранятся в памяти реципиента.

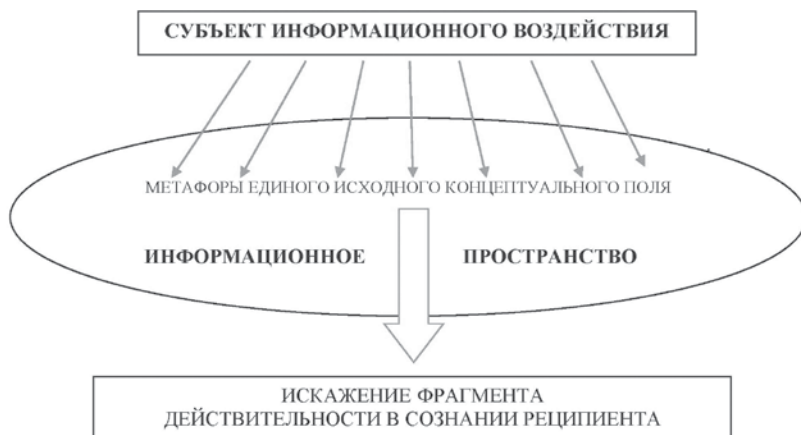
Новая авторская, креативная метафора, появляющаяся в информационном пространстве, способна вызвать у реципиента яркий неязыковой образ, который будет храниться в его сознании достаточно длительный период. Однако затем, с течением времени и растущим числом употреблений этой метафоры в речи, ее «яркость» будет «гаснуть», а образ, созданный на ее основе, исчезать. Поэтому с целью эффективного воздействия на объект в информационном пространстве (чаще всего – это политический дискурс) создаются целые «сети» метафорических словоупотреблений на основе единого исходного концептуального поля. Они образуют в сознании реципиента устойчивые, непрерывные связи между формируемыми неязыковыми образами и действительностью, в которой он находится. Эти связи своевременно поддерживаются появлением в информационном пространстве новых метафор того же исходного концептуального поля. Таким образом, в сознании реципиента возникает тождественное равенство между созданными субъектом воздействия информационными фантомами и фрагментом действительности, к которому относятся метафорические словоупотребления.

Иначе говоря, метафоры единого исходного концептуального поля, порожденные субъектом информационного воздействия, попадают в информационное пространство, искажая в соответствии с его замыслом определенные фрагменты действительности в сознании реципиента. Схематично это выглядит так:

Схема 1

Метафорическое моделирование как элемент информационного воздействия на реципиента

В результате информационного воздействия фрагмент действительности в

сознании реципиента подвергается искажению и уже не соответствует реальному. Происходит подмена понятий, изменение ценностных установок и ориентиров.

Например, в ходе подготовки и проведения Олимпийских и Паралимпийских Игр в Сочи французские СМИ сознательно уделяли большое внимание экологической обстановке в районах строительства спортивных и транспортных объектов с целью отвлечь внимание реципиента от собственно спортивных соревнований и преподнести Игры (а значит, и Россию как их организатора) в негативном свете. Вот какое концептуальное тождественное равенство выдвигает редакция газеты *Le Parisien*: «*Les Jeux d'hiver de Sotchi – c'est le saccage environnemental*» [Электронный источник: <http://www.leparisien.fr/JO-hiver/sotchi-2014-en-direct/fallait-il-boycotter-les-jeux-de-sotchi-06-02-2014-3566611.php>]. Перевод: «Зимние Игры в Сочи – это разграбление окружающей среды».

В данном примере приведено образное выражение, которое описывает организацию Игр как комплекс мероприятий, наносящих значительный вред окружающей среде, и основано на криминальной метафоре «разграбление» (*saccage*). В результате неоднократной подачи информации таким образом (через метафоры криминального концептуального поля) у реципиента складываются негативные представления как о самих Олимпийских Играх в Сочи, проводящихся на месте «неблагоприятной экологической обстановки», так и о России как стране, которая не заботится об экологии и проводит такие масштабные спортивные мероприятия через «разграбление» собственной природной среды.

В нашем сознании образы располагаются не хаотично, а структурированно и взаимосвязанно. Если мы обратим внимание на классическую теорию концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсона, то увидим, что концептуальные структуры, через которые осуществляется категоризация действительности, имеют вид тождества или формулы, например: «СПОР – это ВОЙНА». Процесс построения такой концептуальной категории называется метафорическим моделированием. Метафорическая модель представляет собой не единичное словоупотребление, а целый комплекс метафор на основе одного исходного концептуального поля. Это универсальная эпистемологическая категория, выражающая общую семантику дискурса и формирующая у адресата картину мира и определенные стереотипы мышления. Существующая в дискурсе метафорическая картина мира представляет собой не что иное как систему метафорических полей, свойства которой подобны свойствам системы лексико-семантических полей: они обладают иерархическим устройством, полевой организацией и пересекаются между собой.

Так, метафорическая модель с исходной понятийной сферой «Вооружение» может иерархически рассматриваться как часть более широкой модели с исходной семантической сферой «Война». Метафоры из понятийной сферы «Приготовление пищи» могут расцениваться либо как составляющие сферы «Созидание, изготовление», либо как составляющие сферы «Кухня», что говорит о пересекаемости последних [Чудинов 2012: 138-139]. Полевая организация метафорической модели проявляется на примере криминальных метафор: центральными в такой модели будут фреймы «Преступники и жертвы», «Места лишения свободы и их обитатели», а периферическим фреймом может выступить, например, «Милиция и охрана».

По мнению А.П. Чудинова, метафорическая модель – это «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой «X – это Y» [Там же: 131]. Это значит, что переменная X метафорически изображается через единицы исходного концептуального поля переменной Y. Если в политическом дискурсе мы рассматриваем метафорическое моделирование образа России, то все метафорические словоупотребления, относящиеся к нашей стране, в результате максимального обобщения могут быть приведены в единую форму типа: «РОССИЯ – это...» или «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это...».

Например, в российском политическом дискурсе первого десятилетия XXI века «одной из наиболее активных метафорических моделей» была модель «РОССИЯ – это КРИМИНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО» [Там же: 140-141]. Это значит, что современная российская политическая действительность изображается через уголовные, криминальные концепты и моделируется как преступный мир: «Аграрная фракция – это политические *мошенники*» (В. Жириновский); «Развал СССР объясняют не тем, что это государственное образование себя полностью изжило, а тем, что Ельцин и его *подельники* перегрелись в беловежской бане, выпили лишнего» (Ю. Черняков); «А. Батулин – член *мафиозной семьи* Лужкова, его *шестерка*» (Н. Доренко) [Цит. по: там же: 141-143].

Подобные схемы связи в сознании носителей языка предопределяют их отношение к соответствующему фрагменту действительности. Анализ совокупности метафор иностранного политического дискурса позволяет сделать вывод о картине политической действительности, которую стремятся выстроить политики и средства массовой информации этого государства. С точки зрения внешней политики метафорическая мозаика позволяет сформировать у рядового реципиента определенное отношение к той или иной стране. Необходимость создания устойчивых метафор диктуется потребностями коммуникации. Ведь пока описание какой-либо ситуации, представления, стереотипа и т. п. не превратилось в знак (а национальная метафора функционирует, прежде всего, как знак), оно не может быть понято однозначно всеми членами языкового коллектива. Поэтому целью отечественных средств массовой информации должно быть изменение существующих «формул» в метафорической картине мира носителей иных языков, имея в виду улучшение образа России за рубежом. Пока в сознании членов соответствующих языковых социумов будут безраздельно господствовать только негативные или ложные манипулятивные метафорические модели образа России, добиться улучшения имиджа нашей страны за ее пределами будет трудно.

Метафоры образуют яркие и запоминающиеся образы, которые остаются в сознании реципиента и начинают действовать изнутри. Их декодирование требует определенных интеллектуальных усилий, и при частом повторении в СМИ аудитория их усваивает и неосознанно начинает менять свои политические убеждения. С. Кара-Мурза отмечает, что метафора, создающая в воображении реципиента красочный образ, «оказывает на сознание чудодейственный эффект, надолго отшибая здравый смысл. Чем парадоксальнее метафора (т.е. чем она дальше отстоит от реальности), тем она лучше действует» [Кара-Мурза 2001: 442]. Однако в политическом дискурсе всегда присутствуют и архетипичные метафоры (archetypal

metaphors), основанные на образах «природного цикла, света и тьмы, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации», то есть, универсальных архетипах [Будаев, Чудинов 2008: 49]. Например:

1. *Alexei Navalny est la figure de proue de la contestation (l'opposition) russe* [Russie: fleurs et ovation pour l'opposant numéro un à Poutine reçu en héros à Moscou 2013].

Перевод: «Алексей Навальный – ключевая фигура российской оппозиции (протестного движения)».

В ряде источников СМИ употребляется узуальная метафора из концептуальной сферы «Мореплавание». Если в прямом значении *la figure de proue* – «*tête, buste d'une personne, d'un animal à la proue des anciens navires à voile*» (скульптурное изображение головы человека или животного на носу старинных парусных кораблей), то в переносном, метафорическом значении – «*personnalité majeure d'un mouvement*» [Le Petit Robert 2011: 1041] (выдающийся, ведущий, видный деятель, вдохновитель, центральная фигура, лидер).

2. «*La corruption est un mal endémique en Russie qui gangrène l'appareil d'État à tous ses échelons, l'armée et la police*» [Russie: plus de phrases «pots-de-vin» 2013].

Перевод: «В России коррупция – это эндемическая болезнь, которая разлагает государственный аппарат во всех его звеньях, армию и полицию».

В рамках одного предложения употреблены две взаимосвязанные морбиальные метафоры (сфера-источник «Болезни»). Первая из них, *mal endémique*, означает: «эндемическая болезнь» [Ганшина 1977: 309], то есть хроническая; вторая, *gangrener* – «разлагать, поражать гангреней» [Там же: 394].

3. «*Le pouvoir s'affaiblit...*» [Russie: Moscou brave Poutine 2013].

Перевод: «Власть слабеет...».

Данная предикативная метафора «слабеть, ослабевать» [Гак 2009: 20] входит по смыслу в ряд морбиальных метафор и изображает руководство страны, которое теряет способность управлять государством. Несмотря на то, что метафора «*le pouvoir s'affaiblit*» является узуальной, а не авторской, ее роль остается весьма значительной. В сочетании с новостными сообщениями о частых и массовых акциях протеста в Москве и других городах данная метафора укрепляет в сознании реципиента образ слабой российской власти, которую свергнуть представляется вполне осуществимым делом.

4. «*L'acharnement sur l'opposition russe montre la nervosité d'un pouvoir rongé par la corruption*» [Naudet 2013].

Перевод: «Ожесточение против оппозиции показывает нервозность российской власти, раздираемой коррупцией».

Автор целенаправленно создает образ руководства страны, которое «раздирает» коррупция (морбиальная метафора). Дополняет картину метафорическое выражение *nervosité d'un pouvoir* (олицетворение и метафора эмоционального состояния человека).

Приведенные примеры метафорических словоупотреблений легки для восприятия и способствуют политическому воздействию и убеждению. Способность метафорического моделирования оказывать концептуальное воздействие на адресата представляется особенно актуальной для политтехнологов ввиду постоянно

ведущейся политической борьбы. Как отмечает в этой связи И.М. Михалёва, «используя определенную метафорическую модель, говорящий способен выстроить выгодную ему картину мира в сознании слушателя» [Михалёва 2004: 123]. Г.П. Байгарина подчеркивает, что «активное использование метафоры с ее способностью воздействовать на восприятие действительности под определенным углом зрения является ярким примером отказа от открытой пропаганды тех или иных идей и перехода к завуалированному манипулированию массовым сознанием» [Байгарина 2004: 18]. В политическом дискурсе прагматический потенциал метафор сознательно используется для переконцептуализации картины мира адресата. Метафоры определяют и в то же время отражают сознание человека, формируют картину мира реципиента. Их анализ позволяет выявить общую семантику дискурса и субъективную позицию автора.

Таким образом, метафора является одним из главных языковых средств политической и идеологической ориентированности на стилистическом уровне языка. Она является одним из средств реализации персуазивной стратегии в текстах политического дискурса. Здесь проявляется ее свойство суггестивности – способность внушения реципиенту определенных концептуальных установок и стереотипов через эмоционально-психологическое состояние. Еще в начале XX века В.М. Бехтерев писал, что «внушение действует путем непосредственного прививания психологических состояний, то есть идей, чувствований и ощущений, не требуя вообще никаких доказательств и не нуждаясь в логике» [Бехтерев 1908: 2].

Важно подчеркнуть, что применение метафоры в политическом дискурсе является не банальным приемом украшения речи, а естественным способом творческого мышления и именно в этом своем качестве оказывается эффективным способом реализации персуазивной стратегии адресанта. В современном политическом дискурсе частотность метафор высока, и это объясняется тем, что «метафора превратилась в одно из наиболее сильных средств представления политических концепций и воздействия на политическое сознание общества» [Чудинов 2012: 122]. Не случайно в этой связи, что «в политическом дискурсе метафоры оказываются наиболее часто цитируемой составляющей, которая задает не только тему обсуждения, но и ее предварительную оценку» [Баранов 1991: 189].

Участники межгосударственных переговоров обычно не позволяют себе резких, жестких высказываний и определений, стремясь раскрывать даже самые радикальные предложения и оценки в аккуратных, сдержанных выражениях. Этот язык представляет собой разновидность официально-делового стиля, отличается нейтральностью изложения и отсутствием субъективно-оценочных элементов. Он резко контрастирует с языком прессы, освещающей внешнеполитические новости. Как правило, авторы газетных публикаций не отказываются от использования самых жестких определений и оценок, пишут обо всем открыто и предвзято. Именно в этих публикациях с наибольшей силой проявляется истинная позиция того или иного государства. Как справедливо отмечал американский сенатор Р. Драйнан, «язык является не просто средством, пользуясь которым мы говорим о внешней политике, он и есть наша внешняя политика» [Цит. по: Данилова 2011: 6].

Подчеркнем, что в подобного рода материалах, использующих язык публицистического стиля, с наибольшей открытостью выражаются истинные внешнеполитические цели и истинное отношение к событиям в мире. Место от-

точных, взвешенных формулировок занимают яркие образные выражения, в которых и передается понятный адресату смысл оценок, позиций и отношений. Например, в передовой статье в газете «Le Figaro» президент Российской Федерации назван *maître du Kremlin* и даже *néo-tsar* [Thréard 2013]. Подобные определения встречаются довольно часто во французской прессе и предназначаются для того, чтобы выразить истинное отношение французских правящих кругов к современной России, их оценку деятельности российской правящей элиты. Замечая такие слова, как *président russe, chef de l'Etat russe, président de la Fédération de Russie* на *maître du Kremlin* или *néo-tsar*, субъект речи нарочито выражает свое отношение к главе Российского государства. Во-первых, из использованных выражений естественно вытекает, что российский президент – не демократ, но не царь, не глава государства, но хозяин (*maître*), а Россия – страна с самодержавным строем правления.

Частое употребление во французском политическом тексте концепта «царь» и производных от него синонимов в отношении президента России свидетельствует о том, что в системе образов французского языкового общества важное место занимает монархическая концептуальная метафора «ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это ЦАРЬ». А.П. Чудинов подчеркивает, что подобная репрезентация действительности характерна и для американских СМИ, которые называют российского президента *President of all Russia* («президент всея Руси»), *the Russian strongman* («русский властитель»), *Russian tsar* («русский царь») и т.п. [Чудинов 2012: 222].

Рассмотрим метафорические выражения:

«*Russie: Vladimir le terrible*» [Электронный источник: <http://www.rfi.fr/emission/20130720-une-detroit-cameroun-albert-belgique-syrie-coptes/>], «*Le tsar système de Vladimir Poutine*» [Despic-Popovic 2012].

Перевод: «Россия: Владимир Грозный», «Царская форма правления Владимира Путина».

Игра слов, возникающая при соединении прилагательного *terrible* с именем *Vladimir*, подталкивает реципиента к мысленному сравнению Путина с царем Иваном Грозным, имя которого ассоциируется с жестокостью. Обе вышеперечисленные метафоры дают реципиенту следующую концептуальную установку: Россия всегда была и остается страной самодержавной. Безусловно, этому можно найти подтверждение в современной риторике французских политиков. В частности, президента Путина довольно часто характеризуют как человека «сильного»: «*L'épreuve de La Russie d'Aujourd'hui c'est de remplacer un homme fort...*» [Russie: Moscou brave Poutine 2013]. Такая метафора положительно его характеризует как политика, однако контексты в целом, как в данном случае, в отношении действующей власти несут отрицательную коннотацию (*remplacer* – «заменить»).

Приведенные выше метафорические словоупотребления в отношении государственного устройства и руководства России находятся в рамках метафорической модели «РОССИЯ – это МОНАРХИЯ», причем абсолютная, а не ограниченная, как в некоторых странах Западной Европы – об этом позволяет говорить контекстуальное использование метафор. Необходимо подчеркнуть, что такая модель восприятия давно укоренилась в сознании западного читателя, у которого история России традиционно ассоциируется с варварством, деспотизмом, ложной цивилизованностью [Гордон 2012: 42].

С помощью указанной метафорической модели формируется оценка всего государственного строя в России как строя недемократического и даже самодержавного. В средствах массовой информации в отношении России сознательно используются концепты абсолютизма, чтобы дать реципиенту следующую установку: в этой стране отсутствуют гражданские свободы и демократия. Пока такая «формула» находится в сознании реципиента, изменить его отношение к форме государственного управления и политической жизни России будет сложно.

Последствием предвзятого освещения жизни в России является ложное восприятие европейским и мировым сообществом реалий российской политической жизни. Э.В. Будаев пишет, что «субъект склонен реагировать не на реальность как таковую, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности» [Будаев 2007: 23]. Это позволяет сделать вывод, что и «поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентаций человека», которая была ему внушена извне [Там же].

В настоящее время в западных СМИ Владимир Путин и российская власть в целом преподносятся как «темные силы» и абсолютное зло, а освещение российской политической жизни средствами массовой информации Западной Европы происходит «на автопилоте по определенному шаблону» [Guénolé, Ryzhakova 2013]. Этот шаблон включает три основных положения:

1. Владимир Путин – диктатор во главе полицейского государства.
2. Всякое движение оппозиции Владимиру Путину – это демократическое движение, и Россия только выиграет от того, что кто-то другой возглавит государство, кем бы этот кто-то ни был.
3. Всякое действие правоохранительных или судебных органов против подобного оппозиционного движения – преследование, а упомянутый оппозиционер – образец добродетели [Там же].

Это в известной мере соответствует внешнеполитическим целям Запада. В этой связи одним из основных направлений деятельности отечественной научной и общественно-политической мысли является анализ образа России в иностранном политическом дискурсе. Улучшение имиджа страны за рубежом является неотъемлемым элементом информационной безопасности государства и признаком его успешной внешней политики, но оно возможно только в случае адекватного понимания и знания текущей конъюнктуры.

Текущие события указывают на необходимость выстраивания стройной и сбалансированной системы национальной безопасности государства, его внешней и внутренней политики. Возрастающая роль информационной сферы в жизни общества требует определенных мер по обеспечению информационной безопасности как составляющей национальной безопасности: «Национальная безопасность Российской Федерации существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе технического прогресса эта зависимость будет возрастать» [Гайдарева 2007: 386].

Выводы:

1. Информационное пространство оказывает на адресата манипулятивное воздействие, в результате которого ему прививаются выгодные адресанту стереотипы мышления и концептуальные установки. Последствием такого воздействия

являются подмена ценностных установок и изменение общественного сознания. Задача государства в этих условиях – выстроить сбалансированную систему информационной безопасности.

2. С лингвистической точки зрения манипулятивное речевое воздействие выражается через языковое насилие – неаргументированное или недостаточно аргументированное вербальное воздействие на реципиента, цель которого – изменение его личностных установок. Языковое насилие предполагает использование стилистических средств, основой которых выступает метафора ввиду ее способности формировать положительные и отрицательные образы фрагментов действительности.

3. Метафора является одним из основных языковых средств политического и идеологического воздействия на стилистическом уровне языка, выполняя эпистемологическую, манипулятивную, персуазивную, аксиологическую, эвристическую и др. функции. Использование метафорических выражений в информационном пространстве способствует формированию определенной политической позиции граждан, а с внешнеполитической точки зрения – определенного отношения к той или иной стране.

4. Совокупность политических метафор, характеризующих определенный объект, формируют метафорическую модель, которая является универсальной эпистемологической категорией. Она выражает общую семантику дискурса, формирует у адресата картину мира и определенные стереотипы мышления.

Литература

Байгарина Г.П. Оценочность как универсалия публицистического текста // Текст: Проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как национального: Материалы III Международной научно-методической конференции. – М.: Изд-во Московского университета, 2004. – С. 17-19.

Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991. – С. 184-193.

Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. – СПб: Издание К.Л. Риккера, 1908. – 205 с.

Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. – Вып. 1. – Екатеринбург, 2007. – С. 16-32.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 352 с.

Волкогонов Д.А. Психологическая война: Подрывные действия империализма в области общественного сознания. – 2-е изд., доп. – М.: Воениздат, 1984. – 320 с.

Гаврилов Л.А. О семантико-информационном содержании современных газетных текстов // Аксиомы и парадоксы языка: структура, коммуникация, дискурс. Материалы VII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. 28 июня 2013 года. (ред. Н.В. Иванов). – М.: ЗАО «Книга и бизнес», 2013. – С. 136-145.

Гайдарева И.Н. Информационная составляющая национальной безопасности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2007. – № 1. – С. 386-392.

Гак В.Г. Новый французско-русский словарь. – 11-е изд., стереотипное. – М.: Рус. яз.-Медиа, 2006. – XVI, 1160, [8] с.

Ганишина К.А. Французско-русский словарь. 51000 слов. Изд. 7-е, стереотипное. – М.: «Русский язык», 1977. – 912 с.

Гордон А.В. Сквозь лабиринт стереотипов: Три века постижения Другого // Образ современной России во Франции: Опыт междисциплинарного анализа: Сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем. Отделение глобальных проблем. – М., 2012. – С. 11-46.

Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. 2-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство “КДУ”», 2011. – 232 с.

Делягин М.Г. Реванш России. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. – 448 с.

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Юрайт, 2000. – 342 с.

Иванов П.А. Модальности функции воздействия публицистического стиля: на материале французской прессы: дис. ... канд. филол. наук. – М.: 2012. – 172 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 832 с.

Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Флинта, 2008. – 176 с.

Кулыгина О. Тени завтрашнего джихада // Независимое военное обозрение. – № 31 (772). – 30 августа – 5 сентября 2013. – С. 1, 6.

Михалёва О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: Дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2004. – 289 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 256 с.

A la Une : la banqueroute de Detroit // [Электронный источник: <http://www.rfi.fr/emission/20130720-une-detroit-cameroun-albert-belgique-syrie-coptes>].

Despic-Popovic H. Le tsar système de Vladimir Poutine // Libération. – 06.03.2012.

Entman R. Power, Politics, Media. – N.Y., 1982. – 332 p.

Fallait-il boycotter les jeux de Sotchi? // [Электронный источник: <http://www.leparisien.fr/JO-hiver/sotchi-2014-en-direct/fallait-il-boycotter-les-jeux-de-sotchi-06-02-2014-3566611.php>].

Guénolé T., Ryzhakova K. Poutine et l'Europe: gagner la bataille de l'image // La Russie d'aujourd'hui. – 28.07.2013.

Le Petit Robert. – P.: Le Robert, 2011. – 2837 p.

Naudet J.-B. RUSSIE. Le pouvoir «tue» politiquement Alexei Navalny // Le Nouvel Observateur. – 18.07.2013.

Russie: fleurs et ovation pour l'opposant numéro un à Poutine reçu en héros à Moscou // France 24. – 20.07.2013.

Russie: Moscou brave Poutine // TV5MONDE. – 12.06.2013.

Russie: plus de phrases «pots-de-vin» // Le Figaro. – 11.03.2013.

Thréard Y. La mauvaise farce // Le Figaro. – 03.03.2013.

А.В. Жучкова

УДК 81'23

ЯЗЫК ПОЭЗИИ КАК СПОСОБ ПОДСОЗНАТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается новый способ анализа поэтического текста, основанный на исследовании его подсознательной составляющей: паттернов гипнотического языка и сенсорных предикатов. Обращаясь к лирике наиболее «темного» поэта XX века, О. Мандельштама, мы обнаруживаем, что структура его поэтического языка, во-первых, коррелирует с системой паттернов гипнотической речи, разработанной М. Эриксоном и эксплицированной в трудах основателей НЛП Д. Гриндера и Р. Бэндлера, и, во-вторых, построена на практически чистом кинестетическом коде, то есть репрезентует кинестетическую сенсорную модальность намного полнее и ярче, чем другие модальности.

Ключевые слова: гипнотический язык, эриксоновский гипноз, семантическая поэтика, кинестетическая, визуальная, аудиальная образность.

Anna V. Zhuchkova

POETRY AS WAY OF SUBCONSCIOUS COMMUNICATION

The article reveals a new and unique interpretation of Mandelstam's poetic language peculiarities through a comparison with Milton Erickson's techniques of hypnosis. It is proved that the basic provisions of the article on semantic poetics (Levin, Segal, Timenchik and others) which is important for the study of Mandelstam correlates with the system of hypnotic speech patterns worked out by M. Erickson and developed in works of the NLP founders Grinder and Bandler.

Keywords: hypnotic language, hypnosis, semantic poetics, kinesthetic, visual, auditory imagery.

Из всех искусств поэзия имеет наибольшую связь с музыкой, ее орудийность направлена на создание *ритма*, упорядоченного чередования звуковых отрезков. Versus (лат. «стихотворная строка, стих») переводится также как «ряд, линия» и «поворот». Пространственно-временное развертывание речи, линейное в прозе, в поэзии постоянно повторяется, возвращается к началу, образуя таким образом не только горизонтальные, но и вертикальные ассоциативные связи. Какие виды повторов мы встречаем в поэзии? Поэтический метр (регулярно повторяющееся фиксированное чередование ударных и неударных слогов в строке, а также строк различной длины, что создает и интонационный, и визуальный эффект), рифма (возможны разные варианты ее чередования, от чего зависит строфическая структура поэтического текста; также значимо чередование рифм мужских, женских, дактилических и др.), ассонанс и аллитерация (фонетические повторы в пределах одной строки, строфы либо всего произведения), синтаксический параллелизм и лексические повторы, выделяющие значимую идею или образ стихотворения, повтор начала или конца стихотворных строк (анафора, эпифора), повтор и середины

строки, внутренняя рифма, даже нарушения установленной закономерности, например, нарушения метрики (анакруса, спондей, логзед, пиррихий, дольник и др.), а также строфики, рифмы и т.д. образуют свои чередования. Как видим, альфа и омега поэтической речи – это повтор. Гипнотическое свойство ритмического повтора было замечено еще в глубокой древности, и первые трудовые песни, например, или магические заклинания включали повтор как обязательный элемент композиционной структуры. До сих пор мы видим отражение этого в песенных припевах и трехкратных повторах фольклорных сказок. Повтор – доминанта поэтической речи – положен в основу сложной и развернутой терминологической стиховедческой классификации. Однако только повтором магические составляющие языка поэзии не исчерпываются.

Магическое происхождение имеют и такие распространенные средства художественной выразительности, как метафора, метонимия и их частные виды: синекдоха, олицетворение. Метафора происходит от обрядов симильной симпатической магии, основанных на подобии: наскальная живопись, использование фигурок зверей и людей. Метонимия (и синекдоха) – на принципе контактиозной магии, при которой воздействие на объект оказывается через его часть или принадлежавшую ему вещь (волосы, ногти, предмет личного обихода и т.п.) Олицетворение связано с анимизмом, обожествлением объектов и явлений природы.

Язык сохраняет память о древних магических обрядах, но мы часто не осознаем, какое воздействие оказывают на нас речевые формулы. В народе существует поговорка: назови человека сто раз свиньей – он и захрюкает. Магическое воздействие повтора, но в позитивном ключе, применяется в психологии воспитания. Однако в целом классификация гипнотических приемов языковой и поэтической коммуникации разработана недостаточно.

Назовем такие поэтические (и общеязыковые) средства, гипнотическая роль и функциональные особенности которых остаются малоизученными: пауза (наиболее сильный элемент смыслового маркирования); нарушение логической структуры фразы (опущения, искажения, неточности и др.); использование абстрактной лексики и номинализаций (номинализация – языковая трансформация понятия со значением процесса в существительное: бег, шепот, рев, стон); паттерн «стыка» – соединение конкретного, вещественного слова с абстрактным; использование сенсорных предикатов – слов с яркой визуальной, аудиальной, кинестетической модальностью и т.д.

Психолингвистические исследования XX века помогают эксплицировать суггестивные особенности поэтической речи.

Теория глубинных и поверхностных структур языка Н. Хомского выявляет подсознательное «ядро» любого предложения речи и описывает процесс, при котором из замысла («глубиной структуры») в ходе психологического и лингвистического моделирования «ядро» трансформируется в звучащую / написанную единицу речи («поверхностную структуру»). Хомский отмечает несоответствие между поверхностной и глубинной структурами, вызванное специфическими особенностями процесса трансформации [Грин 2004]. Знание процессов трансформации, неизбежных при порождении и восприятии любого

высказывания, помогает нам понять и использовать потери / приращения смысла при коммуникации.

Теория уровней семантической абстракции А. Кожибски доказывает, что карта не есть территория и что значения слов существуют в сознании, а не являются объективно данными. Это позволяет освободить мышление от присущего ему со времен Аристотеля стремления к идентификации [Холл 2004]. Кожибски описал механизм гипнотического влияния абстракций: чем выше уровень абстракции слова, тем больше оно гипнотизирует, так как реципиент связывает его значение со своим собственным представлением о понятии. Слова с высокой степенью абстракции, такие как *любовь*, *родина*, *разлука*, наполняются значением только исходя из личного опыта. Если использовать абстрактные слова в соответствующем контексте, с должными паузами для погружения реципиента в бессознательное, то эффект полного взаимопонимания достигается без особых усилий, хотя внутренне репрезентации могут быть совершенно различны. На этом принципе построено стихотворение А.С. Пушкина «Я Вас любил...», где слова с семантикой «любовь / любить» повторяются шесть раз в восьми коротких строках[□].

Использование абстрактных слов как способа гипнотического воздействия свойственно официальной пропаганде. В романе Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!» показано, как воспринимаются абстрактные слова, лишенные в силу личного жизненного опыта героя подсознательной сакральной коннотации: «Меня всегда приводят в смущение слова “священный”, “славный”, “жертва”... Мы слышали их иногда, стоя под дождем, на таком расстоянии, что только отдельные выкрики долетали до нас, и читали их на плакатах, которые расклейщики, бывало, нашлепывали поверх других плакатов; но ничего священного я не видел, и то, что считалось славным, не заслуживало славы, и жертвы очень напоминали чикагские бойни, только мясо здесь просто зарывали в землю. Было много таких слов, которые уже противно было слушать, и в конце концов только названия мест сохранили достоинство... Абстрактные слова, такие, как “слава”, “подвиг”, “доблесть” или “святыня”, были непристойны рядом с конкретными названиями деревень...» [Хемингуэй 1959: 311].

Научные доктрины Н. Хомского и А. Кожибски стали базой для создания типологии средств гипнотической коммуникации естественного языка, представленной в работах основателей НЛП Д. Гриндера и Р. Бэндлера. Изучив работу психолога-гипнотизера М. Эриксона, с которым тесно сотрудничал О. Хаксли, а также способы межличностной коммуникации психологов К. Роджерса, Ф. Перлза и В. Сатир, Гриндер и Бэндлер расширили представления трансформационных лингвистов и создали метамоделю гипнотического языка для работы с подсознанием.

«Процессы, определяющие, что происходит между глубинной структурой и поверхностной структурой, – это три универсальных процесса человеческого моделирования, правила репрезентации как таковые: обобщение, опущение и искажение» [Бэндлер, Гриндер 2007: 46]. «Нервная система человека, получающая определенные сигналы в периферийных органах чувств, последовательно трансформирует информацию из физического мира, опуская и искажая ее на каждом шаге, пока она не достигает центральной нервной системы» [Гриндер,

Делозье 2005: 23].

Опущение, обобщение и искажение – три универсальных процесса человеческой психики, без которых была бы невозможна работа сознания. Поток информации, поступающий через органы чувств, захлестнул бы нас. Без этих универсальных процессов мы не смогли бы устанавливать связи между объектами, выделять главное и второстепенное, ставить цели и выносить оценки. Опущение, обобщение и искажение – глобальные трансформационные процессы, управляющие созданием наших сенсорных и лингвистических карт.

ОПУЩЕНИЯ

Недостаточно конкретные глаголы: Сюзен обидела меня.

Глагол «обидела» не является конкретной репрезентацией опыта, так как не реализует свои семантические валентности и не имеет референтного индекса в поверхностной структуре.

Слова с опущенными референтными индексами: У меня есть проблема.

Отсутствует некий объект действительности, с которым можно было бы соотнести высказывание.

Частные случаи отсутствия референтных индексов:

Употребление сравнительной / превосходной степени: Никогда не видел человека смешнее. (Смешнее чем кто?)

Употребление качественных (оценочных) прилагательных / причастий и наречий: Это упражнение скучное. (Скучное для кого?)

Модальные операторы долженствования, возможности: Невозможно любить более одного человека (Для кого невозможно? Кто сказал, что невозможно?).

ИСКАЖЕНИЯ

Номинализация

Номинализация – это лингвистический процесс превращения процессуального слова (глагола) глубинной структуры в существительное поверхностной структуры: печаль, слух, бег, дрожь и т.д. Обратное превращение номинализаций в глаголы помогает понять, что событие, в модели человека завершенное и находящееся вне его контроля, на самом деле представляет собой продолжающийся процесс, который можно изменить: Тоска, печаль (Вы тоскуете из-за чего? Что вас печалит?)

Семантическая неправильность

Семантическая неправильность наблюдается в том случае, когда человек приписывает внешним факторам ответственность за собственные, подконтрольные ему действия: Мой муж ужасно злит меня. (Что вы делаете, чтобы злиться?)

Пресуппозиции

Это та часть фразы, которая должна быть истинной, чтобы утверждение имело смысл. По большому счету, пресуппозиции – это допущения, на которых клиент основывает свою модель мира и в которые верит, уже не подвергая их сомнению.

Недавно я начал понимать, что жена меня не любит.

«Люди, как правило, фокусируют внимание на том, с чем ни могут согласиться или не согласиться, и игнорируют пресуппозицию. Поскольку слушатель не обращает внимания на пресуппозиции, он принимает их и начинает действовать так, как если бы они были истиной» [Андреас 2007: 49].

Утраченный перформатив: Дурно оскорблять чувства других людей.

Высказывания с утраченным перформативом представляют собой обобщения о мире и не соотнесены с личностью говорящего. «Утраченные перформативы звучат как откровения свыше...» [Холл 2004: 119].

ОБОБЩЕНИЯ

Слова с обобщенным референтным индексом: неопределенные и указательные слова и местоимения.

Это. Нечто и др. Я боюсь людей.

Слово «люди» не определяет конкретного индивида или группу индивидов в модели клиента.

Кванторы всеобщности: все, каждый, любой, никто и т.п.

Многопорядковые термины: человечество, любовь, здравомыслие и т.д.

Многие наиболее распространенные и часто используемые нами в повседневной жизни слова являются многопорядковыми терминами с бесконечным количеством значений. «Являясь бесконечнозначными переменными... они всегда неоднозначны» [Холл 2004: 225].

Псевдослова: пространство, бесконечность и др.

В русском языке и многопорядковые термины, и псевдослова называются абстракциями. Хотя, возможно, есть смысл в их разграничении.

Почти в каждом лингвистическом паттерне метамодели присутствуют элементы опущения и, аналогично, в большинстве отличительных признаков метамодели есть обобщения. Трансформационные процессы, указанные выше, происходят не независимо друг от друга, а одновременно, обеспечивая скорость и эффективность работы нашего мышления.

Метамодель Гриндера и Бэндлера позволяет выявлять в речи реципиента признаки неполноты его модели мира. Люди часто попадают под лингвистические ограничения, которые накладывает их собственная модель. Кастанеда писал: «Первое дело учителя – донести идею, что мир, который, по нашему мнению, мы видим, это лишь картина, описание мира... Маги объясняют, что картина мира создана из нашего восприятия, натренированного сосредотачиваться на определенных элементах...» [цит. по: Гриндер, Делозье 2005: 129]. Цель психологической работы с метамоделью – расширить восприятие мира, в результате чего выборов и вариантов решения жизненных проблем становится несоизмеримо больше.

Также метамодель работает и в противоположную сторону. Если мы хотим «загипнотизировать» реципиента, внушить ему нечто, избежав контакта с критической частью его разума, мы используем те же паттерны: семантические неопределенности, обобщения, номинализации, слова, лишённые референтного индекса, кванторы всеобщности и т.д., то есть гипнотические паттерны естественного языка. Поэзия, как материя магическая, характеризуется особой сгущённостью гипнотических паттернов на небольшом пространстве текста.

Выше мы рассуждали о первой части «гипнотического сеанса» – погружении в транс, «создании семантической неопределенности». Какова техника второго этапа – ведения, то есть внушения новой информации, «построения новых смысловых рядов»? Акмеисты, стремясь к выявлению акмэ – высшей степени вещественности объекта или явления, – уже ответили на этот вопрос: суть

внушения – это использование сенсорных образов. Спустя более полувека Гриндер и Бэндлер подошли к выявлению особенностей процесса внушения с научных позиций.

Подсознание – склад информации, поступающей от внешних рецепторов и не осознаваемой человеком. Основные трансформационные процессы опущения, искажения и обобщения проявляются и в том, что одни органы чувств у людей оказываются успешнее, чем другие. Визуальные, аудиальные, кинестетические (осязание и движение), вкусовые и обонятельные образы, минуя сознание, накапливаются в подсознании, формируя чувственный опыт и во многом – мировоззрение человека. При коммуникации человек неосознанно выбирает те речевые средства, которые соответствуют его репрезентативной системе. Нейролингвистическое программирование, всерьез занявшись попытками «договориться» с подсознанием, пришло к выводу, что существуют два обязательных этапа на этом пути: первый – «разжать руки сознания», по образному выражению К. Кастанеды, второй – воздействовать на подсознание с помощью сенсорных маркеров: звук, цвет, запах и т.д., названных нейролингвистами сенсорными предикатами. Сенсорные предикаты – это глаголы, наречия и прилагательные определенной репрезентативной системы. Преобладание в речи предикатов той или иной модальности (визуальной, кинестетической, аудиальной) информирует нас о ведущей репрезентативной системе говорящего. Неприятие ситуации визуал охарактеризует «в черном цвете», аудиал станет говорить о «фальшивых нотах» и «диссонансе», а кинестетик выразит ощущение «горького осадка» или «отвращения». Проведенные нами статистические исследования [Хлыстова 2009] показали, что поэтические предпочтения людей напрямую связаны с их ведущей репрезентативной системой. В общем виде эту закономерность можно представить так: читатель-визуал ценит и понимает творчество поэта с ведущей визуальной модальностью (например, В. Брюсова), читателю-кинестетику ближе поэт-кинестетик (М. Лермонтов, О. Мандельштам) и т.д. При этом в жизни редко встречаются люди с чистым сенсорным кодом, гораздо чаще встречаются ведущая и подкрепляющая репрезентативные системы. Это касается и поэтов. Однако и при комбинаторных модальностях закономерность совпадения модальностей читателя и предпочитаемого поэта сохраняется.

Итак, при гипнотизировании (и поэтическом в том числе) первый шаг – это создание семантической неопределенности, разрушение связности поверхностного высказывания и/или запутывание сознания излишними повторами и подробностями. Когда сознание «разжимает руки», человек обращается к подсознательному опыту, реализованному в виде чувственных образов. Задача коммуникатора – направить ощущения и продуцируемые подсознанием картины, запахи, звуки к созданию желаемого образа и закрепить эти ассоциативные связи.

Из великих поэтов XX века, пожалуй, наиболее трудный для осознанного понимания – Осип Мандельштам. На наш взгляд, сложность трактовки произведений Мандельштама связана с тем, что исследования ведутся в плоскости сознания, хотя это противоречит творческой установке поэта, старавшегося выйти на иной уровень взаимодействия с миром и провозглашавшего в статье о Данте приоритет порыва над синтаксисом и интуиции над логикой.

Стихотворение Манделъштама – не повествование, не размышление, не призыв, это вообще не статичное явление, а репрезентация состояния души, запечатленного в движении, в порыве. Стихотворение Манделъштама невозможно воспринимать отстраненно, объективизировать его, как узор на стекле. Оно требует от читателя включения его собственного подсознания, продуцирования личных образов и ощущений. На языке современной психологии смысловой единицей поэзии Манделъштама можно назвать «психическое явление», то есть «факт внутреннего, субъективного опыта...» [Гиппенрейтер 2006: 19], звучащий внутренний «слепок», как говорил поэт. Магия поэтического языка такова, что этот опыт передается от души к душе и никаких остановок в пути не признает. Читая Манделъштама, можно «великолепным образом воспитать в себе человека», пробуждая «чувства добрые» непосредственно в собственном сердце. «В поэзии важно только исполняющее понимание – отнюдь не пассивное, не воспроизводящее и не пересказывающее... Смысловые волны-сигналы исчезают, исполнив свою работу... Внешняя, поясняющая образность несовместима с орудийностью» [Манделъштам 2010, Т. 2: 156].

Благодаря сгущенности паттернов гипнотического языка на небольшом пространстве поэтического текста и насыщенности сенсорными предикатами, речь Манделъштама является особой магической материей, мало доступной обыденной логике, но оказывающей значительное влияние на подсознание читателя.

Согласно нашим исследованиям [Хлыстова 2009], поэзия О. Манделъштама репрезентует мир в координатах кинестетической модальности. Содержание в ней кинестетических предикатов по отношению к предикатам других модальностей составляет 75,3%. Кинестетическая репрезентативная система разнообразна. К ней относятся как телесные ощущения: наружные (озноб, жара) и внутренние (покалывание в сердце), так и переживания (чувство беспокойства, внутреннего роста и т.д.). А. Любимов выделяет в кинестетике три части: тактильные ощущения (собственно осязание), внутренние ощущения (мышечные, ощущения в желудке) и метаощущения (эмоции). Кинестетика – «то, что мы чувствуем, сюда же относятся запах и вкус» [Любимов 2002: 52].

Надо сказать, что наиболее распространенной ведущей репрезентативной системой является визуальная. Мыслят в основном вербально 15-20% людей, мыслят образами, картинками – 75% и поступают в соответствии с возникающими у них чувствами – 0-15% людей. Поэтическая же речь Манделъштама являет практически чистый кинестетический код. Поэтому для читателей-кинестетиков творчество Манделъштама является близким и понятным, чего нельзя сказать об остальной, большей части читателей с иной ведущей репрезентативной системой.

В творчестве Осипа Манделъштама кинестетические предикаты не просто доминируют, а практически вытесняют предикаты всех других модальностей.

Даже некинестетические явления Манделъштам сводит к кинестетическим образам: *зрячие персты, звучащий слепок, осязает слух*. Визуальная и аудиальная образность в творчестве Манделъштама скудна. Цветовая палитра не превышает 20 тонов, аудиальная гамма еще менее разнообразна.

Мы предполагаем, что именно в силу своей сугубой кинестетичности поэзия Манделъштама воспринимается как «затемненная», в первую очередь визуалами

и аудиалами. Однако ведущая репрезентативная система не является незыблемой данностью, мы можем и должны развивать свои способности, как сознательные, так и подсознательные. Развивая и обогащая модальные каналы и системы, мы полнее и ярче вживаемся в мир, построенный на миллионах созвучий и тонких связей.

Язык вообще, а особенно язык поэзии – это двухуровневая сознательно-подсознательная система. В результате нашего исследования были намечены некоторые способы эксплицирования подсознательного смысла поэтической речи, то есть того, что было принято именовать магией.

Литература

- Андреас С.* Эффективная психотерапия. Паттерны магии Вирджинии Сатир. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2007 – 218 с.
- Бэндлер Р., Гриндер Дж.* Структура магии. Книга о языке и психотерапии. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. – Т.1.– 375 с.
- Гераклит Эфесский.* Фрагменты / Пер. Вл. Нилендера. – М.: Мусагеттъ, 1910. – 98 с.
- Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию. – М.: ЧеРо, 2006. – 336 с.
- Грин Дж.* Психолингвистика. Хомский и психология. – М.: Едиторивл УРСС, 2004. – 352 с.
- Гриндер Д., Бэндлер Р.* Структура магии. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. – Т.2. – 224 с.
- Гриндер Дж., Делозье Дж.* Черепахи до самого низа. Предпосылки личностной гениальности. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. – 352 с.
- Любимов А.* Мастерство коммуникации. – М.: КСП+, 2002. – 336 с.
- Мандельштам Н.Я.* Вторая книга. – М.: Согласие, 1999. – 750 с.
- Мандельштам О.Э.* Полное собрание сочинений и писем в 3-х тт. – М.: Прогресс-Плеяда, 2010. – Т. 2. Проза. – 760 с.
- Мандельштам О.Э.* Стихотворения // Полное собрание сочинений и писем в 3-х тт. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009. – Т.1. – 808 с.
- Павлов М.С.* Бродский в Лондоне, июль 1991 // Сохрани мою речь. – М.: РГГУ, 2000. – С. 12-64.
- Хемингуэй Э.* Прощай, оружие! // Избранные произведения в 2-х тт. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1959. – Т. 2. – 496 с.
- Хлыстова А.В.* Магия поэтики О. Мандельштама. – М.: РУДН, 2009. – 209 с.
- Холл М.* Магия коммуникации. Использование структуры и значения языка. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. – 352 с.
- Chomsky N.* Language and mind. – N.Y., 1968. – 190 p.

Е.А. Козлова

УДК 81'23

АНАЛИЗ ПУБЛИЧНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ПРЕЗЕНТАЦИИ)

В статье рассмотрены разные точки зрения на деловой дискурс, на место в данной системе презентационного дискурса; на технологии, стратегии и тактики воздействия; представлена позиция автора; дана схема разбора конкретного текста презентации.

Ключевые слова: публичный деловой дискурс, профессиональный деловой дискурс, технологии, стратегии и тактики воздействия.

Elena A. Kozlova

ANALYSIS OF PROFESSIONAL BUSINESS DISCOURSE (BASED ON PRESENTATIONS)

The article deals with different approaches to business discourse, to the role of presentation discourse, to technologies, strategies and tactics of influence. The position of the author is presented as well as the scheme of text analysis.

Keywords: public business discourse, professional business discourse, technologies, strategies and tactics of influence.

Область делового дискурса активно изучается в современном языкознании, однако его границы представляются весьма расплывчато. Так, М.К. Любимова утверждает, что деловой дискурс ограничен рамками чисто профессиональной деятельности, которая «ведется для достижения взаимовыгодного соглашения по обсуждаемому деловому вопросу», и представлен в виде делового совещания и деловых переговоров [Любимова 2004: 5]. Чаще всего коммуникативное пространство делового дискурса рассматривается в лингвистике в рамках официального общения [Шеина 2011, Сологуб 2009], в котором «доминируют коммуникативные процессы, связанные с реализацией посредством официально-деловых текстов регулятивной функции» [Сологуб 2009: 5].

Когнитивный анализ делового дискурса дан Т.А. Ширяевой. По ее мнению, деловой дискурс – это «целенаправленное речевое поведение, совершаемое в соответствии с правилами общения, принятыми в деловом сообществе» [Ширяева 2006: 70], является сложным образованием, имеющим только ему присущего адресата и адресанта, цели и задачи коммуникации, ситуации взаимодействия, интенции и стратегии их достижения. На основании перечисленных признаков в названной работе выделяются три разновидности делового дискурса: 1) профессиональный деловой дискурс, возникающий в процессе профессиональной деятельности делового сообщества; 2) академический деловой дискурс, участвующий в хранении и воспроизводстве знаний, а также в подготовке кадров; 3) публичный деловой дискурс, реализуемый в средствах массовой информации – в материалах с деловой тематикой и профессиональных деловых изданиях. В полевой структуре предло-

женной Т.А. Ширяевой модели делового дискурса публичный деловой дискурс располагается ближе к периферии (в центре находится профессиональный деловой дискурс, вокруг которого – академический деловой дискурс).

По нашему мнению, в научной литературе недостаточно разработан вопрос о месте такого коммуникативного жанра, как презентация в системе делового дискурса. Так, анализ презентационного дискурса и презентационных стратегий в рамках PR-коммуникации осуществлен в работе [Русакова, Русаков 2008], причем PR-дискурс определяется как **профессиональная публичная** коммуникация (так как обладает статусом открытости и направлена к общественным кругам), что не совсем согласуется с полевой моделью Т.А. Ширяевой, у которой публичный ДД абсолютно разделен с профессиональным (между ними даже располагается академический ДД).

В других работах презентационный / рекламный дискурс рассматривается как отдельный вид институционального общения [Букеева 2014; Ефименко, Иванова 2014; Олянич 2011; Степанов 2008].

В связи с этим более приемлемой представляется точка зрения Русаковой и Русакова, которая позволяет и рекламу, и презентацию считать разновидностями жанров PR-дискурса, а сам PR-дискурс относить к профессиональной публичной коммуникации. Несомненно, презентация – это коммуникация, направленная на публику, которая имеет своей целью продажу продукта или услуги, а не освещение какой-либо проблемы или выражение точки зрения. Также хотелось бы внести коррективы в полевую модель Т.А. Ширяевой и расположить профессиональный публичный дискурс на границе между профессиональным деловым дискурсом и публичным деловым дискурсом. Поскольку академический деловой дискурс обладает некоторой публичностью и является вторичным по отношению к другим видам делового дискурса (занимается их исследованием), то его следует относить к периферии полевой модели.

Вторым вопросом нашего исследования является вопрос о презентационных стратегиях, поскольку с их помощью в деловом дискурсе реализуется прагматическая установка адресата. Презентационные и рекламные стратегии рассматриваются во многих работах, посвященных перлокутивному дискурсу в целом и деловому в частности [Букеева 2014, Олянич 2011, Степанов 2008], поэтому в настоящее время чрезвычайно актуальна проблема их систематизации с целью более точного распознавания, а также и проблема выявления новых стратегий.

Неразрешенным остается вопрос о разграничении стратегий и технологий. Так, в исследовании Т.Н. Ефименко и Ю.Е. Ивановой о персуазивности в презентационном дискурсе перечислены выделяемые современными исследователями персуазивные (связанные с речевым воздействием) «*техники*: стилистические (смягчение, повторы, оценочные слова), семантические (явное отрицание, явная уступка, перенос) и аргументативные (апелляция к авторитету, риторические вопросы, мининаративы, интимизация, создание понятности и общеизвестности фактов, обещания, ссылка на традиционные ценности, оппозиция, положительная самопрезентация)» [Ефименко, Иванова 2014: 26], причем речь идет только о двух стратегиях, применяющихся в персуазивном дискурсе – убеждения и «обольщения».

В работе Оляничка речь идет об одной презентационной стратегии – «*презентации с элементами манипуляции и конвенции*» [Оляничка 2011: 10].

В.Н. Степанов говорит об используемых социальной и массовой коммуникации (в том числе и в рекламном дискурсе) стратегиях *провоцирования*, или *провокативных* стратегиях, причем особо выделяет некоторые их разновидности, например, «стратегии с комиссивной и вердиктивной перлокутивными модальностями» [Степанов 2008: 210]. В другом фундаментальном труде, посвященном коммуникативному воздействию, наряду с понятием «стратегии» используется термин «технологии» [Дзялошинский 2012], среди **технологий** выделяется «использование *провокативных* высказываний и действий». Под технологиями в работе Дзялошинского понимается «совокупность способов (методов) деятельности, прошедших практическую и научную проверку, доведенных до совершенства и представленных в виде такого алгоритма, который может быть многократно использован для решения сходных задач, достижения заданных результатов» [Дзялошинский 2012: 95]. Для группировки технологий автором предложено использовать определенные критерии. Так, критерий психологической опасности (степени психологической угрозы для человека) служит основанием для выделения 4-х групп технологий: 1) безопасные технологии коммуникативного воздействия (информирование, убеждение, диалог); 2) технологии, использование которых в некоторых случаях может нанести определенный вред психике адресата (управление коммуникативной ситуацией, использование провокативных высказываний и действий, использование подставных фигур, технологии социальной ответственности и др.); 3) технологии, которые наносят существенный вред (дезинформирование, черная риторика, психологическое манипулирование, психологическое насилие); 4) технологии, которые наносят необратимый вред, меняя конфигурацию личности адресата (социальная индукция, суггестия, нейролингвистическое программирование).

Используя вышеперечисленные подходы к персуазивному дискурсу в целом и к рекламно-презентационному дискурсу в частности, в данной работе считаем своей целью представить пример анализа части конкретной презентации, в котором не только показаны отдельные значимые компоненты: технологии, стратегии, тактики, аргументы и т.д., но и дано комплексное видение ситуации воздействия через структуру, композицию. Под стратегией мы понимаем определенный риторический ход в пределах выбранной технологии; под тактикой – выбор конкретного языкового приема; технологию считаем способом речевого воздействия. В работе [Козлова 2011] нами были исследованы разные типы речевого воздействия:

Формы (способы) речевого воздействия

Т.В. Анисимова	убеждение	внушение	доказательство
Е.В. Шелестюк	убеждение	внушение	побуждение
Г.Г. Хазагеров	убеждение	манипуляция	приказ
Р. Де Джордж	убеждение	манипуляция	принуждение

[Козлова 2011: 32]

Данную классификацию мы постараемся совместить с уже упомянутой классификацией И. М. Дзялошинского, с которой у нас имеются некоторые расхождения (например, вслед за В. Н. Степановым мы склонны относить провокацию

к стратегиям, хотя бы по причине того, что провокация может быть ИНСТРУМЕНТОМ как манипуляции, так и другой технологии).

Подчеркнем также, что одной из типичных действенных, «сильных» стратегий мы считаем прагмаэстетическую, обнаруживающую «черты творческой языковой личности субъекта речи», предлагающую адресату «интерпретацию объекта внеязыковой действительности в эстетически значимом ключе» [Колесникова 2012: 163].

При исследовании языка в дискурсивном формате открываются новые возможности выявления особенностей речевого общения в рамках современной парадигмы. Расширились возможности изучения речевого воздействия и взаимодействия. Дискурсивный подход к этим проблемам отражен в работах Н.Ф. Алефиренко (2005), Т.Е. Владимировой (2007), В.С. Григорьевой (2007), О.С. Иссерс (1999), В.И. Карасика (2003, 2004), А.А. Кибрика (2009), М.К. Любимовой (2004), М.Л. Макарова (2003), Г.Н. Манаенко (2005), Е.В. Сидорова (2009), И.А. Стернина (2003), Т.А. Ширяевой (2006, 2008), Е.В. Шелестюк (2009) и других. Слово теперь рассматривается не только с позиций говорящего или пишущего, но и с позиций воспринимающего. Дискурсивные явления наблюдаются в социально-психологической среде, где индивиды играют «соответствующие коммуникативные, социальные, культурные, межличностные, идеологические, психологические роли» [Макаров 2003: 17]. По нашему мнению, PR-дискурс (как и публичный деловой дискурс) – это специфическая коммуникативная ситуация, в которой интенции коммуникантов реализуются с ориентацией 1) на наиболее точное и «сильное» выражение позиции; 2) на внутренний отклик адресата (читателя деловой прессы), то есть на прагматический эффект высказывания. Деловой дискурс имеет свои структурные характеристики, включающие отдельные компоненты: **среда, социальный субъект, содержание, текст** [Ширяева 2006]. В данной статье мы подробно останавливаемся на анализе компонента **текст**.

Результаты выполненного анализа, по нашему мнению, позволят участникам дискурса более объективно оценивать тактики и стратегии, уклоняться от манипуляций, которые в силу достаточной просвещенности и психологической устойчивости аудитории не всегда остаются скрытыми и негативно воспринимаются вместе с коммерческим предложением.

Предложенная для рассмотрения презентация посуды компании ZEPTEP интересна тем, что она предлагается потенциальным клиентам (еще не имеющим продукции ZEPTEP), является базовой, обязательной и неизменной (основной текст и последовательность слайдов не разрешается варьировать).

10 кегль – текст

12 кегль - анализ

(+) Добро пожаловать в мир ZEPTEP! Мир здоровья, стиля и красоты. Присоединяйтесь к миссии ZEPTEP: живи лучше, живи дольше. ZEPTEP – всемирная миссия и глобальный феномен. Тема презентации: ешь здорово, живи дольше!

Эта часть – самопрезентация. Выполняется задача организации общения – привлечение и удержание внимания, создание благоприятной атмосферы, эмоционального настроения (эмоциональная окраска обозначена знаком (+) в начале абзаца). *Технология* – информирование (из относительно безопасных для психики)

[Дзялошинский 2012]. *Стратегия 1* – прагмаэстетическая. *Тактики* – фигуры экспрессивного синтаксиса: повторы (ZEPTEP, живи), градации (здоровья, красоты и стиля), комплексные образования: (живи лучше, живи дольше; ешь здорово, живи дольше), «красивые слова» (стиль, миссия, феномен).

Стратегия 2 – провокационная – приказ / сентенция (в зависимости от интонации). *Тактика* – слоганы (живи лучше, живи дольше; ешь здорово, живи дольше), призыв (присоединяйтесь)

(-) Правильно ли мы питаемся? Нет! Научной медициной доказано, что неправильное и нездоровое питание является главной причиной всех хронических заболеваний, а неправильное приготовление пищи – главная причина неправильного питания!

Эмоциональное нарастание тревожности. Постепенное раскачивание из + в –. *Технологии* – внушение и информирование. *Стратегия 1* – вопрос. *Тактика* – риторический. *Стратегия 2* – прагмаэстетическая. *Тактика* – создание рефрена (неправильное, нездоровое питание). *Стратегия 3* – приведение научных данных. *Тактика* – голословное заявление.

(+) Для правильного приготовления здоровой пищи, для лучшей и более долгой жизни у ZEPTEP есть запатентованная система, единственное и долговечное решение: быстрее, легче, здоровее и вкуснее. Сегодня мы откроем вам наш секрет.

Технологии – убеждение + дезинформирование. Убеждающая *стратегия* – выведение тезиса (Для правильного приготовления здоровой пищи, для лучшей и более долгой жизни у ZEPTEP есть запатентованная система). Дезинформирующая *тактика* – выведение ложного факта (единственное решение) + утверждение. *Тактики* прагмаэстетической *стратегии* – фигуры экспрессивного синтаксиса, например – градация, претендующая стать афористическим высказыванием (быстрее, легче, здоровее и вкуснее).

Далее текст презентации помещен без комментариев для целостной оценки, причем финальная, собственно рекламная, позитивная часть опущена, так как в ней применяются абсолютно безопасные для психики технологии – информирования и убеждения, приводятся абсолютно достоверные факты (проверено автором опытным путем). Представленная ниже часть интересна для исследования тем, что представляет собой своеобразное «погружение в яму» адресата. Интересно, что здесь нет элементов дезинформации, но материал построен таким образом, что действует достаточно пугающе. В работе Дзялошинского пугающие темы и сообщения относятся к технологиям психологического насилия и являются «одними из самых эффективных средств воздействия на целевую аудиторию» [Дзялошинский 2012: 453]. В зависимости от интонаций ведущего такой текст может быть даже высокоопасным для психики. Так, излишне напряженная градация, совмещенная со множественными отрицательными повторами, является приемом технологии социальной индукции, способным нанести серьезный вред адресату [Дзялошинский 2012].

(+-) Пища может и должна лечить, но пища может подвергать серьезной опасности наше здоровье и жизнь. *Гиппократ, греческий учёный, отец медицины (460-370г. до н.э.) учил: «Да будет пища твоя лекарством твоим, да будет лекарством твоим пища твоя».*

(--)
Научной медициной доказано, что *неправильное, нездоровое питание* – главная причина всех хронических заболеваний: ожирения, диабета, сердечно-сосудистых заболеваний, рака, которые являются причиной 70% смертей в США и 60% смертей в мире.

Неправильное, нездоровое питание является причиной ожирения – глобальной эпидемии. Оно влечет за собой респираторные заболевания, боли в суставах, паралич, серьёзные психические заболевания, артриты, бесплодие, заболевания печени, диабет, атеросклероз, гипертонию, сердечно-сосудистые заболевания, инфаркт, инсульт, рак!

За последние 30 лет количество детей, страдающих ожирением, удвоилось. Ожирение в детском возрасте зачастую продолжается в течение жизни и приводит к фатальным последствиям, в основном, из-за неправильного, нездорового питания.

Неправильное нездоровое питание является причиной диабета – коварного заболевания, протекающего практически без симптомов. Диабет вызывает: почечную недостаточность, диабетические язвы, слепоту, ампутацию конечностей, инфаркты, инсульты.

(-) Мы *варим при высоких температурах в кипящей воде* и жарим на вредных перегретых жирах, поэтому мы едим много жира, слишком много соли, слишком много сахара, слишком много пищи без питательной ценности с избытком калорий.

Мы едим пищу с низкой питательной биологической ценностью, лишённую самых важных натуральных составляющих: витаминов, минералов, белков, макро и микроэлементов, пищу, в которой все органолептические свойства (цвет, форма, структура, аромат и вкус) разрушены.

(-) Пища становится нездоровой по причине *неправильного приготовления*, в основном, из-за использования посуды плохого качества. Мы едим нездорово, прежде всего, потому, что мы *неправильно готовим пищу*.

(--)
Без необходимости варим при высоких температурах и в кипящей воде, которая разрушает 90% питательных веществ. Вследствие того, что *питательные вещества и органолептические свойства разрушены*, мы едим лишённую питательной ценности пищу в большом объеме, пытаемся компенсировать нехватку необходимых питательных веществ. Чтобы сделать такую бесполезную пищу съедобной, мы добавляем соль и специи, которые также могут причинить вред нашему здоровью. Почему мы варим в кипящей воде овощи, которые уже на 90% состоят из воды, тем самым разрушая необходимые питательные вещества? Только чтобы не испортить посуду плохого качества! ЭТО ОПАСНО ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ И ДОРОГО. БЕССМЫСЛЕННО, НЕ ПРАВДА ЛИ?

Нами были исследованы различные реакции адресатов презентации (было опрошено 50 человек). У людей с относительно устойчивой психикой, оптимистичных и платежеспособных, имеющих потребность в быстром и качественном приготовлении пищи, отмечено положительное восприятие, причем возникает намерение приобрести продукцию (в случае спокойного поведения репрезентатора, то есть отсутствия какого-либо явного давления). Были отслежены и другие ярко противоположные реакции, когда человек на запугивание реагирует «убеганием» от проблемы (быстрее уйти и забыть), недоверием, либо обороняется агрессией, иронией, возмущением ценами.

Можно сделать вывод, что в данном перлокутивном тексте присутствует смешанный тип внушающего и убеждающего воздействия, когда внушение используется как структурный элемент убеждения (аналогичные случаи рассматриваются в работе [Дзялошинский 2012]).

Действия субъекта рекламного / презентационного дискурса направлены на решение определённых задач: организации общения и собственно воздействия [Олянич 2011], но если в телевизионной рекламе провокативная цель достигается путем отождествления персонажа или диктора с адресатом сообщения, «преследует цель вызвать у реципиента комфортное в психологическом отношении состояние от узнавания частотных моделей коммуникативного поведения» [Степанов 2008: 218], то презентационный дискурс включает более агрессивные технологии и строится по другим композиционным законам. В приведенном примере сразу после установления контакта и присоединения допускается погружение субъекта презентации в крайне некомфортное эмоциональное состояние, а потом предлагается приемлемый выход из положения. Кроме того, текст изобилует провокативными и прагмаэстетическими стратегиями, которые (сами по себе безопасные и эффективные при убеждении) в этой ситуации становятся инструментом манипуляции. В результате такого воздействия иногда действительно полезная и качественная продукция не находит своего покупателя, так как многие адресаты обостренно реагируют на любое эмоциональное давление, не считают себя «наивными покупателями» и в малейших – риторических по своей коммуникативно-речевой природе – хитростях видят «страшный подвох». Подобные комплексы технологий, стратегий и тактик наиболее эффективны в СМИ, поскольку у человека возникает чувство принадлежности к массе. На презентациях «вживую» реципиенты хотят почувствовать свою значимость, повысить настроение, чтобы не жалеть потом о потраченном времени, даже если они и не приобрели продукт, поэтому при представлении подобных дискурсивных фрагментов разумно совмещать их с PR-акциями.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование) // Язык. Текст. Дискурс: межвузовский научный альманах [под ред. Г.Н. Манаенко] – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. – Выпуск 3. – С. 5–13.

Букеева М.Е. Гибридные жанры презентационного дискурса: дис... канд. филол. наук. – М., 2014. – 196с.

Владимирова Т.Е. Призванные в общении: русский дискурс в межкультурной коммуникации: монография – М.: КомКнига, 2007. – 304 с.

Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография – Тамбов: Тамбовский государственный технический университет, 2007. – 288 с.

Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии: монография – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 572 с.

Ефименко Т.Н., Иванова Ю.Е. Репрезентация персуазивности вербальными и невербальными языковыми средствами в презентационном дискурсе // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2014. – № 2. – С. 25-31.

Иссерс О.С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып. 1. – С. 74–79.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей / Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: человек и его дискурс: сб. науч. тр. [под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной] – М.: Азбуковник, 2003. – С. 24–45.

Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. – № 2. – С. 3–21.

Колесникова О.И. Речевые способы убеждения в деловой периодике: прагмаэстетическая стратегия // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – М., 2012. – № 3. – С.161–166.

Козлова Е.А. Прагмаэстетические средства убеждающей речи в публичном деловом дискурсе: дис... канд. филол. наук. – Киров, 2011. – 207 с.

Любимова М.К. Интенциональные смыслы согласия и несогласия в русских и немецких дискурсах совещаний и переговоров: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Тамбов, 2004. – 13 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса: монография – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.

Манаенко Г.Н. Когнитивные основания информационно-дискурсивного подхода к анализу языковых выражений и текста / Язык. Текст. Дискурс. Межвузовский научный альманах. – Ставрополь: ПГЛУ, 2005. – Выпуск 3. – С. 22–30.

Олянич А.В. Рекламный дискурс и его конститутивные признаки / Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография [под ред. Т.Н. Колокольцевой] — М.: Флинта: Наука. – 2011. — 296 с.

Сологуб О.П. Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект: Автореф. дис. д-ра филол. наук. – Кемерово, 2009. – 47 с.

Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации: монография – СПб.: Роза мира. – 2008. – 268 с.

Сидоров Е.В. Онтология дискурса: монография – М.: Либроком, 2009. – 232 с.

Стернин И.А. Типы дискурса в системе массовой коммуникации. Социальные факторы / Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: человек и его дискурс. Сборник научных трудов. – М., 2003. – 365 с.

Шеина И.М. Единицы и способы языковой концептуализации в деловом письме: монография – Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2011. – 340 с.

Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: Автореф. дис. д-ра филол. наук – Челябинск, 2009. – 42 с.

Ширяева Т.А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса: дис. д-ра филол. наук. – Краснодар, 2008. – 540 с.

Ширяева Т.А. Когнитивная модель делового дискурса: монография – Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2006. – 256 с.

Цзинь Тао

УДК 81'23

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА
«ПОТЕНЦИАЛ → РЕЗУЛЬТАТ»
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ**

При анализе значений слов «выйти» и «出» – представителей концептуализации пространства по противопоставлению замкнутости / открытости – было выявлено, что в русском и китайском языковом сознании применяется стратегия метафорической объективизации концепта «ресурс», «потенциал» как чего-то находящегося в закрытом пространстве. Однако реализация данной стратегии различается, и переносные значения «выйти» и «出» не совпадают. Причина кроется в том, что в русском языковом сознании акцент сделан на восприятии самого процесса перемещения, а в китайском – на визуальной доступности объекта до и после перемещения.

Ключевые слова: метафорическая объективизация, ресурс, потенциал, результат.

Jin Tao

**METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE PROCESS
«POTENTIAL → RESULT» IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGE
CONSCIOUSNESS**

The analysis of the meanings of the words “выйти” and “出”, representatives of spacial conceptualization from the point of view of closeness / openness, has demonstrated that Russian and Chinese language consciousness applies the strategy of metaphorical representation of the concept “resource”, “potential” as something that is located in a closed space. However, the implementation of this strategy is different, and the figurative meanings of the words “выйти” and “出” do not coincide. The reason lies in the fact that in Russian language consciousness the emphasis is laid on the perception of moving while in Chinese language consciousness it is placed on the visual accessibility of an object before and after moving.

Keywords: metaphorical representation, resource, potential, result.

Сегодня у лингвистов не вызывает сомнения тот факт, что естественный язык отражает представления определенного народа о мире, и эти представления национально специфичны. Для носителей определенного языка эти представления часто не осознаются при употреблении того или иного слова в его прямом или переносном значении. Поэтому для современной лингвистики большой интерес представляют уже не просто значения языковых знаков как таковые, а культурно обусловленные факторы, которые влияют на формирование тех или иных значений у языковых знаков. «Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собой разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 9].

С другой стороны, формирование значений в разных языках явно происходит под действием неких общих механизмов, которые функционируют в нашем сознании при его взаимодействии с миром. К таким механизмам, безусловно, относится метафора. Если раньше к метафоре относились преимущественно как к важнейшему стилистическому средству, то после возникновения концептуального анализа естественного языка метафора всё больше рассматривается как способ осмысления действительности в обыденном сознании и языке. «Метафора и метонимия помогают осмысливать непредметные сущности в привычных и простых представлениях и становятся настолько распространенным способом концептуализации, что не осознаются носителями языка» [Рябцева 2005: 58]. На наш взгляд, метафора не просто помогает нам осмыслить непредметный мир, а является основополагающим механизмом познания и конструирования мира. Наша когниция не состоялась бы без метафоры, без способности осмыслить непредметные сущности через те области, которые напрямую доступны нашему восприятию. Необходимость объективизации непредметного мира продиктована, прежде всего, ограниченностью нашего восприятия и естественного интеллекта. «Естественный интеллект формируется, работает и эволюционирует под воздействием особенностей человека как вида... Он живет в рамках внутренних и внешних ограничений, пределов, лимитов, границ и концов» [Рябцева 2005: 58]. «Само понятие бесконечности является лишь умозрительным конструктом, и в его основе лежит не положительный признак, а его отрицание, снятие естественно заданного признака, признака конечности... Конец и предел являются необходимой психологической опорой для восприятия любой данности» [Лебедева 2000: 93]. Для того чтобы вступить во взаимодействие с окружающим миром, необходимо его делить на части с воспринимаемыми границами; то же самое происходит и при взаимодействии с непредметным миром. Для того чтобы оперировать чем-то абстрактным, человек мысленно придает ему форму и границы с помощью образов или моделей, зафиксированных им при взаимодействии с физическим миром.

Эта основная черта человеческого интеллекта находит прямое отражение в полисемии языковых знаков, чьи прямые значения связаны с представлением о физическом мире, а переносные относятся к абстрактному, непредметному миру. Перенос и есть результат функционирования механизма метафоры, обеспечивающего необходимую объективизацию всего, что недоступно нашему восприятию. Только такое метафорическое переосмысление происходит, скорее всего, на подсознательном уровне, и для выяснения внутренней логики метафорического переосмысления требуются свои подходы к их анализу.

Как нам представляется, одним из возможных подходов к анализу метафорического переосмысления может служить сопоставительный анализ так называемых псевдоэквивалентных знаков разных языков – знаков, чьи значения лишь частично совпадают. Например, тех, которые имеют схожие прямые значения, но различаются в переносных значениях. Расхождение в переносных значениях должно свидетельствовать о том, что определенный этнос использует один и тот же перцептивный образ для объективизации разных абстрактных понятий или же при объективизации схожего абстрактного понятия прослеживается отличающаяся друг от друга внутренняя логика.

Мы выбрали для сопоставительного анализа русский глагол «выйти» и китайский глагол «出», чье прямое значение репрезентирует перемещение из замкнутого пространства в открытое. Анализ их переносных значений показывает, что в русском и китайском языковом сознании применяется стратегия метафорической объективизации концепта «ресурс», «потенциал» как нечто находящееся в закрытом пространстве. Следовательно, перед нами пример объективизации схожего абстрактного понятия схожим первичным перцептивным образом. Но конкретные переносные значения двух глаголов отнюдь не совпадают. В чем причина?

В русском языке у глагола «выйти» существуют две, на первый взгляд, противоречивые возможности репрезентации действительности. Одна возможность репрезентирует состояние «чего-то больше нет», а другая возможность репрезентирует «что-то есть, будет».

Репрезентация состояния «чего-то больше нет»:

А вышел = 'В ходе деятельности какого-либо человека ресурс А был израсходован в определенном количестве'. Наиболее употребляемая конструкция для реализации данного значения – $N_{им}^1V$ [часто со словом *весь* (*вся, все, всё*) – 'быть израсходованным полностью, кончиться'] [Апресян 1995: 497].

(Весь) табак <хлеб> вышел.

Когда вышли снаряды, бойцы стали отстреливаться.

Репрезентация состояния «что-то есть, будет»:

А вышел из X-ов в Y-и = 'Человек А, ранее принадлежавший к категории людей X, перешел вследствие своих жизненных успехов в категорию людей Y, социальный статус которых выше, чем статус X-ов'.

Я сам из простых людей <из крестьян> вышел.

Он вышел из низов. Из самой гущи народной.

Вышли мы все из народа.

А вышел из X-а = 'Человек X, свойства которого были таковы, что в результате его обучения или приобретения им опыта он мог стать профессионалом А, стал таким профессионалом'.

Из этих студентов выйдут превосходные инженеры.

Из Ивана вышел недюжинный живописец <артист>.

Из вашей дочери выйдет <не выйдет> хорошая мать.

А вышел из X-а = 'Из объекта X, свойства и количество которого были таковы, что из него мог быть сделан объект класса А, был сделан объект класса А'.

Ну что ж, уберите длинноты, и выйдет неплохой роман.

Из этой затеи ничего не выйдет.

Из двух метров материи выходит одно платье.

Из хорошей повести вышла неплохая экранизация.

А вышел X-вым = 'Объект А мог иметь несколько разных свойств, отличных от свойства X; в результате чьей-то деятельности А приобрел свойство X, причем говорящий представляет этот факт так, как будто между намерением деятеля и приобретением свойства X объектом А нет причинной связи'.

Роман вышел неплохой.

Ужин <вечер> вышел невеселым.

Каспаров вышел победителем в соревновании на кубок мира.

Все отделаются легким испугом, а ты выйдешь козлом отпущения.

Вышел X = 'Событие или ситуация X могла не иметь места; в результате чьей-то деятельности X имел место, причем говорящий представляет этот факт так, как будто между намерениями деятеля и X-ом нет причинной связи'.

Не вышло, не сбылось, не состоялось снова.

Вышла крупная неприятность.

Вышла задержка в несколько дней.

Вышло так, что мне пришлось на несколько дней уехать

[Апресян 1995: 498-499].

Однако если сопоставить репрезентацию состояния «чего-то больше нет» и репрезентацию «что-то есть, будет» с помощью «выйти», то можем выделить общую черту метафорического переосмысления, которая лежит в основе этих двух возможностей. Отправной точкой этого переосмысления, по всей видимости, служит восприятие «замкнутого» участка пространства как места для хранения запаса. Такое восприятие в репрезентации «чего-то больше нет» (*Что-то всё вышло*) демонстрируется наиболее явным образом.

В следующем метафорическом сдвиге обнаруживается цепочка «запас – ресурс – потенциал». При этом наблюдается накладка ценностной установки русского языкового сознания, которая была отмечена в работе А. А. Зализняк: для глагола «выйти» при абстрагировании его значения «компонент 'более открытое' является обязательным, а не факультативным...», а «смысл 'с достижением результата', по-видимому, вообще не входит в инвариантное значение данного глагола, и его следовало бы заменить на что-то вроде 'и это хорошо' – компонент, который возникает в результате усиления имплицитной положительной оценки, содержащейся в идее открытого пространства» [Зализняк 2006: 55]. Только восприятие «открытого пространства» при метафорическом переосмыслении замещено восприятием «результата», «перспективы», а ощущение «выход в открытое пространство – это хорошо» трансформировано в положительную оценку «результата», «перспективы». Данная ценностная установка особенно четко функционирует тогда, когда речь идет о потенциале и развитии человека: «*A вышел из X-ов в Y-и*» указывает на более высокий социальный статус после «выхода», а выражение «*из X-а вышел A*» подчеркивает приобретение «профессионализма», «лучшего качества» после «выхода». Если сравнивать глагол «выйти» и синонимичные ему слова «стать», «быть», то метафорическое использование «выйти» передает явно больше информации: наличие процесса внутреннего роста человека и необходимое усилие (обучение, приобретение опыта и т. п.) для осуществления этого роста, т. е. динамика движения и преодоление некоего рубежа, заложенные в чувственной ткани слова «выйти», сохраняются и при метафорической репрезентации реализации потенциала человека.

Далее мы видим, что ценностная установка «выход – это хорошо», теряет «актуальность», когда репрезентируется не развитие человеческого потенциала, а появление какого-то объекта из какого-то ресурса. Это еще раз показывает, что ценностная установка «выход – это хорошо» тесным образом связана именно с ощущением собственного движения человека, когда нужно преодолеть некую границу, чтобы оказаться на открытом участке пространства.

Вместе с потерей «актуальности» ощущения динамики собственного дви-

жения и преодоления некоего рубежа на следующем этапе метафорического переосмысления глагола «выйти» на первый план стал выступать другой важный элемент восприятия – непредсказуемость результата. Как указал на это Ю. Д. Апресян, говорящий, сообщая о появлении некоего события или ситуации с помощью «вышло», представляет этот факт так, как будто между намерениями деятеля и X-ом нет причинной связи.

А. А. Зализняк в своем исследовании поставила глагол «выйти» в этом значении в один ряд с другими глаголами, которые отражают русскую национальную черту в плане восприятия намерения добиваться некоего результата и самого результата:

...смог – удалось – получилось – вышло – сложилось – случилось.

Эти слова упорядочены по уменьшению доли ответственности субъекта за конечный результат [Зализняк А. А. 2006: 226]. При этом «...ряд *получилось – вышло – сложилось* выражает идею, что результат процесса, в который вовлечен человек, не полностью контролируется этим человеком... Между *получиться* и *выйти* имеется то различие, что *вышло* предполагает большую непредсказуемость результата, большую неопределенность промежуточных звеньев... Слово *сложилось* стоит несколько дальше: выражая ту же идею непредсказуемости событий, происходящих с человеком, оно делает акцент на том, что в ситуацию вовлечены много разных не зависящих от человека обстоятельств, и именно это порождает неподвластность конечного результата его воле» [Там же: 222-225].

То, что у глагола «выйти» имеется возможность передать значение о появлении непредсказуемой ситуации, на наш взгляд, напрямую связано с построением параллели между «закрытым» и «прошлым-причиной», а также между «открытым» и «будущим-результатом». Иными словами, мыслительный ряд «из прошлого в будущее» и «от причины к результату» построен в языковом сознании по аналогу «из закрытого участка пространства в открытый». При этом важную роль играет визуальное восприятие закрытого как недоступного для наблюдения и открытого как пространства в прямой доступности нашего наблюдения. Причинная цепь, которая привела к появлению того, что метафорически оказалось в открытом пространстве, находится метафорически в недоступном для наблюдения закрытом пространстве и потому плохо (или невозможно) прослеживается.

Теперь рассмотрим, насколько китайский глагол 出 обладает возможностью передачи перечисленных выше значений «выйти». Иными словами, насколько совпадает метафорическая линия переосмысления «закрытое пространство – ресурс – потенциал – скрытые факторы» в китайском и русском языковом сознании.

Если в русском языковом сознании при репрезентации ситуации 'в ходе деятельности какого-либо человека ресурс А был израсходован в определенном количестве' сам ресурс А метафорически «совершает» действие «выйти», то в китайском языке значение «израсходовать», «потратить» выражается глагольной формой, где 出 вместе с дейктическим показателем 去 придает результативность действию «тратить»:

花出去 – буквально: тратить + 出 + 去.

Данная форма применяется только в случаях, когда речь идет о трате денежных средств. Тем не менее, применение 出 и дейктического показателя 去 (уда-

ление от исходной позиции) указывает на то, что и в китайском языковом сознании «ресурс» также метафорически мыслится как нечто находящееся в закрытом пространстве. Различие состоит в том, что в русском языковом сознании процесс «израсходования», репрезентируемый с помощью «выйти», представляется как неподконтрольный процесс, а в китайском языковом сознании этот процесс представляется как сознательное и подконтрольное действие некоего владельца, причем владелец ресурса находится внутри этого закрытого пространства:

出资 (出钱) – буквально: 出 + средства (деньги) – давать деньги; финансировать;

出力 – буквально: 出 + сила (усилие) – отдать свои силы; приложить усилия; стараться.

Локализация «ресурса» и «потенциала» как «закрытого» находит отражение и в следующих выражениях, образованных с помощью 出.

1) Оценка некоего ресурса как ресурса, из которого удастся получить большую (по объему) отдачу.

出饭 – буквально: 出 + еда (из риса или другого зерна). Пример:

这种米比别的米出饭 – буквально: этот сорт риса + по сравнению + другие сорта риса + 出饭 (Этот сорт риса при приготовлении больше увеличивается в объеме).

出数 – буквально: 出 + количество. Пример:

机米做饭出数 – буквально: Длиннозерный рис + готовить еду + 出数 (Длиннозерный рис при приготовлении больше увеличивается в объеме).

出活 – буквально: 出 + работа. Пример:

虽然只干了两个钟头, 可是很出活 – буквально: Хотя + только + проработать + аспектуальный показатель 了 + два часа, но + очень + 出活 (Несмотря на то, что проработал только два часа, но было очень эффективно).

2) Реализация генетически заложенных потенциалов в ходе взросления. В основном речь о том, что в результате взросления девушки внешне становятся прекрасными.

出落 – буквально: 出 + получаться. Пример:

这姑娘出落得越发标致了 – буквально: Эта девушка + 出落 + служебное слово 得 (соединяет глагол и оценивающую синтагму) + еще более + красивый + аспектуальный показатель 了 (Девушка стала еще красивее).

3) Потенциал человека как перспективного.

出息 – буквально: иметь (не иметь) + 出 + выгода (проценты). Примеры:

他有出息 – буквально: Он + иметь + 出息 (Из него будет толк).

他没出息 – буквально: Он + не иметь + 出息 (Ничего путного из него не выйдет).

Если «ресурс» и «потенциал» метафорически в сознании представлены как нечто «закрытое», то совершенно логична реализация значения «появление чего-то» в языковом элементе, запечатлевающим перемещение из закрытого пространства в открытое. Думается, что с реализацией значения «появление чего-то» тесно связан еще другой аспект восприятия, а именно аспект визуальной доступности. Если говорящий (наблюдатель) мысленно выбирает позицию в открытом пространстве, то «выходящее» из «закрытого» буквально является ему, становится доступ-

ным для визуального наблюдения. Китайский глагол «появиться» собственно и демонстрирует переплетение двух взаимосвязанных аспектов восприятия: метафорической локализации «потенциала-причины» как «закрытого места» и визуальной доступности как идентификатора наличия чего-то нового:

出现 – *появиться* – состоит из двух элементов. Первый элемент – 出 – указывает на метафорическое переосмысление перемещения из закрытого пространства в открытое как процесс порождения чего-то из ресурса, потенциала и причины; второй элемент – 现 (*сянь*⁴) – происходит от иероглифа 见 (*цзянь*⁴), который и означает «видеть».

В других случаях визуальная доступность после перемещения из «закрытого» в «открытое» для говорящего (наблюдателя, находящегося в открытом пространстве) становится подразумеваемой:

出处 – буквально: 出 + место – источник (цитаты).

出产 – буквально: 出 + производить – расти; производиться.

出生 – буквально: 出 + родить – родиться.

В некоторых выражениях наблюдается перенос личностного восприятия визуальной доступности наблюдателем на восприятие доступности для широкой публики (или определенного круга людей):

出名 – буквально: 出 + имя – становиться известным, популярным.

出丑 – буквально: 出 + некрасивость – опозориться.

Таким образом, если рассматривать эти выражения с точки зрения наблюдателя, находящегося в открытом пространстве, то «закрытое» пространство метафорически локализует «потенциальное», «причинное» и «частное», а «открытое» пространство связано с восприятием «наблюдаемого результата» как «публичного».

В русском языковом сознании противопоставление «закрытое – открытое пространство» также указывает на изменение степени доступности:

А вышел = 'Объект А был обнародован и стал доступен потребителям' [Апресян 1995: 498].

Выйти из печати (в свет, в эфир, на экран).

Однако снова наблюдается разница фиксации метафорического переноса. В русском языковом сознании сам объект метафорически совершает перемещение из закрытого пространства в открытое. При этом изменяется степень доступности объекта относительно широкой публики. А в китайском языковом сознании подразумевается некий субъект, который «перемещает» объект, тем самым делая его доступным для широкой публики.

出书 – буквально: 出 + книга – издать книгу.

При реализации значения «появление» у китайского 出 по отношению к некой ситуации также присутствует значение «непредвиденность» и «неожиданность», что очень напоминает возможность передавать значение появления непредсказуемой ситуации у русского «выйти». Однако метафорическая параллель между «закрытое → открытое» и «неопределяемая причина → непредвиденный результат» в русском и китайском языковом сознании на самом деле построена несколько по-разному.

В китайском языке глагол 出 по отношению к появлению некой ситуации всегда указывает на негативность данной ситуации:

出事 – буквально: 出 + дело – случиться (о беде).

出岔子 – буквально: 出 + неполадка – стрясться.

出乱子 – буквально: 出 + беспорядок – произошла неприятность.

出问题 – буквально: 出 + проблема – появилось осложнение.

Русское «выйти» в данном значении также чаще всего указывает на негативность возникшей ситуации или результата, но акцент сделан на неконтролируемости процесса, в который вовлечен человек. Как правило, человек желает хорошего результата, подконтрольный процесс должен привести к желаемому результату. Из-за того, что процесс не полностью контролируется этим человеком, получился непредвиденный плохой результат. Метафорическая параллель между «закрытое → открытое» и «неопределяемая причина → непредвиденный результат» построена на некоем процессе, о котором говорящий имеет представление, но не может его контролировать или даже повлиять на него. Таким образом, в метафорическое переосмысление вовлечено представление о траектории «выйти» как о течении некоего процесса.

В случае 出 представление о процессе вообще отсутствует. Речь идет не о том, что говорящий не видит причинно-следственной связи, а о том, что само возникновение данной ситуации было полной неожиданностью. Отсутствует метафорическая связь между траекторией перемещения и течением этого процесса. Иными словами, первоначально в метафорическую обработку глагола 出 не был взят элемент траектории. Акцент сделан только на том, что что-то теперь оказалось в поле зрения наблюдателя, находящегося в открытом пространстве, а причина, приводящая к этому появлению, недоступна для наблюдения и понимания.

Наш анализ показывает, что для русского «выйти» характерно разделение двух процессов. Первый процесс происходит с субъектами, которые способны самостоятельно добиваться некоего результата, располагая неким потенциалом, т. е. метафорически совершить перемещение от потенциала (из замкнутого пространства) к результату (в открытом пространстве). Второй процесс происходит с объектами, которые сами не могут совершать активное действие, «выйти» подразумевает непредсказуемость процесса, и результат в этом случае чаще отрицателен. В это метафорическое переосмысление также вовлечено представление о траектории «выйти»: траектория «из закрытого в открытое» трансформирована в языковом сознании в процесс от неопределяемой причины к непредвиденному результату.

Для китайского 出 также характерно разделение двух вариантов, и связано это разделение не с ощущением процесса перемещения, а с исходной позицией наблюдателя. Когда наблюдатель находится внутри закрытого пространства, то оно представляется как некое хранилище ресурса, 出 указывает на то, что в результате подконтрольного действия владельца ресурсы или часть ресурсов оказались (окажутся) вне этого хранилища, соответственно были (будут) потеряны для владельца или же стали (станут) доступными для более широкого круга лиц. Когда наблюдатель находится в открытом пространстве, то реализуется механизм визуального восприятия: «выходящее» из «закрытого» является ему, становится доступным для визуального наблюдения. Если ресурсы известны для наблюдателя, то 出 используется для репрезентации оценки задачи этих ресурсов. Если же наблюдатель не имел никакого представления о том, что могло «выйти», то 出 используется для

репрезентации возникновения совершенно неожиданной неприятной ситуации. При этом в отличие от «выйти» в метафорическое переосмысление которого вовлечено представление о траектории «выйти» как о течении некоего процесса, в 出 представление о процессе вообще отсутствует.

Итак, причина расхождения в переносных значениях двух глаголов «выйти» и 出 при метафорической объективизации процесса «потенциал→результат» с помощью пространственной модели «закрытое → открытое» заключается в том, что в русском языковом сознании акцент сделан на восприятии самого процесса перемещения, а в китайском – на визуальной доступности объекта до и после перемещения.

Литература

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.

Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. – 640 с.

Лебедева Л. Б. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 93–97.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. – Т. II. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.

Зализняк А. А. Многозначность в языке и способ ее представления. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 672 с.

Л.Б. Кацюба, Ван Линин

УДК 81'23

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЙ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья рассматривает китайские и русские паремии в психолингвистическом аспекте и представляет результаты экспериментов по исследованию языкового сознания носителей китайской культуры, отраженного в паремиях. В результате экспериментов получены ассоциативные поля русских и китайских паремий, описывающие образы паремиологического сознания современных китайцев.

Ключевые слова: языковое сознание, паремии, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, этнокультурная специфика языкового сознания.

Larisa B. Katsyuba, Van Limin

THE ASSOCIATIVE FIELD OF RUSSIAN AND CHINESE PROVERBS IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE REPRESENTATIVES OF CHINESE CULTURE

The article examines Chinese and Russian proverbs in the psycholinguistic aspect and presents the results of experiments on a study of the language consciousness of the carriers of Chinese culture, reflected in the proverbs. The results of associative experiments represent of the associative fields of Russian and Chinese proverbs.

Keywords: language consciousness, proverbs, associative experiment, the associative field, ethnocultural specificity of language consciousness.

В современной лингвистике паремиологическое направление разработано достаточно объемно: паремии исследовались в русле теорий фразеологии, лексикологии, грамматики, семантики, лингвокультурологии. В настоящее время актуальным представляется изучение психолингвистического потенциала этих единиц. Так, описание фразеологического материала в психолингвистическом аспекте и его репрезентация на основе результатов ассоциативного эксперимента позволяют представить фразеологический фонд русского языка, активно используемый носителями в живом общении. Экспериментальный взгляд на фразеологию, «взгляд как бы изнутри сознания носителя языка» интересен достоверностью и психологической реалистичностью, поскольку «позволяет получить сведения о реальном модуле существования фразеологизма как факта языкового сознания, о варьирующемся операциональном облике этого модуля» [Добровольский, Караулов 1994: 106]. Продолжая исследования паремий в аспекте лингвокультурологии и психолингвистики, при создании пилотного варианта словаря русских паремий [Кацюба 2010b], мы попытались совместить разные типы данных, подходы и методики, присоединившись к мнению Е.Ф. Тарасова, который считает, что «так называемые ценности и антиценности: *любовь, родина, прогресс, образование, успех, здоровье, долг, труд, семья, бедность, нужда* и т. п. (кстати, это слова с социально-сконструированным

значением) могут быть описаны при помощи дефиниций в толковых, философских, психологических, социологических словарях, в литературных эссе, в статьях..., в виде ассоциативных полей из ассоциативных словарей, при помощи семантических полей, графиков, дендрограмм, конструируемых на основе психосемантических экспериментов... Эти знаковые объективации смыслов речевых продуктов, создаваемых в процессе общения должны существовать как дополняющие друг друга...» [Тарасов 2010: 8].

В данной статье отражены результаты ассоциативного эксперимента, предпринятого нами с целью выявления этнокультурной специфики языкового сознания современных китайцев, изучающих русский язык, на материале китайских и русских паремий.

В ходе исследования процессов актуализации паремиологического сознания носителей китайской культуры были проведены эксперименты среди студентов Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ), Челябинского государственного университета (ЧелГУ), Института иностранных языков Харбинского университета (Харбин, Китай) разных курсов, групп и специальностей. Испытуемые владеют русским языком в объеме уровней В1–С1 (по системе ТРКИ). В общей сложности в экспериментальной работе участвовало 35 информантов. Прагматическая актуальность исследования подобного рода «обусловлена необходимостью знакомства студентов, изучающих русский язык, не только с русским языком, но и с этическими правилами его употребления» [Тарасов 2012: 10].

В качестве основной методики нами был выбран метод ассоциативного исследования прецедентных феноменов, к которым, вслед за В.В. Красных [Красных 2002], мы относим паремии. Методы ассоциативного эксперимента: свободный, направленный и другие – выступили составляющими в определении особенностей восприятия паремии как «аксиознака» (по Ю.А. Сорокину).

Выявление этнокультурной специфики языкового сознания на материале паремиологического фонда посредством ассоциативного эксперимента позволило решить определенный ряд задач: выделить ассоциативное поле паремий заданной концептосферы; составить ассоциативно-вербальную сеть с ядерно-периферийными семами концептуального образования, представленного в группе однонаправленных паремий; подтвердить на практике гипотезу воссоздания фрагментов языкового паремиологического сознания через активизацию паремиологической способности и воспроизведение устойчивых идиоматических единиц, представляющих «картину мира»; проследить некоторое соотношение образов русского и китайского сознания через призму паремий.

Испытуемым предлагалось заполнить анкету с заданиями, направленными на достижение поставленных задач.

Анкетирование представляло собой работу по восстановлению, реконструкции концепта из группы однонаправленных (однотематических) паремиологических текстов, которая позволяла выявить экспериментальным путем ассоциативно-вербальную сеть, полученную при работе с паремиями-стимулами, на которые последовали слова-реакции. Информантам было предложено кратко (одним или несколькими словами) выразить на русском языке суть, тему китайских и русских

паремий, отобранных методом случайной (компьютерной) выборки из заготовленного ранее раздела, описывающего концептосферу «Труд».

В первое задание анкеты вошли китайские пословицы концептосферы: 只要功夫深, 铁杵磨成针. (*Терпение и труд всё перетрут*); 熟能生巧. (*Мастерство приходит с опытом; Навык мастера ставит*).

Во второе задание анкеты вошли русские пословицы концептосферы: *Терпенье и труд все перетрут; Без веретена пряжи не спрядешь; Без дела жить – только небо коптить; Всякая работа хвалит мастера; Муравей невелик, да горы копает.*

Семантическая репрезентация концепта в паремиях осуществлена с помощью дефиниционного анализа, проведенного на основе ведущих отечественных и китайского лексикографических изданий.

劳动: 1. 人们改变劳动对象使之适合自己需要的有目的活动。即劳动力的支出或使用。2. 谓活动锻炼身体。3. 表示感谢。 [《辞海》1989: 1832页]

«Труд»: 1. Целесообразная деятельность человека, изменяющая предмет (объект) труда, соответствующий требованию. То же, что расход или использование рабочей силы. 2. Размяться; закалка организма. 3. Выразить благодарность [Словарь Ци Хай 1989: 1832].

«Труд»: 1. Целенаправленная деятельность человека, требующая умственно-го и физического напряжения; работа. 2. Результат такой деятельности, произведение, сочинение (в основном, результат интеллектуальной деятельности). 3. Усилие, умственное или физическое, направленное на достижение чего-либо. Согласно толковым словарям [БТСРС 2005: 709; Ефремова 2000: 810; Ожегов, Шведова: 814], дефиниция содержит дополнения о целесообразности труда, о материальных и духовных ценностях, созданных в процессе деятельности, о труде как источнике заработка.

Как видно из приведенных лексикографических фактов, русское и китайское семантическое наполнение концепта несколько отличается; нюансы этого различия мы можем проследить в реализации ассоциативно-вербальной сети.

Обратимся к результатам прямого (от стимула к реакции) эксперимента и соотнесем полученные данные с содержанием словарных статей. Ответы респондентов представлены с сохранением написания, отражающего оригинальную орфографию и пунктуацию.

На китайские паремии-стимулы были получены такие реакции: *мы относимся к каждому делу серьезно и успехи всегда ждут нас; делать много раз будет легко достичь успехов; если стараешься, то получится; постарание – самое важное; мастерство рождается в упорной тренировке; мастерство приобретается в деле; навык может умелый; если много работать, всё можно сделать; чем больше (раз), тем лучше (11 %); одно дело если ты сделал много раз, то обязательно можно хорошо сделать (5 %) и др.*

На русские паремии-стимулы были получены следующие реакции: *труд; работа; о труде; про работу; о упорнее(о)й работе (5 %); трудолюбие; стараться (5 %); жить не может без дела; люди надо работать; надо не пренебрегать мелочь; простой, то есть великий; маленькая ошибка сможет погибнуть важное дело; не игнорировать ошибку, которая выглядит не важной; Людям нужно ра-*

бота; жизнь хорошо; Человеку надо жить с целью; Для всякой работы имеет отличный человек; Твёрдо – победа; Мастер хорошо делает всякую работу (5 %); Жизнь прекрасна потому, что в жизни есть разные дела; Значение жизни – работать; Терпеть до конца и сможет добиться; Терпенье и труд все перетрут (5 %).

Количественные показатели здесь и далее представляют процентное соотношение частотности ассоциаций-ответов с общим количеством испытуемых.

Ассоциации фиксируют представление о труде как о деятельности, требующей серьезного отношения, определенного опыта, усердия, старания, – важнейшей составляющей успешной жизни современного человека. Не разделяя в своих суждениях труд на умственный и физический, информанты подчеркивают особую значимость труда как процесса, требующего многократного повторения: *делать много раз, чем больше раз, тем лучше, одно дело если ты сделал много раз и др.*, «упорной тренировки», в результате чего человек приобретает определенное мастерство, «навыки» не только для отличного выполнения работы, но и для достижения успеха. Закономерно, что повторение в ответах мысли о многократном повторении действия, «тренировке» коррелируется со вторым значением лексемы *труд* по китайскому словарю. Постановка вопроса о соотношении труда, т. е. своей деятельности, своих действий, с результатами деятельности, достижений и, в конечном итоге, своей жизни говорит о новом восприятии молодыми китайцами труда, работы в целом. Качество труда респонденты соотносят с качеством жизни. Подобное проникновение в сущность труда и понимание его аксиологии созвучно восприятию труда молодыми россиянами (об этом свидетельствуют данные проведенных нами экспериментов (см. [Кацюба 2010а])).

По нашему мнению, в языковом сознании испытуемых отражены расширенные и углубленные границы концепта «Труд», что подтверждает его отношение к базовым общечеловеческим ценностям не только «материального ряда», но и «духовной культуры», поскольку «любое, даже простейшее действие человека имеет духовное основание – намерение, план, внутренний импульс к действию, мотив и т. д., а действия, объединяющиеся в деятельность, получают даже развернутое концептуальное обоснование – вплоть до своей морали и нравственности...» [Степанов 2004: 340–341].

Необходимо отметить также, что особую роль в таком «положительном заряде» образов-ассоциаций, возникших на паремии-стимул концептосферы «Труд», сыграл сам паремиологический материал, а также особенности китайского менталитета. «Через труд всё получится» – в сознании китайцев это значит, что нелегкий труд и многократное повторение одного и того же дела воспитывают терпение; потом у человека появляются хорошие профессиональные навыки. У китайцев трудолюбие и терпение – это обеспечение счастливой жизни. С древних времен китайцы отличаются прилежанием, они верят, что прилежанием исправляют глупость. Кроме того, выражение «Терпение и труд все перетрут» совпадает с уже классическим рассказом об известном в танскую эпоху Китая поэте Ли Бай, этот рассказ в Китае все знают. (О важности примеров высокой морали и укоренения образов «народных героев из числа обычных людей», «которые, несмотря на трудности жизни, работают на совесть, отдавая делу всю свою энергию и любовь», в сознании современных китайцев см. [Чжао Цюе 2013: 86]).

Выявленная на этапе выполнения первого задания анкеты ассоциативно-вербальная сеть китайских паремий, содержащих концепт «Труд», представляет собой не набор словоформ на заданную тему, а готовые предложения в форме предложения, иногда, – единицы, напоминающей идиоматическую, например, *чем больше раз, тем лучше* (данная закономерность устойчиво проявилась в работе китайских студентов с другими концептами, а также в работе респондентов разных национальностей: русских, словаков, немцев). Необходимо заметить также, что задание этой части исследования поняли не все респонденты. Большинство испытуемых представили переводы китайских пословиц на русский язык, а не реакции на них: *Терпение и труд все перетрут* (42 %); *Нытик мастера ставит* (14 %); *Мастерство приходит с опытом* (11 %).

Ассоциативно-вербальная сеть русских паремий, содержащих концепт «Труд», полученная в результате выполнения второго задания анкеты, отличается полиморфностью, представляя собой не только набор словоформ на заданную тему: *труд; работа; трудолюбие; стараться* и строительный материал для предложения (словосочетания и сочетания слов): *о труде; про работу; о упорней (-ой) работе*, но и готовые предложения в форме предложения: *Человеку надо жить с целью; Для всякой работы имеет отличный человек; Твёрдо – победа; Мастер хорошо делает всякую работу; Жизнь прекрасная потому, что в жизни есть разные дела; Значение жизни – работать*, а также паремии: *Терпенье и труд все перетрут* (6 %). Выражение подобного подобным, формальное сходство и уподобление реакции стимулу уже на паремиологическом, а не только лексическом, уровне доказывает устойчивость признаков ассоциативно-вербальной сети, которая «вся пронизана аналогическими отношениями, и основной закон ее организации и функционирования, как и всякой сети, – это закон подобия и сходства ее элементов» [РАС 2002: 755].

Таким образом, проведенное нами экспериментальное исследование паремий привело к следующему заключению.

В работе с китайскими и русскими паремиями-стимулами по реконструкции концепта «Труд» через ассоциации информантов были выявлены ассоциативные поля, их ядерно-периферийные особенности.

Приведенные лексикографические факты, содержащие нужную дефиницию, показали, что русское и китайское семантические наполнения концепта различны, что выражается в ассоциативно-вербальной сети.

Анализ показал, что ассоциации являются независимыми от того, на каком языке были представлены паремии. Полученные на китайские паремии ассоциации в большей степени коррелируются со словарной дефиницией из китайского словаря, полученные ассоциации на русские паремии, хоть и близки к ответам русских респондентов, сохраняют свою самобытность и «принадлежность» к китайской дефиниции. Этот факт предполагает дальнейшее практическое развитие и теоретическое осмысление, поскольку небольшой по объему материал проведенного эксперимента не дает основания сделать полновесные выводы. Однако в подобной «привязке» к родному языку видится свидетельство проявления этнокультурной специфики языкового сознания, поскольку при изучении неродного языка человек не только остается в рамках своей культуры, но и неосознанно выбирает «те спосо-

бы выражения грамматических отношений (в нашем случае еще и семантических, культурологических – Л.К.), которые естественны для его родного языка» [Уфимцева 2011: 212].

В языковом сознании испытуемых отражены расширенные и углубленные границы концепта «Труд», что подтверждает его отношение к базовым интернациональным ценностям не только «материального ряда», но и «духовной культуры».

Выявленная на этапе выполнения первого задания анкеты ассоциативно-вербальная сеть китайских паремий, содержащих концепт «Труд», представляет собой не набор словоформ на заданную тему, а готовые сентенции в форме предложения, иногда, – единицы, напоминающей идиоматическую (данная закономерность устойчиво проявилась в работе китайских студентов с другими концептами, а также в работе респондентов разных национальностей: русских, словаков, немцев). К сожалению, задание этой части исследования поняли не все респонденты: большинство из них представили переводы китайских пословиц на русский язык, а не реакции на них.

Ассоциативно-вербальная сеть русских паремий, содержащих концепт «Труд», полученная в результате выполнения второго задания анкеты, отличается полиморфностью, представляя собой не только набор словоформ, словосочетания и сочетания слов на заданную тему, но и готовые сентенции в форме предложения и даже паремии. Такие случаи формального уподобления реакции стимулу на паремиологическом уровне (а не только на лексическом) доказывают устойчивость признаков ассоциативно-вербальной сети, относя ее к структурно-функциональным образованиям.

Изучение паремий с психолингвистической точки зрения на занятиях русского языка как иностранного помогает активизировать паремиологическую память иностранных учащихся, привить паремиологическую культуру, посвятить студентов в современную живую паремиологическую ситуацию русского языка и, в конечном счете, воссоздать представление о мире и общечеловеческих ценностях через призму паремий.

Литература

Большой толковый словарь русских существительных (БТСРС): идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.

Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. – М.: АСМ, «Помовский и партнеры», 1994. – 116 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. Т. 2. – 1088 с.

Кацюба Л.Б. Ассоциативное поле паремий в русском языковом сознании / Л.Б. Кацюба // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): Ч. 1. – С. 145–148.

Кацюба Л.Б. Русские паремии: лингвокультурологический словарь-справочник. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. – 116 с.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук: Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «Издательство ЭЛ-ПИС», 2003. – 944 с.

Русский ассоциативный словарь (РАС): в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотипное. – М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4. – 800 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.

Тарасов Е.Ф. Жизнь языка в культуре и социуме (вместо вступительного слова) / Е.Ф. Тарасов // Жизнь языка в культуре и социуме. – М.: Издательство «Эйдос», 2010. – С. 3–8.

Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей (проект) / Е.Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики № 1 (15). – М, 2012. – С. 8–17.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М., Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.

Чжао Цюе Динамика языкового сознания в современном Китае через призму нового условного выражения «красивейший + имя существительное» / Чжао Цюе // Вопросы психолингвистики 1 (17). – М., 2013. – С. 84–87.

《辞海》 (缩印本) 主编: 夏征农, 1989年版 上海辞书出版社 2572 页 (Словарь Ци Хай (фототипическое издание) Редактор: Сиа Чжэннун. – Шанхай, Издательство Шанхай Си Шу, 1989 г. – 2572 с.)

С.М. Магомедова

УДК 801.52

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТА
«УДИВЛЕНИЕ» В АНГЛИЙСКОЙ И АВАРСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРАХ
В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЛАКУН**

Статья посвящена исследованию концепта «удивление» в английском и аварском языках для дальнейшего сопоставления с целью обнаружения свободных позиций (лакун) в лексико-семантических структурах рассматриваемых языков. В семной структуре английских номинантов удивления выявляются дифференциальные семы, которые могут быть выделены и в структуре эмотивов в аварском языке. Сопоставление лексем по данным категориальным признакам показывает, что в аварском языке на фоне английского номинанта выявляется номинативная лакуна, а в английском на фоне аварских эмотивов – обобщающие лакуны. Наличие лакун в языках свидетельствует о национальной специфике мышления и семантики языков.

Ключевые слова: эмоция, лакуна, концепт, эмотив, дифференциальная сема.

Saidat M. Magomedova

**A PSYCOLINGUISTIC INVESTIGATION OF THE CONCEPT
“SURPRISE” IN ENGLISH AND AVAR CONCEPTOSPHERES
IN LIGHT OF THE LACUNA THEORY**

The article presents a comparative analysis of the concept “surprise” in English and Avar languages aimed at finding gaps or lacunas in lexico-semantic structures of the languages. There are certain differential semes in the structure of English nominants of surprise which can also be revealed in the structure of emotives in Avar. The comparison displays a nominative lacuna in Avar against the English lexeme and generalizing lacunas in English against the Avar emotives. Gaps in languages evince the idioethnicity of language semantics and construing the world.

Keywords: emotion, lacuna, concept, emotive, differential sema.

Эмоция удивления представляет большие трудности для описания и исследования, так как нет однозначного понимания данного состояния. Одни психологи признают ее базисной, или первичной, эмоцией благодаря наличию определенного нейрофизиологического субстрата и характерного соматического выражения (высоко поднятые брови, продольные морщины на лбу; глаза расширяются и округляются; приоткрытый рот принимает овальную форму) [Изард 2000: 190; Tomkins 2008: 498-499]. Другие ученые едва ли могут назвать удивление эмоцией в полном смысле слова, причисляя его к интеллектуальным чувствам (Б.И. Додонов называет его гносеологической эмоцией, Э. Ортони – когнитивным состоянием) [Додонов 1978; Леонтьев 2002; Ильин 2001; Ortony, Turner 1990: 317]. Психологи аргументируют это тем, что удивление, в отличие от базисных эмоций, возникает в процессе мыслительной деятельности, направлено на удовлетворение познавательных

потребностей и не обладает специфической валентной окраской, как, например, радость, гнев и страх.

Таким образом, удивление представляет собой интеллектуальную эмоцию, вызываемую переживанием обманутого вероятностного прогноза и возникающую у субъекта, когда реальное положение дел несовместимо с его ожиданиями [Иорданская 1970: 24; Махонина, Стернин 2005: 62].

Несмотря на универсальный характер данной эмоции, ее вербализация носит культурно-специфический оттенок в каждом конкретном языке, так как, по мнению А. Вежбицкой, для обозначения выражения эмоций используются специфические для каждого языка термины, которые формируются в рамках конкретной лингвокультуры и, следовательно, не могут быть универсальными [Wierzbicka 1992: 3-27]. Разгадка этой национальной особенности этносознания, скрытой в номинативном потенциале того или иного языка, и представляет огромный интерес для лингвиста и для всей психолингвистики в целом. В данном исследовании, в частности, выявляется этноспецифичность эмотивных концептов «surprise» и «глажаибли» в английской и аварской концептосферах, выражающаяся в наличии лакунизированных единиц в обоих лингвокультурах.

В научной литературе можно обнаружить разнообразные понятия, термины, фиксирующие расхождения в языках и культурах в целом: от сугубо научных и точных (безэквивалентная лексика, лакуны), до менее четких – темные места, заусеницы, белые пятна, брешь и т.п.

В зарубежной литературе известны попытки фиксации расхождений в языках и культурах с помощью термина «гар» (пробел). В отечественной науке наибольший интерес представляют попытки описания таких расхождений с помощью понятия «лакуна».

Лакуны возникают как на уровне лексики, так и на уровне грамматики и фонетики (англ. *glimpse* – рус. *быстро промелькнувшая перед глазами картина*; рус. *компот* – англ. *stewed fruit*, авар. *салмаг* – рус. *ковер без ворса*, англ. *carpet without pile* и др.), а также они могут быть обусловлены историческими, социальными, политическими, экономическими и религиозными процессами, происходящими в обществе (англ. *G-man* – рус. *агент Федерального бюро расследований*; рус. *кокошник* – англ. *Russian peasant woman's head-dress*; авар. *чухтлу* – рус. *женский головной убор, одеваемый под платком и поддерживающий косы*, англ. *Dagestan woman's head-dress, which was tied under a kerchief and served for covering up the plaits* и т.д.).

Причиной возникновения «белых пятен» на семантических картах сопоставляемых языков является культурная, семантическая, эмоциональная «несимметричность» мировидений носителей разных языковых картин мира.

Из множества классификаций лакун (межъязыковые / внутриязыковые, уникальные / частные, абсолютные / относительные, родовые / видовые (векторные), смешанные лакуны, вакантные (некомпенсированные) лакуны, эмотивные (коннотативные, ассоциативные) лакуны и т.д.), для данного исследования релевантным является классификация, предложенная А.А. Махониной и И.А. Стерниным, основанная на отсутствии в фоновом языке номинации, обобщения и/или конкретизации по определенным дифференциальным признакам. Следовательно, выявляются

номинативные, обобщающие и конкретизирующие лакуны. Данная классификация показывает не только отсутствие наименования определенной реалии, но также отражает когнитивный механизм выявления дифференциальных для того или иного языка признаков, лежащих в основе номинации [Махонина, Стернин 2005: 21-25].

Цель исследования заключается в выявлении лакун в номинации эмоции удивления в английском и аварском языках.

Материалом исследования явились тексты художественных произведений различных жанров американских, британских и аварских авторов XIX-XX веков, а также одно- и двуязычные словари.

Методы исследования. В статье используются разнообразные методы и приемы лингвистического исследования материала, в частности, метод компонентного анализа, структурно-семантический, контекстуальный, интерпретационный, анализ словарных дефиниций, представляющий лексикографическое описание лексемы в словаре, метод концептуального анализа, семантико-когнитивный анализ, метод семантической дифференциации (метод выявления дифференциальных признаков языковой единицы), методика когнитивной интерпретации результатов лингвистического исследования.

В рамках концепта «surprise» в английском языке рассматриваются лексемы *surprise, wonder, amazement, astonishment, shock*, различающиеся по следующим психолингвистическим характеристикам: по степени интенсивности, по непосредственной причине, по изменениям в состоянии субъекта, по интеллектуальной оценке вызывающей эмоцию ситуации как приятной или неприятной (положительной / отрицательной), по типу номинации.

1. По интенсивности различают:

менее интенсивные: *surprise – wonder*

более интенсивные: *wonder – amazement – astonishment – shock*

2. По причине, вызывающей эмоцию:

неожиданное событие: *surprise – wonder – shock*

труднообъяснимое / невероятное событие: *amazement – astonishment – shock*

3. По изменениям в состоянии субъекта:

возбуждение: *surprise – wonder*

замешательство / растерянность / недоумение: *wonder – amazement – astonishment – shock*

потеря самоконтроля: *astonishment – shock*

5. По субъективной оценке ситуации, вызывающей эмоцию:

приятная / положительная: *surprise – wonder*

неприятная / отрицательная: *surprise – wonder – amazement – astonishment – shock*

6. По типу номинации:

первичная номинация: *wonder – shock*

вторичная (словообразование): *prise* → *surprise*, *amaze* → *amazement*, *astonish* → *astonishment*.

Вышеуказанные признаки лежат в основе категоризации эмоции удивления в английском языке.

Рассмотрим аналогичный концепт в аварском языке.

В аварском языке для репрезентации удивления мы находим разнообразные лексемы:

Глажаиблги 1) удивление, изумление; 2) восторг; 3) чудо; 4) необыкновенность, удивительность; 5) необычность, странность [Саидов 1967: 185].

Хлайранлги 1) изумление, удивление, ошеломленность, недоумение;
2) очарование, восхищение [Там же: 538].

Хликмалги 1) удивление; 2) поразительность, странность, удивительность [Там же: 546].

Тамашалги удивление, удивительность [Там же: 473].

Первичным семантическим компонентом, лежащим в основе объединения этих лексем в рамках одного концепта «удивление», является сема «необычайность / странность», представленная в значении каждого из этих слов: **необычайность** – тамашалги, хликмалги, глажаиблги [Алиханов 2003: 320]; **странность** – тамашалги, хликмалги, глажаиблги, гадатияб гуроб жо (то, что не укладывается в рамки адата) [Алиханов 2003: 584]. Следовательно, культурно-специфическое мировосприятие и своего внутреннего эмоционального мира отражается в понимании удивления как реакции на обстоятельства, поступки, ситуации, странные, необычные, не соответствующие привычному для носителей языка течению жизни в рамках адата, обычая. Неспроста слова «обычный, простой» и «обычай» в аварском языке выражаются одним понятием (гладатаб/ гладат).

Попытаемся дифференцировать аварские синонимы по таким же смысловым признакам, по которым выше мы разделяли английские синонимические лексемы.

1. По интенсивности различают:

менее интенсивные: **глажаиблги**

Глажаиблги гьабун валагьун члана михгал кюдо (М. МухАмадов. Паздада бакараб цIа). / Усач посмотрел на него с **удивлением**.

более интенсивные: **глажаиблги** – **хликмалги** – **хлайранлги** – **тамашалги**

Киналго **хлайранлгун** хутIана СалихIил медалалдаги, газеталда бахъараб гьесул гьунаралгьул бицунэб макъалаялдаги (М.МухАмадов. Гаши-баба). / Все были в **изумлении** от медалей Салиха и от напечатанной в газете статьи о нем.

Бицунго дун тамашалгизавуна гIадамал гьорлган канлги бихьулеллгун лъугьине ругилан абулаб пикруялда данде Ханас инкар ккураб куцалъ (М.МухАмадов. Икъбал). / Больше всего я **поразился** тому, как яростно Хан отрицал мысль ученых о том, что в будущем люди будут ездить на электромобилях.

2. По причине, вызывающей эмоцию:

а) неожиданное событие: **глажаиблги** – **хликмалги** – **хлайранлги**

Кьераль чIарал гьезул беразуль буго кIудияб рохел, хликмалги ва талихI (С. КъебедмухАмадова). / В глазах стоящих в линейке школьников большая радость, **изумление** и счастье (причина – постройка новой школы).

б) трудно объяснимое / невероятное событие: **глажаиблги** – **хликмалги** – **хлайранлги** - **тамашалги**

Дун гьелда аскIове ана, цеве эхетана, тамашалги гьабуна. «Гьалгул магIна щибдай, щайдай гьаниб, инсанас хIетIе чIолареб бакIалда, ганчIазул гьуни лъугьа-

раб? (XI. Хажиев Гьогьол гьуни). / Я подошел поближе и сильно удивился (букв. выразил **изумление**). «В чем здесь смысл? Откуда здесь куча камней, здесь, где никогда не ступала нога человека?!»

3. По изменениям в состоянии субъекта:

а) возбуждение: **гЛажайблги – хЛикмалги**

– Вуйгь, гьевниха гЛадан вуго, кин гьев вахарав гьединаб борхалгиялде? – ян **гЛажайблги** гьабун цогидай яс (Ф. Палиева. Паданлгиялгул кьо). / – Ой, это же человек. Как он взобрался на такую высоту? – **удивилась** (букв. выразила **удивление**) другая девушка.

б) замешательство / растерянность / недоумение: **гЛажайблги– хЛикмалги – хЛайранлги– тамашалги**

РаКалде кколаан гьей циркалгул канлгуца кьаль-кьальгизабураб борхатаб мокьрукь кьурдулей артистка йигилан, гЛодосан гьелгухь балагьарал гЛадамалги **гЛажайбгьи** гьабун, **хЛикмалгун** гьалгьан ругилан (Ф. Палиева. Паданлгиялгул кьо). / В свете прожекторов цирка всё казалось, что артистка танцевала на потолке, и те, кто смотрел на нее снизу, были **удивлены** и ошарашены (букв. были в полном **удивлении, изумлении**).

в) потеря самоконтроля: **гЛажайблги – тамашалги**

СагИд **гЛажайблги** гьабун валагьун хутИана (Ф. Палиева. Паданлгиялгул кьо). / Саид остолбенел от **удивления**.

Кодобеги босун вацал гьелда жанире ралагьана, гьел **тамашалгун** хутИана, вахI бачине льугьана – гулгун меседил цIун букИана! (Балкаразул маргьу). / Братья заглянули в кувшин и оцепенели от **изумления**, обнаружив в нем золотые монеты.

5. По субъективной оценке ситуации, вызывающей эмоцию:

а) приятная / положительная: **гЛажайблги – хЛикмалги – хЛайранлги – тамашалги**

Гьазул **рокьулги, хЛайранлгиялгулги, рухIдаллгиялгулги** цIурал **рохалил берал** жеги гЛезаганго заманаль хадур ралагьун хутИана (Г.И.Расулов. Падамалги рагIадалги). / Глаза полные **любви, изумления** и **радости** еще долго смотрели ему вслед (сопутствуют положительные эмоции).

б) неприятная / отрицательная: **гЛажайблги – хЛикмалги – хЛайранлги – тамашалги**

ГЛажайблги, разилги гьечIолги гьелдаги льугИинчIо (Ф. Палиева. Паданлгиялгул кьо). / **Удивление** и недовольство не покидало ее.

Гьанже гьав валагьулев вукИана **жахIдагун** ва **гЛажайаб хЛайранлгигун** (М. МухIамадов. Паздада бакIараб цIа). / Теперь он смотрел с **завистью** и **изумлением** (сопутствует отрицательная эмоция).

6. По типу номинации: вторичная (словообразование): **гЛажайблги – гЛажайб + -лги, хЛикмалги – хЛикмат** (нечто удивительное) + **-лги, хЛайранлги – хЛайран** (изумленно, удивленно) + **-лги, тамашалги – тамаша** (диковинка, диво) + **-лги**.

Для выявления лакун эмоционального концепта «surprise» и «гЛажайблги» в английском и аварском языках необходимо сопоставить данные анализа семантической дифференциации в соответствующих языках. Ниже в схематичном виде даются результаты сравнительно-сопоставительного анализа репрезентантов концепта

«удивление» в английском и аварском языках.

Таблица 1. Сопоставление концептов «surprise» и «Гажайблы» по степени интенсивности

	Английский язык	Аварский язык	Лакуна		
			обобщающая	конкретизирующая	номинационная
по мере возрастания от менее интенсивного состояния до более интенсивного	<i>surprise</i> <i>wonder</i> <i>amazement</i> <i>astonishment</i> <i>shock</i>	<i>Гажайблы</i> <i>Хикмалги</i> <i>Хайранги</i> <i>тамашалги</i> — <i>виххун хутги</i>	— — — — —	— — — — —	— — — — В аварском

Сопоставление по степени интенсивности демонстрирует и репрезентирует в аварском языке отсутствие однословной номинации более сильного чувства удивления, шока, высшая степень которой передается словосочетанием *виххун хутги* (состояние растерянности, замешательства, смятения):

Гьелда глеч тIеянцин абун бажаричIо *виххун хутIарав* Къасумихъан (М. МухIамадов. Борч). / От *шока* Касум не смог даже сказать, чтоб она сорвала яблоко.

Таблица 2. Сопоставление концептов «surprise» и «Гажайблы» по причине, вызывающей эмоцию

	Английский язык	Аварский язык	Лакуна		
			обобщающая	конкретизирующая	номинационная
неожиданное событие	<i>surprise</i> <i>wonder</i> <i>shock</i>	<i>Гажайблы</i> <i>Хикмалги</i> <i>Хайранги</i>	— — —	— — —	— — —

Таблица 4. Сопоставление концептов «surprise» и «гIажайблги» по субъективной оценке ситуации, вызывающей эмоцию

	Английский язык	Аварский язык	Лакуна		
			обобщающая	конкретизирующая	номинативная
приятная, или положительная	surprise wonder <i>wonder</i> <i>wonder</i>	<i>гIажайблги</i> <i>хIикмалги</i> <i>хIайранлги</i> <i>тамашалги</i>	— — В АНГЛИЙСКОМ В АНГЛИЙСКОМ	— — — —	— — — —
неприятная/ отрицательная	surprise won- der amaze- ment aston- ishment shock	<i>гIажайблги</i> <i>хIикмалги</i> <i>хIайранлги</i> <i>тамашалги</i> —	— — — — —	— — — — —	— — — — в авар- ском

Анализ по компонентным признакам в аварском языке показывает нечеткую дифференциацию номинантов эмоции, размытость границ между некоторыми категориями: по субъективной оценке ситуации, вызывающей эмоцию, как положительной, так и отрицательной, все номинанты представлены в обеих категориях, что выявляет обобщенный характер семантики лексем, номинирующих эмоцию удивления в аварском языке, в отличие от строгой системы английского языка.

Таким образом, данное сопоставление выявляет номинативные лакуны в аварском языке на фоне английского и обобщающие лакуны в английском языке на фоне аварских лексем:

англ. *shock* – авар. # номинат. отсутствует однословная номинация по высшей степени интенсивности; компенсация – *тамашалги* + контекст, *виххун хумIи*;

авар. *гIажайблги* – англ. # обобщ. по изменениям в состоянии субъекта; компенсация – *surprise, astonishment* + контекст;

авар. *гIажайблги* – англ. # обобщ. по причине, вызывающей эмоцию; компенсация – *surprise, amazement* + контекст;

авар. *хIикмалги* – англ. # обобщ. по причине, вызывающей эмоцию; компенсация – *wonder, amazement* + контекст;

авар. *тамашалъи* – англ. # обобщ. по субъективной оценке ситуации, вызывающей эмоцию; компенсация – *wonder, astonishment* + контекст;

авар. *хIайранлъи* – англ. # обобщ. по субъективной оценке ситуации, вызывающей эмоцию; компенсация – *wonder, amazement* + контекст.

Сопоставительный анализ эмотивов удивления в английском и аварском языках свидетельствует об обобщенном характере представления явлений внутреннего мира аварскими носителями и более детализированном восприятии предметов английским этносознанием.

Литература

Алиханов С.З. Русско-аварский словарь. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2003. – 700 с.

Додонов Б.И. Эмоция как ценность. – М.: Политиздат, 1978. – 272 с.

Изард К.Э. Психология эмоций / Перев. с англ. – СПб.: Питер, 2000. – 464 с.

Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.

Иорданская Л.И. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – Вып. 13. – М., 1970. – С. 3-26.

Леонтьев В.О. Классификация эмоций. – Одесса: Изд-во Инновационно-ипотечного центра, 2002. – 84 с.

Махонина А.А., Стернин И.А. Опыт типологии межъязыковых лакуны // Лакуны в языке и речи. – № 2. – Благовещенск, 2005. – С. 21-25.

Саидов М. Аварско-русский словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1967. – 805 с.

Ortony A., Turner T.J. What's basic about basic emotions? // Psychological Review. – 1990. – Vol. 97. – No. 3. – P. 315-331.

Tomkins S.S. Affects, imagery, consciousness. – Vol. 1-2. – N.Y.: Springer, 2008. – 588 p.

Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 496 p.

Е.С. Богданова

УДК 81'23

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается старшеклассник в ходе интерпретации художественного текста. Автор приводит данные экспериментального исследования, в ходе которого сравниваются тактики интерпретации, применяемые школьниками и опытными читателями, выделяются основные типичные ошибки. На основе анализа данных эксперимента автор делает выводы методического характера.

Ключевые слова: интерпретация художественного текста, формирование интерпретационной деятельности, старше школьники, ошибки в интерпретации, проблемы обучения.

Elena S. Bogdanova

SENIOR SCHOOLCHILDREN PROBLEMS IN INTERPRETATIVE ACTIVITY

The article analyses problems that senior schoolchildren face interpreting a literary text. It also represents the results of the experiment that concerned interpreting tactics of schoolchildren and experienced readers. The author singles out typical mistakes and gives teaching recommendations on the basis of the experimental data.

Keywords: literary text interpretation, the formation of the interpretive activity, senior schoolchildren, errors in the interpretation, problem teaching.

Введение. Современная школа ставит задачу обучения текстовой деятельности. В трудах Н.С. Болотновой разработаны вопросы, связанные с понятием и видами текстовой деятельности. **Текстовая деятельность** – это система «действий на основе знаний, навыков и умений, позволяющих создавать тексты и воспринимать, интерпретировать, понимать их». Принято подразделять её на «первичную коммуникативную деятельность (говорение и письмо) и вторичную (слушание и чтение)» [Болотнова 2002 (а): 7]. Выделяются три вида текстовой деятельности:

1) **текстообразующая**, то есть создание первичных (сочинение-рассуждение, сочинение-повествование, сочинение-описание; монолог – объяснение учителя; монолог – ответ ученика; диалог и т.д.) и вторичных текстов (изложение, пересказ, аннотация; конспект; тезисы, реферат и др.);

2) **текстовоспринимающая**, включающая слушание и чтение как основу для декодирования сообщения;

3) **интерпретационная**, направленная на создание нового («своего») текста, отражающего осознание адресатом авторской интенции [там же: 9]. **Предмет** текстовой деятельности – **первичный или вторичный текст**, если автор высказывает свои мысли или выражает оценки и эмоции посредством письменной связной

речи; *систематизированная фактуальная или эмоционально-оценочная информация*, если читатель воспринимает текст; *развёрнутое умозаключение*, отражающее существенные связи и отношения между отдельными элементами воспринимаемого текста, если текст интерпретируется.

О.В. Касперская определяет интерпретационную деятельность «как вторичную коммуникативную деятельность адресата, основанную на способности языковой личности к пониманию текстов, опирающуюся на систему знаний о тексте, а также на владение практическими навыками различных видов анализа текста (лингвистического, стилистического, лингвопоэтического и др.) и направленную на создание нового текста, отражающего осознание адресатом авторской интенции» [Касперская 2008: 128]. Нельзя не согласиться с К.А. Роговой в том, что «обучение приемам интерпретации художественного текста составляет важнейшее звено в формировании культуры чтения, общей культуры языковой личности» [Рогова: ЭР].

Для осуществления интерпретационной деятельности, по мнению О.В. Касперской, существенное значение имеют 1) умение определять эмоциональную тональность текста; 2) умение видеть подтекстовую информацию; 3) умение осмыслить концептуальное содержание текста; 4) знание фонового материала, необходимого для понимания фактуальной информации и создания вторичного текста [Касперская 2010: 12–13]. Однако названные умения сформированы далеко не у всех выпускников школы, и в процессе интерпретационной деятельности учащиеся допускают многочисленные типичные ошибки. Причина этих ошибок в том, что в интерпретационной деятельности как разновидности текстовой деятельности «сочетаются инвариантное и индивидуальное, превращая «заготовку», имеющуюся в речевой организации индивида, в «первичный продукт» или продукт, по терминологии А.А. Залевской» [Бутакова 2003: 60–61].

Анализ результатов выполнения части С ЕГЭ по русскому языку показал, что «остаются недостаточно усвоенными разделы речеведения, связанные с интерпретацией содержания текста..., комментарием проблематики текста» [Официальный сайт ФИПИ, ЭР]. Например, по данным методического анализа результатов единого государственного экзамена в 2013 году по Новосибирской области, не справились с задачей определения проблемы прочитанного текста 4,6% выпускников, испытывали затруднения при комментировании проблемы 68% экзаменуемых, неверно определили позицию автора 10,5%. 60,5% учащихся показали несформированность умения обосновывать свою позицию [Волкова: ЭР].

В связи с этим целью проведённого исследования является выявление типичных ошибок и затруднений учащихся старших классов при интерпретации художественного текста.

Основная часть. Опишем методику и ход эксперимента. Обучающимся (4–6 классы средних школ г. Рязани, всего 31 чел.) и опытным читателям (преподаватели университета, учителя, библиотекари г. Рязани, всего 21 чел.) был предложен художественный текст – отрывок из очерка И.А. Бунина «Тень птицы», всего 10 предложений. Предлагалась инструкция: *следует читать текст по одному предложению и комментировать вслух свои размышления (увиденные картины, ассоциации, гипотезы, догадки); в случае необходимости можно задать вопрос относительно*

прочитанного. Выступление каждого участника эксперимента фиксировалось с помощью видеозаписи, которые впоследствии анализировались.

Приступая к эксперименту, мы вполне осознавали, что одно из основных свойств художественного текста – это возможность множественных интерпретаций, и «ни один вариант не может считаться эталонным, так как каждый вариант в равной мере влияет на становление инвариантной смысловой сущности, сопрягающей в себе коллективный опыт истолкования текста» [Боронин 2011: 29]. Почва для этого создаётся вследствие разнообразия характеристик читателей, уникальности их опыта и картины мира. Однако сам текст с его регулятивными структурами определяет границы коридора смыслов, и «феноменологическое варьирование на глубинном уровне сводится к ограниченному числу семантических констант» [там же: 30]. Ограничителем числа интерпретаций является целостность текста: «если в тексте все элементы взаимосвязаны, интерпретатор тоже не вправе что-либо игнорировать. Любая деталь или ее словесное оформление могут рассматриваться в качестве ограничителей» [Матюшкин 2007: 94]. Поэтому, прежде чем предлагать текст испытуемым, мы выявили его особенности и составили модель интерпретации на основе коллективного анализа (коллективной непротиворечивой интерпретации) отрывка группой филологов из 5 человек.

Если кратко охарактеризовать текст, то следует отметить его необычайную красоту и выразительность. Автор повествует о своих впечатлениях при посещении Стамбула и через собственный чувственный опыт даёт описание природы (горы, море) и жизни древнего города. К текстовым лакунам могут относиться топонимы (*Скутари, Галата* и др.); экзотизмы (*феска, муэззины* и др.) и инокультурные реалии (*мечеть, минарет*); устаревшая лексика (*накеботы, бригантины* и др.); слова, ограниченные в употреблении (*рогожа, терция*); метафорические и метонимические переносы (*копья минаретов, холмы расступились, крики фесок* и др.); имплицитный отсыл к мифу Кипарисе [Легенды и мифы Древней Греции, ЭР]; понимание текстового времени.

Покажем примерный вариант восприятия текста зрелым читателем, который смоделирован нами на основе анализа видеозаписей.

Модель интерпретации текста зрелым читателем

Текст	Приблизительный ход размышлений о прочитанном
(1) Свежеет, и горы и холмы, овеваемые морским воздухом, принимают лиловые тоны.	Картина моря, прибрежных гор их холмов. Вечереет, меняется тон пейзажа. Возможны разные ассоциации с отдыхом, путешествием.
(2) Босфор вьётся, холмы впереди смыкаются – кажется, что плывёшь по зеркально-опаловым озёрам.	По топониму «Босфор» можно догадаться, что действие вблизи Стамбула. Гипотеза 1: рассказчик плывёт по проливу, который то расширяется, то сужается. Холмы обрамляют залив, и в некоторых местах кажется, что это не море, а озеро.

<p>(3) Но вот эти холмы расступились еще раз, – и медленно принимает нас в свою флотилию великий город.</p>	<p>Судно выплывает на открытое пространство, и впереди показывается город, предположительно Стамбул (гипотеза 2). В порту много судов.</p>
<p>(4) Налево, на холмистых прибрежьях Малоазийских гор, пестрят в сплошных садах несметные кровли и окна Скутари.</p>	<p>Слева находится населённый пункт – Скутари. Гипотеза 3: это город или часть Стамбула. Он густо заселён.</p>
<p>(5) Направо, в Европе, громоздится по высокой горе тесная Галата с возвышающейся над ней круглой громадой генуэзской башни Христа.</p>	<p>Справа – Галата, в ней башня Христа. Почему «направо, в Европе»? Это Европа. Значит, Скутари (налево) – Азия. Укрепление гипотез 2 и 3: действие происходит в Стамбуле, Скутари и Галата – его районы или смежные территории. Следует уточнить в справочнике.</p>
<p>(6) А впереди, на закате, единственный в мире силуэт Стамбула, над которым – копия минаретов и полусферы на султанских мечетях...</p>	<p>Гипотеза 2 подтверждается. Перед рассказчиком Стамбул, в нём много минаретов, мечетей. Гипотеза 4: рассказчик знаком с этими местами, он хорошо знает названия. Гипотеза 5: возможно, автор путешествует. В городе сочетаются мусульманская и христианская культуры.</p>
<p>(7) При заходящем солнце, в тесноте судов, бригантин, барок и лодок, при стоголосых криках фесок, тюрбанов и шляп, качающихся на зеленой сорной воде вокруг наших высоких бортов, снова кидаем якорь.</p>	<p>Корабль причаливает к берегу, команда опускает якорь. Вокруг довольно много лодок, кораблей. На бортах самые разные люди: турки (фески), арабы (тюрбаны), европейцы (шляпы), звучит речь, слышатся разные голоса. Стамбул – многонациональный город.</p>
<p>(8) Ревут вокруг трубы отходящих пароходов, в терцию кричат колесные пакеботы, гудит от топота копыт деревянный мост Султан-Валидэ на Золотом Роге, хлопают бичи, раздаются крики водоносов в толпе, кипящей на набережной Галаты...</p>	<p>Суэта города. Гипотеза 6: в тексте описываются события прошлого, т. к. мост Султан-Ваплидэ деревянный (интересно, он сейчас цел? И что такое Золотой Рог?), а на улицах видны водоносы, конные повозки. Что такое «пакеботы»? Вероятно, это тип судна. Явно не современный. Рассказчик в старой части Стамбула видит картины городской жизни, слышит звуки города.</p>

<p>(9) Оттуда, из товарных складов, возбуждающе пахнет ванилью и рогами колониальных товаров; с пароходов – смолой, кокосом и зерновым хлебом, сыплющимся в трюмы, от воды, взбудораженной винтами и веслами – огуречной свежестью...</p>	<p>Город оживлён. Несмотря на вечер, жизнь продолжается. Рассказчик чувствует запахи восточного города. Гипотеза 7: здесь торг, продают и покупают зерно, ваниль, кокосы, ткани. Кажется, рассказчик приехал с торговой миссией (гипотеза 8).</p>
<p><i>(10) Солнце меж тем скрывается за Стамбулом – и багряным гляncем загораются стекла в Скутари, мрачно краснеет кипарисовый лес его Великого кладбища, в фиолетовые тоны переходит сизый дымный воздух над рейдом, и возносятся в зеленеющее небо печальные, медленно возрастающие и замирающие голоса муэzzинов...</i></p>	<p>Вечер, солнце садится, последние лучи освещают город, отражаются в окнах. Гипотеза 8 не подтверждается: рассказчик прошёл торговые места, не задерживаясь у них. Скорее всего, автор путешествует по тем местам, которые уже посещал когда-то (подтверждение гипотез 4, 5). Настроение меняется. Звуки шумного города затихают, слышится только призывы к молитве, которые произносятся, припевая, с минаретов муэzzины. Рассказчик говорит о картине Великого кладбища, противопоставляя его тишину суете Стамбула. Вспоминается легенда о Кипарисе, объясняющая, почему именно эти деревья растут на кладбищах.</p>

Как видно, понимание этого текста зрелым читателем может быть обеспечено 1) широтой энциклопедических знаний из области географии, истории, культуры, 2) широтой ассоциативного поля, 3) способностью к антиципации и умением подтвердить или опровергнуть смысловые гипотезы, 4) умением заполнить текстовые лакуны с опорой на свой опыт и обращение к справочной информации, 5) использованием приёмов самопостановки вопросов к тексту и поисков ответов на них, 6) умением видеть интертекстуальные связи, 7) умением догадываться о значении слов с опорой на контекст, 8) умением интегрировать информацию, помещённую в разных частях текста и имеющуюся в памяти читателя, в единое целое, 8) пристальным вниманием к деталям текста: читатель анализирует их, рисует картины, 9) умением видеть за текстом автора. При этом зрелый читатель ментально участвует в происходящем, видит, слышит, чувствует вместе с рассказчиком.

Анализ результатов интерпретации данного текста группами опытных читателей и школьников позволил нам прийти к выводу, что последние испытывали значительные трудности при понимании текста, связанные с несформированностью интерпретационных умений.

Сравнительные показатели действий опытных читателей и старших школьников при интерпретации текста

№	Действия в ходе интерпретации	Школьники (%)	Опытные читатели (%)
1.	Представляли себя в описываемом месте	41,9	54,5
2.	Выдвигали смысловые гипотезы и проверяли их	38,7	81,8
3.	Воспроизводили картины текста без искажений	3,2	13,6
4.	Говорили о собственных ассоциациях	41,9	54,5
5.	Уточняли значение неизвестных и малоизвестных слов, в т.ч. топонимов	35,4	36,3
6.	Толковали обороты речи	16,1	63,6
7.	Достраивали картину за счёт собственного опыта	32,5	86,3
8.	Использовали приём повторного чтения	51,6	27,2
9.	Задавали вопросы о прочитанном, искали ответ на него	9,6	18,1
10.	Обобщали текстовую информацию	19,3	54,5
11.	Догадывались о значении слов с опорой на контекст (говорили об этом)	16,1	40,9
12.	Обратили внимание на сенсорные детали (зрительные, слуховые, обонятельные)	45,1	54,5
13.	Дали свою оценку тексту	32,5	36,3
14.	Проявили интерес к рассказчику/автору	22,5	45,4

Как видно, школьники, по сравнению со взрослой аудиторией, гораздо реже прибегают к приёму построения смысловых гипотез. Затруднение в среде школьников вызывает толкование метафорических оборотов речи, при этом чаще всего они прибегают к тактике избегания, т. е. просто умалчивают о своих трудностях и пропускают информацию, которая скрыта в неясных сообщениях. Для обеспечения понимания текста школьники чаще читают предложение повторно (это наиболее распространённый приём), взрослые же читатели прибегают к повторному чтению-просматриванию после прочтения нескольких предложений с целью уточнения смысловых гипотез и обобщения текстовой информации. Дети, даже осознав, что выдвинутая ранее гипотеза является ошибочной, чаще не говорят об изменении своего мнения, а продолжают чтение последующих предложений. Значительно чаще опытные читатели говорят о догадке относительно значения слов по контексту, причём эта догадка, как правило, приводит к распознаванию значения слова без искажения. У детей же такие искажения отмечаются чаще (*феска* – птица, *муэззин* – зверь и т.п.). Взрослые проявляют гораздо больший интерес к автору-рассказчику: они задают вопросы относительно автора произведения, комментируют замысел,

говорят о рассказчике и выдвигают гипотезы относительно цели его пребывания в описываемом месте (45,4%). Такой интерес в группе детей встречается гораздо реже (22,5%).

Привлекает внимание тот факт, что в обеих группах испытуемых весьма низким оказалось количество тех, кто задал вопрос относительно прочитанного эксперту или самому себе. Этот приём использовали 9,6% школьников и 18,1% взрослых, причём среди последних это были филологи и учителя литературы.

Обратим внимание и на приём достраивания текстовой информации за счёт собственного опыта. Показатели в аудитории школьников и здесь значительно ниже. Особую сложность вызвало у детей определение описываемого места и исторического времени. При этом «подсказки» текста (например, направо – Европа, налево – Малоазийские горы; водоносы, пароходы, колёсные суда, топот копыт как реалии определённого времени) оставались не замеченными большей частью детей. Из этого можно сделать вывод о том, что школьники не умеют при интерпретации текста опираться на его регулятивные структуры (см. строку 4 в следующей таблице). Узкие фоновые знания не позволили многим школьникам представить образ Стамбула рубежа 19 – 20 вв. с его многонациональностью, слиянием культур и религий Востока и Запада, тогда как взрослая аудитория активно об этом говорила.

Сравнительные показатели ошибок опытных читателей и старших школьников при интерпретации текста

№	Тип ошибки	Школьники (%)	Опытные читатели (%)
1.	Искажение картин, переданных автором	96,7	72,7
2.	Пропуск текстовой информации	90,3	50
3.	Искажение слова при чтении и отсутствие интереса к нему	51,6	9
4.	Неумение опереться на регулятивные структуры текста	67,7	18,1
5.	Неправильная интерпретация образа рассказчика	38,7	9
6.	Выдвижение ошибочных гипотез и неумение проверить их	38,7	13,6
7.	Выход за рамки текста	29	18,1
8.	Неумение представить детали картины через сенсорные образы	54,8	18,1
9.	Понимание только общего смысла описываемого (о чём говорится)	29	0
10.	Чтение без осознания (повтор слов вместо интерпретации)	12,9	0
11.	Буквальное понимание метафорических выражений	12,9	0

12.	Низкий уровень техники чтения вслух (искажение слов, самоперебивы, регрессии, неверное членение на синтагмы)	19,3	0
-----	--	------	---

Анализ представленных в таблице данных начнём с показателей техники чтения. Как видно из строк 3, 9, 10, 12, пониманию текста препятствует несформированность полноценного навыка чтения (прежде всего, таких его качеств, как правильность и осознанность). Ошибки, допущенные при чтении и приводящие к искажению текста, не вызвали беспокойства у 51,6% учащихся (*трюмы – тюрьмы, свежееет – скрежет, мечети – мечи* и др.); замены слов, явно ведущих к бессмысленности читаемого, не вызвали вопросов со стороны учащихся.

Как видно, склонны исказить картины, представленные автором в описательном тексте, как школьники, так и опытные читатели. Однако здесь выявлено 2 отличия: во-первых, количество искажений информации, как эксплицитной, так и не представленной в прямых номинациях, в группе детей значительно выше.

Сравнительные показатели количества допущенных искажений фактуальной информации в группах опытных читателей и старших школьников при интерпретации текста

№	Тип ошибки	Школьники (%)	Опытные читатели (%)
1.	Не допустили ошибок или допустили до 2 фактических ошибок	22,5	59,5
2.	Допустили 3 – 4 фактические ошибки	38,7	40,5
3.	Допустили 5 – 11 фактических ошибок	38,7	0

Во-вторых, фактические ошибки в группе взрослых касались частных случаев (например, описывая картину, представленную в предложении 7, испытуемые указанной категории говорили, что люди в головных уборах кричали на берегу; а говоря о предложении 10, в качестве описываемого автором объекта называли лес). Школьники же допускали грубое искажение информации («*В тексте говорится о султанах*», «*В Стамбуле шла война, всюду летели копыта*», «*Около пристани были тюрьмы*», «*Со складов продавали булочки*» и т.п.). Взрослые читатели, выдвинув ошибочную гипотезу (например, относительно места или времени), чаще перепроверяли свое понимание и отказывались от предположения. 38,7% школьников не возвращались к неподтверждённой гипотезе (например, несколько школьников, прочитав предложения 1 – 3, решили, что речь идёт о сказочном городе, но, встретив топоним «Стамбул», не отказались от версии). Также в группе детей наблюдался чаще, чем в группе опытных читателей, выход за рамки текста, то есть такая достройка текстовой информации, которая может считаться неадекватной интерпретацией (*автор – пират, приплывший, чтобы грабить; по городу гнали стадо, которое топало по мосту* и др.). 12,9% школьников продемонстрировали буквальное понимание метафорических выражений (например, в предложении 3 – *в порт пришла флотилия* и др.).

Дети гораздо чаще, чем взрослые, склонны сужать информацию. Они пропускают детали, констатируя лишь «это описание», «автор показывает картины жизни порта» и т. п. Так, 90,3% школьников при интерпретации опустили важные для понимания текста и авторского замысла детали текста. Например, в предложении 2 учащимися часто упускалось субъективное восприятие рассказчиком движения по проливу Босфор как по озеру. Показательно, что взрослые гораздо чаще детей при интерпретации указывали, что автор воздействует на читателя, опираясь на визуальную, аудиальную, кинестетическую системы получения информации, поражались мастерству автора, восстанавливали сенсорные образы, говорили, что чувствуют вместе с рассказчиком запахи, слышат звуки, ощущают колебания моста и т.д. Ряд детей, в свою очередь, отмечал, что в предложениях 8, 9 ощущений рассказчика не представлены (!), что автор не достаточно эмоционально описывает свои чувства относительно увиденного.

Таким образом, выявлено, что учащиеся испытывают серьёзные затруднения при интерпретации художественного текста. При этом наблюдается некий круг: чтобы читать было не трудно, надо читать, но это трудно, поэтому многие учащиеся отказываются от чтения. Данные, касающиеся временных затрат учащихся старших классов на чтение, полученные нами в ходе опроса 3114 старшеклассников г. Рязани в феврале 2014 г., представлены в таблице.

Периодичность читательской деятельности старших школьников

№	Сколько времени вы уделяете чтению?	Количество ответов (%)
1	каждый день по несколько часов	13,0
2	каждый день до часа	13,2
3	два-три раза в неделю	28,0
4	только в выходной	16,1
5	в каникулы читаю, в другое время нет	12,3
6	крайне редко, когда задают по литературе	8,4
7	практически не читаю	3,6
8	другое	5,4

Как видно, 26,2% школьников читают каждый день, еще 28% – несколько раз в неделю, а более чем у 40% школьников привычка читать не сформирована.

В результате анализа данных экспериментального исследования и опроса школьников можно утверждать, что состояние читательской подготовки большинства опрошенных учащихся нельзя квалифицировать как читательская зрелость, что, как нам видится, характерно не только для данной выборки, но и для школы вообще.

Заключение. Выявленные затруднения учащихся позволяют сделать выводы методического характера относительно содержания и средств обучения текстовой деятельности старших школьников.

1. Затруднения учащихся в написании сочинения 2 части ЕГЭ в значительной мере связаны с пробелами в области формирования текстовоспринимающей

деятельности. Некачественное сенсорное восприятие, искажение лексических единиц при чтении, недоразвитие умения семантического прочтения текста заставляют нас говорить о том, что после перехода из начальной школы в среднее звено ребенок должен под руководством учителя продолжать работу над техникой чтения и совершенствовать навык чтения (беглость, правильность, осознанность, выразительность).

2. Несформированность умений интерпретационной деятельности, прежде всего, связана с тем, что учащиеся не видят регулятивных структур текста и не воспринимают его элементы как взаимосвязанные и взаимообусловленные, мотивированные ключевым свойством текста – цельностью. Затрудняет интерпретацию узость энциклопедических знаний школьников, главным образом в области истории, географии, мировой культуры. Это делает невозможным соединить текстовую и затекстовую информацию для построения адекватной проекции текста. Затрудняет интерпретацию невнимание к образу автора. Ещё одной важной проблемой школьника при интерпретации художественного текста является неумение правильно понять эмоциональную тональность текста.

3. В обучении текстовой деятельности следует обеспечивать преемственность между начальным и средним звеном. Умения, связанные со смысловым и языковым анализом текста, сформированные в начальной школе, должны целенаправленно развиваться в среднем и старшем звене. При этом дидактический материал должен постепенно усложняться, в результате чего его интерпретация будет требовать освоения новых приёмов, а следовательно, умения текстовой деятельности будут совершенствоваться.

4. Следует внедрять в содержание обучения русскому языку, словесности, литературному чтению специальные темы, содержащие знания о художественном тексте, его структурных и семантических особенностях, текстовой цельности, связности, приёмах интерпретации текста и заполнения текстовых лакун. Но главное, ребёнок должен иметь значительный практический опыт в интерпретации текстов разных авторов, написанных в разных социокультурных условиях. На уроках словесности, русского языка следует применять специальную систему упражнений, формирующих умения интерпретировать художественный текст и обучающихся *рефлексии читателя*.

5. Учитывая узость энциклопедических знаний значительной части современных школьников, следует шире использовать культурно-исторический комментарий как приём подготовки к восприятию художественного текста и интерпретации его содержания.

6. В сознании школьников должно сформироваться представление о диалогической природе текста, его интертекстуальных связях. Задача учителя – научить чтению художественного текста как сложному и обладающему спецификой виду общения «автор – текст – читатель» и создать условия для того, чтобы ещё не достигшие читательской зрелости школьники почувствовали притягательную силу такого общения, научились видеть смысл в нём и получать удовольствие от чтения.

Литература

Болотнова Н.С. Текстовая деятельность на уроках русской словесности: методики лингвистического анализа художественного текста: Методическое пособие. Томск, 2002.

Боронин А.А. Инвариант в текстовой проекции (Интерпретация персонажных субтекстов в условиях эксперимента / Вопросы психолингвистики . – 2011. – № 14. – С. 28 – 36.

Бутакова Л.О. Интерпретация художественного текста: поэтика с «человеческим лицом», «усреднённым» сознанием или поэтика без «лица» и «сознания»? // Вопросы психолонгвистики. – 2003. – No1. – С. 57–63

Волкова О.А. Методический анализ результатов единого государственного экзамена в 2013 году/ Электронный ресурс: <http://nimro.ru>. Дата доступа 17.06.2014

Касперская О.В. О формировании коммуникативной компетенции учащихся при обучении интерпретационной деятельности / О.В. Касперская // Современное образование: качество, эффективность, доступность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Северск, 25–27 марта 2008 г.: в 4 т. Т.1. – Томск: Дельтаплан, 2008. – С.128 – 133

Касперская О.В. Методика обучения интерпретационной деятельности старшеклассников в профильной школе в процессе преподавания русского языка. АРД ... кандидата педагогических наук. – М., 2010 г.

Легенды и мифы Древней Греции
[http://greece.diera.ru/legends/gods_heroes/heroes/kiparis.html] – дата обращения 12.03.2014

Матюшкин А.В. Проблемы интерпретации литературного художественного текста. Петрозаводск: Издательство КГПУ, 2007. – 190 с.

Официальный сайт ФИПИ: <http://www.fipi.ru/binaries/1558/rus.pdf>. Дата доступа: 6.02.2014

Рогова К.А. Интерпретация современного художественного текста (лингвистический аспект) // <http://www.seelrc.Org/glossos/issues/2/rogoва.pdf>. Дата доступа: 16.06.2014

Н.В.Дмитрюк, Д.Н.Байгутова, Е.С.Мезенцева

УДК 81'23

ОТРАЖЕНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАЗАХСКОГО ЭТНОСА В ЗЕРКАЛЕ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В статье на основании проведенных экспериментальных ассоциативных исследований с респондентами-казахами (100 юношей и 100 девушек), проживающими на юге Казахстана, рассматриваются особенности существования и функционирования паремий назидательного свойства в языковой культуре современной казахской молодежи; делается заключение о том, что языковое сознание этноса (в частности, его фрагмент в виде активно востребованного паремиологического фонда) отражает архетипические представления о духовно-нравственных мировоззренческих ценностях этноса, на которых формируются и до сих пор активно функционируют устойчивые элементы современной казахской языковой культуры; именно они являются жизненно важными для сохранения жизнеспособности и целостности этноса.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, паремии, архетипы языкового сознания, внутриэтнические стереотипы, духовно-нравственные мировоззренческие ценности.

Natalya V. Dmitryuk, Dinara N. Baigutova, Elena S. Mezentseva

MORAL VALUES OF KAZAKHS IN FREE ASSOCIATIVE EXPERIMENT

The article based on the associative experiment with Kazakhs (100 boys and 100 girls) reviews the functioning of proverbs and sayings in the modern Kazakh culture. The paper concludes that proverbs and saying in ethnic language consciousness represent archetypal views on ethnic values.

Keywords: free associative experiment, proverbs and sayings, archetypes in language consciousness, inter-ethnic stereotypes, moral values.

Проблемы исследования феномена языкового сознания, активно разрабатываемые российскими психолингвистами [см.: А.А.Леонтьев, А.А.Залевская, Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин, И.А.Стернин и др.], непосредственно связаны с вопросами этнокультурной специфики языковых картин мира и их системностью и зачастую основаны на материалах ассоциативных экспериментов [см. об этом Горошко 2001]. Эти проблемы сегодня все чаще становятся предметом обсуждения и в казахстанской науке, где в последнее время заметно повысился интерес к психолингвистическим исследованиям, в частности – к ассоциативным методикам, открывающим доступ к изучению языкового сознания этноса. При этом материалом для исследования становятся словесные ассоциации, получаемые в ходе разного рода психолингвистических экспериментов, но чаще всего – в ходе серии свободных ассоциативных экспериментов.

В казахстанской лингвистической науке первые ассоциативные эксперименты с носителями русского и казахского языков были осуществлены в 1960-70-е годы А.А.Залевской [Залевская 1971, 1977, 1980а, 1980б] и М.М.Копыленко [Копыленко 1973, 1995] и введены в орбиту широких межъязыковых сопоставлений, в ходе которых была убедительно доказана способность ассоциативных реакций выявлять национально-культурную специфику восприятия и понимания окружающего мира, специфику ментального и лингвокультурного «климата» того или иного социума и многое другое.

В дальнейшем ассоциативными исследованиями в казахстанской лингвистике на материале казахского и русского языков занималась Н.В.Дмитрюк, автор первого Казахско-русского словаря ассоциативных норм, составленного по материалам проведенных в советское время (1975-1977 гг.) экспериментов со студентами казахских отделений вузов [Дмитрюк 1983, 1986, 1998, 2000а, 2000б 2007 и др.] и Г.Г.Гиздатов [Гиздатов 1997].

Есть основания утверждать, что интерес к ассоциативным материалам и последовавший в этой связи «бум» увлечения ассоциативными экспериментами, в частности, в казахстанской лингвистике последнего десятилетия, красноречиво говорит о научном потенциале этой психолингвистической методики [см., напр.: Дмитрюк 2007, 2011, 2012, 2012а и др.]. Вместе с тем, это положение обязывает исследователей относиться и к проведению САЭ, и к интерпретации его материалов в высшей степени корректно и ответственно.

Закономерным и перспективным объектом научных исследований последних лет становится возрождение национальных традиций, базовых элементов культуры, переоценка духовных и ментальных ценностей в современный период построения суверенных государств, в том числе – в Казахстане. «Стремление к сохранению самобытности и уникальности своего языка и культуры определено диалектическими закономерностями развития общества и свидетельствует о его витальности и жизнеспособности. Любой этнос интуитивно или осознанно стремится сохранить тот стержень, ту языковую и культурную доминанту, которая и *объединяет* его представителей, и одновременно *отделяет* от инокультурного окружения» [Дмитрюк 2013, с.149].

Объектной областью наших исследований является языковое сознание современного казахстанского социума, в частности, представителей титульного этноса Казахстана, что получило отражение в материалах проведенного нами массового свободного ассоциативного эксперимента (САЭ). Материал этих полевых экспериментальных исследований лег в основу созданного нами Казахского ассоциативного словаря (Қазақша ассоциациялық сөздік) – первого научного издания, выполненного с учетом гендерного фактора ассоциирования с отдельной фиксацией мужских и женских ответов – ассоциативных реакций [Дмитрюк и др.: КАС 2014].

Данная статья является продолжением серии наших публикаций по материалам САЭ: систематизированные нами по разным тематическим, лексико-грамматическим и семантическим группам пословицы, изречения-назидания, фразеологизмы, русизмы и интернационализмы, частично обсуждались на страницах научных изданий [см.: Дмитрюк 2011, 2012, 2012а, 2013 и др.], но достаточного

полного и завершеного анализа каждая из перечисленных выше групп еще не получила.

В данной публикации предметом исследования мы избрали фрагмент паремнологической картины мира, представляющей слова и изречения назидательного характера. Мы намеренно выделили в отдельный фрагмент пословичной картины мира слова назидания и изречения поучительного характера (хотя понимаем, что этот речевой пласт очень близок к пословицам и поговоркам), что, на наш взгляд, правомерно и целесообразно, поскольку более определенно и точно структурирует объектную область наших исследований. При обработке результатов эксперимента во всем корпусе ассоциативных ответов, кроме пословиц и поговорок, мы обнаружили весьма значительную по объему группу слов такого специфически назидательного характера. Сюда мы включили изречения-запреты, изречения-наставления и поучения, изречения-благопожелания, которые условно выделены нами в отдельную группу по лексико-семантическим и грамматическим принципам: они отличаются от пословиц, во-первых, явно выраженным в них морально-нравственным содержанием с воспитательной целевой установкой и, во-вторых, грамматической выраженностью в форме инфинитива (например, *Адам болу; Аман болу* ('Будь человеком'; 'Будь здоров') или императива (*Досты тастап кетпе* – 'Не покидай друга'; *Әлсіздерді қинама* – 'Не обижай слабых'; *Жамандық жасама* – 'Не делай зла'), утверждения или отрицания, часто с модальным значением желательности или нежелательности действия (*Әдемі өмір сүру керек* – 'Надо жить красиво'; *Ақшаға көп қызықпау керек* – 'Не нужно слишком интересоваться деньгами'; *Отбасыңды сақта* – 'Береги семью' и др.).

Целью исследования является изучение степени актуализации в языковом сознании и в речи современных казахстанцев специфических паремий поучительного характера как устойчивых элементов современной казахской языковой культуры, базирующихся на духовно-нравственных мировоззренческих ценностях, объединяющих этнос.

Материалом исследования послужили ассоциативные ответы-паремии, полученные нами в ходе свободного ассоциативного эксперимента с информантами-казахами, что позволяет говорить о научной новизне и оригинальности нашего исследования, а многократно использованная и проверенная в международной практике методика проведения эксперимента – о его теоретической и практической значимости.

В предыдущей статье по данным этого эксперимента [Дмитрюк, Молдалиева 2013: 151] нами уже были сформулированы основания и методика отбора исследовательского материала, напомним лишь, что для аналитических исследований нами были отобраны методом произвольной выборки 200 анкет, заполненных 100 юношами и 100 девушками. В международной практике ассоциативных исследований считается, что такое количество информантов достаточно для получения данных по выявлению стратегий ассоциативного поведения, по сбору информации относительно специфики гендерных, возрастных, социальных и прочих особенностей лексического ассоциирования.

Исходным материалом – перечнем вербальных стимулов – послужил составленный в Секторе психолингвистики и теории коммуникации Института языкозна-

ния РАН (г.Москва) и широко апробированный в исследовательской практике список из 112 слов [Уфимцева 2000].

Этот список был широко использован при составлении многих ассоциативных словарей разных языков, в частности, уникального «Славянского ассоциативного словаря (языки русский, белорусский, болгарский, украинский)» [Уфимцева и др. 2004], который построен на экспериментальном материале этих же 112 стимулов, эквивалентных для данных языков. Таким образом, материал наших исследований и нашего Казахского ассоциативного словаря попадает «в обойму» аналогичных словарей с тем же стимульным списком, что открывает возможности для широких межъязыковых и межкультурных сопоставлений.

Данный список стимулов был переведен на казахский язык и представлен в виде анкеты для проведения массовых ассоциативных экспериментов.

Исходным материалом исследования в выбранном нами фрагменте стало 23 655 ассоциативных ответов. Поясним, что необходимым условием САЭ является реагирование *одним* словом – ассоциативной реакцией, но, как показывает практика, специфической особенностью ассоциативного поведения информантов-казахов являются многословные ответы, когда они реагируют двумя-тремя ассоциациями, распространенными клишированными изречениями, фразеологизмами, пословицами, словами назиданий и т.п., что в целом способствует увеличению корпуса собранного полевого материала и отчасти меняет тактику его описания [см.: Дмитрюк 2011 и др.].

Из всего корпуса ассоциативных реакций на заданный список стимулов мы извлекли все многословные ответы (фрагменты текстов, устойчивые клишированные выражения, пословицы, поговорки и проч.) и систематизировали полученный материал условно по трем тематическим группам:

- а) пословицы и поговорки казахского языка (143 пословицы в 399 ответах);
- б) изречения-назидания и благопожелания (102 изречения в 272 ответах);
- в) фразеологически устойчивые выражения казахского языка (165 фразеологизмов в 736 ответах).

Еще две группы ассоциаций (однословных и многословных ответов) составили русскую и интернациональную лексику в выбранном для анализа фрагменте [ср.: Дмитрюк, Молдалиева 2013: 151]. И если пословицы и поговорки рассматривались нами в предыдущей статье, то в этот раз отдельно остановимся на второй группе реакций – изречениях-назиданиях и благопожеланиях общим числом 102 изречения в ответах 272 информантов.

При классификации изречений-назиданий в материалах нашего САЭ, мы, вслед за академиком А.Кайдаром [Кайдар 1998], прибегли к традиционной простейшей классификации речевых клишированных элементов по количественному составу, разграничив их на двучленные, трех- и четырехчленные единицы речи. В выбранном фрагменте ассоциативных экспериментальных данных (23 655 ответов) на 112 слов-стимулов в ассоциативных полях 55 стимулов встретилось 101 изречение-назидание, которое было употреблено (что обозначает частоту встречаемости) 272 раза в анкетах информантов.

В результате обработки полученных данных нами была составлена сводная таблица № 1 изречений-назиданий с учетом составляющих их компонентов (2,3,4-словные) и гендерных различий.

Таблица 1. Частота встречаемости разнокомпонентных слов-назиданий

№	Слова-назидания по количеству слов	Кол-во изречений	Частота встречаемости		
			всего	муж.	жен.
1	Изречения-назидания, состоящие из двух слов	42	151	85	66
2	Изречения-назидания, состоящие из трех слов	44	101	41	60
3	Изречения-назидания, состоящие из четырех слов	15	20	7	13
	Всего:	101	272	133	139

Почти все изречения-назидания, независимо от количества составляющих их слов, употребляются в неопределенной форме – в инфинитиве (*болу* “быть” и подобные) или повелительной форме глагола – в императиве (*бол* “будь” и под.). Эта инфинитивная и императивная грамматическая заданность формы изречений-назиданий определяет в целом их содержательную сторону: такие высказывания представляют собой наставления, пожелания, советы или, напротив, запреты морально-этического, нравственного характера и так же, как пословицы и поговорки, отражают, как принято считать, квинтэссенцию народной мудрости [см.: Пермяков 1988, Иванова 2002 и др.].

В этой связи представляется уместным проанонсировать два казахстанских научных лингвокультурологических издания последнего времени, отражающих ментально-паремиологический фонд титульного этноса Казахстана и ставших научным бестселлером в кругу исследователей-культурологов. Первое – это прекрасно иллюстрированный энциклопедический справочник Сеита Кенжеахметулы [Кенжеахметулы 2012] о традициях, обрядах, культуре и быте казахского народа; второе – уникальное издание казахско-русского фразеологического словаря с этнолингвистическими пояснениями А.Кайдара [Кайдар 2003]. Оба издания оказались весьма полезными и в нашем исследовании.

В силу ограниченного объема публикации и неуместности размещения многостраничных таблиц мы изложим лишь основные подходы к анализу полученного материала и остановимся на гендерных особенностях функционирования казахских изречений-назиданий в речевой практике (а следовательно, и в языковом сознании) мужчин и женщин – представителей титульного этноса Казахстана.

Судя по таблице № 1, из 272 назиданий 133 употреблено мужчинами и 139 – женщинами, т.е., тем и другим близка афористическая назидательность, и они примерно в равной степени склонны к использованию такого рода изречений и в своей повседневной речевой практике, и в различных жанрах публицистических высказываний (публичные выступления, речи, обращения, тосты и благопожелания и т.п.). Слова-назидания, состоящие из двух слов, отличаются краткостью, сжатостью изложения, которые в различных жизненных ситуациях произносятся не задумываясь, спонтанно и быстро, как законченный выразительный элемент речи,

готовое суждение. При этом следует обратить внимание на то, что в материалах нашего эксперимента эти краткие конструкции присущи в большей степени мужчинам (двухсловные – 88, трехсловные – 44), и еще меньше – четырехсловные (7), в то время как женщины тоже используют экономные формы речи (двусловные – 66), но гораздо чаще мужчин предпочитают трех- и четырехсловные выражения. Так, интуитивно присутствующее в нашем сознании представление о предпочтительной немногословности мужчин и склонности женщин к более «просторным» формам высказывания, характерной для них словоохотливости, возможно, нашло свое подтверждение и в наших материалах.

Анализируя содержание таблицы № 2, убеждаемся в том, что из общего списка 112 стимулов мужчины назидательными изречениями чаще реагируют на слова-стимулы БАЛА (мальчик, ребенок), БІРГЕ (вместе), ЖАМАНДЫҚ (зло), ЖАМАН (плохо, плохой)¹. Из содержания наиболее часто употребляемых мужчинами изречений-поучений видно, что стержневыми нравственными понятиями для мужчины-казаха являются представления о долге перед Родиной, которую нужно защищать (8), перед семьей, которую нужно беречь и любить (7), и определенные установки на некую общинность, успешность совместных усилий как проявление определенной жизненной позиции (*Бәріміз бірге* – ‘все вместе, всем миром’ – 11), а также и неприятие зла, запрет на дурные действия и поступки (15 ответов).

Таблица 2. Высоочастотные изречения-назидания, использованные мужчинами

№	Слово-стимул	Изречения-назидания	Частота встречаемости		
			всего	муж.	жен.
1	БАЛА (мальчик)	1. Бала – ана бақыты (Дитя – счастье матери)	5	4	1
2	БІРГЕ (вместе)	1. Бәріміз бірге (Все вместе)	11	11	-
3	ЖАМАНДЫҚ (зло)	1. Жамандық жасама (Не делай плохое)	14	12	2
4	ЖАМАН (плохо, плохой)	1. Жаман іске барма (Не иди на плохое дело)	4	3	1
5	ОТ (огонь)	1. Отпен ойнауға болмайды (Нельзя играть с огнем)	4	3	1
6	ОТАН (Родина)	1. Отанды қорғау (Защищать Родину)	8	8	-
7	ОТБАСЫ (семья)	1. Отбасынды сақта (Береги семью) 2. Отбасынды сүй (Люби свою семью)	4 3	4 3	- -
		Всего:	53	48	5

¹ Здесь и далее мы прописными буквами будем обозначать слово-стимул, а ответные ассоциативные реакции выделим курсивом, как принято в большинстве работ, связанных с анализом экспериментального материала, полученного в ходе разного рода ассоциативных экспериментов.

У женщин, судя по таблице № 3, более «востребованными» для ассоциативного реагирования оказались слова-стимулы ЭЛСІЗ (слабый), ЕРКЕК (мужчина), ЖАҚСЫЛЫҚ (добро), ЖАМАН (плохо, плохой), ОРМАН (лес), ӨТІРІК (обман), СОҒЫС (война) (48 из 70 опрошенных).

Отраженные в таблице № 3 наиболее употребительные в речи женщин-казашек изречения-назидания прежде всего отражают уважительное отношение к мужчине, в том числе как действенный воспитательный фактор для подрастающих детей (*Элсіз болма* – ‘Не будь слабым’, *Еркек болу керек* – ‘Нужно быть мужчиной’); а также, наряду с мужчинами, в ассоциативном поле стимула СОҒЫС отмечено отрицательное отношение к войне (*Соғыс болмасын* – ‘Пусть не будет войны’).

Таблица 3. Высоочастотные изречения-назидания, использованные женщинами

№	Слово-стимул	Изречения-назидания	Частота встречаемости		
			всего	муж.	жен.
1	ЭЛСІЗ (слабый)	1. Элсіз болма (Не будь слабым)	8	2	6
2	ЕРКЕК (мужчина)	1. Еркек екі сөйлемейді (Мужчины два раза не говорят)	4	-	4
		2. Еркек болу керек (Нужно быть мужчиной)	7	1	6
3	ЖАҚСЫЛЫҚ (добро)	1. Жақсылық қайтады (Добро возвращается)	4	1	3
		2. Жақсылық жасау (Делать добро)	4	1	3
4	ЖАМАН (плохо, плохой)	1. Жаман адам болма (Не будь плохим человеком)	9	3	6
5	ОРМАН (лес)	1. Орманды келесі ұрпаққа сақта (Береги лес для будущего поколения)	5	2	3
6	ӨТІРІК (обман)	1. Өтірік айтуға болмайды (Нельзя обманывать)	6	2	4
7	СОҒЫС (война)	1. Соғыс болмасын (Пусть не будет войны)	22	9	13
		2. Тыныштық керек (Нужен покой/тишина)	3	1	2
		Всего:	70	22	48

Что касается отношения к добру и злу, то оно одинаково проявилось у мужчин и женщин, хотя при этом интересно отметить предпочтительный выбор грамматической формы назиданий: мужчины чаще выражают это запретительной, отрицательной конструкцией (*Жамандық жасама, Жаман іске барма* – ‘не делай зла’), а женщины – утвердительной (*Жақсылық қайтады, Жақсылық жасау* – ‘делай добро’).

Вместе с тем, есть стимулы, в ассоциативном поле которых отмечено равное количество назидательных изречений, использованных и мужчинами, и женщинами (см. Таблица № 4). Как видим, приведенные в таблице № 4 примеры ассоциативных ответов в форме изречений-назиданий, актуализованных в материалах нашего САЭ, представляют собой самые простые и обычные общечеловеческие правила и законы, советы и запреты, по которым следует жить в любом обществе, что одинаково важно для мужчин и женщин, без гендерных, возрастных, этнических различий, поскольку это базовые элементы общечеловеческих ценностей, на которых призвано держаться, строиться, сохраняться и функционировать любое человеческое общество.

Таблица 4. Равнозначное использование изречений-назиданий

№	Слово-стимул	Изречения-назидания	Частота встречаемости		
			всего	муж.	жен.
1	АДАМ (человек)	1. Адам болу (Быть человеком)	9	4	5
2	АҚЫМАҚ (дурак)	1. Ақымақ болмау керек (Не нужно быть дураком)	7	4	3
3	АҚЫЛСЫЗ (глупый)	1. Ақылсыз болмау (Не быть глупым)	7	3	4
4	ЖАМАН (плохо, плохой)	1. Жақсы бол (Будь хорошим)	4	2	2
5	КӨМЕКТЕСУ (помогать)	1. Анаға көмектесу (Помогать матери) 2. Кедейлерге жәрдем беру (Помогать бедным)	2 2	1 1	1 1
6	НАН (хлеб)	1. Нанды тастамайды (Хлеб не бросают)	2	1	1
7	ӨМІР (жизнь)	1. Адал болу керек (Нужно быть честным)	2	1	1
8	ӨМІР СҮРУ (жить)	1. Мағыналы өмір сүру (Жить со смыслом)	4	2	2
9	ӨТІРІК (обман)	1. Өтірік айтпа (Не обманывай)	6	3	3
10	СУ (вода)	1. Суды ысрап қылма (Экономь воду)	2	1	1
11	ҮЛКЕН (большой)	1. Үлкенді сыйла (Уважай старших)	2	1	1
12	ҰЯТ (стыд)	1. Өтірік айту – ұят (Обманывать – стыдно)	2	1	1
		Всего:	51	25	26

Продолжая лингвокультурологический анализ, остановимся на описании содержательной стороны выделенного фрагмента слов и изречений назидательно-го характера. Содержание изречений-назиданий разнообразно. В основном в них отражена нравственная сторона жизни народа. Изречения-назидания утверждают этические нормы, общепринятые в любом человеческом социуме, учат, как вести себя в обществе, оберегают от неправильных поступков, призывают делать добро, помогать слабым. Эти изречения так же, как и пословицы, призваны прививать любовь к труду, к старшим, к культурным завоеваниям человечества, к своему отечеству, к родной семье и т.д. Склонность казахского народа к метафоричности и образности, назидательным сентенциям и обобщениям отмечал в свое время академик А. Кайдар [Кайдар 1988:26], когда рассматривал паремиологический пласт в составе казахского фольклора.

Собранный нами корпус ассоциативных ответов – изречений назидательно-го характера – позволяют утверждать следующее. Молодые мужчины (нашими информантами были, в основном, студенты разных специальностей) стремятся ‘жить хорошо’, при этом, как считают многие из них, деньги – это ‘не главное’: *Әдемі өмір сүру керек* (‘Надо жить красиво’); *Ақшаға көп қызықпау керек* (‘Не надо слишком большое значение придавать деньгам’); *Басты біліммен толтыр* (‘Наполни голову знаниями’); *Өмірде өз жолын іздеу керек* (‘Надо искать свою дорогу жизни’); *Із қалдыру* (‘...оставить след в жизни’); *Ата-ананың үмітін ақтау* (‘...оправдывать надежды родителей’); *Ақылды өз ойымен сұруді* (‘Умный живет своим умом’) и др.

Патриотизм, высокие гражданские чувства, любовь к Родине у молодых мужчин, участников эксперимента, проявляются естественно и неподдельно искренне, без фальши и карнавального переосмысления сложившихся в народе изречений на эту тему. Следует отметить вообще очень высокий болевой порог чувствительности молодежи Казахстана при обсуждении злободневных тем государственного устройства, суверенитета, языковой политики, проявления гражданской позиции в вопросах кризиса на Украине или в отношении к Великой отечественной войне – молодые люди однозначно патриотичны и непоколебимы в убеждении, какой ценой завоевана победа и кому мы этим обязаны. Поэтому отмеченные в анкетах пословицы и слова назидания о долге перед Родиной и народом представляются не пустыми словами: *Отанды қорғау* (‘защищать Родину’); *Отан үшін өлуге дайын* (‘За Родину готов на смерть’); *Елім аман болсын* (‘Пусть живет мой народ’); *Қазақ – бақытты халық* (‘Казахи – счастливый народ’); *Елім аман болсын* (Пусть живет мой народ’) и др. Судя по другим изречениям, употребленным в эксперименте, прекрасно понимают мужчины и свой долг перед семьей: *Отбасыңды сақта* (‘Береги семью’); *Отбасыңды сүй* (‘Люби свою семью’) и др. При этом молодые мужчины вообще четко осознают морально-этическую сторону поступков, осознавая, что нужно и чего не следует делать: *Шындықты айту* (‘...говорить правду’); *Бәріміз бірге болу* (‘...быть всем вместе’); *Біртұтас болу* (‘...быть едиными’); *Бір сөзде тұру* (‘...стоять на своем’) и др.

Отмечается достаточно большое количество ответов в форме отрицательно-го императива. Они предупреждают: *Досты тастап кетпе* (‘Не бросай друга’); *Әлсіздерді қинама* (‘Не издевайся над слабыми’); *Жамандық жасама* (‘Не делай

плохое’); *Сараң болмаңдар* (‘Не будьте жадными’); *Басқаның ісіне араласпа* (‘Не вмешивайся в чужие дела’); *Жаман іске барма* (‘Не иди на плохое дело’) и др.

Молодые женщины-казашки, безусловно, тоже имеют свои представления об основных жизненных ценностях, устоях и традициях, моделях поведения казахской женщины, что обусловлено достаточно устойчивыми морально-этическими нормами и законами, принятыми и в современной среде. В анкетах женщин, участниц нашего эксперимента, нередко отмечаются ассоциативные ответы назидательного толка, связанные с обустройством общепринятого миропорядка: *Әлсіз болма* (‘Не будь слабым’); *Біреуді алдама* (‘Никого не обманывай’); *Жаман адам болма* (‘Не будь плохим человеком’); *Нанды баспа* (‘Не наступай на хлеб’); *Отқа жолама* (‘Не подходи к огню’) и др.

Отметим одну из особенностей, проявившихся в ответах информантов: если мужчинам более свойственно стремление ‘жить хорошо’, то женщины больше тяготеют к справедливому миропорядку, стремятся ‘жить достойно’: *Арыңның алдында жақсылық жасау* (‘Сделать доброе дело перед своей совестью’); *Денсаулықтың қадірін білу керек* (‘Нужно ценить здоровье’); *Адами қасиетті жоғалтпау* (‘Не терять человеческие качества’); *Әділдік бәріне жарасады* (‘Справедливость красит всех’).

Безусловной ценностью в культурных традициях казахов является особо почитательное отношение к старшим, к родителям, к женщине, что прослеживается в равной степени в ассоциативных ответах мужчин и женщин: *Ананы құрметте* (‘Уважай мать’); *Жүзінен күлкі кетпесін* (‘Пусть улыбка не сходит с лица’); *Әйелді сақтау керек* (‘Женщину надо беречь’); *Қыз балаға қол көтерме* (‘Не поднимай руку на девочку’); *Қыз бала ұятты болуы керек* (‘Девушка должна быть стыдливой’); *Көшеде сүйісу – ұят* (‘Целоваться на улице – стыдно’) и др.

И еще одна специфическая черта национальной культурной традиции казахов, закрепленная жизненными устоями архетипического сознания кочевого народа в речевой практике, – это глубоко укоренившаяся традиция гостеприимства, которая утрачивается в современном казахстанском цивилизованном обществе (чаще в северо-западных регионах), но по-прежнему характерна и общепринята в южных областях Казахстана. В материалах нашего эксперимента это отражено в достаточной степени отчетливо в ответах и мужчин, и женщин, представленных в пословицах и словах-назиданиях в ассоциативном поле стимула ҚОНАҚ (ГОСТЬ): *Қонақ келсе – құт болады* 4 (‘С приходом гостя приходит благополучие’), *Қонақты күліп қарсы ал* 3 (‘Гостя встречай с улыбкой’), *Қонақ – әкеңнен ұлы* 2 (‘Гость – почетней отца’), *Қонақ келсе алдына барыңды қой* 2 (‘Если гость пришел, всё ставь перед ним’), *Қонақ келсе қой егіз табады* 1 (‘С приходом гостей овцы по двое плодят’), *Қонақты қазақ халқы Құдайдай сыйлайды* 1 (‘Казахи гостей уважают как Бога’) и др. (здесь цифры после пословицы означают, сколько раз встретились она в анкетах информантов). В южных регионах до сих пор, встречая гостей, выставляют на стол все, что есть в доме; позором считается полупустой стол, неуважением – недостаточное внимание к гостям, нормой – приход гостей без предупреждения и в любом количестве. Гостями чаще всего являются многочисленные родственники со стороны мужа и жены – хозяев дома, и эта черта корпоративной родственной связи

у казахов коренится в традициях взаимопомощи и поддержки друг друга людей одного рода и племени.

Эти специфические, ментально и этнически маркированные особенности языкового сознания, свойственные титульному этносу Казахстана, являются, на наш взгляд, своеобразным отражением архетипического уклада жизни кочевого народа и представляют собой уникальные черты, выработанные веками незабываемые морально-этические ценности, на основе которых призвано существовать и функционировать современное общество. Уместно повторить ранее сделанный нами вывод о том, что «полученные и описанные нами данные, извлеченные из материалов САЭ, вполне убедительны и репрезентативны, в них, несомненно, отражаются архетипы языкового сознания казахского этноса, которые, вместе с тем, показательны как устойчивые элементы современной казахской языковой культуры, активно функционирующие в языковом сознании и в речевой практике современного титульного этноса Казахстана. ... это сохранение этнокультурной константы, базирующейся на духовно-нравственных мировоззренческих ценностях, объединяющих этнос, является жизненно важным для сохранения целостности и витальности этноса» [Дмитрюк, Молдалиева 2013: 156].

Таким образом, архетипичность и традиционность народной мудрости, каковой являются казахские изречения-назидания, отраженные в языковом сознании титульного этноса Казахстана, способствуют сохранению этнокультурной морально-этической константы, на основе которой формируются и до сих пор активно функционируют устойчивые элементы современной казахской языковой культуры.

Литература

Гиздатов Г.Г. Когнитивные модели в речевой деятельности. – Алматы, 1997. – 176 с.

Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Харьков-Москва, 2001 – 320 с.

Дмитрюк Н.В. О некоторых причинах сходства ассоциативных полей казахских и русских слов. // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин, КГУ, 1983. – С.13-25.

Дмитрюк Н.В. Национально-культурная специфика вербальных ассоциаций. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М.: ИЯ АН СССР, 1986. – 24 с.

Дмитрюк Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь. – Шымкент-Москва, 1998. – 246 с. или <http://dmitryuk-nv.livejournal.com>

Дмитрюк Н.В. Ассоциативные портреты-характеристики представителей русского и казахского этносов // Языковое сознание и образ мира. – М.: ИЯ РАН, 2000а. – С.248-261.

Дмитрюк Н.В. Формы существования и функционирования языкового сознания в неомогенной лингвокультурной среде: Автореф. дисс. докт. филол. наук. – М., 2000б. – 62 с.

Дмитрюк Н.В. Ассоциативный эксперимент как средство исследования языкового сознания // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики. – Челябинск, 2007. – С. 28-29.

Дмитрюк Н.В. Свободный ассоциативный эксперимент как способ доступа к исследованию языкового сознания // Вестник Кокшетауского госуниверситета им. Ш.Уалиханова. Серия филологическая. №3-4. – Кокшетау: 2011. – С. 81-86.

Дмитрюк Н.В. Ассоциативный эксперимент как средство выявления ментально-маркированных концептов языкового сознания // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби, Серия филол., № 5-6 (139-140) – Алматы: 2012. – С. 12-19.

Дмитрюк Н.В. Ментально маркированные концепты языкового сознания этноса: методология исследования. // МРНТК «Филология и современное гуманитарное знание». – Вестник КарГУ им. Букетова, Серия филологическая. – № 4 (68) – Караганда, 2012а, – С. 185-191.

Дмитрюк Н.В. «Цивилизационный слом» как этнокультурный феномен в жизни социума // Материалы X Международного Конгресса по психолингвистике ‘ISAPL-2013’. – М.: ИЯ РАН, МИЛ, РУДН, 2013, – С. 103-104.

Дмитрюк Н.В., Молдалиева Д.А. Пословицы в материалах свободного ассоциативного эксперимента: внутриэтнические исследования. // Вопросы психолингвистики №2 (18), М., 2013. – С. 148-158.

Дмитрюк Н.В., Молдалиева Д.А., Нарожная В.Д., Мезенцева Е.С., Молданова Ж.И., Сандыбаева Н.А. и др. Қазақша ассоциациялық сөздік. Қазақшский ассоциативный словарь (КАС) – Алматы-Москва: Медиа-ЛогоС, 2014. – 330 с.

Залевская А.А. Свободные ассоциации в трех языках // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования. – М.1971. – С. 178-194.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. – Калинин, КГУ, 1977.

Залевская А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. – Калинин: КГУ, 1980а.

Залевская А.А. Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека (на материале межъязыкового сопоставления результатов ассоциативных экспериментов): Автореферат дисс. докт. филол. наук.– Л., 1980. – 48 с.

Залевская А.А. Ассоциативный тезаурус английского языка и возможности его использования в психолингвистических исследованиях // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин, 1983. – С. 26-41.

Иванова Е.В. Пословичные картины мира. – С.-Петербург, 2002. – 156 с.

Копыленко М.М. Сочетаемость лексем в русском языке. – М.: Просв., 1973. – С. 246.

Копыленко М.М. Основы этнолингвистики. – Алматы: Евразия, 1995. – 178 с.

Кайдар А.Т. Актуальные вопросы казахского языка. – Алматы: Ана тілі, 1988.

Кайдар А.Т. Тысяча метких и образных выражений: казахско-русский фразеологический словарь с этнолингвистическими пояснениями. – Астана: Білге, 2003. – 368 с.

Кенжеахметулы С. Быт и культура казахского народа. – Алматы, 2012. – 386 с.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М., 1988. – 316 с.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян. // Языковое сознание и образ мира. – М., ИЯ РАН, 2000, – С. 207-220.

Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь (русский, белорусский, болгарский, украинский). – М.: ИЯ РАН, 2004. – 792 с.

Л.П. Лобанова

УДК 81'23

ИЗ ИСТОРИИ НОРМАЛИЗАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ПРОЕКТЫ XVI-XVII вв.

Одним из наиболее значительных событий в числе попыток нормализации английского языка в эпоху Просвещения стал известный проект Джонатана Свифта, оставшийся безуспешным. Ему предшествовал ряд проектов XVI-XVII вв., не ставших до сих пор предметом языковедческого анализа, но представляющих, однако, несомненный интерес не только для лингвистической историографии, но также и для социо- и этнопсихолингвистических исследований. В настоящей статье описываются результаты изучения истории и содержания этих проектов.

Ключевые слова: нормализация языка, лексические заимствования, жаргон, табуизация лексики, история языкознания.

Lidia P. Lobanova

FROM THE HISTORY OF STANDARDIZATION OF THE ENGLISH LANGUAGE: THE PROJECTS OF THE 16th AND THE 17th CENTURIES

One of the most significant events among the attempts to standardize the English language in the Age of Enlightenment was the well-known project by Jonathan Swift, which remained unrealized. It had been preceded in the 16th and 17th centuries by a number of other projects, which, so far, have not become the object of linguistic analysis, though they are of apparent interest not only to historiography of linguistics, but also to socio- and ethno-psycholinguistic studies. The present article describes the results of the research into the history and the contents of these projects.

Keywords: language standardization, lexical borrowings, slang, tabooization of terms, history of linguistics.

Публикация «Предложения об исправлении, улучшении и нормировании английского языка» (1712), в которой Джонатан Свифт выдвинул программу реформирования и нормализации языка для предотвращения его упадка, стала, несомненно, кульминацией движения в поддержку создания языковой академии в Англии. Однако сама идея не содержала никакой принципиальной новизны. Уже в XVI-XVII вв. существовал ряд проектов, общая мысль которых состояла в том, что для осуществления нормализации языка необходимо создание некой ассоциации ученых и программы, включающей в себя вопросы орфографии, грамматики и словарного состава, в котором умножалось число жаргонных слов и заимствований, представлявших, по мнению многих, угрозу благополучию языка. С установлением нормы и очищением языка от заимствований связывались надежды на его закрепление, обеспечение его устойчивости и постоянства.

Можно считать, что первая критика английского языка содержится в трактате «Искусство риторики» Томаса Уилсона (1553). Она была направлена против

неуместных, излишних латинизмов и заимствований из других языков, с которыми автор связывал повреждение родного языка. «Некоторые так усердствуют в странном¹ английском языке, – пишет он, – что забывают свой родной язык. И я могу поклясться, что если бы их матери были живы, они были бы не в состоянии понять то, что они говорят. А эти утонченные, образованные англичане все же скажут, что говорят на своем родном языке (букв. *на языке своих матерей*. – Л.Л.), если кто-то станет обвинять их в подлоге, в подделке королевского английского. Некоторые молодые джентльмены возвращаются домой из дальних путешествий и подобно тому, как им нравится облачаться в чужеземные уборы, стремятся припудривать свою речь заморским языком. Кто вернулся недавно из Франции, хочет говорить на франко-английском и не стыдится этого. Другой появляется англо-итальянцем и вставляет итальянские обороты в свою английскую речь. <...> Изысканный придворный хочет говорить не иначе как языком Чосера; мудрецы-мистики и поэтические интеллектуалы хотят говорить не иначе как причудливыми притчами и сплошными аллегориями, очаровываясь своим собственным невежеством, в особенности когда никто понять не может, что они говорят. Безграмотные или мечтательные глупцы с налетом учености (такие, что видели когда-то ученых мужей) стремятся так латинизировать свой язык, что простецам остается лишь удивляться их речам и полагать, что они говорят по какому-то откровению» [Wilson 1909:162].

С первым, по всей вероятности, предложением о создании какого-то органа в целях нормирования языка выступил английский лексикограф Джон Бэрет в предисловии к букве *A* в своем многоязычном словаре [Baret 1574], опубликованном в Лондоне в 1574 г. Хотя во времена правления королевы Елизаветы в Англии уже существовали некоторые ученые общества, их задачи касались преимущественно исследований исторического характера, но не словесности, а Бэрет предложил собрать под монаршим покровительством группу ученых и поручить им подготовку и проведение реформы английского языка с целью установления орфографической нормы (см. подробнее [Brede 1937]).

Еще одно письменное свидетельство попыток создания языкового общества в Англии XVI в. относится примерно к 1580 году: в частной переписке Габриэля Харвея и Эдмунда Спенсера [Spenser, Harvey 1580] содержится предложение относительно того, чтобы парламент отдельным решением обеспечил установление нормы английского языка путем нормирования орфографии и грамматики. «Габриэль Харвей ощущал необходимость институционального контроля в языке, – пишет Джордж Харли Макнайт в своей “Эволюции английского языка: от Чосера до двадцатого столетия”. – Он считал, что единственное средство достижения единообразия в написании английских слов состоит в том, чтобы была твердая орфография, ‘как если бы она была установлена на официальном уровне государственным советом или актом парламента’» [McKnight 1968:279]. Годом раньше вышел в свет «Календарь пастуха» Э. Спенсера с предисловием, адресованным Г. Харвею и подписанным инициалами Е. К.² Автор предисловия указывает две основные причины

---

¹ Англ. *outlandish*, арх. странный, т.е. чужой, иностранный. – Л.Л.

² Кто скрывался за этими инициалами, не установлено, но есть основания думать, что это был сам Спенсер.

порчи английского языка. «По моему мнению, – пишет он, – одна из главных заслуг этого поэта состоит в том, что он потрудился возвратить, по праву законного наследия, хорошие и естественные слова, которые уже долгое время не употреблялись и были почти полностью лишены наследства. Это является единственной причиной того, что наш родной язык, сам по себе достаточно полный для прозы и достаточно величавый для поэзии, долгое время считался самым скудным и бесплодным и для того, и для другого. Этот недостаток некоторые стремились уврачевать и исцелить, прикрывая изъяны тряпицами и клочьями других языков, заимствуя тут из французского, там из итальянского, везде из латинского и не задумываясь о том, как дурно сочетание этих языков друг с другом, а хуже всего – с нашим. И теперь они превратили наш английский язык в мешанину или в кашу из всех иных наречий. Другие же <...>, случись им услышать старое слово, пусть даже очень естественное и выразительное, тут же поднимают крик, что мы говорим не на английском языке, а на непонятице или даже так, как говорила матушка Эвандра. Первейший их позор в том, что они не стыдятся быть чужаками и отщепенцами в своем же родном языке» [Spenser 1805:9]. В этом же 1579 году Э. Спенсер выражал свою досаду в письме Г. Харвею по поводу того, что «теперь устроили из нашего английского языка смесь из всякой всячины и мешанину из всех других наречий» [Spenser 1888:14].

В то время как в Италии в конце XVI века создается Академия делла Круска, в Англии внезапно был положен конец существованию всех имевшихся ученых обществ: в 1604 г. король Яков I велел распустить их по причине, оставшейся неизвестной. Лишь в 1616 г., когда фаворит короля герцог Бэкингем поддержал проект создания антикварного и литературного общества, предложенный антикваром Эдмундом Болтоном, король Яков согласился с этим и даже лично дополнил круг задач общества, включив в него, например, цензуру всех печатных изданий, за исключением теологических трактатов. В марте 1625 года, когда умер король Яков I, разработка проекта все еще оставалась незавершенной, а наследник престола Карл не проявил никакого интереса к идее создания языковой академии. «Тщательно разработанный план создания литературного “Королевского общества” под названием “Короля Якова академия, или почетная корпорация”, предложенный Эдмундом Болтоном в 1617 г., – поясняет Дж. Х. Макнайт, – снискал благосклонность короля Якова, но из-за его смерти в 1623 году закончился ничем» [McKnight 1968: 279].

В XVII веке идея нормализации языка получает уже более широкое распространение. Сэмюэль Дэнисл, автор трактата «В защиту рифмы» (1603), хотя и не предлагает учредить какую-то инстанцию, которая была бы своего рода законодательным органом в области нормализации языка, но все же указывает косвенно на «незаконность» как неправомерного словотворчества, так и необоснованных заимствований. Он подчеркивает, в частности, что одной из причин повреждения английского языка является «наша аффектация, в которой мы всегда выставляем себя как недобрыми, так и неестественными в своем отношении к родному языку, уродуя слова или выдумывая [новые] странные и необычные <...>. И можно лишь удивляться необычайной самонадеянности некоторых людей, которые осмеливаются так опрометчиво и рискованно употреблять любые иностранные слова, какими бы странными они ни были сами по себе, как если бы без парламента, без всякого разрешения и без всякого закона предоставлять им гражданство в нашем языке»

[Daniel 1904:384]. В письме от 7 апреля 1605 г. поэт и переводчик Ричард Кэрью обращается с прямым предложением создать академию к сэру Роберту Коттону. «Немалое бесчестье, – пишет он, – приносит нашей нации то, что другие имеют так много академий, а у нас вообще нет никакой, особенно если мы не собираемся выбирать образ мысли и речи, во всех отношениях совпадающий с ними как по количеству, так и по качеству. Такой труд был бы достоин Вашего покровительства и участия и надлежит Вам к Вашей славе и на благо Вашей страны» [Carew 1843:99].

Спустя полвека, в 1660 г. неизвестный автор, скрывшийся под псевдонимом R. H. Esquire, опубликовал продолжение «Новой Атлантиды» Фрэнсиса Бэкона, поместив в свою утопию языковую академию и определив ее задачи. «Мы <...> имеем в столице империи, – писал он, – высокую академию избранных умов, усилия которых направлены на то, чтобы исправить все ошибки в книгах, а затем лицензировать их; чтобы очистить наш родной язык от варваризмов и солецизмов для [достижения] высот красноречия путем упорядочивания слов и предложений из них и привести в постоянство употребление большинства знаменательных слов, выражений и грамматических построений, правильно отнеся каждое из них к высокому, низкому или комическому стилю» [R. H. Esquire 2000:28]. В этом же 1660 г. стараниями небольших неформальных групп, регулярно проводивших заседания для обсуждения научных проблем, в Англии было создано научное Королевское общество, которое, в отличие от академий на континенте, финансировавшихся правительством, получало от британской короны только лишь моральную поддержку и оставалось полностью независимым в своей деятельности. Проблемы английского языка не были включены в состав тех задач, которые должно было решать это общество. Если Р. Кэрью в упоминавшемся письме не связывал создание академии с задачей сбережения языка, то теперь, спустя полстолетия, уже после учреждения Королевского общества эту связь устанавливает Джон Драйден, обуславливая сохранность языка наличием нормы и необходимостью создания академии. «Я сожалею, – пишет он в 1664 г. в посвящении Роджеру графу Оррери пьесы «Дамы-соперницы», – что мы, имея такой благородный язык, не обладаем более надежным мериллом его, какое имеется во Франции, где для этой цели была учреждена академия, которой дарованы большие привилегии теперешним королем. Я желал бы, чтобы мы, наконец, прекратили заимствовать слова у других наций, что мы делаем по безудержности, а не по необходимости» [Dryden 1808c:118].

В том же году Королевское общество обратило свое внимание на проблему совершенствования английского языка и учредило комитет в целях его исправления. Томас Бёрч приводит в своей «Истории Королевского общества» протоколы заседаний, свидетельствующие о попытках обеспечить реформирование английского языка в пределах этого общества и силами его членов. Из протоколов видно, что на заседании от 30 ноября 1664 г. «было предложено собрать несколько членов общества, имеющих надлежащее дарование и соответствующее расположение, чтобы исправить английский язык, в частности, для философских целей. Голосованием было решено создать Комитет по совершенствованию английского языка, члены которого проводили бы заседания в апартаментах сэра Питера Уайча в Грэйс Инн³

---

³ Греевская адвокатская школа. – Л.Л.

один или два раза в месяц и подавали бы отчеты о своей деятельности по запросу общества. <...> Было назначено, чтобы члены комитета избрали на своем первом заседании председателя из своего состава» [Birch 1756: 499]. 7 декабря 1664 г. Комитет по совершенствованию английского языка в составе Королевского общества был учрежден. Среди его членов (общим числом немногим более двадцати) были, в частности, Джон Драйден, Джон Эвелин, Томас Спрэт и Эдмунд Уоллер, а председателем его был избран Питер Уайч [Birch 1756:500]. На заседании Королевского общества от 18 января 1665 г. было принято решение, чтобы на первом совещании членов комитета присутствовал Джон Уилкинс, один из учредителей Королевского общества, который должен был «в деталях объяснить им направление их деятельности согласно смыслу этого органа – говоря коротко, улучшить философию языка» [Birch 1756: 7]. Участие в этом начинании Уилкинса весьма примечательно и не случайно, если иметь в виду поставленную задачу исправления английского языка: он является автором проекта универсального философского языка, изложенного в его главном сочинении «Опыт о реальных характерах и философском языке» [Wilkins 1668]. (В названии труда Уилкинса мы оставляем при переводе слово *характер*, чтобы сохранить терминологическую и содержательную связь с традицией переводов слова *character* в трудах Г.В. Лейбница и его универсальной характеристикой). Критика языка Уилкинса не приводит к заключению о необходимости нормализаторской деятельности в языке. Он выдвигает, напротив, требование создания искусственной системы языка, которая была бы свободна от недостатков естественных языков. Можно думать, что это косвенно указывает на направление и характер работы комитета в первые годы его существования. Дальнейшие следы работы этого комитета теряются: в архиве Королевского общества отсутствуют какие-либо упоминания о его деятельности. Сохранилось, однако, письмо Джона Эвелина председателю комитета сэру Питеру Уайчу, написанное им после поездки в Италию и посещения Академии делла Круска, в котором он изложил своего рода программу работы комитета.

В самом начале этого письма, датированного 20 июня 1665 г., он называет причины упадка английского языка. «Как я понимаю, – пишет Эвелин, – причины и примесей в английском языке, и его искажений имеют, как и в большинстве других языков, одни и те же источники, а именно – победы, плантации, приграничные форты, рынки, школьный педантизм, подражательство путешественников, переводы, придворные вкусы и моды, раболепие и манерность горожан, проповедников, политические дискуссии, театры, ремесла etc.» [Evelyn 1859: 159]. В программе Эвелина не ставилась задача «улучшения философии языка», т.е. та цель, ради которой был создан комитет. Можно думать, что именно поэтому она не была принята и оставалась долгое время в забвении. Эвелин выдвинул, по сути, проект реформирования и нормализации английского языка, который включал в себя двенадцать разделов [Evelyn 1859: 159] соответственно тем задачам, решение которых в рамках работы комитета представлялось ему необходимым: 1) установление грамматической нормы и создание грамматики; 2) установление орфографической нормы; 3) установление орфоэпической нормы; 4) создание словаря родных слов, корневых и производных, в их прямом и переносном значении; 5) создание терминологического словаря; 6) упорядочение переводов названий особых реалий других культур; 7)

нормализация словообразования; 8) исследование различных диалектов, составление перечня диалектных и фразеологических выражений, а также пословиц и поговорок, употребляемых в различных графствах Англии; 9) словарь речевого этикета (вежливых слов и выражений); 10) перечень устаревших слов, подлежащих возрождению и введению в оборот; 11) принципы перевода и образцовые переводы; 12) совершенствование письменной речи членов Королевского общества, которая должна стать образцом хорошего стиля для нации. Никаких документов или иных свидетельств дальнейшей судьбы этого проекта Эвелина в архивах Королевского общества не сохранилось, как и самих отчетов о деятельности комитета, которые должны были регулярно подаваться. Епископ Рочестера Томас Спрэт, автор самой ранней «Истории Королевского общества» [Sprat 1667: 40], написанной спустя всего лишь семь лет после его создания, объясняет это тем, что общество было слишком загружено иными проблемами, чтобы вникать в дела английского языка, хотя ему было известно, что многие его члены интересовались этими вопросами.

Изданная в 1653 г. «История Французской академии наук» Поля Пеллиссона-Фонтанье, в которой описывался начальный этап основания академии, была переведена на английский язык и опубликована уже в 1657 году [Pellisson-Fontanier 1657], и Т. Спрэт, несомненно, был знаком с этим трудом. Упомянув о существовании языковых академий или иных, организованных по частной инициативе обществ в других странах, в первую очередь – в Италии и во Франции, он выражал недоумение по поводу отсутствия такого органа в Англии и предлагал поэтому создать академию английского языка, тем более что наступившее мирное время после весьма бурного периода английской истории считал как раз подходящим для «великой реформации в манере речи и письма» [Sprat 1667:41]. Современное ему состояние английского языка Спрэт оценивает как весьма плачевное по сравнению с другими языками и требующее вмешательства в интересах его благополучного развития и придания ему совершенства. От Чосера и до времен гражданских войн XVII в. английский язык, по мнению Спрэта, еще формировался и совершенствовался сам собою. А в войнах, когда, как он считал, языки чрезвычайно возрастают, поскольку в такие времена у людей появляется много новых мыслей, требующих новых выражений для их сообщения, в английский язык, напротив, проникло множество причудливых слов из религиозных сект, нелепых оборотов из наскоро написанных или переведенных текстов, возникло много искажений в английских словах. Спрэт исходил, как и многие другие, из того, что можно определить желательный облик языка и добиться его развития согласно этой модели. «Я заверяю, – писал он, – что мы хотим лишь иметь несколько больше схожести с древними [языками] и несколько больше постоянных моделей, которые бы превосходили все современные. Лучшим способом осуществления этого является создание постоянно действующего и беспристрастного Суда красноречия, вердиктами которого все книги и все авторы должны либо допускаться, либо отвергаться» [Sprat 1667: 43]. Главным аргументом, выдвинутым Т. Спрэтом в пользу создания академии, было напоминание о том, что «чистота речи и величие государства всегда идут рука об руку» [Sprat 1667: 41].

Комитету по совершенствованию английского языка, по всей очевидности, не удалось приобрести такой авторитет в вопросах языка и завоевать такое признание в обществе, которые обеспечили бы ему поддержку и стали бы пред-

посылкой успешной работы. К тому же и исторические обстоятельства (великая эпидемия чумы в 1664 г., война с Голландией и пожар в сентябре 1666 г.) тоже этому не способствовали. Косвенным свидетельством отсутствия видимых результатов работы комитета может служить тот факт, что в 1671 г. анонимный издатель словаря Стефана Скиннера «*Etymologicon linguae anglicanae*» [Skinner 1671] выдвигает требование создать в Англии по примеру Италии и Франции отдельную языковую академию и обосновывает это требование тем, что английский язык необходимо очистить от солецизмов и варваризмов, имея перед глазами в качестве образца классическую латынь (см. подробнее [Sledd, Kolb 1955:5]).

Новую попытку создания академии предпринял Дж. Драйден в 1679 году, посвятив свою драму «Троил и Крессида» графу Сандерленду в надежде заручиться его поддержкой и покровительством. Поскольку граф Сандерленд возвратился незадолго до этого из Франции, где провел несколько лет в должности посла и имел по службе дела также и с Французской академией, Драйден пытается повлиять на него, внушая ему дух соперничества с кардиналом Ришелье и говоря о том, что английский язык мог бы быть обязан ему своей чистотой и культурой речи, как французский обязан своим высоким развитием памяти Ришелье. «Вы знаете, милорд, – пишет Драйден, обращаясь к графу Сандерленду, – какой глубокий фундамент заложил он для этого великого дела. Он начал с грамматики и словаря, без которых все сделанные с тех пор открытия и наблюдения оказались бы безрезультатными, как если бы начинать обставлять мебелью комнаты, не имея плана дома. Правила необходимо установить в первую очередь, перед тем как устанавливать какие-то критерии изящества. И никакого Вожля недостаточно для такой работы. Вся академия занималась этим много лет, потому что совершенного знания языка никогда не достигает ни один отдельно взятый человек. <...> Поскольку же наш английский язык составлен из мертвых и живых языков, то требуется совершенное знание не только греческого и латинского языков, но и древнегерманского, французского и итальянского. А чтобы способствовать всему этому, нужны совещания со всеми теми нашими авторами, проза и поэзия которых наименее грешит недостатками» [Dryden 1808d: 234]. Здесь же Драйден выдвигает ясное требование нормы языка, определяя те критерии, согласно которым должна устанавливаться эта норма: «Было бы желательно, чтобы все мы, по возможности писали с одинаковой уверенностью в словах и чистотой грамматических оборотов, к чему итальянцы пришли первыми, а за ними французы. И, наконец, чтобы мы довели свой язык до способности иметь такую же норму. <...> У нас слишком много односложных слов, к тому же засоренных согласными, и произношение наше женоподобное, а это всё враги для звучащего языка. Верно то, что мы для удовлетворения своей нужды торговали с соседними народами, в результате чего изобилуем словами, как Амстердам религиями, но упорядочить их и ввести в употребление после признания их правильными – вот в чем сложность» [Dryden 1808d: 235].

Английского поэта Вентворта Диллона графа Роскоммона также называют среди авторов проектов языковой академии, выдвигавшихся в XVII веке. Известно доподлинно, что он пытался вместе с Драйденом и некоторыми своими единомышленниками, среди которых был, в частности, Даниэль Дефо, учредить языковое общество, в задачи которого входило бы установление нормы английского языка

и формирование литературных вкусов. «Его мысли были заняты литературными проектами, – пишет об этом С. Джонсон, – он составил план создания общества по совершенствованию нашего языка и установлению его нормы в подражание тем ученым и культурным (polite) обществам, с которыми он познакомился за границей. Говорят, что в этих замыслах ему помогал его друг Драйден» [Johnson 1831: 66]. Джонсон ошибочно относит эти попытки к 1663 году и, по сути, без всяких обоснований приписывает их авторство и главную инициативу во всей этой деятельности Роскоммону. Последний, действительно, принимал активное участие в новых попытках реализации проекта языковой академии в самом начале 90-х годов XVII в., однако с инициативой и обоснованием проекта выступил, вероятнее всего, опять Дж. Драйден (см. подробнее [Emerson 1921:1-14]), который до конца своей жизни не расставался с этой идеей и не оставлял надежды на ее осуществление. Но и этому проекту тоже не суждено было осуществиться.

К 1693 году даже Драйден утратил иллюзии. Это касалось не только работы комитета по совершенствованию английского языка, поскольку спустя четверть века после его создания все еще не было ни пригодного словаря английского языка, ни грамматики, но и перспективы того, что английское правительство когда-либо озаботится сохранением английского языка. «У нас нет еще английской просодии, – писал он в «Опыте о сатире», – нет и сносного словаря или грамматики, так что наш язык в некотором роде варварский. А какое правительство станет поощрять кого-либо, или, более того, кто способен облагородить его, я не знаю. К тому же ничто не может быть отнесено сегодня на государственный счет. И я скорее опасаясь упадка языка, чем надеюсь на его прогресс в нынешнюю эпоху» [Dryden 1808a:114]. В этом же 1693 году Драйден все-таки вновь обращается к мысли о государственной поддержке проекта создания языковой академии в предисловии к «Третьему альманаху», однако и здесь звучит вновь отчетливая пессимистическая нота: «Ведь наш язык все же и богат, и выразителен, и величествен, и мог бы быть приведен к более гармоничному звучанию. Но из-за недостатка государственной поддержки в этот железный век мы так далеки от каких-либо успехов в совершенствовании нашего языка, что через несколько лет будем говорить и писать столь же варварски, как и наши соседи» [Dryden 1808b: 58-59].

И все-таки к концу XVII в. идея языковой академии обрела ясные очертания. В 1697 г. Даниэль Дефо опубликовал свой «Опыт о проектах», который содержал наряду с проектами преимущественно экономического характера также проект создания академий в Англии, в том числе языковой. Необходимость этого он обосновывал широким распространением сквернословия в речевой практике и различными явлениями упадка в языке, противодействовать которым и должна была академия, или языковое общество, учрежденное королем. Приводя в пример Французскую академию, Дефо подчеркивал, что английский язык достоин таких трудов не менее чем французский, и призывал короля прославить память о своем правлении созданием языкового общества, задачи и полномочия которого он описал достаточно подробно. Это общество должно было состоять, согласно его предложению, из 36 членов: двенадцати представителей родовой аристократии, двенадцати независимых джентльменов как частных лиц, и еще двенадцать мест должны были оставаться открытыми для приема в качестве почетных членов лиц,

имевших особые заслуги, независимо от того, в какой области они отличились. Членами общества должны были стать люди образованные, но не ученые из Оксфорда и Кембриджа, поскольку их язык, как пишет Дефо, «далек от культурного, исполнен вычурности и манерности, полон крепких словечек и длинных, неестественных оборотов из слов и фраз, которые для слуха звучат грубо и неприятно и для читателя затрудняют как восприятие оборотов речи, так и понимание смысла написанного» [Дефо 2012: 79].

В самых резких выражениях Дефо критикует распространившуюся моду на сквернословие. Здесь следует сказать, что эта мода не была исключительно английской: ее истоки уходят в глубину европейской истории. В средневековой Западной Европе в качестве ругательств широко использовались богохульные слова и выражения, часто, хотя и не обязательно, непристойные, что не было свойственно, скажем, русской культуре. Во Франции, например, наиболее распространенное в то время ругательство *Je renie Dieu* означает в переводе на русский язык буквально: *Я отрицаю Бога*. Существовали и богохульные клятвы, использовавшиеся в функции ругательств. Богохульное сквернословие зарождалось в высших слоях общества, подтверждением чего могут служить, например, сочинения известного французского богослова, канцлера Парижского университета Жана Жерсона (собственно Жана Шарлье), к которым обращается Йохан Хёйзинга в своей оценке средневекового сквернословия. «В позднем Средневековье, – пишет он, цитируя в дальнейшем Жерсона, – ругань еще обладает той привлекательностью дерзости и высокомерия, которые делают ее сродни чему-то вроде благородного спорта. ‘Что это ты, – говорит дворянин крестьянину, – не дворянин, а возводишь хулу на Бога и сулишь дьяволу свою душу?’» [Хёйзинга 1988: 176]. Хёйзинга приводит также стихотворные строки французского поэта XIV века Эташа Дешана в подтверждение того, что богохульное сквернословие распространялось из высших слоев общества в низшие: «Дешан отмечает, что божба опускается уже до уровня людей самого низкого звания: ‘Si chetif n’y a qui ne die / Je renie Dieu et sa mère’ [Всяк мужик на то горазд: / Бога, Мать его хулить]» [Хёйзинга 1988: 176]. В позднем Средневековье бытовали также новеллы фривольного содержания, становившиеся источником новых словечек и выражений, а также разного рода пословицы, наиболее распространенной из которых была «De jeune angelot vieux diable» (из юного ангелочка – старый черт). Эта пословица в особенности возмущала Жерсона: «Вот так и совращается юношество, говорит он: в детях хвалят бесстыдное лицо, грязную речь и непристойные словечки, нечистые взгляды и жесты. Но если в детстве он разыгрывает дьяволенка, то чего же тогда ждать от старца?» [Хёйзинга 1988: 178]. Изобретение особо острословных или новых бранных выражений стало расцениваться как своего рода мастерство, в котором за высшее искусство почитались наиболее непристойные ругательства.

Власти разных стран предпринимали попытки воспрепятствовать распространению этого порока и устанавливали в разные времена более строгие или менее строгие наказания – от рассечения верхней губы и отрезания языка до смертной казни. Тем не менее зло умножалось, и со временем богохульное сквернословие сходило уже всем безнаказанно, в результате чего знаменитый французский кардинал Пьер д’Айи вынужден был выступить на XVI соборе в Констанце (1414-1418)

с требованием принять меры против распространения этого порока. Однако сквернословие сохранялось и в последующие века. За богохульство как таковое смертная казнь существовала еще вплоть до середины XVIII века, хотя число таких приговоров заметно уменьшилось по сравнению с предыдущими столетиями. В Цюрихе, например, в период с 1601 по 1639 гг. было вынесено 16 смертных приговоров за богохульство, а в период с 1640 по 1745 гг. за богохульные речи были приговорены к смертной казни шесть человек [Dülmen 2005:258]. В баварской марке Амеранг в период с 1670 по 1700 гг. был вынесен 51 приговор за преступления против «добрых нравов», под которыми понимались общепринятые нормы морали, включая речевое поведение, что составило 4,19% всех приговоров [Dülmen 2005: 50]. Борьба велась не только против богохульства, которым подвергался поношению Бог, но также против сквернословия и проклятий, которыми наносились оскорбления государственным и частным лицам. Бранденбургский эдикт 1688 года, например, запрещал «кому-либо из Наших подданных, постоянно проживающих или иных, <...> подвергать нападкам и оскорблять другого выражением лица, словами или действиями, а также задевать или оскорблять его, будь это в обществе или в иных [случаях], грубыми шутками, непристойными жестами или иным гнусным образом» [Dülmen 2005: 236].

При этом, конечно, в более позднюю эпоху богохульное сквернословие носило другой характер. В Средние века, как подчеркивает Й. Хёйзинга, «даже такое скудоумное прегрешение, как божба, появляется лишь при наличии сильной веры. Проклятие, возникшее первоначально как сознательно данная клятва, есть знак ощущаемого вплоть до самых мельчайших деталей факта присутствия Божественного. Только сознание того, что проклятие есть действительный вызов, бросаемый Небесам, делает такое проклятие греховно прельстительным» [Хёйзинга 1988: 176]. Если же говорить о Новом времени, то следует признать, что к этому моменту утрачивается осознанность божбы, исчезает всякий страх перед тем, что проклятие может подействовать, и вся эта божба превращается в простое, грубое сквернословие. «Ругательства, эту похоть языка, эти отбросы и испражнения уст, из всех пороков самый глупый и бессмысленный» [Дефо 2012: 81] Дефо называет мужским пороком, поскольку он не затрагивал в то время женщин. «Это бессмысленная, дурная, постыдная привычка, – пишет он, – распространившаяся без конца и края. Это слова произносимые, но ничего не обозначающие. Это глупость, совершаемая ради самой глупости, что есть дело, которое даже сам дьявол не делает. Дьявол делает зло, как мы говорим, но с каким-то умыслом: либо чтобы совратить других, либо, как говорят некоторые святые, по причине вражды со своим Создателем. Люди крадут выгоды ради и убивают из алчности или из мести. Блуд и насилие, прелюбодеяния и содомия творятся ради удовлетворения порочных желаний и всегда имеют предмет вожделения. И вообще все пороки имеют некую первопричину и некую видимую склонность. Но из всех порочных привычек эта представляется самой бессмысленной и нелепой – ни удовольствия, ни выгоды, ни цели, ни удовлетворенной похоти, а лишь бешенство языка, блевотина мозга, творящие противное естественному ходу вещей» [Дефо 2012: 85]

Согласно Дефо, задача академии должна была состоять в том, чтобы «способствовать культурному просвещению, совершенствовать и облагораживать ан-

глийский язык и содействовать развитию правильной речи, пребывающей ныне в небрежении, следить за чистотой и пристойностью стиля и очищать оный от всех привносимых неправильностей, возникших вследствие невежества и манерности, и всех тех новаций в речи, если можно их так назвать, которые некоторые доктрины от пера самоуверенно взрастили в собственном языке, как будто бы в их власти узаконивать собственные прихоти» [Дефо 2012: 78]. Правильным и чистым языком, не нуждающимся в изменениях, исправлениях и т.п., мог считаться культурный, облагороженный язык. Дефо связывал большие надежды с языковой академией и ожидал от нее великой пользы для дальнейшего развития английского языка, который нуждался в исправлении, с его точки зрения, в двух направлениях – регламентации словоупотребления и искоренении сквернословия. Словоупотребление Дефо относил преимущественно к новациям разного рода. «Голос этого общества, – писал он, – должен обладать достаточным весом в части употребления слов и разоблачения нововведений по выдумкам каких-то людей. Его члены должны были бы, подобно своего рода трибуналу, осуществлять контроль над образованием поколения и иметь право исправлять и порицать излишества писателей и особенно переводчиков. Репутация этого общества должна быть достаточной, чтобы его члены считались признанными судьями стиля и языка, так что ни один автор не дерзнул бы создавать новые слова и выражения неправомочным образом, минуя их. Обычай, который теперь является нашим высшим законодателем, вел бы отсюда свое происхождение и не допускался бы без них. Более не было бы причин для поисков происхождения слов и конструкций, и измышлять слова считалось бы таким же преступлением, как чеканить фальшивые деньги» [Дефо 2012: 79-80].

Тем самым Дефо выдвинул фактически ясное требование теоретической дискуссии о норме языка, которая, развернувшись уже в XVIII в., касалась орфографии, грамматики и словарного состава, в частности, морфемных или квазиморфемных усечений слов, жаргона и педантизма⁴ в речи. Известно, что и эти попытки остались безуспешными, но изучение социо- и этнопсихолингвистических аспектов такого «сопротивления» нормализации языка представляет несомненный интерес для современной науки о языке.

Литература

Дефо Д. Об академиях // Проблема нормализации языка и идея языковой академии в Англии XVII – XVIII вв. / Сост. и ред. Л.П. Лобановой. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – С. 75-86.

---

⁴ Истоком того явления, которое получило название педантизма и подвергалось суровой критике в XVIII в., являются «заумные выражения» (англ. inkhorn terms – букв. выражения из чернильницы), появившиеся впервые около 1543 г. Словарь С. Джонсона 1768 года издания дефинирует слово *pedantry* как «неуклюжее, показное проявление учености». Джеймс Харрис определяет педантизм и педанта следующим образом: «Ученость и наука или, скорее, термины учености и науки, употребляемые некстати, становятся тем, что мы называем педантизмом. Предмет может быть достойным, термины могут быть точны, а говорящий, однако же, может быть педантом, если он говорит не к месту и не ко времени» [Harris 1775: 379].

Хейзинга Й. Осень Средневековья. – М.: Наука, 1988. – 539 с.

Birch Th. The history of the Royal Society of London for improving of natural knowledge from its first rise, in which the most considerable of those papers communicated to the Society, which have hitherto not been published, are inserted as a supplement to the Philosophical Transactions. Vol. I. – London: Printed for A. Millar, 1756. – 511 p.

Baret J. An Alvearie, or Triple Dictionarie in English, Latin and French. – London: Henry Denham, 1574. – 746 p.

Brede A. The Idea of an English Language Academy // English Journal (College Edition) XXVI (September 1937). – P. 560-568.

Carew R. An epistle concerning the excellencies of the English tongue // Richard Carew. The survey of Cornwall, and An epistle concerning the excellencies of the English tongue. – London: Printed for B. Law, 1769. – Pp. 351-369.

Carew R. Letter to Sir Robert Cotton // Original Letters of Eminent Literary Men of the Sixteenth, Seventeenth and Eighteenth Centuries, with Notes and Illustrations by Sir H. Ellis. London: Printed for the Camden Society, 1843. – P. 98-100.

Daniel S. A Defence of Rhyme (1603) // Elizabethan Critical Essays. Ed. by G. Gregory Smith. Volume II. – Oxford: The Clarendon Press, 1904. – P. 356-384.

Dryden J. An Essay upon Satire (1693) // The Works of John Dryden Now First Collected in Eighteen Volumes. Ed. by Walter Scott, Esq. Vol. XV. – London: Printed for W. Miller, 1808ba. – P. 201-217.

Dryden J. The Rival Ladies: Dedication to the Right Honourable Roger, Earl of Orrery (1664) // The Works of John Dryden Now First Collected in Eighteen Volumes. Ed. by Walter Scott, Esq. Vol. II. – London: Printed for W. Miller, 1808c. – P. 109-199.

Dryden J. Dedication of the Third Miscellany (1693) // The Works of John Dryden Now First Collected in Eighteen Volumes. Ed. by Walter Scott, Esq. Vol. XII. – London: Printed for W. Miller by James Ballantyne and Co., Edinburgh, 1808db. – P. 47-61.

Dryden J. Troilus and Cressida, or Truth Found Too Late (1679) // The Works of John Dryden Now First Collected in Eighteen Volumes. Ed. by Walter Scott, Esq. Vol. VI. – London: Printed for W. Miller, 1808ed. – P. 228-364.

Dülmen R. van. Kultur und Alltag in der Frühen Neuzeit: Dorf und Stadt (16.-18. Jahrhundert). – München: C.H. Beck, 2005. – 373 S.

Evelyn J. Diary and Correspondence of John Evelyn. In Four Volumes. Vol. III. Ed. by William Bray and Henry B. Wheatly. – London: Henry G. Bohn, 1859. – 339 p.

Harris J. Philosophical Arrangements. – London: Printed for John Nourse, 1775. – XIV. 485, 31 p.

Johnson S. The Lives of the English Poets: with Critical Observations on Their Works and Lives of Sundry Eminent Persons. – London: John Sharpe; New York: William Jackson, 1831. – 6, 502.

McKnight G H. The Evolution of the English Language: From Chaucer to the Twentieth Century. – New York: Dover Publications, 1968. – XII, 590 p.

Esquire R. H. New Atlantis. Begun by the Lord Verulam, Viscount St. Albans and continued by R. H. Esquire. Wherein is set forth a platform of monarchical government. With a pleasant intermixture of divers rare inventions, and wholsom customs, fit to be introduced into all kingdoms, states, and common-wealths (1660) // Restoration and

Augustan British utopias. Ed. by Gregory Claeys. – Syracuse University Press, 2000. – P. 1-51.

Pellisson-Fontanier P. The history of the French Academy. – London: Printed by J. Streater for Thomas Johnson, 1657. – 258 p.

Skinner, Stephano. Etymologicon linguae Anglicanae... Authore Stephano Skinner, M.D. – Londini: typis T. Roycroft, & prostant venales apud H. Brome sub signo Bombarde ad occidentale Sancti Pauli latus, R. Clavel, B. Tooke sub signo Navis Coemeterio Divi Pauli, & T. Sawbridge sub signo trium Iridum in Parva Britannia, 1671. – 804 p.

Sledd James H. and Kolb Gwin J. Dr. Johnson's Dictionary: Essays in the Biography of a Book. – University of Chicago Press, 1955. – VI, 255.

Spenser E. The shepherds' calendar (1579). – London/New York: Cassel & Company, 1888. – 192 pp.

Spenser E. The works of Edmund Spenser. In Eight Volumes. Ed. by Henry John Todd. Volume the First. – London: Printed for F. C. and J. Rivington, 1805. – 213 pp.

Spenser E. and Harvey G. Three proper, and wittie, familiar letters: lately passed between two iniversitie men (Edmund Spenser and Gabriel Harvey): touching the earthquake in April last, and our English reformed versifying. – London: H. Bynneman, 1580. – 69 p.

Sprat Th. The history of the Royal Society of London, for the improving of natural knowledge. – London: Printed by T.R. for J. Martyn, 1667. – 14, 438 p.

Wilkins J. An Essay Towards a Real Character and a Philosophical Language. [With] An Alphabetical Dictionary, Wherein all English Words According to their Specifications, Are either referred to their places in the Philosophical Tables, Or explained by such Words as are in those Tables. – London, Printed for Gellibrand etc., Printer to the Royal Society, 1668. – 9, 454, 157 illustr. plates.

Wilson Th. The Arte of Rhetorique. Ed. by G. H. Mayr. – Oxford: At the Clarendon Press, 1909. – 236 p.

А.А. Осипова

УДК 81'23

МАНИПУЛИРОВАНИЕ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ¹

Настоящее исследование посвящено особенностям реализации и функционирования манипулятивных речевых высказываний в дискурсе детей дошкольного возраста. В статье рассматриваются различные точки зрения относительно феномена манипулирования в речи, проанализированы манипулятивные высказывания дошкольников с точки зрения лингвопрагматической модели речевого воздействия, а также обозначены основные средства создания манипулятивного речевого воздействия в рамках диалогического взаимодействия.

Ключевые слова: детская речь, лингвистическая прагматика, речевое воздействие, (речевое) манипулирование, речевое поведение, речевая стратегия, речевая тактика.

Anastasia A. Osipova

MANIPULATION IN CHILD SPEECH: PROBLEM SETTING

The present research focuses on the peculiarities of manipulative speech utterances in pre-school child discourse. The author discusses various theories on the phenomenon of speech manipulation and analyzes preschoolers' manipulative utterances in terms of pragmalinguistic model of speech impact. The author emphasizes the key tools for creating manipulative speech impact within dialogical interaction.

Keywords: child speech, pragmalinguistics, speech impact, (speech) manipulation, speech behaviour, speech strategy, speech tactics.

В настоящее время лингвисты в соответствии с принципами антропоцентрической парадигмы, в начале XX в. сменившей структурную, обратились к исследованиям речи в ее взаимосвязи с человеком. В частности, одним из актуальных направлений является коммуникативная лингвистика в ее частном воплощении – прагмалингвистике, в рамках которой исследуются процессы воздействия на человека с помощью речи, в том числе и проблемы речевой манипуляции как разновидности речевого воздействия.

Несмотря на долгую традицию обращения к проблемам манипуляции, до сих пор существуют определенные трудности при освещении этих вопросов: «наличие лакун в этой области исследования [исследования манипулятивного воздействия – прим. автора], в частности отсутствие общепринятых точек зрения на классифи-

---

¹ Исследование проводилось с использованием материалов дальневосточного сайта «Vladmama», орфография и пунктуация авторов сохранены.

кацию, терминологическое наименование речевых стратегий, тактик и приемов, используемых с целью скрытого внедрения в психику адресата нужной манипулятору информации, затрудняет анализ речевых фактов манипулятивного воздействия» [Копнина 2007: 5].

Во-первых, поскольку приоритет в изучении феномена манипуляции принадлежит психологии, политологии, социологии и лишь затем лингвистике, до сих пор наблюдается некоторая размытость в терминологическом аспекте: каждый ученый, занимающийся проблемами манипулирования, склонен давать собственную дефиницию этому феномену, что неизбежно влечет за собой многозначность описываемого явления, но в то же время подчеркивает его сложность и неоднозначность. Разумеется, в каждом из определений, принадлежащих ученым разных гуманитарных направлений, можно выделить инвариантные признаки; все они включены в определение, разработанное Г.А. Копниной: «Речевая (языковая) манипуляция (манипулирование) – разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина 2007: 25].

Во-вторых, к нерешенным вопросам можно отнести недостаточную разработанность понятийного аппарата данного направления исследований: в лингвистике используются термины, заимствованные из психологии, такие как «жертва», «мишень», «манипулятор», что не вполне отражает языковую сущность понятий, стоящих за этими терминами.

В-третьих, отсутствует методика лингвистического анализа фактов речевого манипулирования. В связи с этим необходимо отметить, что до сих пор остается открытым вопрос о соотношении манипулятивного и неманипулятивного речевого воздействия: не определены критерии, разделяющие их, а также не верифицировано существование лингвистических маркеров манипулятивного речевого воздействия. Иными словами, не существует определенных языковых показателей манипуляции, т.е. любая языковая единица может употребляться как в манипулятивном, так и в неманипулятивном дискурсе, не являясь маркером первого. Несомненно, данный факт значительно осложняет создание алгоритма лингвистического анализа манипулятивных приемов в речи, вызывая необходимость разработки комплексного алгоритма, учитывающего особенности коммуникативной ситуации, биологические и социальные характеристики взаимодействующих языковых личностей. Данная мысль находит отражение в работе Е.В. Денисюк, которая заявляет о практической невозможности выработать методы распознавания манипуляции в процессе ее реализации, не владея информацией о коммуникативной установке воздействующего ввиду общности процесса и механизма воздействия для манипуляции и неманипуляции [Денисюк 2003: 20].

В-четвертых, в связи с неограниченными возможностями языкового воплощения приемов речевого воздействия крайне затруднительным нам представляется создание классификации приемов, способов речевого манипулирования.

В-пятых, нет однозначного мнения о нравственной стороне изучаемого явления. Многие авторы сходятся во мнении, что применение манипулятивных приемов в речи носит деструктивный характер: «манипулятивным мы назовем такое воздей-

ствие на наше поведение, которое вызовет у нас отрицательные эмоции» [Копнина 2007: 9], «манипуляции - чума современности» [Шостром 2003: 7]. Е.Л. Доценко, напротив, считает, что манипулирование не является исключительно отрицательным явлением [Доценко 1997: 7]. В.П. Шейнов говорит о двойственной нравственной природе манипулятивного воздействия [Шейнов 2010: 408]. Надо полагать, последняя точка зрения является наиболее объективной, так как манипулирование не всегда приносит вред участникам коммуникации, хотя мы согласны с тем, что в целом манипуляция представляет собой деструктивное явление, вступая в противоречие с известными максимами принципа кооперативности Г. П. Грайса.

К числу наиболее актуальных в свете становления во второй половине XX в. онтолингвистики, изучающей развитие коммуникативной компетенции языковой личности в онтогенезе, и одновременно недостаточно освещенных аспектов феномена речевой манипуляции, можно отнести исследования приемов речевой манипуляции в области детской речи. Имеющиеся в настоящее время теоретические положения в области речевой манипуляции не предполагают четкого осмысления различий между манипуляциями во взрослой и детской речи, однако мы, на основе первичного анализа нашего материала, считаем возможным обозначить некоторые особенности детского речевого манипулятивного воздействия в его сопоставлении с приемами взрослых языковых личностей. По мнению ученых (Е.Л. Доценко, Г.А. Копнина), манипуляция возникает на том этапе, когда открыто переиграть соперника уже не удастся, а подавить его полностью еще нет возможности. Тем не менее, ребенок априори не способен открыто «переиграть соперника», это обусловлено социальными и биологическими причинами. Вследствие этого возникают следующие особенности детской манипуляции: постоянство в выборе жертвы (объекта воздействия: родитель, воспитатель, няня), ограниченность «списка» мишеней воздействия (обычно усилия маленького манипулятора направлены на эмоциональные психические структуры), неполнота набора приемов воздействия, который включает в себя универсальные ходы в их простейшей форме (слезы, угрозы, шантаж, ложь и др.), а также элементарность используемых языковых средств.

В рамках данного исследования мы предприняли попытку проанализировать факты использования речевой манипуляции детьми дошкольного возраста в ситуации взаимодействия с близким родственником (мать, отец, бабушка) с позиций лингвопрагматической модели манипулятивного речевого воздействия во взрослой среде, предложенной Е. В. Денисюк [Денисюк 2003: 8, 19]. Представим характерные особенности линии поведения ребенка в ситуации желания обладать чем-либо и проследим, как они реализуются в речи.

Прежде всего, потребности ребенка для него самого оказываются превыше интересов остальных, что неизбежно приводит к конфликту в коммуникации. Обязательным условием применения манипулятивного речевого воздействия является удовлетворение своих потребностей так, чтобы не раскрыть их родителю-жертве, таким образом, в манипулятивном высказывании всегда содержатся два смысловых плана: явный (констатация факта уборки в примере 1) и скрытый – расположение собеседника, подготовка к дальнейшему этапу осуществления манипулятивного воздействия; на каждом из этих уровней представлена цель. Применительно к уровню явного смыслового плана мы будем использовать термин «квазицель»;

«целью» мы будем называть ожидаемый результат, содержащийся в пласте скрытой информации.

(1) *Вечером попросила убрать игрушки, а сама пошла мыть посуду. Когда вернулась, Виталия подошел ко мне и говорит: Мама Сета, сё, сибал игушки [Мама Света, всё, собрал игрушки]. Я его похвалила, а он тут же попросил: Дай тепей кубики [Дай теперь кубики]* (Виталий С., 1992, 02.01.00) ¹.

Конфликт заключается в том, что ребенок, выполнив просьбу собрать игрушки один раз, снова просит мать дать ему их, несмотря на то, что время позднее и скоро нужно будет укладываться спать. Выражая просьбу, двухлетний ребенок использует типичную для жанра просьбы форму императива «дай», дополняя высказывание наречием «теперь», что подчеркивает значимость действий в прошлом (уборка в комнате) и справедливость требования. К тому же, ребенок специально дождался похвалы за выполненную просьбу матери, а затем открыто озвучил свою цель: несмотря на явность намерений ребенка в финальной части диалога, данный пример целесообразно отнести к манипулятивным.

(2) *Бабуль, может, конфетка поможет с депрессией справиться?* (Денис, ПК, 05.00.00)

Целью говорящего является получение конфеты, что противоречит интересам адресата (бабушки). Ребенок понимает, что в случае прямого выражения просьбы он потерпит неудачу, поэтому он принимает решение использовать стратегические элементы в речи.

Стоит отметить, что скрыто осуществить модификацию сознания адресата в полной мере ребенок в состоянии лишь с достаточным развитием коммуникативной компетенции, в частности ее прагматической составляющей: пятилетний ребенок, в отличие от двухлетнего, прямо не раскрывает свое намерение, выбирая жанр предложения вместо жанра просьбы.

Использование средств персуазивности также способствует манипулятивному характеру коммуникации: во-первых, ребенок не исключает вариант, что для «выздоровления» может понадобиться не одна конфета, а во-вторых, в случае коммуникативной неудачи (раскрытия жертвой истинной цели) он обезопасит себя от возмущения со стороны бабушки, так как его предложение с самого начала было недостоверным.

Еще одной важной особенностью манипулятивного речевого воздействия является характер самопрезентации в диалоге: манипулятору необходимо представить себя как единомышленника жертвы, тем самым адресант, формируя в сознании жертвы образ удовлетворяющего ее потребности коммуникативного события, одновременно не допускает возникновения у жертвы чувства угрозы ее интересам.

(3) Муж сегодня наводит порядок в нише, выбрасывает все ненужное, разложил на весь пол комнаты. Малая ходит рядом:

- Папотька, ты у меня такой любимый, хаёсий [Папочка, ты у меня такой любимый, хороший.]

Минуту молчит.

-Папа, такой юбимый-пьеюбимый, хаёсий [Папа такой любимый-прелюбимый, хороший].

Через полминуты, решив, что уже хватит умасливаний:

- Можно мне тоже в нисю [Можно мне тоже в нишу]?

(Жен., ПК, 02.06.00)

В целях положительной самопрезентации, которую в данном контексте можно определить как речевую тактику, могут использоваться различные языковые средства: мягкие, доброжелательные интонации; аппеллятивы, часто в форме диминутивов («Мама Света» (1), «Бабуль (2), «Папочка» (3)); слова со значением положительной оценки («любимый», «хороший» (3)); использование двойного аргументатива («любимый-прелюбимый» (3)).

Проанализировав примеры (1), (2) и (3), мы обнаружили, что умение использовать косвенные речевые приемы в манипулятивном дискурсе развивается в онтогенезе. Так, двухлетний ребенок в связи с недостаточным уровнем развития коммуникативной компетенции, обусловленной несформированностью мышления, отсутствием коммуникативного опыта, воплощает свое намерение с помощью императива (1), который прямо выражает просьбу. В возрасте приблизительно трех лет ребенок выбирает более сложную конструкцию: «*Можно мне тоже в нишу?*» (3), где субъект выражен местоимением в Дательном падеже, а сама конструкция более «мягкая» по сравнению с однозначным императивом в значении просьбы, так как представлена в форме вопросительного предложения, а не прямой просьбы или приказа. В примере 4 можно наблюдать уже более совершенные приемы косвенного воздействия на собеседника:

(4) *Купили с Гошей малиновый джем. Сын начал просить дать ему перед ужином, я сопротивлялась и всячески ему отказывала, дабы аппетит не испортить, мол, малиновый джем можно есть только тогда, когда температура и болит горло. Гоша не растерялся: «Мам, мне нужно съесть ложку малинового джема, у меня болит рот и, кажется, поднялась теаптура [температура]»* (Гоша, ПК, 03.06.00).

Во-первых, ребенок реализует просьбу в более «мягкой» структуре «**Мне нужно**» со значением необходимости, тем самым оправдывая свое желание необходимостью лечения. Во-вторых, мальчик использует количественное сочетание «**ложку** джема», с помощью которого демонстрирует незначительность требуемой порции, которая в таком малом количестве не сможет испортить аппетит. В-третьих, в высказывании включается модальное слово «кажется» со значением недостоверности, которое является средством выражения персуазивности.

Таким образом, манипулятивность речевого воздействия в детском дискурсе обеспечивается особой организацией диалога: выбором средств его инициации, продолжения и завершения. «Текстовые зачины» (в терминологии К.Ф. Седова) обеспечивают контроль над эмоциональным фоном адресата; основная часть диалога направлена на вербальное воплощение содержательной стороны замысла адресанта; на заключительном этапе ведения коммуникации ребенок ожидает результата применения своей стратегии. Отметим, что языковые средства, составляющие дискурс, целью которого становится изменение когнитивных и поведенческих установок собеседника, *приобретают* манипулятивный характер, что подтверждает тезис об отсутствии исключительно манипулятивных / неманипулятивных единиц языка и необходимости обязательного изучения всех элементов текущей коммуникативной ситуации при анализе подобных явлений речи. Однако можно

говорить о «склонности» некоторых единиц языка к более частому функционированию в рамках манипулятивного речевого воздействия, и данные детской речи как периода начального этапа формирования коммуникативной и, уже – прагматической компетенции, это демонстрируют. Так, среди типичных для эффективного эмоционального воздействия на родителя средств выделяются лексемы с положительной семантикой, двойной аргументатив, а также возможности модусной организации речи.

Итак, рассмотрев факты использования манипулятивных речевых приемов детьми дошкольного возраста, мы выявили основные прагматические характеристики коммуникации в ситуации, когда ребенок желает обладать тем или иным предметом. Прежде всего, в подобной ситуации обязательным элементом является конфликт интересов сторон, обуславливающий наличие двух смысловых планов высказывания – квазицель и истинную цель. Самопрезентация в диалоге направлена на создание образа единомышленника, а также на устранение у собеседника чувства угрозы его интересам. Использование апеллятивов-димиутивов, слов со значением положительной оценки подчинено целям самопрезентации.

Естественной закономерностью, выявленной нами и при анализе фактов, является развитие умений и навыков в онтогенезе. Так в языковом аспекте характер манипулятивного воздействия трансформируется по мере взросления индивидуума, что проявляется в отборе языковых средств: дети младшего дошкольного возраста пользуются простыми структурами и формами (напр., императивом), старшие дошкольники склонны использовать косвенные приемы, активно вводя в речь средства модуса.

Литература

Грачев В.Г., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способности и технологии информационно-психологического воздействия. – М.: Изд-во РАН, 1999. – 235 с.

Денисюк Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: Автореф. дис. канд. фил. наук. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.

Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: Издательство МГУ, 1997. – 344 с.

Копнина Г. А. Речевое манипулирование. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 170 с.

Цейтлин С.Н., Елисеева М.Б. От двух до трех: дневниковые записи. – СПб.: Бионт. – 1998. – 157 с.

Шейнов В. П. Манипулирование сознанием. — Минск: Харвест, 2010. – 768 с.

Шостром Э. Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. / Перевод В. Данченко. - К.: PSYLIB, 2003. – 81 с.

А.В. Красник

УДК 81'23

**АССОЦИАТИВНЫЕ СВЯЗИ В СТРУКТУРЕ МЕТЕОПОЛЯ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ПО ДАННЫМ СВОБОДНОГО
АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА**

Статья отражает результаты исследования внутренних и внешних связей в ассоциативном метеополе английского языка по данным свободного ассоциативного эксперимента (САЭ). Полученные ассоциативные связи слов подтверждают наличие общей структуры поля, в которой есть ядро и периферия. При этом отмечается значимость периферийных зон для понимания системных связей лексики и выявления национальной специфики сознания носителей английского языка. Системность метеолексики указывает на связь с общей лексической системой языка. В статье выявлены косвенные связи с полями времени, пространства, небесных тел, жизни; установлено влияние географических условий проживания и жизненного опыта на восприятие явлений погоды. Сравнение полученных данных САЭ с работами других авторов оправдывает выбор используемого метода исследования.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, структура поля, ассоциативные связи, ядро, периферия.

Anna V. Krasnik

**ASSOCIATIVE RELATIONS IN THE STRUCTURE OF THE ENGLISH
METEOROLOGICAL FIELD FROM AN EXPERIMENTAL PERSPECTIVE**

The article describes direct and indirect relations in the English meteorological field based on data obtained from the associative experiment. The associative relations under analysis prove the existence of the field structure with a core and peripheral zones. Peripheral zones are regarded as significant for the understanding of systemic lexical links and revealing national peculiarities of the English consciousness. The systemic character of meteorological lexicon indicates various connections within the language system. The article reveals indirect relations between the meteorological field and the fields of time, space, celestial bodies, and life. Geography and life experience are believed to be important for perceiving weather phenomena. The selected method of the research is approved by results from other scholars.

Keywords: associative experiment, field structure, associative relations, core, peripherals.

Среди задач современной лингвистики, носящей антропоцентрический характер, является выявление знаний и представлений носителей культуры об окружающей действительности, зафиксированных в единицах языка. Одним из наиболее эффективных методов, позволяющих решить поставленные задачи, является ассоциативный эксперимент, одобряемый и используемый в работах ведущих специалистов психолингвистики и когнитивной лингвистики (Ю.Н. Караулов, А.А. Залевская, Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов, И.А. Стернин и др.). Он

дает возможность выявить как системность содержания образа сознания, стоящего за словом в разных культурах, так и системность всего языкового сознания носителей разных культур, передавая тем самым уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры [Уфимцева 2003: 107].

Цель данной статьи заключается в выявлении внутренних и внешних связей ассоциативного метеополя, способствующих выявлению системности содержания образа сознания носителя языка. Ассоциативные связи лексических единиц представляют значительный интерес для понимания системных связей лексики. Свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) позволяет исследователю получить перечень слов, хранящихся в сознании испытуемых, а также характеристики предметов, обозначаемых этими словами. Упомянутые характеристики представляют собой темпоральные, локальные, причинно-следственные и прочие связи предметов, отображаемые в сознании. Связи слов и образов предметов в сознании репрезентируют реальные связи в освоении мира конкретным социумом. САЭ дает возможность реконструировать такого рода связи языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в процессе понимания, хранения и порождения речи [Там же: 108].

В результате проведенного среди носителей английского языка свободного ассоциативного эксперимента на 20 слов-стимулов разной частоты употребления (*fog, frost, heat, dew, wind, storm, rain, blizzard, slush, lightning, breeze, snow, cloud, cloudburst, weather, drizzle, thunder, gale, drought, flood*) было получено 549 разных реакций с общей суммой 2042. Эксперимент проводился интерактивно, анкеты заполнялись по Интернету. В эксперименте приняло участие 102 человека – носителя английского языка. Возраст испытуемых – от 19 до 65, участвовали представители мужского и женского пола. Отказов при выполнении эксперимента не было, лишь пять раз был получен отрицательный ответ, то есть информант не знал значения слова-стимула и поэтому не мог дать ассоциацию. По материалам эксперимента было построено ассоциативное поле концепта «Погода». Под «ассоциативным полем» мы, вслед за А.П. Клименко, понимаем все слова-реакции на заданное слово-стимул [Клименко 1974: 19]. Изучив ассоциативное поле, полученное от слов-стимулов, была сделана попытка реконструкции образа погоды в сознании носителей английского языка. Это стало возможным благодаря семантическим признакам, выделенным нами в другой статье [Красник 2012: 47]: ветер; осадки; температура; форма; разновидность; погодные явления, сопровождающие осадки; место; время; признаки погодных явлений; действия погодных явлений; объекты влияния погодных явлений; результат влияния погодных явлений; средства борьбы с погодными явлениями; деятельность во время погодного явления.

Концептуально значимыми признаками, определяющими ядерную семантику ассоциативного метеополя являются атмосферные явления, их признаки и действия, а также физические явления, сопровождающие осадки и измерительные средства, например, *snow, wind, rain, cold, wet, white, fall, blow, rainbow, noise, drop, flash, bolt* и другие. Это в большей степени слова, обозначающие погодные явления в воздухе (а именно осадки и ветер), как наиболее типичные, так как большая часть погодных явлений происходит непосредственно в воздухе. Имя существительное *weather* рассматривается в качестве базовой языковой единицы метеополя и

представляет данный концепт в наиболее общем виде. Словарная дефиниция [Oxford Dictionaries, электронный ресурс] слова *weather* (*Weather = atmosphere condition (wind + precipitation (rain, snow, hail, dew, etc.) + temperature) + particular place + particular time*) позволяет объединить ЛЕ, обозначающие атмосферные явления в единое поле и указывает на их центральное положение в поле, что подтверждается данными САЭ. Это номинативы погоды как общего наименования, то есть существительные с признаком «атмосферные условия», например, *storm, thunder, lightning, mist*, которые объективируют когнитивные признаки «локализованность» и «темпоральность». Эксперимент показал, что подобные ЛЕ есть во всех слоях поля, однако в количественном отношении они представлены наиболее ярко в ядре поля, нежели на периферии. Для выделения в структуре поля ядра и разных периферийных зон был использован «индекс яркости», то есть количество реакций на данное слово-стимул от общей суммы реакций. Используя количественные параметры индекса яркости, предложенные И.А. Стерниным [2009: 26] (ядро – индекс яркости не менее 0,12-0,15; ближняя периферия – 0,10 - 0,04; дальняя периферия – 0,03 - 0,02; крайняя периферия – яркость 0,01 и ниже), было установлено, что, например, реакция *rain* имеет максимальный индекс яркости 83. Индекс яркости других реакций, обозначающих атмосферные явления, также велик, например, *snow* – 35, *lightning* – 34, *thunder* 28, *storm* – 27 и другие. Следует отметить, что, несмотря на высокий индекс яркости ассоциаций, обозначающих атмосферные осадки, сама ЛЕ *precipitations*, вербализующая данное понятие, как правило, не актуализируется в сознании англичан в отличие от ЛЕ *wind* с индексом яркости 39.

Ассоциативное метеополе представляет собой системное образование, при этом основными отношениями лексических единиц являются родо-видовые отношения (погода как общее наименование и погода ‘ветер’). Ядерный слой представлен наиболее общими в погодном отношении единицами с последующим разветвлением к периферии (например, *wind*→*hurricane*→*tornado*→*breeze*→*tempest*; *fog*→*mist*→*smog*→*pea-souper*). Отсутствие гиперонима *precipitations* является скорее исключением. Лексические единицы, обозначающие атмосферные явления и составляющие основу метеополя, являются самой многочисленной группой, но не благодаря погодным реакциям, число которых в принципе ограничено, а благодаря ЛЕ, обозначающим признаки погодных явлений и в меньшей степени действия. В сознании англичан концепт погода представлен в первую очередь оценочно-ценностным слоем. Количество признаков составляет 203 из 549 разных реакций, что представляет почти половину полученных ассоциаций. Каждому погодному явлению люди пытаются дать объяснение через его описание и оценку – пользы и вреда, например, реакция *changeable* на слово-стимул *weather*, реакция *refreshing* на слово-стимул *breeze*, реакция *dull* на слово-стимул *drizzle*.

В группу ЛЕ, составляющих основу метеополя, входят также ЛЕ, обозначающие природные катаклизмы как отклонение от нормы в проявлении погодных явлений. Погода, являясь одним из важнейших факторов жизнедеятельности человека, определяет условия его существования и даже может создавать угрозу его жизни, что находит воплощение в языковой семантике. Так, достаточно часто встречаются реакции, подчеркивающие разрушительную силу природных явлений, например,

такие, как *danger, death, disaster, drowning people, hunger, no food, no school, no shelter, no electricity, victims*. Однако человек также оказывает влияние на природу и, как правило, негативное (реакция *pollution*).

Анализ результатов САЭ показал, что ЛЕ в структуре ассоциативного метеополя обнаруживают взаимодействие с единицами смежных лексико-семантических полей «Время» и «Пространство» для обозначения различных метеорологических процессов и явлений.

Пространство и время относятся к универсальным формам восприятия действительности, формам существования объективного мира, всех его объектов, событий, происходящих в нем, базовыми компонентами жизни и сознания человека. Характеризуясь изменчивостью содержания, эти категории присущи человеку на всех этапах его исторического развития. Они однозначно признаются онтологическими, т.е. теми ключевыми понятиями, на которых строится вся познавательная деятельность человека.

Лексико-семантическое поле «Время» представлено незначительным количеством ассоциаций – 12 ЛЕ, однако они играют существенную роль в структуре метеополя, а именно входят в него, а не просто пересекаются, что явствует еще из самого определения погоды. Лексической единицей, объединяющей временное поле, является слово *season* [Oxford Dictionaries, электронный ресурс] – *Each of the four divisions of the year (spring, summer, autumn, and winter) marked by particular weather patterns and daylight hours, resulting from the earth's changing position with regard to the sun*). Лексическая единица *season*, так же, как и *climate*, составляет синонимическую цепочку с базовой единицей всего метеополя *weather*, в основе которой лежит признак атмосферных условий, и объединяет все реакции концепта. Для значения *season*, однако, важным компонентом является изменения времени: четыре сезона циклично сменяют друг друга, показатель места остается одним и тем же.

Связь понятий 'погода' и 'время' обусловлена тем, что в сознании англичан время осознается как фон для различных природных, погодных событий, например, реакция *morning* на слово-стимул *dew*, реакция *March* на слово-стимул *rain*, *night – blizzard*, *December – fog*, *afternoon – fog*, *evening – fog*, *day – gale*, *winter – wind*, *summer – breeze*, *winter – frost*, *spring – dew*.

Приуроченность погодных явлений к определенному времени года находит выражение в упоминании всех четырех сезонов (*autumn, spring, summer, winter*) в полученных реакциях, например, реакция *autumn* на слово-стимул *drizzle*, реакция *winter* на слово-стимул *snow*, *summer – heat*, *spring – slush*.

Полученные нами при помощи ассоциативного эксперимента выводы коррелируют с данными работ других авторов. Так, например, Д.В. Маховикова [2012], изучавшая лексические средства концептуализации времени в современном английском языке при помощи методов концептуального анализа и моделирования, а также контекстуального анализа предложений-высказываний и компонентного анализа лексических значений слов, указывает на связь временной и погодной лексики. В языке время можно выразить посредством описания пейзажа, когда становится ясно, о каком времени дня или года идет речь.

Лексико-семантическое поле «Пространство» также, на наш взгляд,

входящее в состав метеополя, объединено с помощью ЛЕ *climate* [Oxford Dictionaries, электронный ресурс] – *The weather conditions prevailing in an area*). В значении *climate*, в отличие от значения *weather*, отсутствует компонент время, так как климат носит перманентный характер. Это долговременные погодные условия, которые различаются в зависимости от территории их протекания. Климатические условия, конечно, могут меняться, но на это требуется намного больше времени по сравнению с погодой.

Связь понятий 'погода' и 'пространство' выражена в ЛЕ, обозначающих воздушную, земную и водную среду, а также результат проявления погодного условия в какой-либо из сред (например, реакции *land, fields, desert, mountain, ocean, sea, river Thames, puddles, slush, mudslides*).

Больше всего ЛЕ, обозначающих 'пространство', представлено в виде названий конкретных мест (континентов, стран, городов), которые закрепились в сознании англичан как стереотип для тех или иных погодных явлений, например, реакция *Africa* на слово-стимул *drought*, *Belarus – snow*, *Chicago – wind*, *Greece – heat*. Однако довольно часто встречаются упоминания собственной территории, по которым можно судить о влиянии географической среды обитания на представления о погоде, например, на стимул *rain* были получены такие реакции как *a lot in England/London*, на слово-стимул *fog – Birmingham/London*, на слово-стимул *smog – London*, на слово-стимул *wind – England/Scotland*, на слово-стимул *gale – Scotland*, на слово-стимул *drizzle – London*. Такие результаты еще раз подтверждают представление о Великобритании как стране дождей, ветров и туманов.

Связь понятий 'погода' и 'пространство' находит свое отражение в работах других авторов. Так, например, И.В. Скрынникова [2004], занимавшаяся выявлением и описанием средств вербализации концепта «пространственная локализация» в английском языке в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах при помощи метода контекстуального и компонентного анализа, а также описания и интроспекции упоминает о связи пространственной и погодной лексики. Она отмечает уникальную для английского языка сочетаемость локативных предикатов с существительными ЛСГ «географические объекты», «небесные тела» и «явления природы», когда глаголы реализуются преимущественно не в первично-номинативном, а в производно-номинативном значении, где сема «положение» не актуализируется. Представляется, что данная сочетаемость диктуется тенденцией к персонификации неодушевленных предметов и явлений природы в английском языке.

Полученные в результате САЭ ассоциации указывают на внешнюю связь метеополя не только с временным и пространственным полем, но и на другие поля, не входящие в его состав, но пересекающиеся с ним. Так, следует указать на связь метеополя с астрономическим полем (например, *sun, satellite, sky*), объединяющей единицей которого является слово *sky* [Oxford Dictionaries, электронный ресурс] – *The region of the atmosphere and outer space seen from the earth*. Данная связь проявляется опосредованно, и связующим звеном между ними являются «Пространство» и «Время». Одним из главных компонентов значения погоды является воздушное пространство вокруг земли, т.е. атмосфера. Небо и небесные тела не являются непосредственной составляющей атмосферы, но отражают ее

восприятие человеком. Время же наполнено реалиями и событиями природы. Небесные тела можно наблюдать на небе в определенное время суток: солнце – днем, луну, звезды, спутники – ночью.

В качестве объекта влияния погодных явлений выступает растительный и животный мир, а также человек. Результаты эксперимента позволяют нам выделить связь изучаемого метеополя с полем «Растительный и животный мир» и полем «Жизнь», к которому мы относим человека и всю его жизнедеятельность. Как и в случае с астрономическим полем, связь метеополя с полем «Растительный и животный мир» осуществляется через время и пространство, что видно из определений центральных единиц данного поля: *Flora – the plants of a particular region, habitat, or geological period. Fauna – the animals of a particular region, habitat, or geological period*. Ассоциации данного поля также малочисленны – 17 ЛЕ. Будучи объектом влияния погодных явлений, они актуализируются в сознании испытуемых скорее как стимул к действию – растительному/животному миру необходима помощь вследствие негативного влияния на него погодных явлений, – чем просто констатация факта воздействия, например, *gale→bare trees, heat→insects*. Так, значительная часть имеющихся ассоциаций возникла на слово-стимул *drought – dead crops, flora and fauna, dog, mammal, plants*, либо *flood – animal, cows*. Лишь некоторые реакции имеют нейтральную либо положительную коннотацию, например, реакция *roses* на слово-стимул *dew*, реакция *birds* на слово-стимул *snow*, реакция *puppy* на слово-стимул *slush*.

Поле «Жизнь», образованное по результатам САЭ, является наиболее многочисленным из всех смежных полей, пересекающих метеополь, а также наиболее разнообразным по составу ЛЕ. Несмотря на то, что данные реакции представляют собой единичные индивидуальные реакции, сгруппированные преимущественно на периферии поля, они в наибольшей степени помогают выявить национальную специфику изучаемого поля концепта.

Если взаимодействие между полями «Время» и «Погода», «Пространство» и «Погода» происходит преимущественно в одном направлении (последняя зависит от пространственно-временных условий), то между полями «Погода» и «Жизнь» существует двусторонняя связь. Как погодные условия влияют на жизнь, так и жизнь своим результатом оказывает влияние на природу. При этом сама жизнь воспринимается англичанами не абстрактно, а в соотносительности с человеком и его практической деятельностью. Метеорологические процессы и явления, оказывающие влияние на образ жизни людей (например, реакция *stay home* на слово-стимул *lightning, traffic jams – fog, holidays – heat*), на хозяйственную деятельность (например, реакция *dead crops* на слово-стимул *drought*), на самочувствие человека (например, реакция *headache* на слово-стимул *heat*), являются специальным объектом внимания человека и, следовательно, закрепляются в языке.

Само понятие 'погода', соотносимое носителями английского языка с соответствующим фрагментом действительности, национальной спецификой не обладает. Связь погоды со временем, пространством, ее влияние на жизнедеятельность человека предсказуемы. Национальная специфика проявляется в ассоциативных связях слов, зависящих от жизненного опыта и условий жизни народа. Так, из-за определенных географических условий проживания чаще других

встречаются ассоциации, характеризующие Великобританию как страну дождей и ветров (например, реакция *umbrella* упоминается 14 раз, *wellingtons* – 4 раза, *boots* и *frizzy hair* – по 3 раза, *wet feet*, *wet clothes* и *raincoat* – по 2 раза). Ассоциации *hot tea*, *books*, *reading* на слово-стимул *rain*, *snowballs* и *snowman* на слово-стимул *snow* указывают на привычное времяпрепровождение в определенную погоду. Погода вообще воспринимается через призму погодных условий, характерных для своей территории: наблюдается ли данное погодное явление в собственной стране или нет, и если да, то как к нему приспособиться.

Как отмечает Н.О. Золотова [2003: 35], пространство лексикона предполагает некую внутреннюю организацию его единиц, которая обеспечивает человеку возможность успешного пользования им. Упорядоченность хранения знаний в формах репрезентации, оптимальных для использования в речемыслительной деятельности, соотносится со сложной конфигурацией ассоциативных связей. Как подтверждают данные, полученные в результате САЭ, структура и состав ассоциативного метеополя отражают важный фрагмент английской языковой картины мира. Оно характеризуется наличием смыслового ядра и рядом групп ЛЕ, наполняющих эту структуру (см. Схема 1).

Схема 1. Образ погоды в сознании англичан

Ассоциативное метеополе представляет собой системное образование с достаточно выраженными внутренними и внешними связями (установлены косвенные связи с полями времени, пространства, терминами астрономии, растительного и животного мира, жизни). В первую очередь отражаются те связи, которые сложились у человека с природой в процессе его жизнедеятельности, что подтверждает связь погодной лексики с общей лексической системой языка. Установлено влияние географических условий проживания и жизненного опыта на восприятие погоды. Отсутствие метеорологических терминов, а также наличие в поле значительного количества лексических единиц, обозначающих признаки погодных явлений, указывают на доминирующую роль эмоционально-оценочного фактора при восприятии погоды в сознании англичан. Человек познает

окружающую действительность в первую очередь на основании своих физических ощущений. Кроме того, особо маркируются те явления природы, которые могут принести вред человеческой жизни или здоровью (катаклизмы).

Литература

Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона: функциональная роль в познании и общении / Н.О. Золотова // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 35-42.

Клименко А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение: учеб. пособие / А.П. Клименко. – Мн.: МГПИИЯ, 1974. – С. 19-20.

Красник А.В. Структура ассоциативного поля «Погода» в английском языке / А.В. Красник // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. – 2012. – № 3 (58). – С. 45-51.

Маховикова Д.В. Лексические средства концептуализации времени в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2012. – С. 4-5, 25-32.

Скрынникова И.В. Вербализация концепта «Пространственная локализация» в англоязычной лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – С. 6-7, 54-58.

Стернин И.А. Некоторые актуальные проблемы современной концептологии / И.А. Стернин // Лингвоконцептология. – 2009. – Вып. 2. – С. 25-39.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности / Н.В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 102-110.

Oxford Dictionaries [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com> – (дата обращения: 26.07.2014)

И.И. Коровченко

УДК 81'23

**К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ ЭЛЕКТРОННОГО
АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ ПРОПРИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИАНОМИНАЦИИ)**

В статье рассматривается метод ассоциативного эксперимента применительно к построению ассоциативного словаря, анализируется опыт формирования наиболее крупных ассоциативных словарей, а также обозначаются этапы проведения ассоциативных экспериментов на базе медианоминации и построения ассоциативного словаря медианазваний.

Ключевые слова: ономастика, проприальная лексика, медианоминация, ассоциативный эксперимент, ассоциативный словарь.

Irina I. Korovchenko

**ON COMPILING THE ELECTRONIC ASSOCIATIVE DICTIONARY OF
MEDIA NAMES**

The article considers the associative experiment as a method for compiling associative dictionaries, analyzes the experience of compiling such dictionaries, and describes stages of conducting associative experiments on media names and steps of compiling the associative dictionary of media names.

Keywords: onomastics, proper names, medianomination, associative experiment, associative dictionary.

Традиционно основным методом исследования языкового сознания является свободный ассоциативный эксперимент. К этому методу обращаются при исследовании восприятия, изучении семантических полей, их психологических эквивалентов, существующих в психике семантических связей слов. Этот метод выступает в качестве признанного и ведущего в исследовании языкового тезауруса [Алимушкина 2007; Воронцова 2004; Гридина 1996; Долинский 2011; Ефименко 2011; Овчинникова 2002; Патсис 2005; Трещева 2012].

Кроме того, по результатам проведенных масштабных свободных ассоциативных экспериментов создаются крупнейшие базы ассоциативных полей, являющиеся основой для дальнейшего исследования языкового сознания, формируются ассоциативные словари (прямые и обратные). Так, в настоящее время насчитывается несколько десятков таких словарей, наиболее крупными среди них можно назвать [Русский ассоциативный словарь... 1994, 1996, 1998; Русский ассоциативный словарь 2002; Славянский ассоциативный словарь... 2004; Словарь ассоциативных норм... 1997; Justeson, Katz 1991].

В рамках данной работы представляется актуальным построение ассоциативного словаря так называемой проприальной лексики, а именно – на материале медианоминации (*прим. – здесь и далее в качестве относительных синонимов будут использоваться термины «проприальная лексика»,*

«медиаминация», «медиазвания»). При этом под медиаминацией в работе понимается языковая номинация средств массовой информации, например, «Коммерсантъ» (газета), «Радиотехника и электроника» (журнал) и др.

Очевидно, что особенность изучаемого ономастикой материала требует от исследований особенного методологического и методического аппарата. Ономастические исследования проводятся благодаря методикам, отработанным и в лингвистике, и в психологии. Так, в ономастике с успехом применяется метод свободного ассоциативного эксперимента, например, в изучении ассоциативных реакций при восприятии или в исследованиях эффективности коммерческих названий [Крюкова 2004; Новичихина 2004] или при рассмотрении уровней отражения проприальной лексики (на материале эргонимов) в сознании носителей языка [Трапезникова 2010].

Однако до сих пор в ономастике по результатам проведенных свободных ассоциативных экспериментов для углубленного изучения ассоциативных полей не создаются ассоциативные словари. Более того, работы, касающиеся изучения ономастического пространства, базируются преимущественно на результатах, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента [Караулов 2007; Карабулатова 1999; Карабулатова 2002; Копчева 1997; Крюкова 2002; Сабитова 1991; Суперанская 2007; Трифонова 2006]. Кроме того, до сих пор редкими остаются работы, в которых методами исследования являются другие виды ассоциативного эксперимента. Так, начало применения цепочечного ассоциативного эксперимента относительно недавно было положено работой А.А. Трапезниковой [2010]. Методика цепочечного ассоциативного эксперимента была выбрана, поскольку она выступает наиболее эффективной в реконструкции ассоциативного значения изучаемого наименования, а кроме того, позволяет зафиксировать все коннотации.

Ввиду уникальности диссертационного исследования А.А. Трапезниковой, имеет смысл обратиться к опыту проведения ассоциативных экспериментов на основе эргонимов и к рассмотренным в исследовании принципам изучения ономастического материала. Проведенный анализ позволит нам выработать принципы изучения медиазваний и – в целом – принципы построения ассоциативного словаря проприальной лексики, в частности, ассоциативного словаря медиазваний.

Итак, А.А. Трапезниковой было проведено масштабное исследование восприятия так называемых эргонимов «горожанами» и «имядателями» Красноярска, позволившее ответить на вопрос об особенностях восприятия искусственной номинации. Отличительными особенностями работы являются обоснование понятия «ономастическое сознание», разработка теоретической модели ономастического сознания и сопоставление каждой из составляющих модели с методами их изучения. В этом исследовании кроме называвшегося цепочечного ассоциативного эксперимента был применен целый ряд методов, в совокупности позволивших реконструировать ономастическое сознание как современного «горожанина», так и «имядателя». В качестве методов исследования были выбраны следующие: метод направленного ассоциативного эксперимента, метод лингвистического интервьюирования, включающий метод субъективного шкалирования.

Особо следует подчеркнуть, что при исследовании восприятия искусственной номинации А.А. Трапезникова указывает на несовпадение ассоциативных полей нарицательной лексики и ассоциативных полей аналогичных коммерческих названий. Подобное несоответствие выявилось в сравнении некоторых результатов проведенного эксперимента и данных «Русского ассоциативного словаря» Ю.Н. Караулова [Русский ассоциативный словарь 2002]. Кроме того, именно проведенные цепочечный и направленный ассоциативные эксперименты позволили определить некоторые важные особенности ассоциативных полей искусственной номинации, например, при обращении к коэффициентам устойчивости и отклонения ассоциативных полей исследуемых эргонимов и аналогичных им имен нарицательных, указанных в словарных статьях.

Таким образом, сравнение результатов нескольких экспериментов и данных «Русского ассоциативного словаря» Ю.Н. Караулова сделало видимым отличительные черты ассоциативных полей эргонимов, а именно – особой семантической структуры и статистических показателей; более того, позволило обозначить важный вывод о том, что в ассоциативном поле эргонима существует особая зона – зона ономастического значения, которая не представлена в ассоциативных полях апеллятивов.

Примечательно, что масштаб исследований, проведенных А.А. Трапезниковой, вполне сопоставим с работой над ассоциативным словарем. Так, в ходе экспериментов, длившихся с 2004 по 2008 годы, было получено около 23 000 ассоциаций по 1500 стимулам, 700 рефлексивов горожан на 200 наименований; кроме того, 100 рефлексивов выявлено в ходе опроса имядателей. Стоит отметить, что по результатам исследований были составлены «ассоциативные словники», включающие по 100 ассоциативных полей, сформированных в ходе направленного и цепочечного ассоциативного экспериментов соответственно, и содержащие гендерные и возрастные характеристики респондентов.

Представляется логичным, что исследование ассоциативных полей искусственной номинации (как совпадающей с аналогичными ей нарицательными именами, так и не совпадающей с ними), проведенное на различном материале (например, эргонимов, медианазваний, прагматонимов), могло бы предоставить возможность выявить особенности, присущие разным группам названий, расширив при этом представление об ономастическом сознании. Кроме того, в планируемом нами исследовании медианоминации, помимо рассмотренной возможности сопоставления реакций, полученных в ходе экспериментов, и слов-стимулов, видится существенной возможность анализа характеристик участвующих в эксперименте респондентов. При этом представляется логичным провести сравнение ассоциативных полей на базе нескольких крупных ассоциативных словарей нарицательных имен.

Подобная задача представляется вполне осуществимой благодаря использованию современных электронно-цифровых возможностей, обращению к существующему опыту создания электронных версий ассоциативных словарей нарицательной лексики и использованию современных электронно-цифровых возможностей при формировании электронных версий ассоциативного словаря медианазваний. Таким образом, применительно к нашему исследованию

медианоминации предполагается логичным обратиться к созданию **Словаря ассоциативных соответствий**, или **Ассоциативного словаря проприальной лексики (на материале медианоминации)**.

Напомним, что опыт создания словарей на базе свободных ассоциативных экспериментов ранее не подразумевал создание словаря ассоциативных соответствий или ассоциативного словаря, основанного на базе ономастического материала (однако, как было упомянуто выше, результаты проведенных экспериментов обобщались в так называемые ассоциативные словники). В связи с этим имеет смысл обратить внимание на реализованные электронные версии ассоциативных словарей (базы словарей) нарицательной лексики [Словарь ассоциативных норм... 1973, 2006], а кроме того, обратиться к методикам [Черкасова 2004б] и опыту построения электронных версий ассоциативных словарей, сложившимся в русской и зарубежной школах.

Таким образом, на основании рассмотренных методик и изученного опыта создание современного ассоциативного словаря медиаимен видится состоящим из нескольких этапов.

К первому этапу следует отнести следующее: формирование списка слов-стимулов, а также генерацию анкет эксперимента, применение технологии получения анкет (технологии русских ассоциативных словарей), формирование и подготовку анкет к печати, формирование и подготовку анкет для проведения экспериментов в веб-сети (при решении проведения эксперимента посредством веб-сети), создание базы данных экспериментов, ввод и проверку анкетных данных, наконец создание ассоциативного тезауруса.

Ко второму этапу психолингвистического ассоциативного эксперимента имеет смысл отнести исследование полученного формального тезауруса, составление статей ассоциативного словаря, подготовку и печать ассоциативного словаря, а также подготовку к размещению и размещение словаря в веб-сети, исследование сформированного ассоциативного словаря-тезауруса с использованием возможностей его электронной базы. Примером электронной версии словаря-тезауруса, созданного по результатам эксперимента на материале нарицательных имен, может служить [Русский ассоциативный тезаурус... 1988-1997]. В нем реализован интересующий нас механизм поиска по всему корпусу прямого и обратного ассоциативного словарей в соответствии с характеристиками респондентов (пола, возраста, профессии).

Методика, разработанная в Институте языкознания РАН, стала основой создания не только русского ассоциативного словаря (крупнейших Русского ассоциативного словаря, Славянского ассоциативного словаря и других), но и иностранного. Примером такого ассоциативного словаря является ассоциативный словарь французской лексики *Le Dictionnaire des Associations Verbales du Français (Dictaverf)*, направленный на выявление ассоциативных норм современных носителей французского языка [Création du Dictionnaire... 2010]. В электронной версии этого словаря реализован прямой и обратный поиск, в котором учитываются дополнительные, по сравнению с рассмотренным Русским ассоциативным словарем, характеристики респондентов, а именно: пол, возраст, образование, специализация, город прохождения теста, область, родной язык.

Интересной особенностью данного словаря, которую также стоит учесть при создании ассоциативного словаря медианазваний, является то, что материал для него был собран в ходе интернет-опроса. Опрос проводился не так давно, с 2008 по 2009 годы, а анкеты были собраны со всех регионов Франции. В настоящее же время серия экспериментов не завершена, продолжается сбор материала для Французского ассоциативного тезауруса и планируется создание ассоциативных словарей бельгийского, швейцарского, канадского вариантов французского языка и французского языка Африки. Более того, все исследования проводятся при поддержке Maison des Sciences de l'Homme (Paris), Université Sorbonne Nouvelle – Paris 3 с французской стороны и Института языкознания РАН, Новосибирского государственного университета со стороны российских ученых.

Видится преимуществом тот факт, что создание специфических вариантов ассоциативных словарей на основе проведенных экспериментов далеко не исчерпывает всех возможностей электронных версий и электронных ассоциативных словарей.

Так, существует весьма интересный крупный проект британского *Science and Technology Facilities Council (STFC) – The Edinburgh Associative Thesaurus* [The Edinburgh Associative Thesaurus], основанный на ассоциациях, предложенных англоязычными респондентами. *The EAT* является частью *The MRC Psycholinguistic Database*, крупного комплекса, использующего психолингвистическую базу данных, содержащую 150837 слов и информацию о каждом слове по 26 лингвистическим и психолингвистическим параметрам. Такой крупный исследовательский комплекс задумывался в качестве инструмента для исследований в области психологии, лингвистики для разработки наборов экспериментальных стимулов, для применения в области искусственного интеллекта и компьютерных наук, требующих психологических и лингвистических описаний слов.

Обратим внимание на то, что возможности для исследований, предоставляемые этим комплексом, стали основой реализованных задач многочисленных проектов. *The Edinburgh Associative Thesaurus* применялся, например, Рандолфом Роттой (Randolf Rotta) в 2008 году в исследовании по анализу гранулярности стимулов-реакций [Graph: eatRS 2008]; Амансио, Оливейрой и Костой в 2012 году в исследовании по изучению связанности в использовании слов [Amancio, Oliveira, Costa 2012].

Здесь особенное внимание стоит уделить работе Maocheng Liang (National Research Centre) для Foreign Language Education, Beijing Foreign Studies University (BFSU), People's Republic of China, поскольку в целом продуманный механизм поиска электронной базы ассоциативного тезауруса является залогом легкости в дальнейшей работе с электронной системой. Maocheng Liang интегрировал данные *The EAT* в автономный инструмент для MS Windows для поиска словесных ассоциаций, что позволило добавить системе ряд возможностей поиска. В настоящее время работа Maocheng Liang доступна и на странице *The Edinburgh Associative Thesaurus*.

Однако интеграция данных в программу, работающую в среде определенной операционной системы, заведомо ставит пользователя электронного тезауруса в зависимость от этой операционной системы. Таким образом, применительно к

нашим исследованиям представляется логичным реализовать независимость от какой-либо операционной системы и работы веб-сети, предусмотреть различные возможности поиска будущей системы, используя языки программирования. Об этом подробнее будет сказано дальше.

Теперь же рассмотрим наиболее крупные примеры проектов, связанных с разработками электронных версий словарей и баз данных на материале русской лексики, проанализируем достоинства реализованных систем применительно к созданию электронного ассоциативного словаря медианазваний.

Ведением подобных проектов занимается крупный научно-образовательный кластер CLAIM, Computational Linguistics, Artificial Intelligence and Multimedia [Научно-образовательный кластер CLAIM...]. Последним событием в жизни кластера можно назвать полученную возможность участия в качестве партнера The First International Workshop on Russian Semantic Similarity Evaluation (RUSSE-2015), которая пройдет в рамках крупнейшей конференции по компьютерной лингвистике в России «Диалог-2015» [Диалог...]. НОК CLAIM, совместно с NLPub, организует дорожку по исследованию и применению данных ассоциативных экспериментов в оценке семантической и когнитивной близости слов.

Хотя CLAIM первоначально и задумывался лишь как информационный ресурс, посвященный научным исследованиям в области компьютерного интеллекта, компьютерной лингвистики, мультимедиа-технологий и других смежных направлений, вскоре после создания CLAIM смог стать надежной платформой для разработки в области передовых инфо-когнитивных технологий. Так, на его базе существует ресурс, посвященный автоматизации когнитивных исследований [Информационная система...; Проект РГНФ 12-04-12039 Информационная система...; Проект РГНФ (№12-04-12039) Информационная система...]. Этот ресурс представляет собой успешный современный способ дополнить возможности ассоциативных словарей, решая проблему типологии знаний, полученных в ходе исследований, а также построения компьютерной системы, моделирующей механизмы работы языкового сознания.

Преимуществом системы является удобное расположение в публичном репозитории облачного сервиса коллективной разработки (ранее мы говорили о простоте использования таких систем). Информационная система устроена таким образом, что позволяет работать с результатами нескольких экспериментов, когнитивного и ассоциативного, и помогает осуществить просмотр данных ассоциативно-вербальной сети и множества когнитивных единиц.

Интересными, с точки зрения построения ассоциативного словаря, представляются проекты ассоциативной вербальной сети, построенной на основе фрагмента электронной версии «Русского ассоциативного словаря», и базы данных элементарных когнитивных единиц, так называемых фигур знания Ю.Н. Караулова [Ассоциативно-вербальная сеть]. В первом проекте разработан особый механизм работы с данными, второй же отличают реализованные возможности работы с сортировкой хранящихся в нем данных. Именно эти преимущества и особенности имеет смысл принять во внимание при составлении электронного ассоциативного словаря.

Еще одним крупнейшим проектом, связанным с проведением ассоциативного эксперимента, является СИБАС (Сибирский ассоциативный словарь русского

языка), сформированный на основе результатов масштабных экспериментов, собранных в Русскую региональную ассоциативную базу данных [СИБАС...]). Исследования проводились с 2008 по 2011 год в наиболее крупных городах азиатской части России – Новосибирске, Омске, Красноярске, Томске и Северске, Новокузнецке, Барнауле, Кемерово, Владивостоке, Хабаровске, Чите и Иркутске.

В проекте СИБАС, как и в проектах научно-образовательного кластера CLAIM, используется похожий механизм работы с данными экспериментов. Так же, как и в других проектах, доступная в веб-сети электронная база данных включает в себя прямой и обратный словари, список стимулов и возможность просмотра результатов в зависимости от характеристик респондентов. Однако, говоря об отличительной особенности СИБАС по сравнению с ранее проведенными экспериментами и реализованными проектами словарей, укажем на задачу, стоявшую перед составителями СИБАС, а именно – получение регионально-специфичной информации. Видится целесообразным на этапе подготовки ассоциативного эксперимента, а далее и ассоциативного словаря медианазваний обратить внимание на следующее. Так, добавление в анкеты респондентов (а затем и в базу данных) информации о месте проведения экспериментов позволит получить большие возможности работы с регионально специфичной информацией.

Таким образом, все описанные примеры функционального и конструктивного соединения возможностей, предоставляемых электронными базами данных, и применение этих возможностей при работе с результатами ассоциативных экспериментов могут рассматриваться в качестве ориентиров для построения электронного ассоциативного словаря медианазваний.

Итак, перейдем от рассмотрения электронных версий ассоциативных словарей к рассмотрению построения электронной базы данных ассоциативного эксперимента на материале медианазваний. Далее будут описаны представляющиеся значимыми этапы создания ассоциативного словаря и его электронной версии, а также наиболее существенные особенности ассоциативных экспериментов. Вопросы, оставшиеся вне описания, видятся нами в качестве отдельной публикации.

При построении словаря необходимо учитывать, что получение ассоциативно-вербальной модели языкового сознания является одним из подходов для презентации образов сознания. Ассоциативный словарь позволяет осуществить моделирование и провести анализ ассоциативно-вербальной сети, при этом отражает современный процесс формирования ономастического сознания. Представляется целесообразным разделить получение ассоциативно-вербальной модели ономастического сознания на несколько этапов, логически соответствующих процессам подготовки, проведения и анализа эксперимента с одновременным построением ассоциативно-вербальной сети и ассоциативного словаря. В связи с этим видится обоснованным выделение следующих этапов.

Первый этап. К этому этапу имеет смысл отнести формирование базы данных названий, содержащихся в Перечне наименований, зарегистрированных СМИ (Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций), а также случайную выборку необходимого количества медианазваний, которые будут впоследствии задействованы в эксперименте.

Общее количество собранных нами медианазваний, составившее около 87000, показало целесообразность предпочтения в планируемых экспериментах тех названий средств массовой информации, к территории распространения которых относится Центрально-Черноземный экономический район (города: Воронеж, Белгород, Тамбов, Липецк, Курск, области: Воронежская, Белгородская, Тамбовская, Липецкая, Курская; суммарное количество названий средств массовой информации этих регионов составляет примерно 1500). Чтобы учесть СМИ, зарегистрированные в одной из областей ЦЧЭР, но имеющие большую территорию распространения, к участию в экспериментах мы будем относить и средства массовой информации, территория распространения которых охватывает Российскую Федерацию, а также может включать в себя тиражирование за рубежом.

Дальнейшими задачами видятся формирование списка слов-стимулов и подготовка анкет, участвующих в ассоциативном эксперименте, печать этих анкет. Параллельно с этим осуществляется создание базы данных эксперимента – ключевое звено для создания тезауруса и последующего анализа.

При этом база данных эксперимента планируется к реализации и частично реализуется в настоящее время с применением технологий веб-программирования. Стоит отметить, что упомянутая база данных, отвечающая за списки названий, регистрационных данных средств массовой информации, результатов эксперимента и являющаяся основой будущей системы ассоциативно-вербальной сети и ассоциативного словаря, планируется к реализации на фундаменте собственных информационных разработок.

В представлении технологии создания ассоциативного словаря невозможно обойти вниманием его основу – ассоциативный эксперимент. Обратим внимание на то, что перед проведением масштабного ассоциативного эксперимента планируется организовать пилотный эксперимент, в ходе которого будет определена валидность и выявлены необходимые корректировки составленных анкет.

Ассоциативный эксперимент, результаты которого найдут отражение в базе данных эксперимента, планируется к проведению в нескольких вариантах, а именно: свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, цепочечный ассоциативный эксперимент. Как уже отмечалось, это еще одно отличие от часто применимой технологии создания ассоциативных словарей, заключающейся в применении только метода свободного ассоциативного эксперимента. Стоит отметить, что использование в работе расширенного аппарата ассоциативного эксперимента позволит определить ассоциативное поле медианоминции, наиболее полно выявить его отличие от ассоциативных полей имен собственных (более подробно см. [Трапезникова 2010]).

По результатам проведенных экспериментов нами также предполагается провести исследование возможной зависимости полученных ассоциативных полей и принадлежности названий (слов-стимулов) определенному типу СМИ. В связи с этим соотношение результатов всех трех видов экспериментов между собой и с данными ассоциативного словаря нарицательной лексики видится предпочтительным по сравнению с сопоставлением результатов свободных ассоциативных экспериментов, проведенных на материале медианазваний и на материале имен нарицательных. Перечисленное является предпосылкой к

реализации возможности сортировки полученных реакций от респондентов в базе данных эксперимента.

К первому этапу следует также отнести и подготовку информационной системы для реализации эксперимента в сети Интернет. При этом планируется создание выборки и принятие к рассмотрению анкет, полученных от респондентов, проживающих на территории ЦЧЭР. Кроме того, в описываемой базе планируется предусмотреть особые возможности, которые позволили бы обращаться к результатам экспериментов, учитывая в запросе данные о респондентах (пол, возраст, место рождения, родной язык, уровень образования, специальность, профессию; такие данные респонденты указывают о себе в анкетах), данные о медианазваниях (типы средств массовой информации, которым принадлежат названия, территория распространения, адрес регистрации и др.); также в качестве особенных возможностей стоит рассматривать расчет и указание валидности эксперимента.

Ко **второму этапу** имеет смысл отнести проведение экспериментов, получение результатов всех проведенных экспериментов, их обработку, проверку анкетных данных на наличие ошибок, «шума» в ответах респондентов в виде орфографических ошибок, сведение результатов в единую базу, кроме того, устранение ошибок, вызванных с ручным сведением списков реакций респондентов.

Третий этап тесно связан с формированием базы данных и сведением результатов всех экспериментов в единую ассоциативно-вербальную сеть, формированием на основе этой сети ассоциативного тезауруса медианазваний, составление прямого и обратного ассоциативных словарей медианазваний, содержащего наряду с частотой встречаемости пар «стимул-реакция» значения относительной частоты (называемой также долей, или процентом).

Третий этап отличает исследование полученного ассоциативного тезауруса, составление статей ассоциативного словаря и подготовку ассоциативного словаря к печати. Таким образом, созданная база данных ассоциативного словаря медианазваний позволит изучить результаты ассоциативного опроса как по отдельным этапам, отдельным экспериментам, так и в целом, с учетом всех возможных параметров, заданных участвующими в экспериментах анкетами.

На основании подхода, описанного подробно Г.А. Черкасовой [2004а], нами разработаны принципы формирования электронного ассоциативного тезауруса и электронного словаря медианазваний, основанных на технологиях веб-программирования.

Итак, электронный ассоциативный словарь медианазваний представляет собой упорядоченные сведения, собранные в ходе нескольких ассоциативных экспериментов. Работу словаря планируется организовать таким образом, что в ее составе анкетные данные позволят представить прямой и обратный ассоциативные словари, кроме того, выявить частотность пар «стимул»-«реакция». Подобный механизм применялся при построении «Русского ассоциативного словаря».

Предложенный электронный ассоциативный словарь медианазваний основывается на клиент-серверной технологии, что предусматривает возможность работы с ним как в версии, доступной онлайн для всех заинтересованных сторон, так и на локальном компьютере. Реализация словаря на гибридной технологии

совместного применения языков php, JavaScript, HTML 5, SQL, CSS позволяет не зависеть от операционной системы и доступна для любого персонального компьютера или мобильного электронного устройства.

Электронный ассоциативный тезаурус будет сформирован также на основе указанных выше технологий из анкетных данных (стимулов), данных респондентами ответов (реакциях), данных о респондентах (указанных в анкетах). Все стимулы и все анкеты подлежат индексации. На основании такого представления формируется база данных, содержащая номер стимула, реакцию, уникальный код, присваиваемый анкете. Анкетные данные включают подробные сведения о респондентах. Справочник специальностей и профессий формируется на основе указанных респондентами специальностей и профессий.

Необходимый массив данных для работы над прямым и обратным ассоциативными словарями формируется при помощи упорядочивания основного массива данных по номеру стимула и представления количества одинаковых ответов-реакций. После сортировки по общему номеру стимула (в порядке убывания числа ответивших и реакций по алфавиту) формируется массив прямого ассоциативного словаря медианазваний. После сортировки по реакциям (в порядке убывания числа ответивших и номера стимула) формируется обратный ассоциативный словарь медианазваний.

При сортировке массива обратного ассоциативного словаря медианазваний по убыванию количества ответивших формируется список наиболее частотных пар «стимул-реакция». Подобная сортировка позволяет отразить и реакции, вызванные наибольшим количеством стимулов. При этом такое представление информации позволяет исследовать ядро ономастического сознания усредненного носителя языка.

Таким образом, перечисленные возможности формирования анкет, хранения материалов экспериментов, представления данных, сведение результатов и возможности работы с массивами данных реализуются посредством написанного приложения.

Стоит отметить, что планируемая работа над ассоциативными словарями подразумевает создание нескольких сводных массивов данных по результатам разных видов ассоциативных экспериментов, дальнейшее сравнение результатов проведенных экспериментов и формирование на основе экспериментов версий прямых и обратных ассоциативных словарей с реализацией возможности сопоставления этих результатов. Также предполагается реализовать возможность учета ответов респондентов в сопоставлении их с типами СМИ, которым принадлежат участвующие в экспериментах названия, получение статистической информации о словах-стимулах и реакциях, получение проекций прямого и обратного словарей, введение лингвистических параметров, характеризующих стимулы и реакции и другие функции.

Планируется, что сформированная в результате обработки данных анкетирования база будет доступна в режиме онлайн (логин и пароль будет предоставляться по требованию), помимо этого, будет осуществлена возможность экспорта базы данных в популярных форматах представления данных с целью формирования ассоциативного тезауруса на электронно-цифровом носителе и

составлена бумажная версия прямого и обратного ассоциативного словарей на основе проведенных исследований.

Таким образом, созданный словарь и электронная система позволят в наиболее удобной форме работать с результатами экспериментов и использовать их в дальнейших ономастических исследованиях. А включение параметров описания, принципиально совместимых с уже существующими разными ассоциативными базами, позволит использовать их впоследствии в сравнительно-сопоставительных и междисциплинарных исследованиях.

Литература

Алимушкина О.А. Механизмы проявления стереотипизации в ассоциативном поле: дис. ... канд. филол. наук / Алимушкина Ольга Алексеевна. – Барнаул, 2007. – 193 с.

Ассоциативно-вербальная сеть // Информационная система когнитивных экспериментов. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/aweb.php> (дата обращения: 04.12.2014).

Воронцова И.А. Историко-типологическое исследование тезаурусов английского языка: дис. ... канд. филол. наук / Воронцова Инна Алексеевна. – Иваново, 2004. – 276 с.

Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи: явление языковой игры: дис. ... д-ра филол. наук / Гридина Татьяна Александровна. – Москва, 1996. – 566 с.

Диалог – крупнейшая конференция по компьютерной лингвистике в России // Диалог. Международная конференция по компьютерной лингвистике: новости. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Default.aspx?DN=041d0211-9983-4db1-840e-e76ce4eaa92c&l=Russian> (дата обращения: 04.12.2014).

Долинский В.А. Моделирование вербальных ассоциативных полей в квантитативной лингвистике: дис. ... д-ра филол. наук / Долинский Владимир Аркадьевич. – М., 2011. – 587 с.

Ефименко Н.В. Ассоциативная структура цветового значения слова и текста: дис. ... канд. филол. наук / Ефименко Наталья Вячеславовна. – Уфа, 2011. – 208 с.

Информационная система когнитивных экспериментов. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/index.php> (дата обращения: 04.12.2014).

Карабулатова И.С. Психолингвистические методы в изучении гидронимии региона / И.С. Карабулатова // Славянские духовные традиции Сибири. Материалы Общероссийской научно-практической конференции «Культура и просвещение, философия и история, язык и литература». – Тюмень, 1999. – С. 38-44.

Карабулатова И.С. Русская топонимия в этнопсихолингвистическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук / Карабулатова Ирина Советовна. – Тверь, 2002. – 501 с.

Караулов Ю.Н. Способы существования элементарных единиц знания в обыденном языковом сознании / Ю.Н. Караулов // Язык и действительность: сборник научных трудов памяти В. Г. Гака. – М., 2007. – С. 53-61.

Копочева В.В. О восприятии условно-символических наименований / В.В. Копочева // Человек – коммуникация – текст. – Барнаул, 1997. – Вып. 1. – С. 43-48.

Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: дис. ... д-ра филол. наук / Крюкова Ирина Васильевна. – Волгоград, 2004. – 360 с.

Крюкова И.В. Рекламное имя: рождение, узуализация и функционирование / И.В. Крюкова // Ономастика Поволжья: Тезисы докладов 9-й международной конференции. – Волгоград, 2002. – С. 121-122.

Научно-образовательный кластер CLAIM (Computational Linguistics, Artificial Intelligence and Multimedia) // Научно-образовательный кластер CLAIM: О научно-образовательном кластере CLAIM. – Режим доступа: <http://it-claim.ru/about.htm> (дата обращения: 04.12.2014).

Новичихина М.Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: дис. ... д-ра филол. наук / Новичихина Марина Евгеньевна. – Воронеж, 2004. – 351 с.

Овчинникова И.Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности: дис. ... д-ра филол. наук / Овчинникова Ирина Германовна. – СПб., 2002. – 382 с.

Патсис М. Ассоциативное поле как инструмент анализа значения слова: на материале греческого языка: дис. ... канд. филол. наук / Патсис Михаил. – М., 2005. – 167 с.

Проект РГНФ (№12-04-12039) Информационная система когнитивных экспериментов (ИСКЭ): Information system for cognitive experiments // CLAIM – научно-образовательный кластер. – Режим доступа: http://it-claim.ru/Projects/RFH/ISKE_details.htm (дата обращения: 04.12.2014).

Проект РГНФ 12-04-12039 Информационная система когнитивных экспериментов (ИСКЭ) // Альманах исследований и разработок: январь-ноябрь 2012 г. – 2012. – Режим доступа: http://it-claim.ru/Projects/RFH/ISKE_Almanac.htm (дата обращения: 04.12.2014).

Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. В 3-х частях, 6-ти книгах / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. Кн. 1, 3, 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Книга 2, 4, 6. Обратный словарь: от реакции к стимулу. – М., 1994, 1996, 1998.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 784 с. Т. II. От стимула к реакции: Более 100 000 реакций. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 992 с.

Русский ассоциативный тезаурус. Русский ассоциативный словарь. Веб-версия. – 1988-1997. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 04.12.2014).

Сабитова С.О. Экспериментальное исследование особенностей идентификации топонимов (на материале русского языка) // Проблемы семантики: психолингвистические исследования: сб. науч. тр. – Тверь, 1991. – С. 85-88.

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008-2012 гг.) // Русская региональная ассоциативная база данных (2008-2012 гг.): о проекте. – Режим доступа: <http://adictru.nsu.ru/about> (дата обращения: 04.12.2014).

Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. – М., 2004. – 792 с.

Словарь ассоциативных норм русского языка // под ред. А.А. Леонтьева. – М.: МГУ, 1977. – 192 с.

Словарь ассоциативных норм русского языка. Прямой / Под ред. А.А. Леонтьева. – М., 1973. Обратный словарь / Г.А. Черкасова. Электронное издание. – 2006. – Режим доступа: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (дата обращения: 04.12.2014).

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – 2-е изд., испр. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 368 с.

Трапезникова А.А. Ономастическое сознание современного горожанина: на материале эргонимии Красноярска: дис. ... канд. филол. наук / Трапезникова Анна Алексеевна. – Красноярск, 2010. – 213 с.

Трещева Е.Г. Имена ситуаций-событий и типология их ассоциативных полей: дис. ... канд. филол. наук / Трещева Елена Геннадиевна. – Саратов, 2012. – 241 с.

Трифонова Е.А. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика: на материале русских и английских эргонимов: дис. ... канд. филол. наук / Трифонова Екатерина Александровна. – Волгоград, 2006. – 247 с.

Черкасова Г.А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная версия / Г.А. Черкасова // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. статей / под ред. Н.В. Уфимцевой. – М., 2004а. – С. 240-256.

Черкасова Г.А. Формальная модель ассоциативного исследования / Г.А. Черкасова // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. Вып. 2: сб. статей / Отв. ред. Н.В. Васильева. – М.: Азбуковник, 2004б. – С. 139-156.

Amancio D R, Oliveira Jr O N and Costa L da F. Using complex networks to quantify consistency in the use of words / D R Amancio, O N Oliveira Jr and L da F Costa // Journal of Statistical Mechanics: Theory and Experiment. – Vol. 2012, January 2012. – IOP Publishing Ltd, 2012. – Режим доступа: http://iopscience.iop.org/1742-5468/2012/01/P01004/pdf/1742-5468_2012_01_P01004.pdf (дата обращения: 04.12.2014).

Création du Dictionnaire d'associations verbales en français du 15 juin 2010 au 17 juin 2010 // Université Sorbonne Nouvelle – Paris 3: Colloques - journées d'études. – 2010. – Режим доступа: <http://www.univ-paris3.fr/creation-du-dictionnaire-d-associations-verbales-en-francais--59222.kjsp?RH=ACCUEIL> (дата обращения: 04.12.2014).

Graph: eatRS // Multi-Level Graph Clustering: The Graph Collection. – 2008. – Режим доступа: http://studiy.tu-cottbus.de/~clustering/benchmark_graphs:collection:eatrs (дата обращения: 04.12.2014).

Justeson John S., Katz Slava M. Co-occurrences of antonymous adjectives and their contexts / John S. Justeson, Slava M. Katz // Journal Computational Linguistics. – Volume 17, Issue 1, March. – Cambridge, MA: MIT Press, 1991. – P. 1-19.

The Edinburgh Associative Thesaurus // STFC e-Science Word Association Thesaurus. – Режим доступа: <http://www.eat.rl.ac.uk> (дата обращения: 04.12.2014).

О.Е. Виноградова

УДК 81'23

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА ДЕНОТАТИВНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРИ ОБОБЩЕНИИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

В работе предлагается алгоритм метода обобщения лексикографических значений с применением принципа денотативной дифференциации. Данный метод позволяет давать дефиниции значений, дифференцируемые друг от друга по семному составу и конкретной денотативной отнесенности. При таком подходе число отдельных значений в лексикографическом описании слова заметно возрастает, что является отражением семантической реальности.

Ключевые слова: лексикографическое описание, принцип денотативной дифференциации, семный состав, обобщение словарных дефиниций, ядерные семы.

Olga Ye. Vinogradova

APPLICATION OF DENOTATIVE DIFFERENTIATION APPROACH TO LEXICOGRAPHIC MEANING GENERALIZATION

The paper presents the algorithm of the lexicographic meaning generalization method with the application of the denotative differentiation approach. This method allows formulating meanings varied according to the seme structure and concrete denotative attribution. The application of this method increases the number of separate meanings in lexicographic description, which reflects semantic reality.

Keywords: lexicographic description, denotative differentiation approach, seme structure, generalization of definitions, nuclear semes.

1. Введение

Одним из способов описания семантики лексических единиц как элементов языкового сознания носителей языка является *лексикографическое описание*. Традиционно для определения значений слов мы обращаемся к словарным дефинициям толковых словарей. Однако принцип множественности метаязыкового описания ментальных единиц обуславливает значительные несовпадения в описаниях одних и тех же значений в различных словарях. Кроме этого, набор представленных в словарях значений слова различается по их количеству и содержанию. В этой связи лексикографическое описание значения слова как системный метод описания языковых единиц требует обобщения данных разных словарей.

Алгоритм описания лексикографического значения методом обобщения словарных дефиниций был разработан в Воронежском государственном университете несколькими авторами и представлен в работах И.А. Стернина и У. Талла «Лексикографическое значение и его описание» [2010], М.С. Саломатиной и И.А. Стернина «Семантический анализ слова в контексте» [2011] и далее усовершенствован в работе И.А. Стернина и А.В. Рудаковой «Психолингвистическое значение слова и его описание» [2011].

Однако, при формулировании унифицированного лексикографического значения на материале словарных дефиниций толковых словарей возникла трудность в сопоставлении и обобщении значений, выделенных различными словарями, так как традиционно авторы толковых словарей используют расширительный, нестрогий подход к описанию значений. Вместе с лексическими значениями определенной языковой единицы авторы словарей приводят многочисленные оттенки значений данного слова. В связи с этим было предложено дифференцировать значения исследуемой единицы по их денотативной отнесенности. Таким образом, в данной работе метод обобщенного унифицированного значения был дополнен и усовершенствован методом денотативной дифференциации значений.

Целью данной работы является представление подробного алгоритма предлагаемого метода обобщения лексикографического значения с применением принципа денотативной дифференциации как одного из способов описания значения слова. Также в работе приводится иллюстрация основных этапов данного алгоритма на примере словарных дефиниций лексемы «женщина».

2. Метод обобщения лексикографических значений с применением принципа денотативной дифференциации значений

Современная лингвистика активно обновляет свою проблематику и становится одним из важнейших и эффективных инструментов изучения человеческого сознания. В рамках изучения сознания человека лингвистами рассматривается представление человека об окружающей действительности, отраженное в значениях языковых знаков, а также информация о мире, заложенная в системных значениях слов.

Значение слова изначально существует для фиксации знаний людей, полученных в процессе познания окружающей действительности. Лексическое значение представляет собой разновидность знания о мире. Именно поэтому оно находится в тесной зависимости от свойств и признаков предметов окружающей действительности.

Отражательная природа лексического значения предполагает его нелимитируемость, однако это не свидетельствует о невозможности описания значения, а лишь ставит вопрос о различных уровнях глубины и адекватности его описания [Стернин 1985: 26].

В толковых словарях значение слова сформулировано лексикографами в результате применения принципа редукционизма. Это логически сформулированный лексикографами минимум признаков для узнавания значения слова, который можно рассматривать как совокупность основных, ядерных сем значения, отражающих, по мнению авторов словарей, основное содержание значения. Более достоверное лексикографическое описание значения слова может быть осуществлено методом обобщения словарных дефиниций.

Метод обобщения словарных дефиниций направлен на получение максимально полного описания значения исследуемого слова в системе языка на базе всей совокупности имеющихся толковых словарей с дифференциацией современных и устаревших значений в его смысловой структуре [Стернин, Рудакова 2011: 19].

Данный метод основан на теоретическом принципе дополнительности словарных дефиниций разных словарей, каждая из которых отражает некоторые суще-

ственные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга.

Однако, при формулировании унифицированного лексикографического значения на материале словарных дефиниций возникает трудность в сопоставлении и обобщении значений, выделенных различными словарями, так как вместе с лексическими значениями определенной языковой единицы авторы словарей приводят многочисленные оттенки значений данного слова. В толковых словарях используются многочисленные понятия с различными пометами применительно к описанию значений слов, таких как: «оттенки значения», «оттенки в значении», «смысловые оттенки», «расширенное применение значения», «необязательные применения слова», «употребления», «переносные употребления», «осложненные значения», «смысловое варьирование в пределах значения» (обозначаемое знаком ||), «смысловые сдвиги в значении слова» (обозначаемое знаком |), «символические употребления», «образные употребления», «метонимические сдвиги», «расширительные употребления» и подобное.

При этом такие понятия, как «оттенки значения», «смысловые оттенки», «расширенное применение значения», «употребления», «переносные употребления», «осложненные значения», «смысловое варьирование в пределах значения», «расширительные употребления» и др. никак не поясняются, поэтому непонятно, на каком основании они выделяются и чем они отличаются от собственно значений или их компонентов.

Последовательное применение к описанию семантики слова принципов семной семасиологии показывает, что выделяемые в толковых словарях так называемые оттенки значения / употребления представляют собой ложную семантическую реальность – практически все «оттенки» укладываются в рамки выделяемых значений как наборов сем [Стернин 2014: 129-136].

Современное описание значения слова методами семной семасиологии позволяет давать достаточно непротиворечивые дефиниции значений, дифференцируемые друг от друга по семному составу и конкретной денотативной отнесенности. При этом должен соблюдаться принцип денотативной дифференциации – разные денотаты отражаются разными значениями. При таком подходе число разных значений слова при лексикографическом описании слова заметно возрастает, отдельных значений (а не употреблений и оттенков значения) становится больше, но это отражает семантическую реальность.

Таким образом, представляется необходимым дополнять метод обобщения лексикографического значения принципом денотативной дифференциации значений.

Покажем полный **алгоритм формулирования унифицированного лексикографического значения с денотативной дифференциацией значений**. Данный алгоритм состоит из следующих этапов:

1. Выписываются словарные дефиниции исследуемого слова из всех доступных исследователю толковых словарей.
2. Производится фиксация всех значений исследуемого слова по всей совокупности толковых словарей.
3. В едином списке словарных дефиниций жирным шрифтом выделяются денотативно дифференцируемые значения.

4. Значения, отражающие разные денотаты, описываются как отдельные значения. Для этого все значения, имеющие минимальные различия в содержании, включаются в описание семантики исследуемого слова как отдельные значения.

5. Составляется единый список всех денотативно дифференцируемых значений исследуемого слова по всей совокупности словарных дефиниций исследуемой лексемы в различных толковых словарях.

6. Для каждого значения дается список его различных дефиниций в имеющихся словарях. Каждое значение представляется как совокупность несовпадающих дефиниций в разных словарях.

7. Формулируются обобщенные (унифицированные) дефиниции значений исследуемого слова. На базе совокупности несовпадающих дефиниций одного и того же значения в имеющихся словарях формулируется обобщающая дефиниция значения с учетом всех лексикографических помет, выделенных несовпадающими дефинициями разных словарей. Все семантические компоненты, выделенные разными словарями, включаются в состав описываемого значения.

8. В случае необходимости осуществляется модернизация метаязыковой формы дефиниции. Устаревшие метаязыковые единицы толкований заменяются на современные синонимы или формулировки. Метаязыковые обозначения, выраженные местоимениями (типа кто-либо или что-либо; тот, кто и под.) трансформируются в архисемы (лицо, предмет, явление и под.) для формирования конкретности и определенности дефиниции.

9. Функциональные и стилистические пометы разных словарей при их несовпадении в разных словарях приводятся в обобщающем значении списком в альтернативной форме.

10. В случае, если имеющиеся в каких-либо словарях функциональные пометы не отвечает реальности употребления слова в современном русском языке, проводится актуализация функциональных помет. Если стилистическая характеристика изменилась, ставится актуальная для современного русского языка стилистическая характеристика.

11. Если значение устарело, а соответствующей пометы нет, ставится помета *устар.*

12. Функционально-территориальные семы, в случае если указан конкретный регион функционирования слова, обобщаются пометой *обл.*

13. Обобщаются языковые иллюстрации – примеры из всех значений, приводимых всеми исследуемыми словарями, выписываются общим списком.

14. Вся совокупность иллюстративных примеров распределяется по выделенным обобщенным значениям.

15. После обобщающей дефиниции каждого значения приводятся все различающиеся примеры употребления слова в данном значении из разных словарей.

16. Если отдельное значение слова выявляется только из примеров к дефинициям и не имеет самостоятельного толкования ни в одном словаре, оно формулируется исследователем.

17. В случаях отсутствия в словарях языковой иллюстрации определенного значения пример приводит исследователь, если данное значение употребляется в современном русском языке и является актуальным для современного языкового сознания.

18. Если значение устарело, и примеры его употребления в словарях отсутствуют, значение приводится без примеров.

19. Фразеологические обороты и устойчивые словосочетания / обороты приводятся списком, если отдельные значения не поддаются отдельному формулированию в составе словосочетания.

20. Значения многозначного слова в описании семантемы слова упорядочиваются в порядке от ядерных к периферийным. Ядерными считаются значения, выделенные всеми словарями и приводимые в этих словарях первыми. Периферийными значениями считаются устаревшие, стилистически ограниченные значения, а также значения, выделенные только отдельными словарями.

Применение методики денотативной дифференциации значений на примере словарных дефиниций лексемы «женщина»

Проиллюстрируем применение методики денотативной дифференциации значений слова *женщина* в словаре С.А. Кузнецова.

1. Выделяются денотативно дифференцируемые значения – они отражают разные денотаты и должны быть впоследствии представлены (описаны) как отдельные значения (денотативно дифференцируемые значения выделены жирным шрифтом).

1. Лицо, противоположное по полу мужчине. Молодая ж. Ж. средних лет. Замужняя ж. // **Лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств (изящества, нежности, доброты и т.п.).** Превращение ребенка в женщину. Выросла и превратилась в красивую женщину. В неловких движениях девочки все-таки угадывается будущая ж.

2. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке. Стать женщиной. Она девушка или уже ж.? (НБТСРЯ под ред. С.А. Кузнецова, 2008, с.1478).

2. Значения, отражающие разные денотаты, описываются как отдельные значения.

В результате смысловая структура лексемы «женщина», описанная в толковом словаре под редакцией. С.А. Кузнецова, приобретает следующий вид:

– **Лицо, противоположное по полу мужчине.** Молодая ж. Ж. средних лет. Замужняя ж.

– **Лицо женского пола как воплощение определённых свойств, качеств (изящества, нежности, доброты и т.п.).** Превращение ребенка в женщину. Выросла и превратилась в красивую женщину. В неловких движениях девочки все-таки угадывается будущая женщина.

– **Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке.** Стать женщиной. Она девушка или уже женщина?

3. Данным способом обрабатываются словарные дефиниции исследуемой лексемы в различных толковых словарях.

Были обработаны словарные дефиниции следующих лексикографических источников:

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. – М.: Русский язык, 2000.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999.

Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1999.

Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2002.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – репринт. изд. – М., 2000.

4. Дефиниции денотативно дифференцируемых значений подвергаются метаязыковой модификации с целью формулирования обобщенных (унифицированных) дефиниций значения.

Покажем формулирование унифицированных лексикографических значений на примере обобщения словарных дефиниций слова *женщина*.

Обобщающие дефиниции

лексикографических значений слова *женщина*

1. Лицо, противоположное по полу мужчине. Лицо, противоположное мужчине по полу, та, которая рождает детей и кормит их грудью. Лицо, противоположное мужчине по полу. Лицо, противоположное по полу мужчине. Лицо, противоположное по полу мужчине.

Лицо, противоположное по полу мужчине, которая рождает детей и кормит их грудью

Молодая женщина. Замужняя женщина. Женщина средних лет. Женщина и мужчина имеют в СССР равные права. Конституция СССР.

Женщины и мужчины в СССР пользуются одинаковыми правами. Женщина-врач.

Женщина равноправна с мужчиной. Женщина-мать. Ищите женщину! (говорится как намек на то, что какое-н. неясное, запутанное дело не обошлось без женского участия; шутил.).

2. Лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств (изящества, нежности, доброты и т.п.). Лицо женского пола как типическое воплощение женского начала. Лицо женского пола как воплощение свойств, качеств этого пола. Лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств.

Лицо женского пола, как воплощение женского начала, определенных свойств, качеств этого пола

В неловких движениях девочки все-таки угадывается будущая женщина. Превращение ребенка в женщину. Выросла и превратилась в красивую женщину. С чуткостью женщины она оказала ему помощь как раз вовремя.

– *Как медленно развивается вы в женщину! Перед вами свобода, жизнь, любовь, счастье – а вы разбираете тон, манеры! Где же человек, где женщина в вас?* И. Гончаров, Обрыв.

Уже проснувшись в ней женщина подсказывала ей самые красивые движения и ту неуловимую форму кокетства, к которой она прибегала из желания нравиться. Н. Островский, Рожденные бурей.

3. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке. Лицо женского пола, вступившее в брачные отношения. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке.

Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке

Замужняя женщина. Она рано стала женщиной. Она стала женщиной.

[Глафира:] Ты меня видишь девушкой, посмотри женщиной, что из меня выйдет. А. Островский, Волки и овцы.

4. Лицо женского пола, начавшее половую жизнь, в противоп. девушке (словарь Д.Н. Ушакова).

Лицо женского пола, начавшее половую жизнь

Стать женщиной. Она девушка или уже женщина?

5. Взрослая, в противоп. девочке (словарь Д.Н. Ушакова).

Взрослая

Вагон для женщин и детей.

6. Лицо женского пола легкого поведения, кокетка (фам.) (словарь Д.Н. Ушакова).

Лицо женского пола легкого поведения

Тратиться на женщин.

7. Женская прислуга (разг.) (словарь Д.Н. Ушакова).

Женская прислуга

Нанять женщину к ребенку.

Таким образом, значения слова женщина могут быть представлены в следующем виде:

женщина

1. Лицо, противоположное по полу мужчине.
2. Лицо женского пола, как типичное воплощение женского начала.
3. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке.
4. Лицо женского пола, начавшее половую жизнь.
5. Взрослая, в противоп. девочке.
6. Лицо женского пола легкого поведения (фам.).
7. Женская прислуга (разг.).

В словарных статьях исследованных словарей были приведены от 2 до 4 значений лексемы «женщина». В ходе использования предложенного алгоритма обобщения лексикографического значения был получен единый список, состоящий из 7 денотативно дифференцируемых значений исследуемого слова.

Результаты применения метода обобщения словарных дефиниций с применением денотативной дифференциации значений

Предложенным методом обобщения словарных дефиниций с применением принципа денотативной дифференциации были исследованы имена существительные, принадлежащие к частотному ядру русского языка, сводная таблица полученных результатов приведена ниже:

Количественное соотношение значений частотных имен существительных, зафиксированных в исследуемых толковых словарях:

Автор словаря	Количество значений в словаре					Всего обнаруженных значений
	Кузнецов С.А.	Ожегов С.И.	Ушаков Д.Н.	Ефремова Т.Ф.	Евгеньева А.П.	
дело	24	12	23	21	23	35
жизнь	14	6	16	18	12	14
день	5	7	5	5	7	10
слово	13	8	12	10	12	15
место	11	13	12	15	12	19
вопрос	7	5	6	7	6	12
лицо	11	4	3	11	9	14
друг	4	3	3	5	4	5
сторона	13	11	15	12	15	22
дом	17	6	10	8	14	19
голова	15	16	12	17	16	19
город	7	4	3	7	7	8
женщина	3	2	4	3	3	7
вода	9	9	12	11	9	15
война	4	2	2	4	4	5

3. Выводы

Проведя исследование дефиниций исследуемых языковых единиц в вышеуказанных толковых словарях, мы выяснили, что ни в одном словаре не содержатся все значения исследуемых слов. Следовательно, унифицированное лексикографическое значение слова содержит больше значений, чем каждый отдельный словарь.

Метод обобщения лексикографических значений в различных толковых словарях с применением принципа денотативной дифференциации значительно увеличивает количество значений исследуемой единицы, что дает возможность формулирования более точного описания значения языковой единицы.

Унифицированное лексикографическое значение с применением принципа денотативной дифференциации дает максимально полное описание значения исследуемого слова в системе языка. Унификация лексических значений слов является необходимым этапом системного описания семантики слова.

Литература

Саломатина М.С., Стернин И.А. Семантический анализ слова в контексте. – Воронеж: Истоки, 2011. – 150 с.

Стернин И.А. Денотативная дифференциация и метаязыковая модификация словарных дефиниций при обобщении лексикографических значений // Культура общения и ее формирование. – 2014. – № 29. – С.129-136.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985. – 170с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Стернин И.А., Талл Усейну. Лексикографическое значение и его описание (на материале единиц лексико-словообразовательного поля гость в русском языке) // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников. Материалы VIII международной научно-методической конференции. – Воронеж: Научная книга, 2010. – С. 98-103.

А.В. Бондарькова

УДК 81'23

**КОНСТРУИРОВАНИЕ СОБСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
СОВРЕМЕННЫМИ ПОДРОСТКАМИ
ПРИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ:
ТЕМАТИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Статья посвящена проблеме идентичности личности и ее репрезентации в дискурсе интернет-коммуникации. В работе представлены результаты анализа корпуса текстов, авторами которого являются пользователи различных интернет-сайтов (социальные сети, форумы) в возрасте от 13 до 14 лет. Полученные данные позволяют делать выводы о речевых особенностях самоидентификации подростков с учетом гендерного фактора.

Ключевые слова: идентичность, интернет-коммуникация, речевое поведение, текст, лексико-семантические особенности, тематический репертуар, контент-анализ, подростки.

Anastasiya V. Bondarkova

**ONLINE IDENTITY OF TEENAGERS:
THEMATIC, LEXICAL AND SEMANTIC FEATURES**

The article deals with the phenomenon of identity and its representation in internet discourse. The process of self-identification is studied on the basis of language corpus containing texts written by internet users aged 13-16. The findings revealed the thematic content of self-identification presented in the examined texts and its lexical and semantic peculiarities with the account of gender factor.

Keywords: identity, self-identification, internet-discourse, verbal behavior, text, lexical features, semantic features, content analysis, adolescents.

Исследования феномена идентичности представляют интерес для разных областей знаний (психология, социология, философия, культурология, лингвистика) и отличаются междисциплинарным характером. Истоки изучения данного явления можно найти в работах Е. Гоффмана (1959), Э. Эриксона (1996), П. Бернера (1986) и др.

Существуют различные определения идентичности, зависящие от научного направления, внутри которого рассматривается данное явление. Однако у большинства трактовок есть общая черта: все они подчеркивают, что идентичность характеризуется соотношением с определённым признаком или коллективом. Если обобщить имеющиеся определения, то под идентичностью следует понимать «психологическое представление человека о своем Я, характеризующееся субъективным чувством своей индивидуальной самоидентичности и целостности; отождествление человеком самого себя (частично осознаваемое, частично неосознаваемое) с теми или иными типологическими категориями (социальным статусом, полом, возрастом, ролью, образцом, нормой, группой, культурой и т.п.)» [Николаев В.Г., 1998:238].

Идентичность представляет собой сложное и многомерное явление, которое «формируется, закрепляется (или, напротив, переопределяется, трансформируется) в ходе социального взаимодействия» [Малахов В.С., 2000]. Выделяются различные виды или уровни идентичности в зависимости от критерия принадлежности: «половая, сексуальная, гендерная, этническая, национальная, религиозная, возрастная, профессиональная, социо-культурная, гражданская, социальная, культурная» [Лаппо М.А., 2013:90]. Идентичность можно представить как систему с иерархическими отношениями между ее компонентами, где выделяются основные, периферические и дополнительные виды идентичности.

Как утверждает М.А. Лаппо, для лингвистов представляет интерес «вербализованная идентичность» [Лутовинова, 2009: 96]. Рассматривая идентичность и самоидентификацию в лингвистической перспективе, исследователь определяет самоидентификацию, как «осознанное либо неосознанное вербальное и невербальное маркирование идентичности, т.е. принадлежности, стремления к принадлежности или непринадлежности говорящего субъекта к какой-либо группе / категории, к какому-либо классу / уровню / типу людей» [Лаппо М.А., 2013: 28]. Стоит отметить, что в настоящий момент изучение идентичности и особенностей ее репрезентации в дискурсе можно назвать одним из актуальных направлений современных лингвистических исследований (Л.И. Гришаева, В.И. Карасик, О.В. Кашкина, Леонтович, М.А. Лаппо, Е.С. Ощепкова, Н.Б. Слободяник, Л.В. Цурикова и др.).

Большой интерес представляет проблема идентичности в условиях интенсивного развития новых информационных технологий и их проникновения почти во все сферы жизни человека. Согласно многим исследователям (О.В. Лутовинова, Г.Н. Трофимова, Е.И. Горошко, Н.Г. Асмус, З.И. Резанова и др.), для участников интернет-коммуникации, «поиск идентичности становится одной из первостепенных задач личности» [Лутовинова, 2009: 96], и от ее решения зависит успешность общения. Более того, определенные условия интернет-коммуникации (анонимность, дистанционность и асинхронность) позволяют интернет-коммуникантам экспериментировать со своей идентичностью и примерить на себя различные маски. Однако, учитывая эволюцию интернет-коммуникации, следует отметить, что «игры» с идентичностью и создание ярких виртуальных образов были характерны до массового распространения социальных сетей и перехода многих повседневных реалий в интернет-среду. Данный фактор в настоящий момент «заставляет быть более внимательными к поведению он-лайн, в том числе в социальных сетях, а также усиливает внимание к построению идентичности в этих сетях» [Ефимов, 2013:72].

Учитывая ограничения интернет-коммуникации, необходимо заметить, что процесс конструирования собственной идентичности и ее последующей презентации другим коммуникантам носит в интернет-пространстве явный, нарочитый характер. Можно говорить о существовании в лингвокультуре интернета особого жанра - жанра-самопрезентации, характерного для многих интернет-сервисов (интернет-форумы, блоги, социальные сети и др.), представляющего собой ситуацию самопредъявления (рассказ о себе). Несмотря на разнообразные возможности презентации своей идентичности в интернет-среде (например, широкий функционал профиля пользователя социальной сети), интернет-коммуниканты предпочитают либо публиковать небольшую заметку-самопрезентацию, либо рассказывать

о себе в специально созданных темах-обсуждениях. Подобное явление позволяет пользователям одного интернет-ресурса лучше узнать друг друга, привлечь внимание к своему творчеству, найти себе друзей или единомышленников. Данные речевые произведения представляют собой большой интерес как материал для изучения феномена идентичности, в частности ее речевой репрезентации.

В представленной статье будут анализироваться тексты-самопрезентации (ТС), фиксирующие процесс самоидентификации пользователей различных интернет-ресурсов, предназначенных для общения. Под ТС мы понимаем речевое произведение, содержащее различную информацию об авторе текста и нацеленное на формирование определенного впечатления об авторе у адресатов этого текста. В данном случае нас интересует именно процесс самоидентификации пользователей интернета и особенности его языкового оформления. Потенциал ТС как средства речевого воздействия на адресата заслуживает отдельного изучения, и рассматриваться в настоящей статье не будет.

Цель представленного исследования заключается в описании особенностей тематического состава текстов-самопрезентаций, которые, по нашему мнению, отражают иерархию параметров, значимых для самоидентификации. Особое внимание уделяется лексико-семантическому уровню текста, как аспекту, наиболее полно отражающему представления индивида о собственной идентичности. Данная цель требует решения следующих задач: 1) определение тематического репертуара процесса самоидентификации, 2) описание лексико-семантического пространства каждой темы.

Материалом исследования послужил корпус, состоящий из 200 текстов, авторами которых были представители одной возрастной группы – «Подростки» (13-16 лет), с равным соотношением полов. Все тексты представляли собой небольшой рассказ о себе (в среднем порядка 110 слов), где авторы излагали информацию в свободной форме без заданных параметров. Корпус был составлен из текстов, опубликованных на сайтах социальных сетей и различных тематических форумов в период 2011-2014 гг.

В качестве основного метода исследования использовался контент-анализ, который позволил выявить тематический репертуар процесса самоидентификации, отраженного в текстах-самопрезентациях. Для изучения лексико-семантических особенностей каждой выделенной в ходе анализа категории применялись различные методы анализа: лексический анализ, семантический анализ, дискурсивный анализ.

По результатам контент-анализа текстового корпуса был составлен следующий список категорий: имя, возраст, местожительство, семья, друзья, школа, профессия (будущая), личные качества, интересы. Данные по частоте появления каждой категории представлены в таблице 1.

Таблица 1. Частота появления каждой изученной темы в текстовом корпусе группы «Подростки».

№	Тема	Частота упоминаний	
		Девушки	Юноши
	Возраст	97	90

	Интересы и увлечения	93	88
	Имя	85	93
	Местожителство	72	69
	Школа	63	55
	Семья	40	17
	Личные качества	39	22
	Профессия	25	11
	Друзья	25	9

Как видно из таблицы, наиболее значимыми для самоидентификации подростков обоих полов являются категории «имя», «возраст» и «интересы и увлечения». Стоит также отметить, что количество девушек и количество юношей, затрагивающих одну и ту же категорию может сильно отличаться. Например, намного меньше юношей пишет о своей семье, личных качествах и друзьях, тогда как многие девушки обязательно затрагивают данные категории, рассказывая о себе.

Другое существенное отличие заключается в особенностях речевого поведения девушек и юношей. В целом, девушки пишут в два раза больше, чем юноши: средний объем текста, написанного девушкой, равен 137 словам, когда как средний объем текста, автором которого является юноша, составляет 71 слово. Тексты, написанные девушками, более эмоциональны, содержат много восклицательных предложений и эмоционально-оценочной лексики в то время, как тексты юношей лаконичны и не содержат многочисленных подробностей. Тексты девушек могут быть более сложными по своей композиции, т.к. помимо описательной информации включают элементы повествования (различные истории или случаи, которые происходили с авторами), чего нет у авторов-юношей. Другие дискурсивные аспекты текстов, написанных девушками и юношами, будут подробно рассмотрены позже. Далее представлен анализ лексико-семантических особенностей тематического репертуара процесса самоидентификации.

Имя

Имя является важным компонентом собственной идентичности и одним из основных средств самопрезентации и индивидуализации объекта. Практически все авторы проанализированных текстов (93 юноши и 85 девушек) начинают повествование о себе с собственного имени. Большинство авторов указывает сокращённый вариант своего имени без фамилии и отчества. Несколько авторов помимо своего реального имени указали также свой сетевой никнейм.

В целом, категория «имя», несмотря на высокую частоту появления в проанализированном материале, не отличается разнообразием речевого оформления. Можно выделить основные формулы, характерные для данной темы:

Меня зовут X;

Я X (Я Лена, Я Миша и т.п.).

Однако среди авторов изученных текстов некоторые указывают различные вариации своего имени, которые они предпочитают или наоборот не любят. Несколько авторов также написали о том, как называют их друзья (все примеры сохраняют орфографию и пунктуацию авторов):

(1) *Зовут меня Артём, можно просто Тёма :)*

(2) *Моё имя Женя но все меня называют Жека мне 16 лет.*

Возраст

Среди девушек 97 авторов изученных текстов и 90 юношей пишут о своем возрасте в рассказе о себе. Практически все из них упоминают свой возраст в начале текста (в первом или втором предложении), что позволяет предполагать, что эта категория является одной из ключевых для процесса самоидентификации. Стоит также отметить, что раскрытие данной категории девушками и юношами не носит каких-либо существенных отличий. Тот факт, что чуть меньше юношей информирует о своем возрасте можно объяснить тем, что юноши скрывают свой возраст, чтобы казаться старше, чем они есть.

В большинстве случаев категория возраста преподносится авторами как фактическая информация без творческой интерпретации, что отражается в однообразии речевого оформления данной категории. Среди изученного материала преобладают безличные предложения типа «*Мне n лет*» («*Мне 14 лет*» и т.п.). Некоторые пользователи интернет-сервисов помимо своего возраста указывают точную дату рождения, например:

(3) *мне 13 лет, я родилась в 2000 году, 7 апреля.:*

Другие авторы уточняют, что в скором времени им исполнится больше:

(4) *Мне 15, почти 16 лет», «Сейчас мне 12 лет. 28 Января будет 13. Так жду, дождаться не могу))*

Однако среди авторов проанализированных текстов есть те, которые не только указывают свой возраст, но и используют его в качестве критерия самовосприятия и оценки своей личности, например:

(5) *14 лет (знаю, маленькая).*

(6) *Я не считаю себя взрослой, ведь детство - это прекрасная пора! Обидно, что многие считают себя взрослыми, хотя еще совсем дети. Мне 12 лет и я ребенок.*

Стоит также отметить, что возраст представляет собой важный критерий для причисления себя к определенной группе и разделения окружающих на «своих» и «чужих»:

(7) *Люди-ровесники, хочу дружить с вами!*

(8) *У меня есть друзья младше меня, а вот с ребятами постарше я не общаюсь.*

Местожительство

Тему проживания в том или ином населенном пункте затрагивает большинством авторов проанализированных текстов (72% девушек и 69% юношей), что говорит о значимости данной категории для процесса самоидентификации.

Обычно девушки и юноши упоминают о месте своего проживания в начале своего текста, уделяя этой категории 1-2 предложения, представляющие собой либо определительно-личные предложения типа «*Я живу в N*», либо именные предложения типа «*Я из N*».

Стоит отметить, что зачастую авторы обоих полов не просто называют тот населенный пункт, в котором они проживают, но и уточняют географическое расположение своего места жительства, например:

(9) я живу в селе Ваганово, Кемеровской обл.

(10) Город Находка, Приморский край (7 часов от Москвы)

Среди авторов проанализированных текстов некоторые (23 девушки, 31 юноша) также указывают государство. Подобное речевое поведение может говорить о том, что представители данной возрастной группы уже осознают включенность своего родного города или поселка в другие более крупные географические и административные образования и стремятся сориентировать окружающих в этом:

(11) Я живу в России, Рязанской области, в маленьком холодном городке под названием Скопин))

(12) Живу в Сибири, г. Березовский (недалеко от Кемерова), округов у нас нету.

(13) Я живу в не столь большом и известном городишке Тольятти. Это в Самарской области кто не знает.

(14) Живу я в России, в Республике Татарстан, в городе Нижнекамск.

Другая особенность данной категории заключается в том, что большинство авторов обоих полов дают оценку и характеристику своему родному городу. Проанализированные характеристики можно разделить на следующие группы:

Личная оценка: авторы приписывают своему городу те качества, которые связаны с их собственным отношением к нему. При этом авторы часто используют прилагательные, относящиеся к семантическому полю «погода» (холодный, жаркий, солнечный и т.д.) и семантическому полю «величина» (маленький, небольшой).

(15) Живу в маленьком незаметном Тамбове.

(16) живу в маленьком городе, где нет никаких возможностей.

(17) живу в городе Великий Новгород. Это потрясающий город и ни в коем случае я бы не хотела отсюда уехать.

Стереотипное представление: авторы применяют стереотипные образы тех или иных городов, которые могут быть известны широкому кругу лиц.

(18) Живу в далеком и холодном г. Якутске)

(19) Живу холодном сибирском городке Ангарске (Иркутская область)

(20) Я из холодного Сургута, Ханты-Мансийский АО.

Профессия

Для многих подростков выбор будущей профессиональной деятельности приобретает все более актуальный статус по мере взросления и играет важную роль в конструировании собственной идентичности. Среди авторов 25 девушек и 11 юношей пишут о том, кем они хотели бы работать в будущем. Стоит отметить, что многие авторы женского пола довольно подробно описали свою будущую профессию и привели аргументы в пользу своего выбора. Авторы-юноши оказались немногословны в этом отношении, и большинство из них написало в среднем по одному предложению на данную тему.

Среди названных профессий у авторов-девушек преобладают творческие профессии: актриса, певица, режиссер, дизайнер, архитектор, художник и фотограф. На втором месте по встречаемости оказались профессии, связанные с медициной (врач, стоматолог, фармацевт) и с иностранными языками: переводчик. Популярной профессией среди авторов проанализированных текстов также является

журналист и повар. Единично упоминаются такие профессии, как юрист, экономист, менеджер по международному туризму, воспитатель детского сада, учитель русского языка и кинолог.

У юношей самыми популярными профессиональными областями оказались программирование (в особенности, игровая индустрия), инженерно-конструкторская область и медицина.

В текстах, авторами которых являются девушки, внутри категории «профессия» можно выделить следующие подкатегории: выбор профессии и учеба в вузе.

Тема выбора будущей профессии отражается в частом употреблении глаголов из семантического поля «знание»: знать, думать, задуматься, решить, понять, определиться, и глаголов из семантического поля «сомнение»: сомневаться, колебаться, растеряться. Например:

(21) Я еще не определилась с профессией, но думаю пойти на то, что связано с экономикой!

(22) Немного о моих планах на будущее... Честно говоря, я боюсь задумываться об этом, возможно, я просто не готова к этому. Но я бы, наверное, хотела стать учителем русского языка.

Для некоторых авторов важным составляющим образа будущей профессии является этап учебы в вузе или специальном учебном учреждении. Примечательно, что практически никто из авторов не называет конкретных учебных заведений, где они будут учиться на выбранную специальность, и часто используют обобщенные образы «учиться в вузе», «поступить в институт», «закончить университет» и неопределенные наречия «где-то», «как-то»:

(23) Обязательно надо учиться где-то, пока еще не знаю, где.

(24) Но по жизни я хочу добиться своих целей, хорошо закончить учебу, поступить в хороший университет, а после найти хорошую работу.

Однако многие авторы обладают стереотипными представлениями о предстоящем обучении той или иной специальности. Поступление в вуз и учеба в нем характеризуются прилагательными «тяжелый», «трудный», «нелегкий». У некоторых авторов учеба после окончания школы связана также с переездом в другой город и оплатой будущего обучения.

(25) Но скорее всего, что у меня не получится поступить на актрису (Т.к. у нас в городе, и в ближайших городах, нету театрального(У нас есть театральный, но он ооочень далеко от моего города....А от дома далеко уезжать не хочется, да и родители так далеко не разрешат уехать.

(26) Хочу стать кинологом, но для этого нужна хорошая подготовка и у нас нет где поступить, есть в другом городе и на это нужны большие деньги.

Стоит отметить, что для многих будущая профессия ассоциируется с мечтой, о чем свидетельствует частое употребление авторами глагола «мечтать» и существительного «мечта»:

(27) С детства мечтала стать певицей.

(28) Я мечтаю стать актрисой! И я бы очень хотела, что бы моя мечта исполнилась....

Что касается текстов, авторами которых являются юноши, то, как упоминалось выше, в целом, их тексты лаконичны, мало эмоциональны и содержат много

го меньше деталей, чем тексты под авторством девушек. Однако, раскрывая тему будущей профессии, некоторые юноши не только называют свою будущую специальность, но и указывают название учреждения, где они хотят работать, чего не встречается у девушек:

(29) *Собираюсь стать программистом и (надеюсь) попасть в Nival.*

Школа

Многие авторы проанализированных текстов (63 девушки, 53 юноши) пишут о том учебном заведении, где они учатся, - школе или профессиональном училище. Данный факт можно объяснить тем, что школа или учеба в целом занимает важное место в жизни представителей данной возрастной группы.

Анализ категории «школа» показал, что девушки и юноши пишут на данную тему по-разному. Девушки подробно описывают свое место учебы (как минимум указывают тип школы или училища и номер своего класса). Школа характеризуется следующими прилагательными: обыкновенная, обычная, хорошая, любимая, ужасная и т.д. Помимо этого авторы-девушки часто перечисляют свои любимые и не-любимые предметы и рассказывают о своей успеваемости и активности в школьной жизни, дают себе характеристику в соответствии с ней: *отличница, хорошистка, лентяйка, авторитет, организатор, никто*. Девушки выражают также свое отношение к школе, учителям и одноклассникам. Рассказ о школе всегда эмоционален, авторы используют много восклицательных предложений и эмотиконов. Описывая свое отношение к школе, авторы используют лексику, обладающую эмоциональной окраской: *любить, обожать, ненавидеть, любимый, терпеть, ужасный, классный, замечательный* и т.п. У некоторых авторов присутствует клишированный образ школы – второй дом: *Люблю учиться и школу, потому что школа наш ВТОРОЙ ДОМ, и без нее жизнь была бы скучной и мы б не становились людьми.*

Юноши пишут о своей учебе в школе довольно сухо и делятся только фактами: тип школы и номер класса. Некоторые авторы-юноши, затрагивая данную тему, прибегают к самономинации или самохарактеристике на основе своей деятельности и социального статуса: «*Я школьник*», «*Школота*», что отсутствует в речевом поведении девушек.

Семья

Семья и ближайшие родственники играют важную роль в жизни подростков, что должно отражаться на процессе их самоидентификации. Однако, как показал проведенный анализ, категория семейно-родственной принадлежности появляется с разной частотой в текстах, написанных девушками и юношами.

Среди авторов-юношей только 17 упоминают о своей семье в рассказе о себе. Юноши никогда не описывают свою семью подробно и сообщают о ней вскользь, уделяя не более одного предложения. Обычно авторы-юноши ограничиваются тем, что только констатируют наличие семьи: «*Живу с родителями, домашних животных нет*».

Что касается авторов-девушек, то 40 из них упоминают свою семью в рассказе «о себе». Практически все девушки (кроме 3-х), описывающие своих родственников, создают положительный образ семьи. По отношению к своей семье авторы употребляют оценочные прилагательные (хороший, замечательный, лучший) и часто используют лексические единицы из семантического поля «любовь» (лю-

бить, обожать, любимый). В текстах подробно описывается состав семьи, нередко девушки рассказывают отдельно про каждого члена семьи. Помимо этого, многие авторы выражают благодарность своей семье

(30) Когда я вырасту, я буду очень много работать, чтобы отблагодарить мамочку за всё что она для меня делает. Я хочу, чтобы она была счастлива. Я сделаю так, что бы она каждый день улыбалась и радовалась жизни!

(31) В жизни моя главная цель - быть похожей на своих Родителей. Слово «Родители» не напрасно написано с большой буквы, ведь они сделали для меня так много, что я просто не имею права писать это слово с маленькой буквы! я очень их люблю и не представляю жизни без них.

Личные качества

Рассказывая о себе, 39 авторов-девушек описывают свои личные качества. Данная категория редко упоминается вскользь, обычно ей уделяется от нескольких предложений до целого абзаца. Авторы охотно и весьма эмоционально повествуют о своих положительных и отрицательных качествах, часто для примера приводят случаи из жизни, где то или иное качество проявилось.

Оценивая и характеризуя себя, авторы используют качественные прилагательные (*веселый, добрый, общительный, серьезный, ранимый, скромный, ленивый, ответственный, эгоистичный* и т.п.), прибегают к самохарактеристике с помощью существительных, отражающих те или иные качества (*гуманитарий, шизофреничка, лентяйка, скромняга, бунтарка, холерик* и т.д.). Многие из авторов помимо своих достоинств описывают также свои недостатки. Таким образом, изученный материал дает представление о нравственных ценностях данной возрастной группы. Наиболее часто встречающиеся положительные качества представляют собой доброту, общительность и веселость. Девушки отрицательно оценивают такие качества, как капризность, обидчивость, лживость и предательство.

Большинство авторов-девушек, описывая свои личные качества, выражают сожаление о тех или иных поступках, которые они совершали в жизни, и признают свои недостатки.

Среди юношей 22 описывают свои личные качества в рассказе «о себе». Как и девушки, юноши подробно описывают свой характер и перечисляют личные качества. Основное отличие заключается в том, что если девушки эмоционально рассказывают о своих качествах, уделяют особое внимание тому, как они ладят с окружающими и беспокоятся о своих недостатках, то юноши стремятся создать брутальный образ человека, который, если и обладает изъянами, то не сожалеет о них. Авторы-юноши, перечисляя свои личные качества, не делят их на положительные и отрицательные и довольно часто приписывают себе такие качества, как дерзость, вспыльчивость, агрессивность, угрюмость.

Друзья

Категория дружбы упоминается 25 девушками и 9 юношами. Авторы-девушки подробно описывают своих друзей, уточняют их количество и свои отношения с ними. Раскрывая данную тему, авторы обычно затрагивают следующие подкатегории: лучший друг или подруга, предательство друзей или их потеря, совместное времяпровождение. Довольно часто авторы проанализированных текстов описывают некоторые ситуации, которые происходили с ними и с их друзьями.

Друзья в текстах представлены конкретными личностями: авторы называют их имена, рассказывают, как они познакомились и т.д.:

(32) *Когда я пошла в школу, я встретила свою лучшую подругу, её зовут Оля.*

(33) *У меня не много друзей, но все равно есть лучшая подруга Маша, также она моя одноклассница, с ней мы дружим с первого класса.*

Рассказывая о своем лучшем друге или лучшей подруге, авторы создают образ человека, с которым весело проводить время, который их понимает и который никогда не предаст. Соответственно, качества такого человека описываются с помощью прилагательных из семантических полей «доброта» (добрый, хороший, отзывчивый) и «веселье» (веселый, забавные, прикольный).

Тема предательства друзей также часто затрагивается авторами проанализированных текстов. В большинстве случаев авторы рассказывают о конкретных ситуациях предательства, подробно описывая свое эмоциональное состояние. Некоторые девушки рассуждают над тем, кого можно назвать настоящим другом, и какими качествами обладает этот человек.

Некоторые авторы пишут о том, чем они занимаются вместе со своими друзьями. Ключевыми образами данной подкатегории являются веселье и смех. Согласно авторам, с друзьями они веселятся, смеются, не скучают, радуются.

Что касается, авторов-юношей, то, как и в большинстве случаев их повествование о друзьях лаконично и не так эмоционально, как у авторов-девушек. Юноши обычно только упоминают в рассказе «о себе», не вдаваясь в подробности.

Интересы и увлечения

Категория «интересы и увлечения» встречается практически в каждом изученном тексте и довольно часто является главной темой текстов «о себе». Среди девушек 93 пишет о своих интересах и увлечениях, среди юношей 88 упоминают эту категорию. Очевидно, что данная категория играет одну из ключевых ролей в процессе самоидентификации подростков. Например, для большинства авторов проанализированных текстов их интересы и хобби служат не только средством самоидентификации по принципу «Я то, чем я увлекаюсь», но и критерием разделения окружающих людей на «своих» и «чужих». В данном случае «своими» считаются те, кто имеет такие же интересы и увлечения, а те, кто не разделяет их, соответственно, попадает под категорию «чужих»:

(34) *Я очень хочу найти друзей-мюзеров¹, т.к. у моих одноклассников дальше Бибера² и всяких ему подобных дело не пошло(((*

Рассказ о своих увлечениях и интересах авторы оформляют в виде перечисления, используя глагольные словосочетания типа «увлекаюсь чем-либо», «люблю что-либо», составные глагольные сказуемые (люблю читать, рисовать, слушать музыку и т.п.), или в виде описания с помощью полных предложений, что встречается намного реже. Некоторые авторы дают себе характеристику на основе своих увлечений: меломан, киноман и т.д.

Наиболее часто встречающиеся интересы и увлечения в изученных текстах представляют собой музыку, рисование, спорт, интернет или рукоделие для девушек и музыку, компьютерные игры, спорт для юношей. Стоит отметить, что при

¹ Мюзер – поклонник британской музыкальной группы “Muse”.

² Джастин Бибер – известный исполнитель поп-музыки.

раскрытии данной темы речевое поведение девушек и юношей практически не отличается. В большинстве случаев авторы обоих полов описывают свои интересы подробно и эмоционально, употребляя восклицательные предложения и большое количество эмотиконов. Основное отличие заключается в том, что девушки обычно пишут больше, чем юноши, которым, в целом, свойственно лаконичное изложение своих мыслей. Некоторые девушки также рассказывают, как их интересы менялись по мере их взросления.

Завершая анализ речевой репрезентации идентичности на основе собранного корпуса текстов, можно сделать следующие выводы:

1. В результате изучения текстового массива был выявлен тематический репертуар процесса самоидентификации, характерный для современных подростков (от 13 до 16 лет). Частое появление категорий «имя», «возраст» и «интересы и увлечения» в изученных текстах позволяет предположить, что для представителей возрастной группы «подростки» данные категории играют важную роль в процессе самоидентификации. Категория «имя» позволяет авторам обозначить себя как уникального индивида, категории «возраст» и «интересы и увлечения» служат критериями для разделения окружающих на «своих» и «чужих».

2. Средний объем текста, написанного девушкой больше объема текста, автором которого является юноша. Тексты девушек более разнообразны в своем тематическом составе. Юноши пишут о себе лаконично и емко, не вдаваясь в детали. Наименее популярными темами у юношей оказались «семья», «профессия», «друзья», «личные качества», тогда как многие девушки затрагивают данные темы в рассказе «о себе». Тексты, написанные девушками, обладают также более сложной композицией.

3. Речевое поведение девушек и юношей не носит сильных различий в отношении таких категорий, как «имя», «возраст», «местожительство», «интересы и увлечения». Авторы обоих полов примерно одинаково описывают данные категории.

4. Отличия в речевом поведении девушек и юношей были выявлены при описании категорий «семья», «школа», «профессия», «личные качества» и «друзья». Основная разница заключается в том, что девушки подробно и эмоционально пишут на данные темы, используя эмоционально-оценочную лексику и восклицательные предложения, юноши же, если и затрагивают эти темы, то сухо и лаконично.

Таким образом, представленный анализ позволил рассмотреть иерархию компонентов идентичности, зафиксированную в текстах, авторами которых являются пользователи социальных сетей интернета и различных интернет-форумов в возрасте от 13 до 16 лет. Необходимо заметить, что данный опыт изучения речевой репрезентации идентичности не является исчерпывающим, хотя полученные результаты безусловно дают возможно выработать представления о процессе самоидентификации у подростков-участников интернет-коммуникации и о некоторых вербальных ее особенностях. Необходимо продолжать более подробное и тщательное исследование дискурсивных характеристик, свойственных для текстов-самопрезентаций, учитывая возрастную и гендерные факторы, что будет осуществлено в дальнейших работах.

Литература

Ефимов Е.Г. Идентичность в социальных интернет-сетях (теоретические аспекты) // Грамота, 2013. № 12: в 3-х ч. Ч. II. – 225 с. – С. 72-75.

Лаппо М.А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы: монография / М.А. Лаппо; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – 180 с.

Лаппо, М. А. Самоидентификация: прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом / М. А. Лаппо // Вестник Томского государственного университета. - 2013. - № 372 (июль). - С. 28-32.

Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: монография / О. В. Лутовинова. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 477 с.

Малахов В.С. Идентичность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин – М.: Мысль, 2000-2001. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/1181.html> (09.11.2014).

Николаев В.Г. Идентичность // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1. – СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. 447с.

Чжу Жуйшуан

УДК 81.23

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

В данной статье рассматриваются особенности китайского менталитета, традиционной культуры и философии Китая, анализируются особенности китайской картины мира глазами китайцев.

Ключевые слова: китайцы, менталитет, традиционная культура, традиционная философия.

Zhu Ruishuang

PECULIARITIES OF THE CHINESE WORLDVIEW

In perspective of Chinese mode of thinking, traditional philosophy and traditional culture, this essay tries to investigate the world view in Chinese eyes, and analyze its production-formation reason and features.

Keywords: Chinese; mode of thinking; traditional culture; traditional philosophy.

Картина мира – это результат познания человеком мира. По мнению китайского ученого Пэн Вэньтао, картина мира выступает в качестве процесса восприятия и познания мира человеком, состоящего из субъекта, объекта и результата деятельности познания. Картина мира (включая языковую картину мира) возникает на основе познания мира человеком.

В языковом сознании носителя отдельно взятого языка зафиксирован свой способ видения мира, совпадающий или не совпадающий со способом видения мира носителя другого языка. Близость картин мира определяется сходством традиций, обусловленным общностью культур и цивилизаций, исторического опыта народов. Это позволяет говорить о существовании внутренней семантической типологии, характеризующей способы концептуализации мира [Тань 2004: 11].

Китай – страна с четкой системой ценностей. Она пронизывает все сферы жизни общества, отражается в словах и поступках современных китайцев. «Лунььюй» Конфуция, «Дао Дэ Цзин» Лао Цзы, написанные более двух тысяч лет назад, и ряд других древних книг до сих пор оказывают влияние на мышление и поведение китайцев.

Диалектическое мышление, отраженное в конфуцианстве, буддизме и даосизме, основных течениях традиционной культуры, сформировало традиционный китайский менталитет. Основными особенностями такого менталитета являются противоречивость, целостность и практичность. Всеобщность противоречий находится в центре внимания традиционного китайского образа мышления. Традиционная китайская философия признает существование всеобщего базового противоречия в качестве основы бытия, стремится в условиях взаимодействия противоречий познать и охватить единство и закономерность вселенной, познать единство и закономерность добродетельной жизни, неба и человечества.

Что такое образ мышления (менталитет)? По мнению Лю Чанлинь, «в процессе развития нации присутствуют длительные, стабильные, общие привычки в

образе мышления, а также отношение к вещам и общепринятые взгляды, которые отражают образ мышления нации» [刘1990: 1] Менталитет (образ мышления) является важной частью человеческой культуры, способом познания вещей народом, является первоосновой народной культуры, заложен глубоко в нормах поведения, является связующим звеном между культурой и языком. С одной стороны, менталитет (образ мышления) тесно связан с культурой, является воплощением характерных особенностей культуры, необходимым элементом культуры, обуславливающим поведение ее носителя. С другой стороны, менталитет (образ мышления) тесно связан с языком, является глубинным механизмом производства и развития языка, в то же время язык способствует формированию и развитию менталитета (образа мышления).

Традиционный китайский менталитет (образ мышления) имеет следующие базовые характеристики:

1. Сосредоточенность на упорядоченности. В отношениях между человеком и природой китайский традиционный образ мышления сосредоточивает внимание на «единстве Неба и Человека», «взаимодействии Неба и Человека», «гармонии между Небом и Человеком», при этом не только рассматривает весь внешний естественный мир как одно целое, но и воспринимает все человеческое общество как взаимодействие с внешним естественным миром.

2. Тенденция к реалистическому образу мышления. Даосизм уделяет внимание способу самозащиты, закону успеха и искусству управления людьми, а конфуцианство – это, прежде всего, учение о стратегии управления господствующего класса.

3. Эклектический образ мышления. В рамках традиционного мышления китайцы стремятся гармонизировать различные противоречивые философскими представления.

4. Диалектический образ мышления. Китайцы стремятся к гармонии в каждом человеке, к мировой гармонии. В древних китайских книгах это описывается следующим образом: «Несчастье (Хо Си) возникает из счастья; счастье (Фу Си) возникает из несчастья», «то, что кажется плохим, не всегда таковым является». Основа образа мышления китайцев признает возможность преобразования противоборствующих сторон друг в друга. В качестве цели выступает гармония, на уровне познания рассматриваются проблемы в целом, на уровне поведения предпочтительным является компромиссный способ их решения.

Культурный антрополог Маргарет Мид [Mead 1953], анализируя отношения между культурой и национальным характером, отмечает, что национальные исторические традиции и культурные модели в процессе социализации определяют национальный характер. Китайская и Западная культуры являются разными по своему происхождению и форме выражения (являются самобытными), эти различия определяют национальный характер китайцев, включая уникальные характеристики мышления и особенность поведения.

Во-первых, китайская культурная традиция оказывает влияние на способ мышления китайцев (и приводит к контрасту с западной моделью). Такие ученые, как Пен и Нибсет [Peng, Nisbett 1999], отмечают, что китайцы привыкли воспринимать противоречия диалектически, считают, что все содержит в себе противоречия,

и в решении вопросов в большинстве случаев решают прибегнуть к переговорам. Во-вторых, понятие его у китайцев отличается от западного. Маркус и Китаёма [Marku, Kitayama 1991] в результате многочисленных исследований пришли к выводу, что понятие эго представителей восточной культурной традиции включает взаимосвязи, оно включает родителей и других близких. Понятие эго у китайцев зачастую формируется через отношение с другими людьми, тогда как понятие эго представителей западной культуры обладает независимыми характеристиками, подчеркивается целостность и исключительность личности. В-третьих, китайский взгляд на отношения между людьми отличается от западного. Фэй Саотун [费 1985], предложив концепцию иерархического устройства, показал, что китайцы считают себя центром, таким же как рябь, образующаяся на поверхности воды от брошенного камня. В самом центре – понятие себя, а затем расходятся круги, и чем дальше, тем менее заметны. Китайцам характерна социальная направленность, подчеркнутое отношение к интеграции и гармонии, ориентация на семью, отношения, авторитет, на четырехступенчатую иерархию от самой сильной до самой слабой вторичной ориентации.

По мнению Ян Чжунфана, «китайцы придают значение не только движущей силе личного поведения, но и инструменту достижения идеального общества» [乔 1995]. Ян Чжунфан считает, что понятие «сам» китайской системы ценностей отличается от такого же понятия в западной культуре. Понятие «сам» Запада подразумевает под собой отдельную личность, тогда как «сам» китайцев подразумевает «совокупность своего и общественного преодоления пути». Таким образом, понятие «сам» у китайцев может быть расширено до уровня семьи, родственников, друзей и даже рода. С этой точки зрения, китайцы обладают социально направленной ориентацией отношений или ситуационной ориентацией. Ян Гошу сравнивает человеческое общество с циклом жизни и считает, что люди в нем имеют два различных способа деятельности. Первый – ориентированный на себя, основанный на самостоятельности, подчёркивающий, как индивидуум контролирует, изменяет и использует природу и социальное окружение в целях удовлетворения потребностей, интересов и эмоций. Второй – социально ориентированный, основанный на гармонии. Акцент делается на том, как люди через послушание, сотрудничество и интеграцию с природной и социальной средой устанавливают и поддерживают гармоничные отношения с окружающей средой. Ян Гошу считает, что Китайцам характерна классическая социальная ориентация. Эта направленность проявляется в ориентации на семью, отношения, авторитет и др. [杨 1993]. Хэ Юхуэй и ряд других ученых полагают, что традиционные китайцы уделяют внимание социальным отношениям между людьми с целью обозначить свой статус, например, «Я некий сын», «Я некий ученик», «Я некий друг». Хэ Юхуэй обозначает такое проявление своего статуса, основанного на отношениях с другими людьми, как «реляционный статус», а данную китайскую особенность – «социальной направленностью» [杨 1992].

Основа древней культуры Китая заложена в традиционной китайской философии. По мнению Фэн Юлани, задача традиционной китайской философии заключается не в увеличении фактического знания, а в улучшении интеллектуальных способностей [张 1998]. Китайская традиционная философия не отрицает оппозицию, но подчёркивает единство. «Объединение» отражает единую концепцию

в политической сфере, необходимость ставить общественные интересы выше собственных в вопросах нравственности, даже ценой личных интересов или интересов отдельных групп личностей.

Китайцам свойственен коллективный дух. Поскольку образ мышления китайцев стремится к единству, при наличии разных вариантов трудно сделать выбор, в результате возникает ментальность «срединного пути». Идея *zhong yong zhi dao* «срединного пути», т. е. того, что принято называть учением о «золотой середине», определяет китайскую национальную специфику в области психологии культуры [Тань 2004: 106]. Следовательно, китайцы возражают против крайностей в поведении, «дорожат миром», чтобы урегулировать противоречия и избежать прямого конфликта.

Образное мышление китайцев развито очень сильно, и в китайской литературе существует множество способов создания образности. Например, в китайской литературе любят использовать природные явления, животных, растения, «видимые глазу» предметы в качестве метафоры. Статистические данные показывают, что подобные средства используются в 88,5% китайских произведений, а в западных – в 65%. Кроме того, метафора в Китае в большей степени ориентирована на стремление к физической аналогии, например, в метафоре любви часто используется «хвост ласточки», сказочная птица с одним крылом и одним глазом, способная лететь только в паре с другой такой же птицей, два цветка лотоса на одном стебле, рыба и вода, цветок и бабочка и другие взаимосвязанные предметы.

Произведения искусства часто оставляют определенное пространство для воображения зрителя. Согласно преданию, жил художник, который рисовал древний храм в горах. Он нарисовал горы и воду, но не нарисовал храма: вместо этого художник нарисовал монаха, несущего воду из ручья, тем самым напоминая нам о существовании храма. Логическое же мышление китайцев является относительно слабым.

В традиционной китайской культуре конфуцианское подчеркивает необходимость для определенного человека послушания, самоотречения, соблюдения ритуала, чтобы найти свое место в жизни. Хотя для достижения этой цели необходимо, чтобы люди сами неуклонно стремились вперед и имели твердую несгибаемую волю, но личность была сильно ослаблена, даже утрачена, поэтому наблюдается отсутствие сильной индивидуальности и сильных качеств личности. Даосизм подразумевает обретение спокойствия за счет гармонии с природой. Согласно буддийским учениям, окончательное освобождение людей заключено в пепле, полностью лишенном человеческой жизни нирване в обмен на духовное утешение.

По мнению китайских мыслителей, менталитет (образ мышления) Китая обладает женским началом и качеством художника, стремящегося найти хорошее. Китайские политические моральные принципы основаны на этике и нравственности, физической и психической подготовке, гармонии в государстве. В политике стремление к умиротворению государства приводит к возникновению мышления «большого единства», стремлению к однородности. Сосредоточенность на политической этике неизбежно приводит к потере интереса к изучению природы, поэтому существует аналогия между природой и человеческой деятельностью, которая

приводит к осознанию всеобщего единства, а вместе с ним и к решению проблем в политической, социальной и этической сферах жизни.

Особенности национального менталитета, основанные на различных культурных традициях, оказывают влияние на познавательную деятельность людей, и лишь углубленное изучение этих особенностей сможет помочь нам понять причины этих различий.

Литература

Tanь Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. – М.: Языки славянской культуры. – 2004. – С.11, 106.

Mead. National Character. In A. Kroeber(Ed.).Anthropology Today: An Encyclopedic Inventory. Chicago,Univ of Chicago.M:– 1953. – С.1642–667.

Peng K.P., Nisbett R.E. & Ji L.J. Culture, dialectics and reasoning about contradiction. American Psychologist – 1999. – С.54: 741-754.

Markus H.R. & Kitayama. Culture and the self: Implications for Cognition, Emotion, and Motivation. Psychological Review – 1991. – С.224–253.

刘长林 中国系统思维:文化基因的透视-- М.:北京:中国社会科学出版社-- 1990.

费孝通. 乡土中国 – М.:北京:三联书店– 1985.

乔健等. 中国人的观念和行为– С.天津:天津人民出版社 – 1995.

杨国枢. 中国人的价值观——社会科学观点-- М.:台北:桂冠图书公司 – 1993.

杨国枢等. 中国人的心理与行为——理念及方法篇 – М.:台北:桂冠图书公司 – 1992.

张海焘. 中国哲学的精神——冯友兰文选[M].国际文化出版公司,1998.

Хуан Тяньдэ

УДК 81'23

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗА «敌人/ВРАГ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙСКИХ И РУССКИХ СТУДЕНТОВ¹

Эта статья посвящена исследованию этнокультурных особенностей образа «敌人/враг» в языковом сознании китайских и русских студентов с помощью свободного ассоциативного эксперимента на основе теории языкового сознания, выявлению сходств и различий в содержании ассоциативных полей китайских и русских слов, обозначающих «敌人/враг».

Ключевые слова: 敌人/враг, языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, сопоставительное исследование.

Huang Tiande

EXPERIMENTAL COMPARATIVE STUDY OF THE CONCEPT “ENEMY” IN CHINESE AND RUSSIAN STUDENTS’ LANGUAGE CONSCIOUSNESS

The article is devoted to the research of ethnic culture for the concept “enemy” in Chinese and Russian students’ language consciousness, taking advantage of free association experiment in the framework of the language consciousness theory, uncovering the similar and different of the concept “enemy” in Chinese and Russian students’ language consciousness in the association field.

Keywords: enemy, language consciousness, free association experiment, association field, comparative study.

1. Введение

Российская психолингвистика в рамках триады «этнос–язык–культура» делает упор на взаимоотношения между языком, сознанием и культурой. Языковое сознание отражает особенности различных национальных культур, и является центральным предметом исследования Московской психолингвистической школы.

Как отмечает Т. Н. Ушакова, языковое сознание – это сознание «овнешненное», т.е. выраженное внешними языковыми средствами [Ушакова 2004: 6]. Одним из способов овнешнения языкового сознания является ассоциативный эксперимент, а ассоциативные поля, формируемые из вербальных реакций носителей языка, дают возможность описывать качества образов их сознания [Уфимцева 2004: 3].

Данная статья посвящена исследованию этнокультурных особенностей образа «敌人/враг» в языковом сознании китайских и русских студентов с помощью свободного ассоциативного эксперимента на основе теории языкового сознания, выявления сходств и различий в содержании ассоциативных полей китайских и русских слов, обозначающих «敌人/враг».

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта 留金亚 [2014] 9037 (Китай).

2. Свободный ассоциативный эксперимент

2.1 Цель и гипотеза

Целью исследования является сопоставление ассоциативных полей понятия «敌人/враг» у китайских и российских учащихся ВУЗов и описание их различий и сходства, выяснение причин возникновения данных различий и сходства, сравнительный анализ мыслительных, этнопсихолингвистических, культурных и языковых стереотипов народов России и Китая.

Гипотеза: ассоциативные поля понятия «敌人/враг» у китайских и российских учащихся имеют различия и сходства, при этом различия являются довольно существенными и отражают этнопсихолингвистические особенности языкового сознания китайских и русских испытуемых.

2.2 Испытуемые

В свободном ассоциативном эксперименте (САЭ) на слово-стимула «敌人/враг» приняли участие 500 испытуемых. Участниками эксперимента стали студенты многих специальностей из разных университетов КНР: Харбинский Педагогический Университет - 119 студентов (ХПУ, г. Харбин), Хэйлунцзянский Институт Иностранных Языков - 53 студента (ХИИЯ, г. Харбин), Китайский Университет Политологии и Права - 53 студента (КУПП, г. Пекин), Фуцзяньский Педагогический Университет - 61 студент (ФПУ, г. Фучжоу), Центрально-китайский Научно-технический Университет - 53 студента (ЦНУ, г. Ухань), Хайнаньский университет - 150 студентов (ХУ, г. Хайкоу). (см. Рис. 1), в том числе 164 мужчины и 325 женщин (см. Рис. 2). Среди испытуемых самая многочисленная группа - магистры, составляла 38,0% от общего числа, студенты второго курса составляли 21,1%, студенты третьего курса составляли 17,2%, студенты первого курса составляли 12,7%, студенты четвертого курса составляли 11,0% (см. Рис. 3). Специальности испытуемых: география, юриспруденция, международное образование, химия, финансы, философия, биология, политология, культурология, психология, автоматизация и другие. Самая многочисленная группа испытуемых состоит из учащихся-психологов и достигает 100 человек (см. Рис. 4).

Рис. 1 Университеты и испытуемые

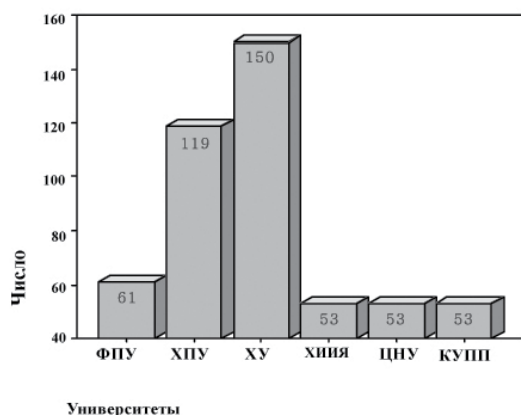

Рис. 2 Гендерная пропорция

Рис. 3 Уровень обучения

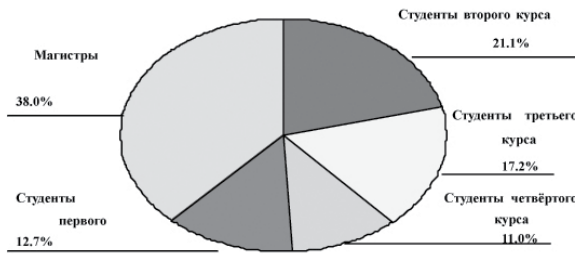
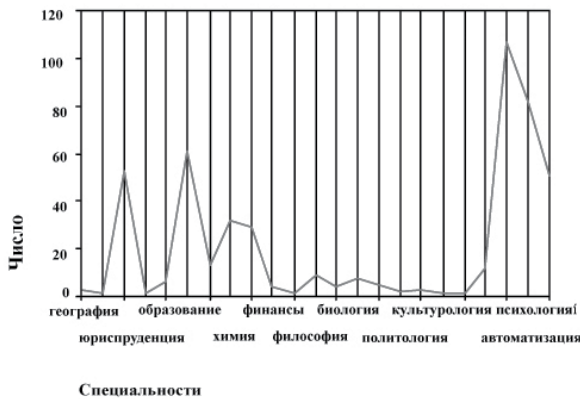

Рис. 4 Распределения по специальностям

2.3 Материалы

В качестве материалов исследования использовались анкеты, в которых в роли стимула выступало слово «敌人/враг».

2.4 Метод и процесс исследования

В качестве метода исследования применялся свободный ассоциативный эксперимент, проводившийся путем письменного анкетирования в учебной аудитории аудитории и библиотеке. Экспериментатор объяснял испытуемым цели, требования, задачи и метод проведения исследования. От испытуемых требовалось написать первое пришедшее в голову слово-реакцию на слово-стимул «敌人/враг». Допускалось реагировать отдельным словом любой части речи, словосочетанием или предложением. На запись слова-реакции отводилось не более 10 секунд. Одному слову-стимулу должно было соответствовать одно слово-реакция.

От испытуемых требовалось отвечать самостоятельно, запрещалось разговаривать с другими испытуемыми и пользоваться словарем. Эксперимент был проведен в 2013 году, было заполнено 500 экземпляров анкет, из которых 489 были признаны валидными.

2.5 Результаты

В целях получения наглядных и объективных результатов собранные данные были статистически обработаны с помощью программы SPSS19, в результате чего было получено ассоциативное поле понятия «敌人/враг» у китайских учащихся (см. Таб. 1).

Таблица 1. Ассоциативное поле понятия «敌人/враг» у китайских учащихся

Статистика 敌人/враг		
N	Валидные	489
	Пропущенные	0

敌人/Враг (Слово-стимулы)				
Слова-реакции	Частотность	Процент	Валидные процент	Кумулятивный процент
朋友/друг	73	14.9	14.9	14.9
坏蛋/негодяй	19	3.9	3.9	18.8
讨厌/надоест	18	3.7	3.7	22.5
坏/плохой	15	3.1	3.1	25.6
打败/победить	14	2.9	2.9	28.4
打倒/свергнуть	12	2.5	2.5	30.9
消灭/истребить	12	2.5	2.5	33.3
可恶/гадкий	12	2.5	2.5	35.8
坏人/плохой человек	12	2.5	2.5	38.2
友人/приятель	11	2.2	2.2	40.5
战争/война	10	2	2	42.5
日本/Япония	10	2	2	44.6
对抗/противостоять	9	1.8	1.8	46.4

可怕/ужасный	8	1.6	1.6	48.1
枪/ружьё	8	1.6	1.6	49.7
去死/идти в смерть	8	1.6	1.6	51.3
对手/соперник	8	1.6	1.6	53
战胜/победить	7	1.4	1.4	54.4
失败/проиграть	7	1.4	1.4	55.8
远离/отойти далеко	7	1.4	1.4	57.3
愤怒/гнев	7	1.4	1.4	58.7
仇恨/вражда	6	1.2	1.2	59.9
仇视/с ненавистью	5	1	1	60.9
打击/ударить	4	0.8	0.8	61.8
厌恶/гнушаться	4	0.8	0.8	62.6
歼灭/истребить	4	0.8	0.8	63.4
恨/ненависть	3	0.6	0.6	64
斗争/борьба	3	0.6	0.6	64.6
促进/стимулирование	3	0.6	0.6	65.2
战斗/сражаться	3	0.6	0.6	65.8
很坏/дрянной	3	0.6	0.6	66.5
敌对/враждебный	3	0.6	0.6	67.1
战友/соратник	3	0.6	0.6	67.7
憎恨/ненавидеть	3	0.6	0.6	68.3
武器/оружие	3	0.6	0.6	68.9
攻击/атаковать	3	0.6	0.6	69.5
战场/поле сражения	3	0.6	0.6	70.1
没有/отсутствие	3	0.6	0.6	70.8
进步/прогресс	3	0.6	0.6	71.4
不喜欢/не нравится	3	0.6	0.6	72
害怕/бояться	3	0.6	0.6	72.6
不知道/не знаю	2	0.4	0.4	73
不是朋友/не (мой) друг	2	0.4	0.4	73.4
啊/a	2	0.4	0.4	74.2
不好/плохой	2	0.4	0.4	74.6
烦/надоест	2	0.4	0.4	75.1
走开/уходить	2	0.4	0.4	75.5

在哪儿/ где	2	0.4	0.4	75.9
好人/хороший человек	2	0.4	0.4	76.1
...	...	...	...	...
итог	489	100	100	100

Ассоциативное поле слова «враг» у российских учащихся представлено в таблице 2. (<http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>) :

Таблица 2. Ассоциативное поле слова «враг» у русских студентов

народ 18, мой 15, друг 11, война 4, №1, бежит, кровный, народ, не спит, противник, разбит 2, беспощадный, битва, близко, близок, враг, враг мой, врач, двухметровую, жуков, заклятый, замкнутость, здесь, здоровью, злейший, злой, кровавый, личный, любимый, лютой, моего детства, мои, наш, не дремлет, не пройдёт, ненавистный, ненависть, номер один, овраг, опасность, опасный, отступил, подлец, предатель, ружьё, США, ты, убивать, убийца, угроза, человечества 1, 107+51+5+40²

В исследовании М. Н. Хохлиной [2011: 90-98], выделяется одиннадцать классификационных культурно-когнитивных признаков: (1) ПРОСТРАНСТВО, (2) ВРЕМЯ, (3) ЯЗЫК, (4) ЧЕЛОВЕК, (5) РОД, СЕМЬЯ, (6) ВОЗРАСТ, (7) ГЕНДЕР, (8) ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, (9) СТЕПЕНЬ БЛИЗОСТИ, (10) РЕЛИГИЯ, (11) ЭТНОС, которые формируют категорию сознания «свой-чужой». По указанным категориям был проведен сопоставительный анализ ассоциативных полей слов «враг/敌人» у русских и китайских студентов. (см. Таб. 3)

Таблица 3. Ассоциативные поля китайских и русских студентов по категориям

Категория	Ассоциативное поле китайских студентов слова «враг»	Ассоциативное поле русских студентов слова «враг»
Пространство	远离/отойти далеко 7, 战场/поле сражения 3	бежит 2, близок, двухмет- ровую, здесь, овраг 1
Время	—	моего детства 1
Язык	—	—

² Цифра после каждого слова указывает на абсолютную частоту встречаемости данного слова. В конце ассоциативного поля приведены количественные показатели: первая цифра—общее число реакций на данный стимул, вторая—число разных реакций, третья—число отказов испытуемых от ответа и четвёртая—число единичных реакций.

Человек	朋友/друг 73, 坏蛋/негод-яй 19, 坏人/плохой человек 12, 友人/приятель 11, 对手/соперник 8, 战友/соратник 3, 好人/хороший человек 2	друг 11, противник 2, враг-жуков, подлец, предатель, убийца, Жуков, человечества 1
Род/Семья	——	кровный 2
Возраст	——	——
Гендер	——	Жуков 1
Принадлежность	枪/ружьё 8, 武器/оружие 3	ружьё 1
Степень близости	朋友/друг 73, 友人/приятель 11, 战友/соратник 3, 好人/хороший человек 2	друг 11, Жуков 1
Религия	——	——
Этнос	日本/Япония 10	народ 18, США, человечества 1
Другие	讨厌/надоест 18, 坏/плохой 15, 打败/победить 14, 打倒/свергнуть, 消灭/истребить, 可恶/гадкий, 战争/война 12, 对抗/противостоять 9, 可怕/ужасный, 去死/идти в смерть 8, 战胜/победить, 愤怒/гнев 7, 仇恨/вражда 6, 仇视/ненавистью 5, 打击/ударить, 厌恶/гнушаться, 歼灭/истребить 4, 恨/ненависть, 斗争/борьба, 促进/стимулирование, 很坏/дрянной, 敌对/враждебный, 憎恨/ненавидеть, 攻击/атаковать, 没有/отсутствие, 进步/прогресс, 不喜欢/не нравиться, 害怕/бояться 3, 不知道/не знаю, 不是朋友/не (мо-й) друг, 啊/а, 不好/плохой, 烦/надоест, 走开/уйти, 在哪儿/где	мой 15, война 4, №1, не спит, разбит кровавый 2, беспощадный, битва, враг мой, заклятый, замкнутость, злейший, кровавый, любимый, личный, лютый, наш, не дремлет, не пройдёт, ненавидеть, ненавистный, опасность, опасный, отступил, ты, убивать, угроза, 1

2.6 Описание эксперимента

Анализ полученных результатов показал следующее.

1. При анализе ассоциативного поля русских и китайских студентов мы заметили, что в категории ПРОСТРАНСТВО у тех и у других испытуемых встречается реакция «далеко/远». Оно обозначает «отойти далеко/远离» и «бежать/逃离» от врагов. Слово-реакции «战场/поле сражения» при обозначении пространства встретилось только в языковом сознании китайских студентов. В пространстве на «战场/поле сражения» мы воюем с врагами. В языковом сознании русских студентов слово «враг» ассоциируется со встречей с врагом на узкой дорожке, вызывает напряжение, как нечто, несущее опасность. Они думают, что враги находятся «близко», «в двух метрах», «здесь».

2. В содержании категории ВРЕМЯ у русских студентов слова «друг детства» и «враги». В содержании категории ЧЕЛОВЕК для понятия «враг/敌人» у китайских и русских студентов существуют не только антонимы: «друг/朋友», «соратник/战友», «хороший человек/好人» и т.д. но и синонимы, в том числе «противник/对手», «враг/敌人/плохой человек/坏人/гнилой человек/仇人». Характерным отличием русских студентов от китайских является то, что они ассоциируют категорию ЧЕЛОВЕК с конкретными историческими героями, такими как «Жуков», который разгромил врагов в Отечественный войне.

3. В категории ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ слова-реакции «ружьё/枪», «оружие/武器» были одинаковы у российских и китайских студентов. Примечательно отношение к «врагу» у русских и китайских студентов в категории ЭТНОС. Русские рассматривают «США» как «врага/敌人», а китайцы считают врагом «Японию/日本». Это отношение связано с историческими предпосылками, оно показывает различия в картине мира русских и китайских студентов.

Кроме того, в другой категории мы заметили, что китайские студенты употребляли глагольные сочетания «v+враг». Например: «打败/战胜/победить», «打倒/ свергнуть», «消灭/歼灭 истребить», «对抗/ противостоять», «打击/ударить», «攻击/атаковать» и т.д., а русские студенты: «разбить», «отступить», «убивать» и т.д. Китайские студенты считают врага «坏蛋/негодяем», «坏/плохим», и выражают такие эмоции: «讨厌/надоедливый», «可恶,厌恶/гадкий», «愤怒/сердитый», «仇视,憎恨/ненавистный». А русские студенты выражают следующие эмоции: «беспощадный», «заклятый», «злейший», «ненавистный», «опасный» и т.д. Отсюда видно, что ассоциации на слово-стимула «враг» связаны с отрицательными эмоциями, хотя есть и реакция «любимый».

Только китайские студенты рассматривали «врага» как «конкурента», поэтому возникли ассоциации «促进/ стимулирование» и «进步/прогресс». В то же время, русские студенты рассматривают «врага» как «№1», «номер один», «не спит» и «не дремлет».

2.7 Выводы

Сопоставительный анализ показал, что слова-реакции в ассоциативных полях слова «敌人/враг» в 11 когнитивных категориях у китайских и русских студентов имеют сходства и различия. С одной стороны, данные сходства отражают общность, с другой стороны, различия представляют своеобразные этнопсихолингвистические характеристики. Восприятие категории «ПРОСТРАНСТВО» у

китайских и русских студентов определяется выражением – «отойти от врагов по-дальше»; категорию «ВРЕМЯ» русские студенты ассоциировали со «своими детскими врагами», а у китайских студентов подобной ассоциации не встретилось. Категория «ЧЕЛОВЕК» у китайских и русских студентов включала не только антонимы «врага»: «друг/朋友», «соратник/战友», «хороший человек/好人», но и синонимы «врага», в том числе «противник/对手», «враг/敌人/плохой человек/坏人/гнилой человек/仇人». В категорию «ЭТНОС» у китайских и русских студентов вошли абсолютно различные слова-реакции. Русские студенты рассматривают в качестве «врага/敌» – «США», а китайские студенты – «Японию/日本». Кроме того, в ходе проведения исследования в ассоциативных полях у китайских и русских студентов отмечены многочисленные нежелательные и отрицательные слова-реакции. Обращает на себя внимание и тот факт что, что у китайских и русских студентов слова-реакции отсутствовали в категориях «ЯЗЫК, ВОЗРАСТ, РЕЛИГИЯ». Возникновение конкретных причин этого необходимо исследовать и обсуждать в дальнейшем.

Литература

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., «Русский ассоциативный словарь» Т.1, 2, – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 782 с., – 991 с. (<http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>)

Уфимцева Н.В. Предисловие // Под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. – М: Изд-во Алт. Ун-та, 2004. – 344 с.

Ушакова Т.Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мысле -языковой системы // Под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. М: Изд-во Алт. Ун-та, 2004. – 344 с.

Хохлина М.Л. Особенности фразеологической категоризации «Своего» и «Чужого» // Филологические науки. 2011(2). – С. 90-98.

Ю. А. Баранова

УДК 81'246.2

КАК СТАТЬ ФРАНЦУЗСКО-РУССКИМ БИЛИНГОМ, ИЛИ ЯЗЫКОВАЯ БИОГРАФИЯ М. ДЕБРЕНН

Данный очерк освещает языковой путь конкретной личности, пройденный от французского монолингва к французско-русскому билингу.

Помимо некоторых фактов биографии, связанных с изучением билингом различных языков, и, в частности, русского, со слов рассматриваемой языковой личности приводятся также и конкретные примеры, иллюстрирующие основные трудности освоения русского языка носителем французского, а также некоторые размышления о феномене билингвизма, позволяющие взглянуть на данное явление «изнутри».

Ключевые слова: языковая биография, изучение русского языка как иностранного, билингвизм, французский язык, интерференция.

Yulia A. Baranova

HOW TO BECOME A FRANCO-RUSSIAN BILINGUAL, OR LANGUAGE BIOGRAPHY OF MICHELLE DEBRENNE

This essay discusses the linguistic journey of M. Debrenne and her pursuit of becoming a French-Russian bilingual.

In addition, this essay provides biographical facts related to her study of other languages; specific examples that illustrate some of main difficulties French speakers face in mastering the Russian language, and some other insights into the phenomenon of bilingualism.

Keywords: language biography, learning Russian as a foreign language, bilingualism, French, linguistic interference.

Занимаясь исследованием речевой практики русского языка Мишель Дебрэнн, профессора кафедры ФИЯ НГУ, француженки, приехавшей из манящего иностранцев всего мира Парижа в заснеженную Сибирь 38 лет назад, мы обратили внимание на такое яркое явление ее речи, как интерференция, под которым, следуя за У. Вайнрайхом, мы понимаем случаи отклонения от норм, происходящие в речи билингов вследствие языкового контакта [Вайнрайх 1979: 22].

Следует отметить, что уровень владения вышеуказанным билингом русским языком можно обозначить как высокий, потому как – особенно при знакомстве или непродолжительной беседе – ее легко можно принять за обычного носителя русского языка, не заметив в ее речи никаких признаков того, что ее производителем является иностранец. Однако при более продолжительном общении и детальном анализе речи М. Дебрэнн все же можно отметить некоторые характерные особенности, являющиеся следствием переноса норм французского языка на русский – как бессознательного, так и осознанного.

В процессе изучения обозначенных явлений мы невольно задалась рядом вопросов, касающихся обстоятельств освоения билингвом иностранного языка: с какими трудностями сталкивался носитель французского языка, как протекал для него процесс изучения русского? При каких обстоятельствах и почему произошло знакомство с ним? Изучал ли данный билингв другие языки и почему предпочел русский язык другим? На каком этапе уровни владения французским и русским языками стали сопоставимыми? В каком соотношении находятся родной и иностранный языки в сознании М. Дебрэнн?

Поиск ответов на заданные вопросы кроется в биографии билингва – суженной до тех событий, которые непосредственно связаны с освоением и изучением различных языков. Мы полагаем, что изложение событий жизни этой удивительной женщины действительно заслуживает внимания, и в настоящем очерке нами будет коротко представлен пройденный ею долгий, полный разнообразными языковыми «приключениями» путь становления французско-русским билингвом.

Мишель Дебрэнн родилась в Париже в семье интеллигентов, носителей французского языка, и весь период ее детства до 11-ти лет контакты с другими языками были весьма ограниченными, а языковое окружение – монолингвальным; во Франции в те времена, 60-е гг. прошлого века, практически все показываемые в кино и по телевидению фильмы и транслируемые по радио песни были на французском языке.

Первым, пока незначительным, но все же сохранившимся в памяти пятилетней француженки, столкновением с иностранным языком стало изучение русского языка ее отцом (1960 или 1961 г.), планировавшим освоить минимальный набор разговорных фраз до полуторамесячной командировки в Москву и занимавшимся по самоучителю с пластинками. Родители Мишель рассказывают, что она уже тогда выучила на слух песенку из этого учебника «У попа была собака».

Позже семья Дебрэнн переезжает в Сент-Женевьев-де-Буа, южный пригород Парижа, и в 1966 году родители решают записать дочь в лицей города Савиньи, что означало, что она будет изучать немецкий язык (а не английский, как это могло быть в колледже самого Сент-Женевьев); с первого же учебного года в лицее (что соответствует 6-ому классу) она изучала этот язык наряду с латинским.

Родители, стараясь поспособствовать общению дочери с носителями изучаемого языка, подыскали ей подругу по переписке, немку, в гости к семье которой девочка ездила на весенние каникулы три года подряд. Играя и общаясь на немецком с соседскими детьми, двенадцатилетняя француженка не чувствовала никакого языкового барьера.

Позже она вспоминает, что изучение языков всегда было для нее исключительно удовольствием, давалось ей легко и без особых усилий; однако, получив столь колоссальный опыт практики немецкого языка с носителями и опередив по знаниям всех своих одноклассников, Мишель практически перестала изучать его на занятиях, поскольку лицейская программа уже не представляла для нее интереса. В результате такого отношения к теоретической стороне изучения языка, по ее собственному признанию, она так и не освоила некоторые грамматические категории немецкого и затем стала в основном увлекаться чтением

книг, написанных на нем, при этом часто используя параллельные переводы на французский.

Спустя пару лет, в 1968 г., уже прочно закрепив за собой репутацию ученицы, способной к изучению языков, Мишель должна была сделать выбор второго языка между древнегреческим и русским (которые, как считалось, относились к категории «сложных», в отличие от двух других предлагаемых – английского и испанского). Поскольку сама девочка не выразила никаких предпочтений, выбор, определивший впоследствии всю ее дальнейшую жизнь, сделали ее родители: мама Мишель, будучи палеонтологом и изучая древние ископаемые, хорошо описанные в не имеющих переводов многочисленных трудах советских ученых, выразила дочери пожелание, чтобы та занялась русским языком.

Воспоминания о первых уроках русского языка почти не сохранились в памяти девочки, но ей запомнилось, что поначалу у нее был небольшой французско-немецкий акцент, от которого, впрочем, она избавилась через несколько месяцев (позже, уже в России, ей делали много комплиментов по поводу хорошего произношения); язык очень понравился Мишель, и особых трудностей в его освоении у нее не было, не считая спряжений некоторых глаголов: особенно ей запомнились нелогичные на первый взгляд формы 1-го лица единственного числа «сплю», «пою», «пью». Девочка старалась выписывать спряжения на листы, которые развешивала по комнате, а потом длительное время вела специальную тетрадь, также предназначенную для запоминания сложных глагольных форм. Непростой для понимания оказалась категория глагольного вида, однако, вероятно, это было связано с неправильным подходом преподавателей к вопросу подачи этого материала: совершенный вид предлагали считать аналогичным законченному времени французского языка (*passé composé*), тогда как несовершенный – длительному (*imparfait*), что в корне ошибочно, поскольку соотношение видов в русском языке гораздо сложнее соотношения времен, обозначающих «фоновое» и «точечное» действия в других индоевропейских языках, в том числе и во французском.

Одним из наиболее ярких лицейских воспоминаний, связанных с практикой русского языка, оказалась постановка пьесы «Пиковая дама»: несмотря на то, что уровень Мишель еще не позволял исполнения главной роли, она с большим энтузиазмом посещала все репетиции, и к концу года знала наизусть все реплики, при этом хорошо понимая смысл всех слов.

Также наизусть она запомнила и все слова песен Б. Окуджавы из пластинки, выпущенной им во Франции, и во время прослушивания даже старалась подпевать.

Уже после первого года изучения русского языка девочка начала заниматься переводом палеонтологической литературы для своей мамы, что позже стало традицией в течение многих лет.

В 1973 г. к маме семнадцатилетней Мишель на три месяца приезжает почти не знающий английского московский коллега, благодаря которому юная француженка с восторгом открывает для себя культуру СССР и много практикует разговорный русский язык. Особенно ей запомнилось, как он учил ее произносить на одном дыхании русские имена и отчества, что сначала было немного трудным;

также в памяти француженки сохранилась его шутливая поговорка о своей родине (которая, по ее мнению, применима и к современной России): «В Советском Союзе все, что можно – нельзя, а все, что нельзя – можно».

Период жизни Мишель с 1970-го по 1975-ый год был насыщен изучением новых языков: девушка самостоятельно занялась ежедневным изучением английского, чему поспособствовали частые визиты англоговорящих коллег и учеников ее мамы, получившей к тому моменту уже международное признание в своей научной области; до сих пор Мишель на достаточном уровне понимает английский язык, просматривая в оригинале англоязычные фильмы и читая написанные на нем книги, однако знание этого языка находится скорее в ее «пассивном запасе» – француженка гораздо менее уверена в своих навыках продуцирования устной и письменной речи на английском, признаваясь, что большого интереса к нему никогда не испытывала и воспринимала его скорее как практичное средство общения.

Во время весенних каникул в 1974 г. девушка совершила велосипедное путешествие по Голландии, для чего заранее освоила основы нидерландского языка, звучание которого находила красивым и который воспринимала как смесь немецкого с английским. Однако во время самой поездки случаев попрактиковаться выдалось немного, и затем, не имея возможности общения на этом языке, Мишель быстро его забыла.

1974-1975 учебный год был совершенно особенным: поступив в Женеву на переводческий факультет и выбрав русский и немецкий языки, Мишель познакомилась с удивительным юношей по имени Жан-Жак, знавшим порядка 15-ти языков и одновременно изучавшим еще несколько. В качестве лингвистического эксперимента он читал студентке поэзию на самых различных индоевропейских языках, чтобы та, опираясь на знания уже известных ей языков, пыталась понять смысл предлагаемых строк: ей удавалось понимать стихи на испанском, итальянском, португальском языках. Также Жан-Жак отдал Мишель много интересной фантастической литературы на русском языке. У этого молодого человека была и еще одна интересная привычка, в которой француженка любила ему подыгрывать: никогда не говорить по-английски с человеком, для которого он являлся родным, а также отвечать на разных известных языках, если к нему обращались на этом языке.

Живя в Женеве, влюбленная в русский язык студентка все время пыталась найти возможность услышать русскую речь – слушала пластинки бардов, ходила на фильмы в кино клуб при посольстве, и, конечно, постоянно читала газеты – «Известия» и «Правду».

Позже, вдохновившись примером друга-полиглота и отчасти следуя моде того времени на изучение местных языков, Мишель занялась окситанским языком, однако остановилась лишь на том уровне, на котором могла понимать написанные на нем несложные тексты; последним живым языком, который неутомимая француженка изучала уже на филологическом факультете Новосибирского государственного университета, в который без особых трудностей поступила в 1976 году и училась наравне с русскими студентами, был чешский, но, впрочем, изучение этого языка было только с филологической точки зрения, в сравнительном аспекте с другими славянскими языками.

Из мертвых языков Мишель на высоком уровне знала латынь, еще будучи лицеисткой, а позже, будучи студенткой филологического факультета, ознакомилась с древнегреческим, старославянским, древнерусским и санскритом.

Примерно с 1975 года соотношение двух наиболее изученных и практикуемых ею иностранных языков стало коренным образом меняться: уровень ее русского языка становился все выше, постепенно отодвигая на второй план немецкий язык, которым она когда-то свободно владела, будучи подростком.

Интенсивно занимаясь русским языком в университете, больше всего усилий студентка прилагала в изучении главных предметов филологической программы: фонетики, морфологии, сравнительно-исторических дисциплин; прилежания требовало и чтение многочисленных произведений художественной литературы.

Самой сложной языковой компетенцией для молодой француженки было продуцирование письменной речи (понимание письменной и устной речи уже к началу студенческой жизни не представляло для нее особых трудностей, равно как и продуцирование устной речи), однако освоение этого навыка было в целом достигнуто к окончанию университета, и после, поступив в аспирантуру, Мишель самостоятельно писала научные статьи на русском языке.

Таким образом, отвечая на вопрос, когда же произошло превращение француженки во французско-русского билинга, можно сказать, что этот уровень был достигнут примерно после окончания университета, в 1980-ом году, когда иностранка также уже владела достаточными знаниями о культуре и менталитете страны проживания. Однако любопытно отметить и тот факт, что многие фильмы и книги, известные самобытностью своего юмора и обожаемые русскими сверстниками Мишель, так и не стали для нее любимыми и смешными.

Несколько раз происходили и такие курьезные случаи, когда после длительного проживания в СССР, не имея возможности живого общения на родном языке в течение целого года, девушка возвращалась во Францию, обнаруживая в своей речи то вкрапления русского, то неправильные интонации, то даже лоя себя на том, что не удастся вспомнить слово родного языка – однако через несколько дней общения с носителями французского этот эффект постепенно нивелировался.

Позже Мишель, выйдя в России замуж и родив троих сыновей, смогла создать для себя круг общения, в котором могла свободно говорить и на родном языке, поскольку общалась с детьми только на французском, сделав их таким образом билингами с самого детства и обеспечив себе возможность постоянной сбалансированной практики иностранного и родного языков. В общении с сыновьями Мишель нередко использует некоторые семейные слова и выражения, понятные только для носителей обоих языков, а также привносит в обиход заимствования из одного языка, когда эквивалент в другом либо отсутствует, либо не полностью покрывает исходное значение.

После окончания университета француженка 15 лет занималась математической лингвистикой, проработав в лаборатории «искусственного интеллекта» – Вычислительном центре СО РАН, а затем вернулась в стены родного университета, занимаясь научной деятельностью, преподавая французский язык для русских студентов и координируя программы сотрудничества НГУ с французскими университетами, чем продолжает заниматься и в настоящее время.

Сама Мишель осознает, что в ее русской речи присутствуют явные следы влияния французского языка, как и во французской – влияние русского. По ее собственному признанию, в ее русском языке до сих пор встречаются некоторые регулярные ошибки, от которых она уже вряд ли избавится: неверный выбор члена видовой пары глагола, неразличение на письме и в произношении [ш] и [ш']; однако она добавляет, что, например, число ошибок на выбор рода в тех случаях, когда он различается в русском и французском, в ее речи все же заметно сократилось, хоть и работа над данным видом девиантных явлений довольно кропотлива и включает в себя отчасти и пересмотр взглядов на тот или иной предмет или явление: например, «стол», «стул», «снег» – существительные женского рода во французском языке, в отличие от русского, что навязывает носителям двух языков разные ассоциации, связанные с этими предметами и реалиями действительности.

Также билингв отмечает в своем сознании любопытный «симбиоз» французского и русского «Я», обращая внимание на то, что манера поведения и доминирующие черты характера могут меняться в зависимости от используемого языка, и оценивая французскую сторону своей личности как более материалистичную, требовательную, самодовольную, в то время как русскую – более гибкую, добрую, внимательную к окружающим; также Мишель отмечает и то, что есть темы, которые проще развивать на одном языке, и сложнее обсуждать на другом, например, «задушевный разговор» проще и естественнее вести на русском языке, чем на французском, где это кажется непривычным, потому как первый гораздо более богат существительными абстрактной семантики.

Отвечая же на классический вопрос (который она сама называет «наивно-лингвистическим») «На каком языке Вы думаете?», Мишель говорит, что, по ее мнению, она обладает одной большой языковой компетенцией, не разделенной на французскую и русскую, и при необходимости использует те языковые средства, которые необходимы в той или иной ситуации, а также отмечает тот факт, что нередко обдумывает несколько мыслей одновременно на обоих языках.

Итак, проследив этот непростой и несомненно удивительный лингвистический путь, пройденный М. Дебрэнн от французского монолингва к француско-русскому билингу, который, однако, не ограничился изучением только русского языка, нам удалось ответить на заданные в начале очерка вопросы и представить множество любопытных фактов об этой по-настоящему неординарной личности, способной не только уместить в себе знания двух различных языков и культур, но и поразительным образом совмещать в себе противоположные, порой кажущиеся несовместимыми, черты характера.

Сам автор очерка также может отметить, что русский язык билинга действительно очень богат и многогранен не только с лексической точки зрения, но и с точки зрения используемых конструкций, хоть и не является полностью свободным от влияния французского языка, что в некоторых случаях отражается в наличии девиантных явлений, в некоторых же – лишь в использовании некоторых авторских языковых средств, являющихся приметой идиостиля.

Объектом нашего научного интереса в рамках исследования речевой практики русского языка М. Дебрэнн является феномен межъязыковой

интерференции, проявляющийся в переносе билингом некоторых норм родного языка на иностранный: отмечая конкретные примеры его проявления, мы классифицируем их по различным признакам, делая также попытку ответить на вопрос, по какой причине и при каких обстоятельствах возможно появление данного феномена в русской речи француженки.

На наш взгляд, изучение речи билингов в любом аспекте лингвистики не может и не должно обходиться без попытки хотя бы частичного освещения их жизненного пути, что нередко дает ответы на многочисленные вопросы, разрешение которых невозможно иным образом, а также позволяет дать более детальное понимание языковых предпочтений и потребностей конкретных билингов, особенностей их мышления и, что наиболее ценно, осветить их собственное видение билингвизма как явления – взгляд на данный феномен «изнутри».

Литература

Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. – Киев, 1979. – 264 с.

Дебринн М. Моя языковая биография // Вестник Новосибирского государственного университета // Серия: Психология. 2014 (в печати).

ОТ СТИМУЛА К РЕАКЦИИ

Рецензия на первый казахский ассоциативный словарь: Н.В. Дмитриук, Д.А. Молдалиева, В.Д. Нарожная, Ж.И. Молданова, Е.С. Мезенцева, Н.А. Сандыбаева, Г.И. Абрамова. Қазақша ассоциациялық сөздік. Казахский ассоциативный словарь. — Алматы-Москва: Медиа-ЛогоС, 2014. — 330 с. ISBN 978-9965-20-506-4

На протяжении целого столетия зарубежные и российские ученые (психологи, психиатры, лингвисты) обращаются к ассоциативному эксперименту как одному из самых объективных, устойчивых, надежных проективных методов исследования мотивации личности, механизмов порождения речи говорящим и понимание ее слушающим, семантических связей слов и организации лексикона человека, образов сознания, овнешненных вербальными ассоциациями, гендерных стереотипов поведения.

За этот исторический период методика ассоциативного эксперимента в зависимости от целей исследования подвергалась усовершенствованию, но основной ее принцип не менялся. Предъявляемое испытуемым изолированное слово с заданием реагировать на него первым словом остается одним из наиболее простых и продуктивных способов изучения сознания человека, его *сознания языкового*. Полученные в результате ассоциативных экспериментов словари предназначены, прежде всего, для исследовательских целей — ЗОВУЩИЕ В ПУТЬ. И отнюдь не только исследователей, специализирующихся в конкретной области, но и любого заинтересованного «природного лингвиста» знакомство со словарями не предписывающего / не нормирующего жанра выводит на формирование новых смыслов, получение новых знаний.

Каждый, вышедший в свет ассоциативный словарь знаменует собой завершение длительной и кропотливой работы одних авторов и одновременно становится объектом исследований для других. Таким, с нашей точки зрения, является рецензируемый нами труд казахстанских лингвистов.

Представляющий собой первую часть ассоциативного словаря — прямого: от стимула к реакциям (S — R) «**Қазақша ассоциациялық сөздік. Казахский ассоциативный словарь**» (КАС) является показателем возросшего интереса к психолингвистическим исследованиям в казахстанской науке¹.

Начавшиеся в 1960-1970-е годы ассоциативные эксперименты с носителями русского и казахского языков связаны с именами авторитетных ученых А.А. Залевской и М.М. Копыленко. С 80-х годов — продолжились исследованиями известных лингвистов Н.В. Дмитриук, с 90-х — Г.Г. Гиздатова.

В настоящее время ассоциативные материалы на основе экспериментов остаются в фокусе особого внимания казахстанских исследователей, в частности — авторов КАС — творческой группы лингвистов, ядром которой является профессор Наталья Васильевна Дмитриук — автор первого Казахско-русского словаря ассоциативных норм, составленного по материалам проведенных экспериментов со студентами казахских отделений вузов в советское время (1975-1977).

---

¹ Об этом свидетельствует и факт его осуществления. Исследование выполнено в рамках научного проекта «Межкультурная коммуникация: ментально маркированные концепты казахской культуры, социальная идентичность и толерантность» при непосредственной поддержке Комитета МОН РК (научный проект 0771/ГФ, одобрен 15.02.2012 г.).

Как нам представляется, осознание Натальей Васильевной продуктивности ассоциативного эксперимента для изучения связей между поколениями в процессе развития стало главной причиной для продолжения исследований на протяжении нескольких десятков лет.

Спустя 30 лет после выхода *Казахско-русского словаря ассоциативных норм*, в научный оборот входит *Қазақша ассоциациялық сөздік. Казахский ассоциативный словарь*. Впервые казахстанскими лингвистами столь обстоятельно собран и составлен материал, полученный ими в ходе серии свободных ассоциативных экспериментов, проведенных с носителями казахского языка начала XXI века (студентами разных вузов Южно-Казахстанской области). Впервые в практике составления ассоциативных словарей в содержание КАС был введен гендерный принцип систематизации более 120 000 ассоциативных ответов. Все они представлены в табличном варианте мужских и женских ассоциаций на одни и те же стимулы и способствуют более объемному пониманию гендерной специфики языкового сознания отдельного человека и конкретного общества.

Актуальность и новизна, научная и практическая ценность этого словаря для нас очевидны. КАС удачно продолжает серию специальных ассоциативных словарей, созданных на базе многих языков мира. Профессиональное рассмотрение КАС, в том числе представителями отдельных специальностей, будущими специалистами в области ассоциативных экспериментов еще впереди. Мы же подобно кошке из английской песенки (в переводе С.Я. Маршака)² отметим то, что нам видится важным.

Не останавливаясь детально на описании алгоритма всех исследовательских приемов, которыми руководствовались авторы КАС, отметим, что они последовательно представлены Н.В. Дмитриук в Предисловии с разбивкой:

Ассоциативный эксперимент и методика его проведения; Значение и назначение ассоциативных словарей; Участники эксперимента, информанты; Отбор словника для ассоциативного эксперимента; Проблемы перевода стимулов и ответных реакций-ассоциаций; Ассоциативный словарь как отражение языкового сознания и межкультурные сопоставления ассоциаций (*снабжен 5-ью таблицами*); Внутризнические сопоставления: диахронический аспект; Особенности ассоциативного поведения казахов; Построение словарной статьи; Библиографические данные ссылок; Список казахских слов-стимулов.

Затем следуют собственно «Словарные статьи» (С. 31-323) и «Наиболее частые ассоциации в английском языке» (С. 324-326).

Выигрышным преимуществом КАС является наличие переводных вариантов и стимулов, и реакций на русский язык, что, несомненно, делает материалы исследования достоянием мировой научной общественности. «Именно с целью введения словаря в широкий круг межъязыковых и межкультурных сопоставлений был осуществлен его перевод на русский язык, что расширяет возможности межъязыкового сопоставительного анализа вербальных ассоциаций, содержащих уникальные сведения о

---

² - Где ты была сегодня, киска?

- У королевы, у английской.

- Что ты видала при дворе?

- Видала мышку на ковре!

национально-культурной специфике восприятия окружающего мира представителями разных этносов, в данном случае — казахов» [Дмитрюк и др. 2014: 15].

В части «Ассоциативный словарь как отражение языкового сознания и межкультурные сопоставления ассоциаций» представлены пять таблиц: Ядро языкового сознания славян (первые 30 слов), Ядро языкового сознания русских — 1996 (первые 75 слов), Ядро языкового сознания русских — 2000 (первые 75 слов), Ядро языкового сознания англичан, Ядро языкового сознания испанцев (первые 75 слов). Все эти данные включены авторами с целью межъязыковых сопоставлений экспериментальных данных как обязательного условия для получения объективных выводов [Там же: 22].

Описание основных трудностей перевода стимулов и реакций-ассоциаций, с которыми столкнулись авторы КАС в поисках адекватного перевода и определения семантических групп в ассоциативном поле, четко изложены в части «Проблемы перевода стимулов и ответных реакций-ассоциаций» [Там же: 10-15]. Расхождения в грамматическом строе сопоставляемых языков, совпадение по форме прилагательных и наречий, нередко глаголов и абстрактных существительных и др., особенности ассоциативного поведения испытуемых и др. существенно осложняли работу над КАС. Тем не менее, авторы нашли оптимальные пути для разрешения переводческих трудностей [Там же: 13-15], последовательно описали особенности реагирования информантов на заданные в анкетах стимулы [Там же: 23], четко изложили рекомендации по пользованию КАС.

Уделяя особое внимание вопросам межъязыкового взаимодействия [Синячкин 2008: 132-147], мы с особой заинтересованностью искали в КАС проявление *ареальной типологической особенности* (инонационально-русского / русско-инонационального) *межъязыкового взаимодействия*³.

«В советский период лексика казахского языка испытала достаточно активное воздействие со стороны русского языка, что послужило причиной заимствования русской и интернациональной лексики казахским языком. <...> в казахской речи информантов нередко отмечаются русские ‘вкрапления’, и в материалах эксперимента это отмечалось либо как лексико-грамматический синкретизм (*апашка, аташка, кыздарки, мелеметки, рахатизм, посаламкался* и проч. под.), либо русские *ответы-ассоциации на казахские стимулы (студент, лаборантка, экзамен)* и др. Отмечается в материалах эксперимента и употребление казахских и русских слов как равноправных элементов. Эта особенность представлена в материалах эксперимента, когда на казахский стимул часть испытуемых реагирует казахским словом, а часть его русским эквивалентом, например, в ответ на стимул АУРУ (болезнь) 44 участника ответили словом *аурухана* и 3 — его русским аналогом *больница* [Дмитрюк и др. 2014: 13-14].

Филогенез казахского народа, собственно, как и всех других, сопряженных с русским народом, формировался под мощным влиянием русского языка и куль-

---

С нашей точки зрения, идея об особом типе ареально исторической общности языков, определяемого в своё время Р. Якобсоном как «Евразийский языковой союз», а позже О.Н. Трубачевым как «Русский языковой союз» остается пока скорее открытой научной проблемой. Русско-инофонные контакты на евразийской территории отличаются от других географических локалов и ждут своего переосмысления и описания [Бахтияреева 2014: 44-55].

туры [Бахтикирева 2014: 50-53]. Нельзя не согласиться с выводами лингвистов о том, что русский язык использовался как мощное формообразующее средство в политической сфере общественного сознания, национальных форм правового общественного сознания, национального научного сознания. Посредством русского языка в другие языки входили термины и понятия мировой политической теории и научной терминологии из разных областей научного знания. Ощутимо употребление русского языка как средства полемики не только с христианством в целом, но и с исламом, иудаизмом. Заметна доминирующая роль русского в сфере эстетической формы общественного сознания, философской формы общественного сознания [Шапошников 2009: 157-168].

В этом контексте отчетливее ощущается своевременное появление ассоциативного материала КАС и актуализируются данные, содержащиеся в *Казахско-русском словаре ассоциативных норм*. В совокупности этот материал может послужить для раскрытия проблемных тем в разных направлениях (когнитивная лингвистика, социолингвистика, политическая лингвистика, лингвокультурология и др.). Возможность изучения социальных и культурных ценностей поколения казахов конца XX в., включенных в единую историко-культурную общность — советское общество, и поколения XXI в., усвоение старых и новых ценностей новым поколением в казахстанском обществе мы характеризуем как эвристическую и перспективную.

Изучая словарные статьи КАС, мы пришли к выводу, что характерные казахской ментальности свойства (подробнее [С.24]) нашли свое отражение в материалах КАС. Практически в каждой словарной статье КАС встречаются реакции, свидетельствующие о том, что выразительные обороты речи (половицы, поговорки, афоризмы и др.) характерны речевой культуре нынешнего поколения казахов, но, по всей видимости, не с такой частотностью, как это было присуще предыдущим поколениям[□].

В словарных статьях легко обнаруживаются реакции-ассоциации на русском языке на казахский стимул, доказывающие (возможно, и косвенно) факт ощутимого влияния русского языка на языковое сознание казахов. Обратимся за примерами лишь к нескольким словарным статьям:

АҚША (ДЕНЬГИ): Сумма, тенге-супер, легко тратить, трудно заработать, средство обмена, в кошельке, просто бумажки — 1;

АҚЫЛСЫЗ (ГЛУПЫЙ): осел — 5: 3 (муж.) / 2 жен.); невежа — 2: 2 / 0; псих — 2: 2 / 0; старик — 2: 0 / 2; тупой — 2: 2 / 0; умный — 2: 1 / 1; человек — 2: 2 / 0; чмо — 2: 2 / 0;

ӘЙЕЛ (ЖЕНЩИНА): обаятельная — 2: 0 / 2, бизнесмен, гинеколог, грация, зрелых лет, красивая, любимая для всех, очарование, молодая, мудрая, халат, хрупкая — 1.

ӘЛСІЗ (СЛАБЫЙ): человек — 8: 6 / 2; ребенок — 5: 3 / 2; характер — 3: 1 / 2; слабый — 3: 3 / 0; чмо — 3: 3 / 0; девочка — 2: 1 / 1; худой парень — 2: 0 / 2; беззащитный, слабак, химик, черт, без сил, бездельник, болезнь, быстро сдаются, маломощный, место, напиток, пол, сильный, тормоз, трусиха, физически, экономика — 1.

БАЙ (БОГАТЫЙ): крутой — 4: 2 / 2; бриллиант — 2: 0 / 2; душой — 2: 0 / 2; миллионер — 2: 1 / 1; олигарх — 2: 0 / 2; Абрамович, братан, деловой, доллар, материальные ценности, скупой, человек, власть, за рулем, клан, муж, преимущество, состояние души, стремление — 1.

СУ (ВОДА): кола — 10: 6 / 4; сок — 4: 1 / 3; фанга — 4: 4 / 0; напиток — 3: 2 / 0;

море — 2: 1 / 1; без воды никак, кран, купаться, жизнь, канал, Каспий, колонка, прозрачная, река, ресурсы, чистая — 1.

КАС сам по себе, а также в совокупности с предыдущими и будущими ассоциативными материалами, является действенным инструментом для более глубокого осмысления особого механизма «памяти общества», благодаря которому осуществляется кумуляция и хранение культурной информации прошлого, генерирование информации настоящего и будущего.

КАС предоставляет возможность дальнейшего изучения как функционирования культурных ценностей в жизни казахского народа, их исчезновения на время из культурного обихода, так и совокупности действия традиций, воспроизводящих нормы социального поведения казахов, характерные для исторически прошедшей и нынешней общественной реальности.

Мы вынуждены признать: таким трудом наша наука еще не располагала. Мы искренне поздравляем коллег с рождением первой части КАС: от стимула к реакциям и ждем второй!

Литература

Бахтикиреева У.М. Теория билингвизма в русском языкознании // Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летию юбилею проф. В.А. Масловой. — М.: Флинта: Наука, 2013. — 944 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». — С.44-55.

Дмитрюк Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь. — Шымкнт-Москва, 1998 — 246 с.

Дмитрюк Н.В., Молдалиева Д.А., Нарожная В.Д., Молданова Ж.И., Мезенцева Е.С., Сандыбаева Н.А., Абрамова Г.И. Қазақша ассоциациялық сөздік. Казахский ассоциативный словарь. — Алматы-Москва: Медиа-ЛогоС, 2014. — 330 с.

Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. — СПб., 1885, ч.5, — 3-23.

Синячкин В.П. Историко-культурный слой тюркизмов в русском обыденном сознании // Славянские и тюркские языки: грани взаимодействия.. Сборник научных трудов по материалам круглого стола. — Астана, 2008 — С.132-147.

Шапошников А.К. Академик О.Н. Трубачев о роли русского языка в СССР и СНГ // Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии: Материалы II международн. Конгресса. — Астана, ИД «Сарыарка», 2009. — 720 с. — С.157-168.

У.М. Бахтикиреева, В.П. Синячкин

МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ

(Научно-образовательный центр междисциплинарных исследований;
Научно-образовательный центр социолингвистики и теории языка)

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

(сектор этнопсихолингвистики)

НИУ ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

(научно-учебная лаборатория исследований
в области бизнес-коммуникаций)

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕНИЕ: КОНТАКТЫ И КОНФЛИКТЫ

21 – 23 октября 2015 г.

(по адресу: ул. Новомосковская, дом 15 А, МИЛ)

Цель конференции – междисциплинарное обсуждение современных проблем коммуникации в широком контексте межкультурных отношений в условиях глобализирующегося мира.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Байгутова Динара Нышановна, канд. филол. наук, доцент, завкафедрой языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Казахстан, Шымкент, e-mail: dinar_1378@mail.ru

Баранова Юлия Андреевна, аспирант Новосибирского государственного университета, e-mail: yulia_baranova1990@mail.ru

Бахтикиреева Улданай Максутовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, e-mail: uldanai@mail.ru

Богданова Елена Святославовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, e-mail: helensim@mail.ru

Бондарькова Анастасия Викторовна, аспирант отдела психолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: avbondarkova@mail.ru

Ван Лимин (王黎明) Wang Liming, магистр, доцент, декан Факультета русского языка Института иностранных языков Харбинского университета, преподаватель русского языка и русской литературы, стажер кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ), e-mail: 672162604@qq.com

Виноградова Ольга Евгеньевна, преподаватель кафедры английского языка естественно-научных факультетов РГФ, Воронежский государственный университет, e-mail: o.vinogradova@list.ru

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Казахстан, Шымкент, e-mail: nvdmitr@yandex.ru

Жучкова Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов, e-mail: capra@mail.ru

Зарипов Руслан Ирикович, адъюнкт Военного университета Министерства обороны (кафедра французского языка), e-mail: Lieutenant-en-chef@ya.ru

Зелянская Наталья Львовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Пермский государственный национальный исследовательский университет кафедра теоретического и прикладного языкознания, e-mail: zelyanskaya@gmail.com

Кацюба Лариса Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ), e-mail: larrakat@yandex.ru

Козлова Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и философии, Вятская государственная сельскохозяйственная академия, e-mail: ASK2712@mail.ru

Коровченко Ирина Игоревна, соискатель кафедры связей с общественностью факультета журналистики, Воронежский государственный университет, e-mail: i.i.naumenko@yandex.ru

Красник Анна Викторовна, аспирант второго года обучения, кафедры лексикологии МГЛУ, e-mail: hanna.krasnik@gmail.com

Лобанова Лидия Петровна, кандидат филологических наук, доцент заведующий кафедрой иностранных языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: lydia.lobanova@mail.ru

Магомедова Саидат Магомедовна, преподаватель английского языка, Дагестанский государственный университет, факультет иностранных языков, кафедра английской филологии, e-mail: saidat.m@mail.ru

Масленникова Евгения Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского госуниверситета, e-mail: e-maslennikova@inbox.ru; evegeniyam@mail.ru

Медведева Ирина Александровна, кандидат филологических наук, менеджер регионального департамента ООО «Алькасар-Медиа», e-mail: imedvedeva@live.com

Мезенцева Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Казахстан, Шымкент, e-mail: mez_aiu@mail.ru

Мыскин Сергей Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, советник ректора Московской академии рынка труда и информационных технологий, e-mail: serg-myskin@yandex.ru

Нистратов Александр Алексеевич, научный сотрудник факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: a.nistratov@mail.ru

Осипова Анастасия Александровна, ассистент кафедры русского языка как иностранного, Дальневосточный Федеральный университет, Школа региональных и международных исследований, кафедра русского языка как иностранного, e-mail: Osipova.aa@mail.ru

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук РУДН.

Телешева София Вячеславовна, студентка 5 курса института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, e-mail: tvosophieru@gmail.com

Хуан Тяньдэ, аспирант отдела психолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: tiande-88@yandex.ru

Цзинь Тао, докторант отдела психолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: jintao-m@yandex.ru

Чжу Жуйшунан, аспирант отдела психолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: kaixinzhrsh@hotmail.ru

Яковлев Андрей Александрович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, e-mail: mr.koloboque@rambler.ru

Kyuchukov Hristo, Doctor of Linguistics, University of Amsterdam, the Netherlands; Doctor of Pedagogical Science, Sofia University Bulgaria; Professor of Romani Language, Institute of Turkology, Free University of Berlin, e-mail: jdevilli@smith.edu

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Рукопись должна быть представлена в печатном и в электронном виде или отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru.

На отдельном листе (в отдельном файле) прилагаются сведения об авторе:

- фамилия, имя отчество;
- ученая степень;
- ученое звание;
- место работы;
- должность;
- почтовый адрес (рабочий, домашний);
- контактный телефон;
- адрес электронной почты, который будет опубликован в журнале.

Рукопись проходит обязательное рецензирование. О результатах рецензирования автору сообщается по контактными адресам и/или телефонам, указанным в заявке.

Об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента, принимает решение редколлегия.

Научные статьи в журнале публикуются бесплатно.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ И СТРУКТУРЕ СТАТЬИ

Статья должна содержать:

- название (прописными буквами полужирным шрифтом по центру);
- инициалы и фамилию автора/авторов (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на русском языке (не более 200 слов);
- ключевые слова (5-7 слов) на русском языке;
- название статьи и фамилии автора/авторов на английском языке (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на английском языке (не более 200 слов);
- ключевые слова на английском языке (5-7 слов).

Основной текст статьи должен содержать:

- Введение – с указанием на имеющиеся результаты в данной области исследования и цели работы;
- Основную часть (может содержать разделы);
- Заключение (выводы) – с указанием новых результатов, их теоретического или прикладного значения;
- Библиографический список.

ОФОРМЛЕНИЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

Общий объем текста статьи – до 40 000 знаков.

Текст статьи набирается на компьютере на одной стороне листа (для печатного варианта); формат – А4; поля – 2,5 смс каждой стороны (не более 30 строк на одной странице; 60 знаков в строке включая интервалы между словами); размер шрифта – 12; гарнитура – NewTimesRoman; абзацный отступ – 1,25 см; интервал между строками – 1,5 см.

Все страницы рукописи в печатном варианте с вложенными таблицами и рисунками должны быть пронумерованы (в число страниц рукописи включаются таблицы, рисунки, подписи к рисункам, библиографический список).

В электронном варианте статьи страницы не нумеруются.

ЗНАКИ, ЦИФРЫ, ФОРМУЛЫ

Следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами, а также символами: O (буква) и 0(цифра); 1 (единица) и I (римская единица или буква «i»).

Век обозначается римскими цифрами (XIX в.).

Цифры, числа и дроби, математические символы, греческие буквы набираются прямым стандартным шрифтом. Математические знаки действий и соотношений отделяют пробелом от смежных символов.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В качестве иллюстраций допускаются только четкие рисунки, графики и схемы, а также фотографии.

Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ.

Все детали рисунка при его уменьшении должны быть хорошо различимы.

Иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями.

Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, заменяя их подписями.

Подписи приводятся шрифтом одной величины.

На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте статьи.

ТАБЛИЦЫ

Таблицы используются исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте.

Слова в таблицах пишутся полностью.

В названии таблицы и в ячейке таблицы после названия точка не ставится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Библиографический список оформляется в алфавитном порядке с указанием общего количества страниц для каждого источника. Размер шрифта – 12; междустрочный интервал – 1,0.

Ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках непосредственно после цитаты (автор, год, страница): [Иванов 2000: 18].

При оформлении библиографического списка следует руководствоваться Единым форматом оформления пристатейных библиографических списков в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ПРИСТАТЕЙНОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Статья в журнале (сборнике):

Адорно Т.В. К логике социальных наук // *Вопр. философии.* – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Crawford, P.J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P.J. Crawford, T.P. Barrett // *Ret. Libr.* – 1997. Vol. 3, № 58. – P. 75-85.

Монография:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – МЛ Проспект, 2006. – С. 305-412.

Философия культуры и философий науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 199 с.

Райзберг Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Автореферат:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Диссертация:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : дис... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Аналитический обзор:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. – 39 с.

Патент:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745.1998. Бюл. № 33.

Материалы конференций, симпозиумов, конгрессов, форумов и т.д.:

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф., Ярославль, 2003. – 350 с.

Марьянских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С.125-128.

Интернет-документ:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 20052007. URL: <http://www.nlr.rifawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей Н Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.a8p7nomers366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/200e/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А.В. Колчака: сайт. – URL: <http://east-frant.narod.ru/memoflatchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

АДРЕС РЕДКОЛЛЕГИИ

125009, Москва, Б. Кисловский пер. д.1 стр. 1
Институт языкознания РАН, к. 47
Отдел психолингвистики
Телефон: (495) 690-14-64
E-mail: editorial-vpl@yandex.ru

GUIDELINES TO PREPARING AND SUBMITTING A MANUSCRIPT

Papers should be submitted either in printed and electronic format or sent to the e-mail editorial-vpl@yandex.ru.

An attached file, separate from the paper, should contain the following information about the author(s):

- name and surname;
- academic degree;
- academic title;
- place of work;
- position;
- business and personal address;
- telephone number;
- e-mail address which will be published in the journal.

Papers are reviewed and selected. The result of the review and selection process is announced to the author at the addresses or by the telephones provided in the submission form.

The editorial board is responsible for prioritizing papers which receive a favourable review.

Publications are free.

CONTENT AND STRUCTURE REQUIREMENTS

Papers should include:

- title (capitalized, boldfaced, centered);
- author's name and surname (small letters, boldfaced, centered);
- summary in Russian (up to 200 words);
- key words in Russian (5-7 words);
- title and the author's name and surname in English (small letters, boldfaced, centered);
- summary in English (up to 200 words);
- key words in English (5-7 words).

The text of the paper should contain:

- Introduction with a brief account of the background and rationale of the work.
- Main body (it may contain a few short subheadings).
- Conclusion putting the main findings and their value for the field.
- References.

FORMATTING

Papers should not exceed 40,000 symbols.

Our preferred format for text is Microsoft Word. We prefer the use of 12-point Times New Roman. Format – A4; margin – 2,5 cm; paragraph break – 1,25 cm; space between lines – 1,5 cm. Pages should not be numbered.

TABLES

Tables should be only used for presenting data which cannot be stated in the text.

Words in tables are typed in its full forms.

Table and cell titles do not take full stops.

REFERENCES

References are each numbered, ordered alphabetically. Please use 12-point Times New Roman, single space.

In the body of the text please use the following format: [Name year: page(s)] (e.g. [Ivanov 2000: 18]).

Please follow the style below in preparing reference lists.

Examples of reference lists

Journal paper:

Адорно, Т.В. К логике социальных наук // Вопр. философии. – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Crawford, P.J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P.J. Crawford, T.P. Barrett // Ret. Libr. – 1997. Vol. 3, № 58. – P. 75-85.

Monograph:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – МЛ Проспект, 2006. – С. 305-412.

Философия культуры и философий науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 199 с.

Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Thesis synopsis:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Thesis:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : дис... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Analytical review:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. – 39 с.

Patents:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г.

Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745.1998. Бюл. № 33.

Conference abstracts:

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф., Ярославль, 2003. - 350 с.

Марьинских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С.125-128.

Digital and Internet sources:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005-2007. URL: <http://www.nlr.rtfawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей Н Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.a8p7nomers366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/200e/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А.В. Колчака: сайт. – URL: <http://east-frant.narod.ru/memoflatchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

ADDRESS OF EDITORIAL BOARD

125009, Moscow, B. Kislovski per., 1/1

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, room 47

Department of Psycholinguistics

Telephone: (495) 690-14-64

E-mail: editorial-vpl@yandex.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Сообщество психолингвистов нуждается в постоянной организации своей работы. Ранее таким средством служили только наши Симпозиумы. В настоящее время мы создали еще одно средство информационной поддержки работы нашего психолингвистического сообщества – это журнал «Вопросы психолингвистики», который издается Институтом языкознания РАН при поддержке Московского института лингвистики.

Для распространения журнала необходима коллективная поддержка. Мы обращаемся к Вам с просьбой организовать в Вашем научном подразделении подписку на журнал «Вопросы психолингвистики», чтобы сделать его доступным через ВУЗовские библиотеки как можно более широкому кругу исследователей. В первую очередь мы обращаем Ваше внимание на желательность ознакомления с журналом не только студентов старших курсов, но и профессорско-преподавательского состава.

Как показывает практика последнего времени, круг людей, проявляющих интерес к журналу, постоянно расширяется. Подтверждением этому является высокий импакт-фактор Российского индекса научного цитирования «Вопросов психолингвистики» – 0,35 по данным 2012 года.

Напоминаем Вам, что Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал «Вопросы психолингвистики» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Оформить подписку на журнал «Вопросы психолингвистики» можно в любом отделении Роспечати. Подписной индекс 37152.

Свои вопросы и предложения Вы можете отправлять на электронный адрес редакции editorial-vpl@yandex.ru